

3 1761 07035127 5

Purchased for the
LIBRARY *of the*
UNIVERSITY OF TORONTO
from the
KATHLEEN MADILL BEQUEST

py
168
—

Digitized by the Internet Archive
in 2010 with funding from
University of Toronto

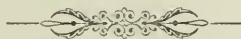
М. И. Семевскій. Очерки и рассказы изъ русской исторіи XVIII вѣка.

ЦАРИЦА ПРАСКОВЬЯ

1664—1723.

Изданіе второе, исправленное и дополненное.

Съ приложеніемъ портрета, отпечатаннаго красками.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія М. М. Стасюлевича, Вас. Остр., 2 л., 7.

1883

Изданіе редакціи журнала „Русская Старина“.

DK
130
P₇ S₄₄
1883

царица грассиода

Изданіе историческаго журнала „РУССКАЯ СТАРНА“.

ЦАРИЦА ПРАСКОВЬЯ.

СОДЕРЖАНІЕ.

	СТР.
Предисловіе	3
I. Бракъ царя Ивана V Алексѣевича съ Прасковьей Салтыковой . .	7
II. Жизнь въ Москвѣ, селѣ Измайловѣ и переселеніе въ С.-Петербургъ .	19
III. Царевна и герцогиня Курляндская Анна Ивановна	46
IV. Нѣжный братецъ Василій Ѳеодоровичъ Салтыковъ	62
V. Царевна и герцогиня Мекленбургская Катерина Ивановна . . .	77
VI. Цыфирное письмо	126
VII. Мщеніе старушки царицы Прасковьи Ѳеодоровны	142
VIII. Въ ожиданіи царскаго пріѣзда	155
IX. Судъ и расправа	180
X. Смерть царицы Прасковьи Ѳеодоровны	195
Приложенія:	
I. Переписка царицы Прасковьи Ѳеодоровны	219
II. Переписка герцогини Катерины Ивановны	243
III. Переписка герцогини Анны Ивановны	243
IV. Письмо царевны Прасковьи Ивановны	255
V. Родословіе семьи царя Ивана V Алексѣевича	256

Портретъ царицы Прасковьи Ѳеодоровны, отпечатанный красками, съ уменьшенной кошіи, съ подлиннаго живописнаго пояснаго портрета, находящагося въ веліяхъ Московскаго митрополита въ Троицко-Сергіевой лаврѣ. Отпечатанъ хромолитографически въ типо-литографіи Н. К. Брезе въ С.-Петербургѣ.

ПОПРАВКИ.

<i>Страница.</i>	<i>Строка.</i>	<i>Напечатано:</i>	<i>Читай:</i>
6	14 снизу	какъ „Русская Старина“ и другія, представили	какъ „Русская Старина“ и другія представили
59	10 сверху	Царица, гостила нѣкоторое время	Царица гостила нѣкоторое время
61	3 снизу	Нѣкоторыя изъ этихъ надсмотрщиковъ	Нѣкоторые изъ этихъ надсмотрщиковъ
70	11 „	засвидѣтельствована вышеприведеннымъ буквально приведеннымъ ея посланіемъ	засвидѣтельствована вышеприведеннымъ, буквально переданнымъ, ея посланіемъ
111	13 сверху	и я при отъѣздѣ такъ было годъ чаяла	и я при отцѣ такъ была, годъ чаяла
211	15 „	слышамъ	слышимъ
219	7 снизу	это документы	эти документы
—	9 „	впервые	впервые
223	3 сверху	ноября 10.	ноября 19.

ДАРИЦА ПРАСКОВЬЯ.

1664—1723.

Переходная эпоха, пережитая Россією, наканунѣ реформъ Петра I и въ его царствованіе, въ высшей степени любопытна для насъ въ смыслѣ уясненія, какъ предыдущаго, такъ и послѣдующаго періодовъ русской исторіи. Московскій періодъ, длившійся цѣлые вѣка, выработалъ своеобразныя, строго опредѣленныя формы общественной жизни, настолько опредѣленныя, что онѣ не разъ давали поводъ къ толкамъ, какъ со стороны иностранцевъ, такъ и нашихъ историковъ, о неподвижности и застоѣ въ тогдашнемъ русскомъ обществѣ. Между тѣмъ, такого застоя не было и быть не могло: но то, что создалось вѣками, при естественномъ ходѣ событій, могло пересоздаться только вѣками. Строго опредѣленныя формы общежитія, въ связи съ самовластіемъ правленія въ до-Петровской Россіи, преобладаніемъ обрядности въ религіи и народномъ бытѣ, при отсутствіи образованности, заковали русскую жизнь тяжелыми путами, не давали никакого простора личности; — и личностей мы почти не видимъ въ русскомъ обществѣ до Петра I; онѣ появляются почти только изъ среды духовенства, какъ самаго образованнаго и нравственно наименѣе подавленнаго класса. Гнетъ правительственный и общественный не могъ благотворно отразиться на народной нравственности и тѣмъ болѣе на русской женщинѣ, заключенной въ теремъ, бездѣятельной и рабски подчиненной съ дѣтства до могилы. Отсутствіе честности, лѣнь, грубость, откровенное проявленіе всякаго рода пороковъ поражали иностранцевъ, посѣ-

щавшихъ въ то время Россію, побуждали ихъ клеймить своими безпощадными приговорами все русское общество, клеймить огуломъ, такъ какъ личность и въ этомъ случаѣ мало или вовсе не выдѣлялась изъ массы.

Броженіе началось въ періодъ дѣтства Петра; слабость правительства открыла просторъ личности: на сцену выступаютъ вожаки стрѣлецкаго и раскольникьяго движенія, выступаетъ царевна Софья. Съ воцареніемъ Петра опять усиливается самовластіе правительства, и даже болѣе прежняго. Но Петръ рядомъ съ этимъ уничтожаетъ другой гнетъ, связывавшій русское общество,—гнетъ стариннаго склада московской жизни. Прекращается замкнутость семьи: Петръ заставляетъ бояръ выступить изъ своихъ дворовъ, обнесенныхъ заборами, гдѣ они жили полновластными господами надъ семьей и многочисленною челядью; Петръ выводитъ изъ терема женъ и дочерей боярскихъ, побуждаетъ ихъ принять дѣятельное участіе въ общественной жизни. Безпощадно преслѣдуетъ царь ханжество, виѣнное соблюденіе безчисленныхъ обрядовъ религіозныхъ и домашнихъ, преслѣдуетъ старую русскую одежду, бороды... Русскому челоуѣку волей-неволей пришлось выйти по одиночкѣ, проявить себя въ томъ или другомъ отношеніи, — и передъ нами открывается неожиданно, какъ-бы чудомъ, цѣлый рядъ личностей, людей съ опредѣленными характерами и стремленіями. Одни, болѣе рѣшительные, не задумываясь пошли за преобразователемъ на пути нововведеній, быстро усвоили приемы европейской жизни, и, сознавая пользу образованія, учили сами и учили своихъ дѣтей. Другіе упорно держались старины, отстаивали ее всеми способами, не шли ни на какія уступки, ненавидѣли Петра и его образованія, считая ихъ грѣховными, готовы были пострадать изъ-за дорогой старины, пожертвовать изъ-за нея имуществомъ, жизнью. Рѣзко обозначились оба направленія; самъ Петръ, при его рѣшительномъ характерѣ, не зная полумѣръ, ни передъ чѣмъ не останавливался, когда преслѣдовать свои цѣли, жестоко и самовластно расправлялся съ ослушниками. Однако не у всѣхъ хватало силы воли разорвать съ прошлымъ или смѣло отстаивать

старое. Былъ еще разрядъ людей, — и такихъ оказалось большинство, — которые не склонились явно ни на ту, ни на другую сторону и старались угодить обѣимъ. Этотъ способъ дѣйствій, повидимому, самый легкій, представлялъ не мало трудностей въ эпоху преобразованій, эпоху ломки всякаго рода въ государственной и общественной жизни. Надо было имѣть много ума и изворотливости, пониманія людей и обстоятельствъ, чтобы не сдѣлать или не сказать чего-либо неумѣстнаго, не измѣнить себя, чтобы до конца сохранить свое достоинство и положеніе. Всѣ эти трудности особенно были сильны для людей, близкихъ къ Петру и каждый шагъ которыхъ былъ, такъ сказать, на виду. Но и возлѣ Петра были подобные люди и между ними особенно выдается личность царицы Прасковьи Ѳеодоровны, вдовы царя Ивана Алексѣевича, брата Петра Алексѣевича, и матери будущей императрицы Анны Ивановны.

Прасковья Ѳеодоровна, вступивъ въ царскую семью, сразу подчинилась всѣмъ требованіямъ новаго положенія; зоркій глазъ народа, слѣдившій за каждымъ шагомъ царской семьи, не подмѣтилъ за новой царицей ни малѣйшаго отступленія отъ принятыхъ обычаевъ, что не разъ случалось съ Натальей Кириловой, матерью Петра, и съ царевной Софьей. Весьма ловко держала себя Прасковья Ѳеодоровна среди дворцовыхъ интригъ, разыгравшихся страстей, ничѣмъ не раздражала сестеръ и тетокъ своего супруга, умѣла неизмѣнно ладить съ ними. Но перемѣнились обстоятельства; перевѣсъ оказался на сторонѣ Петра — и царица перешла на его сторону, прервала всякія сношенія съ заключенными имъ его сестрами, не входила ни въ какія козни. Будучи женщиной старыхъ понятій, стараго образа жизни, привычекъ, религіозная по старинному, она постоянно умудрялась угождать Петру путемъ цѣлаго ряда уступокъ, быстрымъ исполненіемъ его воли, заискиваніемъ у людей, пользующихся его расположеніемъ. Петръ любилъ и уважалъ невѣстку, по-своему заботился о ней и ея дочеряхъ. Однако хорошія отношенія къ Петру и Екатеринѣ не мѣшали Прасковьѣ Ѳеодоровнѣ искать дружбы и въ другомъ лагерѣ: она на всякій случай обходилась ласково съ

загнаннымъ царевичемъ Алексѣемъ, такъ что тотъ считалъ ее въ числѣ своихъ сторонниковъ. Прасковья Федоровна не думала, однако, переходить на его сторону, потому что, въ смыслѣ убѣжденій, для нея была безразлична та или другая сторона, лишь бы ей хорошо жилось, была-бы польза ей или для ея дочерей.

Само собою разумѣется, что для характеристикъ и біографій всего любопытнѣе яркія, рѣзко очерченныя личности, и онѣ всего чаще избираются историками; но рядомъ съ этимъ нельзя упускать изъ виду и типы болѣе обыденныхъ людей, въ родѣ царицы Прасковьи Федоровны. Ихъ жизнь, какъ представителей наибольшей массы общества, имѣеть несомнѣнный интересъ и значеніе, и, конечно, лучше всего можетъ служить для нагляднаго изображенія общественной жизни въ извѣстный пережитый обществомъ моментъ.

Очеркъ жизни царицы Прасковьи былъ написанъ нами въ 1861 году, преимущественно на основаніи мало или вовсе неизвѣстныхъ тогда источниковъ, и тогда же вышелъ въ двухъ изданіяхъ: въ журналѣ М. М. и О. М. Достоевскихъ „Время“ 1861 г. кн. 2, 3, 4 и 5 и въ отдѣльныхъ оттискахъ.

Съ 1861 года, какъ извѣстно, изученіе русской исторіи, и преимущественно новой, сдѣлало значительные успѣхи. Историческія повременныя изданія, какъ „Русская Старина“ и другія, представили на своихъ страницахъ множество данныхъ по отношенію къ отечественной исторіи двухъ послѣднихъ вѣковъ. По отношенію однако къ предмету нашего труда—новые матеріалы представили совершенно отрывочныя подробности, не столько касающіяся отдѣльныхъ фактовъ и личности самой царицы Прасковьи, сколько бытовой и правоописательной стороны Петровской эпохи: тѣмъ не менѣе, благодаря этимъ даннымъ, получилась возможность восполнить нашъ очеркъ, двадцать два года тому назадъ составленный, нѣсколькими новыми подробностями, освѣщающими ту среду, въ которой прожила столь типическая представительница русской женщины конца XVII-го и первой четверти XVIII вѣка, каковою вполнѣ является царица Прасковья Федоровна.

I.

БРАКЪ.

По мѣрѣ того, какъ росъ и мужалъ царь Петръ, правительница царевна Софья Алексѣевна яснѣе и яснѣе видѣла непрочность своего положенія; въ тайныхъ совѣтахъ съ княземъ Василиемъ Голицынымъ она тщательно обдумывала планъ удержа- нія за собой господства надъ братьями и власти надъ Россіей.

Мысль объ удаленіи Петра отъ престола, даже объ убіеніи царственнаго юноши, рано стала туманить голову сестры; не разъ сообщала она объ этомъ своему фавориту, но князь Васи- лій Васильевичъ благоразумно удерживалъ ее отъ преступленія, а для упроченія на ея главѣ короны, предложилъ женить Ивана Алексѣевича. Царь Иванъ былъ отъ природы скорбенъ главою (т.-е. слабоумень), косноязыченъ, страдалъ цынгой; полуслѣпой, съ трудомъ подымалъ свои длинные вѣки, и на восемнадцатомъ году отъ рожденія, разслабленный, обремененный немощью духа и тѣла, служилъ предметомъ сожалѣнія и даже насмѣшекъ бо- яръ, его окружавшихъ. Женихъ онъ былъ плохой, но, весь во власти царевны Софьи, онъ не противился ея желанію.

Греческій историкъ Θεοδοзи говоритъ, что бракъ Ивана былъ задуманъ княземъ Голицынымъ, который, считая насильствен- ные мѣры противъ Петра крайне опасными, совѣтывалъ Софьѣ: „Царя Іоанна женить, и когда онъ сына получитъ, кой нату- рально имѣеть быть наслѣдникомъ отца своего, то не трудно сдѣлаться можетъ, что Петръ принужденъ будетъ принять чинъ монашескій, а она, Софья, опять за малолѣтствомъ сына Іоаннова,

пробудеть въ томъ-же достоинствѣ, которое она желаетъ "... Затѣмъ Θεодози добавляетъ, что „хотя Царь Іоаннъ сперва къ тому (браку) никакой склонности не оказывалъ, однако не былъ онъ въ состояніи противиться хотѣнію сестры своей“ ¹⁾).

Женихъ былъ готовъ, дѣло было за невѣстой. По обычаю священной старины, въ царскіе терема свезли дочерей высшей московской аристократіи. Засуетились ихъ родители, закипѣли страсти придворныхъ честолюбцевъ, немощи и скорбь главы Ивана были забыты; всѣ ждали его выбора. Былъ-ли онъ заранѣе рѣшенъ Софьей или представлялся на произволъ жениха — неизвѣстно: какъ бы то ни было, но въ толпѣ юныхъ боярышень подслѣповатыя очи Ивана остановились на круглолицой, полной Прасковьѣ Салтыковой.

Подобныя выборы невѣсть, по рассказамъ иноземцевъ, бывали прежде гораздо сложнѣе: боярышнямъ, свезеннымъ на выборку, отводили покой, каждой отдѣльно; угощали всѣхъ за однимъ столомъ, увеселяли разными забавами. Царь присматривался къ нимъ, прислушивался къ ихъ бесѣдамъ, заговаривалъ самъ, осматривалъ по почамъ кто какъ спитъ — спокойно или безпокойно и, наконецъ, воспылавъ страстію, отдавалъ избранной платокъ и перстень, а остальныхъ щедро одаривалъ платьями и разными вещами, затѣмъ распускалъ по домамъ. На этотъ разъ воля Софьи и немощь Ивана упростили дѣло, и двадцатилѣтняя Прасковья, безъ дальнѣйшихъ испытаній, наречена невѣстой восемнадцатилѣтняго царя Ивана (онъ род. 28 августа 1666 г.).

Впрочемъ, если вѣрить портрету, „скомпонованному“ по портрету, хранящемуся въ московскомъ Новоспасскомъ монастырѣ, то невѣста Ивана была высока, стройна, полна; длинныя волосы густыми косами ниспадали на круглыя плечи; круглый подбородокъ, ямки на щекахъ, косички, красиво завитыя на невысокомъ лбу, — все это представляло личность интересную, веселую и очень милую ²⁾.

¹⁾ „Житіе и славныя дѣла Петра Великаго“ соч. Θεодози, въ русскомъ съ греческаго переводѣ. Сиб., 1774 г., стр. 153—154.

²⁾ Здѣсь приложенный портретъ изображаетъ царицу Прасковью уже пожилую. Это снимокъ съ портрета, сохраняющагося въ Троицко-Сергіевой лаврѣ въ покояхъ митрополита, — снимокъ волиѣ точный, хотя уменьшенный; онъ исполненъ чрезъ обязательное посредство настоятеля лавры, архимандрита Лео-

Свадьба совершена была со всеми церемоніями, которыми обыкновенно сопровождалась подобныя торжества.

8 января 1684 года, наканунѣ вѣчанія, былъ у царя столъ для бояръ, боярынь, родственниковъ отца и невѣсты. Иванъ съ Прасковьей сидѣли за особымъ столомъ. Царскій духовникъ, протопопъ, благословивъ жениха и невѣсту, велѣлъ имъ поцѣловаться, а бояре и боярыни поднялись съ поздравленіями; послѣ стола невѣста отпущена домой, и гости разъѣхались.

9 января 1684 года, въ среду, царь Иванъ провелъ все утро въ соборахъ: отслужилъ молебенъ; на гробахъ державныхъ предковъ отпразднвалъ пѣнье, приложился къ святынямъ и просилъ у патріарха благословенія на брачную жизнь.

Между тѣмъ кончились приготовленія: уборка палатъ, свадебныхъ столовъ, разставленіе яствъ и проч. и проч., и торжество началось съ выполненіемъ тѣхъ мельчайшихъ обычаевъ, которые освящены были въ глазахъ дѣйствующихъ лицъ давностью лѣтъ и вѣковымъ употребленіемъ.

Многіе изъ этихъ обычаевъ, по отношенію къ настоящей свадьбѣ, были ничто иное, какъ выполненіе пустой формальности; такъ, напримѣръ, Прасковья равнодушно могла слушать поученіе вѣнчавшаго ихъ патріарха: „..... у мужа будь въ послушаніи, другъ на друга не гнѣвайтесь, покорно выноси гнѣвъ супруга, если онъ за какую-нибудь вину поучить тебя слегка жезломъ, такъ какъ онъ глава въ домѣ“, и проч. Прасковья не могла не знать, въ какомъ положеніи эта глава, насколько она въ состояніи была думать, не только управлять ею, и отдавала свою руку не изъ любви и уваженія къ жениху, а потому, что ей и въ голову не должна была придти мысль объ отказѣ: этотъ бракъ возвышалъ ея родителей, родныхъ и, наконецъ, высоко ставилъ ее самую надъ остальными боярынями и боярышнями.

Обрядъ вѣчанія въ соборной церкви совершалъ патріархъ Іоакимъ съ ключаремъ и тремя діаконами. Звонъ былъ въ большой новый колоколъ, а съ пришествія государя въ соборъ—во все колокола, и не умолкалъ до молебна ¹⁾.

нида. и затѣмъ напечатанъ хромолитографически весьма тщательно въ типографіи художника г. Н. Брезе, (Спб. Средняя Подьяческая. д. № 6). Рисунокъ на камнѣ красками исполнилъ художникъ П. О. Борель.

¹⁾ Древн. Рос. Вивл., изд. второе, т. XI, стр. 196, 197.

Послѣ вѣнчанія и свадебнаго стола, именитые гости, проведя царя и царицу въ опочивальню, усѣлись за столъ, выжидая часть боевой, когда дружка принесетъ вѣсть, что у царя доброе совершилось.

„А на утро слѣдующаго дня, какъ велось это обыкновенно, царю и царицѣ готовили мыльни разныя, и ходилъ царь въ мыльню, и по выходѣ изъ нея возлагали на него сорочку и порты, и платье иное, а прежнюю сорочку велѣно было сохранять постельничему. А какъ царица пошла въ мыльню и съ нею ближнія жены, и осматривали ея сорочку, а осмотря сорочку, показали сродственнымъ жонамъ немногимъ для того, что ея дѣвство въ цѣлости совершилось, и тѣ сорочки, царскую и царицыну, и простыни, собравъ вмѣстѣ, сохраняли въ тайное мѣсто“ и проч.

Нѣтъ причинъ думать, чтобъ всѣ эти формальности не были выполнены, притомъ выполнены удовлетворительно; брачное торжество, по крайней мѣрѣ по паружности, было „въ добромъ совершеніи“, и вся родня новой царицы ликовала въ царскихъ теремахъ за свадебными столами; на дворѣ и по сѣнямъ музыканты играли въ трубы, били въ литавры, и вылали разложенные въ различныхъ мѣстахъ на улицахъ и на дворахъ костры: то была того времени иллюминація.

Родня царицы была обширная: Салтыковы принадлежатъ къ древнѣйшимъ и именитѣйшимъ фамиліямъ. Происхожденіе Салтыковыхъ восходитъ къ XIII вѣку. Предокъ ихъ Михайло Прушанинъ выѣхалъ изъ Пруссіи въ Новгородъ; отъ него пошли въ пятомъ колѣнѣ Морозовы, Чоглоковы, Шестовы и др.; а въ восьмомъ колѣнѣ отъ Морозова-Салтыка потянулись Салтыковы. Они рано стали играть весьма важныя роли на политическомъ, военномъ и гражданскомъ поприщѣхъ; многіе изъ нихъ были самыми довѣренными и приближенными лицами московскихъ государей. Такъ мы видимъ Андрея Салтыкова оружейничимъ и любимцемъ великаго князя Василья Ивановича; братъ его, Василій Салтыковъ, оборонилъ Опочку отъ Константина Острожскаго. Двое Салтыковыхъ пали въ Ливонскихъ походахъ; двое были именитыми боярами при дворѣ Грознаго; племянникъ ихъ—окольничимъ и любимцемъ Годунова; Борисъ Михайловичъ Салтыковъ—весьма важнымъ лицомъ при царѣ Михаилѣ, а братъ

его, Михаилъ — кравчимъ, околицчимъ и любимцемъ царя Алексѣя, при дворѣ котораго четверо Салтыковыхъ были боярами.

Одинъ изъ Салтыковыхъ, бояринъ Михаилъ Глѣбовичъ, по прованью Кривой, принималъ значительное участіе въ смутахъ при Іжедмитріѣ, былъ главнымъ сподвижникомъ польской партіи и въ 1612 году уѣхалъ съ сыновьями въ Польшу, гдѣ былъ щедро одаренъ королемъ Сигизмундомъ. Сынъ его, Ѳеодоръ Михайловичъ, выстроилъ въ отцовскихъ жалованныхъ помѣстьяхъ, близъ Дорогобужа, православный монастырь и, принявъ санъ инока съ именемъ Сергія, сдѣлался самымъ дѣятельнымъ распространителемъ раскола († въ 1655 году); братъ его, Петръ, былъ дѣдомъ царицы Прасковьи, отецъ которой, Александръ, при царѣ Алексѣѣ, съ завоеваніемъ Смоленска, принялъ русское подданство. На основаніи нѣкоторыхъ извѣстій, онъ былъ въ Енисейскѣ комендантомъ, откуда вызванъ Софьей Алексѣевной.

Не смотря на то, что непосредственные родоначальники Прасковьи, ея прадѣдъ и дѣдъ, были измѣнники отечества, все-таки фамилія Салтыковыхъ была славна заслугами многихъ изъ своихъ представителей; ни въ одной изъ фамилій не было столько бояръ, и нѣтъ ничего удивительнаго, что правительница одобрила выборъ брата, а можетъ быть и сама сдѣлала его. А. Салтыковъ незадолго до свадьбы сдѣланъ правителемъ и воеводою города Кіева ¹⁾. Счастливый родитель тогда же былъ возведенъ въ санъ боярина, съ повелѣніемъ переимѣнить имя: вмѣсто Александра онъ наименованъ Ѳеодоромъ ²⁾, вѣроятно въ честь имени покойнаго государя. Переименованный Салтыковъ былъ два раза женатъ: отъ перваго брака съ какой-то Катериной Ѳеодоровной родился сынъ Василій Ѳеодоровичъ и двѣ дочери — Прасковья и Настасья Ѳеодоровны. Второю женою ихъ родителя была — Анна Михайловна Татищева († 1702 года) ³⁾. Шестъ Салтыковыхъ были боярами и занимали важныя должности при дворѣ царей Ивана и Петра; одинъ изъ нихъ убитъ, по ошибкѣ, стрѣльцами 15 мая 1682 года, и пятнадцать изъ членовъ этой фамиліи владѣли въ то время въ Россіи большими населенными имѣніями.

¹⁾ П. Закревскій: Лѣт. и оп. гор. Кіева. „Чт. Об. Ист.“ 1858, т. II, стр. 245.

²⁾ Дневникъ Гордона.

³⁾ Кн. П. В. Долгорукій: Рос. Род. кн. 1855, ч. II, стр. 68—83.

Семейныя связи новой царицы были весьма значительны: такъ, при посредствѣ браковъ своихъ дядей, также родного и двоюродныхъ братьевъ, она была въ родствѣ съ Трубецкими, Прозоровскими, Стрѣшневыми, Куракиными, Долгорукими и др. Родная сестра ея, Настасья, вышла впоследствии за-мужъ за знаменитаго князя-кесаря Ѳедора Юрьевича Ромодановскаго.

Всѣ эти связи чрезвычайно важны въ біографіи Прасковьи: онѣ служатъ разъясненіемъ того значенія и почета, какими зачастую, если не всегда, пользовалась Прасковья при дворѣ Петра; ея же родствомъ объясняются многія событія, съ которыми мы не разъ встрѣтимся въ нашемъ разсказѣ.

Много говорить о воспитаніи царицы Прасковьи намъ не приходится; то не было воспитаніе, а питаніе: ее выкормили полною, статною, съ высокою грудью, открытымъ лицомъ и длинною косою; затѣмъ выучили довольно плохо русскою грамотѣ (она и впоследствии, какъ мы увидимъ, не была мастерица писать); остальное же довершили семейныя преданія и обычаи. Она выросла въ предрасудкахъ и суевѣріи; вѣрила колдунамъ, чудесамъ, вѣщунамъ, и строго выполняла пустые обряды, не вникая въ ихъ сущность и значеніе.

Идя по стопамъ своихъ предковъ и многочисленной родни, царица старательно выполняла обрядовую сторону религіи: нѣкоторые изъ ея родныхъ постригались въ монахи, умирали схимниками,—и вотъ Прасковья очень чтила духовенство, дружилась съ монахами, вела переписку съ нѣкоторыми митрополитами, ѣздила къ нимъ и разсылала подарки. Съ выходомъ за-мужъ жизнь ея пошла обычной колесей: вмѣстѣ съ державнымъ супругомъ она выполняла церковныя требы, не пропускала ни одной службы, посѣщала монастыри, дѣлала вклады, участвовала въ крестныхъ ходахъ, раздавала милостыню нищимъ братіи и колодникамъ ¹⁾.

¹⁾ Др. Рос. Визитюф. изд. 2, т. XI, стр. 177, 178, 179, 331, 332.—Дворц. разряды т. IV, стр. 842 и друг. Не повторяемъ подробностей о жизни бояръ и царей XVII в., какъ достаточно извѣстны; см. между прочимъ: „Очеркъ домашней жизни и нравовъ великорусск. народа въ XVI и XVII стол., изд. 1860 г., соч. П. И. Костомарова. „Домашній бытъ русск. царей въ XVI и XVII вв.“, соч. В. Е. Забѣлина. Москва, изд. 1872 г., стр. 297, 457, 232. Дж. Перри „Состояніе Россіи“ и пр., въ русск. переводѣ, подъ нашею редакціею, въ „Чтеніяхъ Москвитинъ“, Москва, 1871 г., кн. II, стр. 39—180. Котошихинъ „О Россіи“ и пр., стр. 11 и слѣдующ.

Жили царь и царица — въ особыхъ теремахъ въ Кремлѣ, выстроенныхъ уже при царицѣ Софїи Алексѣевнѣ. Жизнь царицы Прасковьи за то время, конечно, не отличалась отъ обыденной жизни ея предшественницъ-царицъ и ея современницъ, царицы Марыи Алексѣевны (вдова царя Ѳедора). Торжественныя прїемы у царицы назначались только въ немногіе годовые праздники, или по случаю особыхъ семейныхъ событій.

Въ обыкновенныя праздничныя дни къ царицѣ являлись одни родственники обоюга пола и боярыни, по вызову, или съ собственными просьбами. Боярыни выходили у воротъ и, подойдя къ царицынымъ покоемъ, посылали своихъ боярскихъ боярынь объявить о прїѣздѣ дворовой боярынь, которая и докладывала о нихъ. Посѣщеніе обыкновенно ограничивалось разспросами о здоровьѣ и разными привѣтствіями; затѣмъ боярыни возвращались во-свояси. Иногда царица принимала и крестьянокъ, по крайней мѣрѣ, изъ своихъ дворцовыхъ вотчинъ.

Дѣлами царица не занималась подобно боярынямъ; на то былъ приказный чинъ царицы изъ ея близкихъ людей, который также разбиралъ ссоры между дворцовыми служителями, сажалъ ихъ въ монастырь за провинности: кражу, пьянство и т. п.

Царица занималась только своимъ „женскимъ“ дѣломъ, пересматривала полотна, скатерти и другія вещи, доставляемыя изъ слободъ, работавшихъ на дворецъ; завѣдывала рукодѣліями своихъ мастерицъ въ свѣтлицахъ, гдѣ производились всякія работы, даже шились куклы царскимъ дѣтямъ. Нерѣдко и сама царица вышивала золотомъ и шелками въ церкви и монастыри, изготовляла нѣкоторые предметы изъ платья себѣ, государю и дѣтямъ: ожерелья, воротники, сорочки, полотенца.

Но главною и неизмѣнною задачею жизни царицы была молитва и милостыня во всѣхъ видахъ и формахъ, по правилу того времени: „церковниковъ и нищихъ и маломожныхъ, бѣдныхъ, скорбныхъ и страшныхъ пришельцевъ призывай въ домъ свой и по силѣ накорми, напои и согрѣй“. Царица подавала щедрую милостыню на монастыри и церкви, во время своихъ богомольныхъ выходовъ. Церковное поминовеніе усопшихъ царственныхъ сродственниковъ сопровождалось кормленіемъ духовнаго чина и нищихъ; послѣдніе собирались къ царскимъ хоромамъ во всѣ поминальные дни. Кромѣ нищихъ, множество бѣд-

ныхъ женщинъ обращались къ царицѣ съ челобитными о своихъ нуждахъ, подавая ихъ въ праздники или именины которагонибудь изъ членовъ царской семьи. Во дворцѣ жило много дѣвочекъ-сиротъ, которыя принимались по просьбѣ верховныхъ боярынъ или по желанію самой царицы. Къ концу XVII вѣка и на женской половинѣ дворца появились свои верховныя богомолницы: вдовы, старухи и дѣвицы. Онѣ жили въ подклѣткахъ у царицы Прасковьи Ѳеодоровны и у царевенъ, подлѣ ихъ хоромъ, и повидимому исполняли должности сказочницъ. Между ними были юродивыя, помѣшанныя и калѣки всякаго рода: ифмяя, слѣпныя, безрукія, безногія. Расположеніе ко всякимъ уродамъ, обычное въ то время, особенно рѣзко проявляется въ Прасковьѣ Ѳеодоровнѣ; склонность эту она сохранила во всю свою жизнь. Верховныя богомолницы ходили въ смиренныхъ (темныхъ) платьяхъ, какъ-бы въ противоположность пестрой одеждѣ шутовъ и шутихъ, — карламъ и карлицамъ, — разряженнымъ въ платье яркихъ цвѣтовъ, въ красныхъ и желтыхъ сапогахъ и ермолкахъ.

Рядомъ съ карлами и карлицами во дворцѣ проживали арапы, арапки, маленькіе калмыки и калмычки, взятые въ половецъ. Ихъ держали во дворцѣ наравнѣ съ обезьянами, попугаями и др. чудами. Кромѣ попугаевъ, неизмѣнною принадлежностью дворца были всякаго рода птицы: соловьи, канарейки, щеглы, перепела. Въ 1684 году для Прасковьи Ѳеодоровны была даже заказана особая клѣтка для перепеловъ ¹⁾. Дворецъ съ утра до вечера оглашался ивнѣемъ разнообразныхъ птицъ, криками попугаевъ: къ вечеру умолкали птицы и въ тишинѣ слышалось заунывное ивнѣе ивищихъ богомольцевъ или мѣрный разговоръ сказки, прерываемый выходками дураковъ и дурокъ, возбуждавшими громкій смѣхъ незыскательныхъ слушательницъ. Паскучивъ этими забавами, царица иногда принималась за карты или заставляла себя качать на домовыхъ качеляхъ. Качель обыкновенно устранилась къ святой; она была веревочная, обшитая бархатомъ или атласомъ, съ ватнымъ сидѣніемъ, также обтянутымъ бархатомъ. Въ апрѣлѣ 1686 года для Прасковьи Ѳеодоровны сдѣланы три такихъ качели. На масляницѣ устраи-

¹⁾ Забѣлины: Домашн. бытъ русскихъ царицъ, стр. 467, 202, 388 и друг.

вались скатныя горы, гдѣ увеселялись царевны съ боярынями. Царицы только смотрѣли на эту забаву, равно какъ и на игры въ сѣняхъ женской половины дворца. Не мало удовольствія доставляли царицамъ и зрѣлища другого рода, какъ, напр., церковныя церемоніи, царскіе обѣды, выѣзды пословъ, привозимыя и приводимыя „чуда“: заморскія животныя, ученые медвѣди и т. п. На эти зрѣлища царицы, царевны и малолѣтніе царевичи смотрѣли изъ оконъ Кремля или изъ „тайника“, устроеннаго въ Грановитой палатѣ, гдѣ происходили главныя дворцовыя торжества. Тайникъ была комната съ большимъ окномъ, обращеннымъ въ палату, въ которое была вставлена рѣшетка. На театральныя представленія царицы также смотрѣли сквозь рѣшетку. „Во время представленія — говоритъ Рейтенфельсъ — царь сидѣлъ передъ сценою на скамейкѣ, а для царицъ съ дѣтьми было устроено родъ ложи, изъ которой они смотрѣли изъ-за рѣшетки или, правильнѣе сказать, сквозь щели досокъ“.

Жила царица съ мужемъ, по обычаю, въ разныхъ покояхъ порознь.

„И на праздники господскіе, и въ воскресные дни, и въ посты, — повѣствуетъ Котошихинъ, — царь и царица опочиваютъ въ покояхъ порознь; а когда случится быти опочивать имъ вмѣстѣ, и въ то время царь посылаетъ по царицу, велитъ быть къ себѣ спать или самъ къ ней похочетъ быть. А которую ночь опочиваютъ вмѣстѣ, и на утро ходятъ въ мыльню порознь и ко кресту не приходятъ, понеже поставлено то въ нечистоту и въ грѣхъ...“.

Нѣтъ сомнѣнія, что все это выполняли царь и царица, — но дѣтей не было... Прошло пять лѣтъ брачной жизни, и во все это время только разъ мелькнула у Прасковьи мысль, что она беременна; сама она потомъ рассказывала: „при царѣ-де Иванѣ пучило у меня животъ съ годъ и я чаяла себя весь годъ брюхата, да такъ и изошло...“ ¹⁾.

Однакожъ въ концѣ 1688 года для всего двора сдѣлалось извѣстно, что царица Прасковья „очреватѣла“. Немощный царь былъ счастливъ, довольна была Софья; негодовали одни родные и мать Петра, видѣвшіе въ этой беременности слѣдствіе интригъ и козней правительницы. Проникая въ ея замыслы ²⁾, Наталья

¹⁾ Госуд. Арх., карт. 7, письма царицы Прасковьи, 1719 г., л. 12.

²⁾ Голицовъ, изд. 2, т. I, стр. 49.—Оеодози, стр. 66, 71.

Кириловна убѣдила сына вступить въ бракъ; 27 января 1689 года Петръ обвинялся съ Авдотьей Ѳедоровной Лопухиной. — 21-го марта того же года, въ четвергъ ночью, царица Прасковья разрѣшилась отъ бремени—дочерью. Рано утромъ благовѣсть Успенскаго колокола возвѣстили Москвѣ о приращеніи царственнаго семейства; власти съѣхались, пришлоъ царь — и патріархъ отслужилъ молебенъ.

Въ понедѣльникъ, 25 марта, новорожденная окрещена въ Чудовѣ монастырѣ именемъ Маріи; службу совершалъ Патріархъ; восприемниками были—царь Петръ и тетка его, Татьяна Михайловна.

Послѣдній фактъ, какъ повидимому ни незначителенъ онъ, однако возбуждаетъ вопросъ: почему восприемницей не была Софья Алексѣевна? Была-ли она недовольна рожденіемъ племянницы вмѣсто племянника, или Прасковья, не лишенная природнаго ума и прозорливости, провидѣвъ будущую участь правительницы, заискивала въ Петрѣ и въ уважаемой имъ теткѣ?

Впрочемъ за столомъ, ради рожденія Маріи, въ четвергъ 18 апрѣля, въ Грановитой палатѣ, вмѣстѣ съ патріархомъ, царемъ Иваномъ и другими была Софья; сидѣли по чину, слушали чтеніе патріаршаго канархиста, а послѣ стола, „отдѣйствовавъ Пречистую, пили заздравины чаши“ ¹⁾.

Съ этого времени не проходило почти года, чтобъ царица Прасковья не радовала мужа рожденіемъ дочери. Такимъ образомъ, 4 іюня 1690 года, родилась другая царевна; 20-го числа ее крестилъ именемъ Ѳедосьи архимаандритъ Чудова монастыря; восприемниками были Петръ и царевна Татьяна, но на обѣденномъ кушаньи, ради рожденія, 4 іюля, былъ только одинъ царь Иванъ и пилъ заздравиую чашу съ духовенствомъ ²⁾.

29 октября 1692 года, рано по утру, Прасковья родила новую царевну; съ радостною вѣстью поспѣшилъ къ патріарху бояринъ Ѳедоръ Петровичъ Салтыковъ; святѣйшій, послѣ благовѣсту, служилъ литургію и дарилъ послашаго. Во второмъ часу пополудни пріѣхалъ изъ Преображенскаго Петръ, и государи многолѣтіе пѣли и знаменовались. 8 ноября прежніе восприемники

¹⁾ Др. Рос. Вивліюф., изд. второе, ч. II, стр. 182—183.

²⁾ Др. Рос. Вивліюф., изд. второе, т. XI, стр. 185—187.

были при крещеніи царевны Катерины въ Чудовомъ монастырѣ, а два дня спустя былъ по этому случаю радостный столъ ¹⁾.

28 янв. 1693 года родилась царевна Анна; въ слѣдующемъ 1694 году, 24 сентября, царица разрѣшилась послѣднею дочерью: то была царевна Прасковья.

Такая плодовитость благовѣрной супруги радовала Ивана Алексѣевича; но родительское сердце большого претерпѣвало также и утраты: изъ пяти дочерей онъ скоро лишился двухъ старшихъ, Марыи и Ѳедосьи († 13 февр. 1690 г. и 12 мая 1691 г.). При совершеніи погребальныхъ обрядовъ въ Вознесенскомъ монастырѣ присутствовали отецъ и мать ²⁾.

Супруги и послѣ паденія Софьи не играли никакой роли въ управленіи Россіей: Иванъ, по скорби главы, Прасковья, по ежегодной беременности, ни мало не мѣшались въ дѣла, которыми управляли, отъ имени юнаго еще Петра, его родственники и совѣтники, какъ русскіе, такъ и иноземцы. За Иваномъ оставался только одинъ титулъ; имя его упоминалось во всѣхъ актахъ государственныхъ; онъ имѣлъ свой дворъ, своихъ царедворцевъ, являлся народу въ торжественныхъ случаяхъ въ полномъ царскомъ облаченіи, наконецъ участвовалъ въ торжественныхъ приемахъ пословъ, либо въ церковныхъ празднествахъ. Нельзя согласиться съ Устряловымъ въ томъ, что „Петръ нѣжно любилъ и глубоко уважалъ своего брата“ ³⁾. По крайней мѣрѣ письма Петра къ Ивану ничего не заключаютъ въ себѣ особенно-нѣжнаго: эти письма не болѣе, какъ обыкновенныя родственныя посланія, кромѣ впрочемъ одного, въ которомъ Петръ требуетъ устранить отъ правленія „ззорное лицо“ — Софью ⁴⁾.

Что Петръ не заявлялъ брату глубокаго уваженія, видно ужъ изъ того, что при крещеніи обоихъ сыновей — Алексѣя Петровича, 23 февр. 1690 г., и Александра Петровича, 1 ноября 1692 г., Иванъ Алексѣевичъ не былъ приглашенъ въ воспреемники. Въ первый разъ былъ воспреемникомъ патриархъ Іоакимъ

¹⁾ Древн. Рос. Вивліюф., изд. второе томъ XI, стр. 188—189.

²⁾ Тамъ же, стр. 203—204, 210—211, 236. 240.

³⁾ Исторія царствованія Петра Вел., 1858, т. II, стр. 264, 265.

⁴⁾ Тамъ же стр. 77, 408 — У Голикова съ. разлагольствованія „о нѣжной любви, взаимной снисходительности и чувствительности двухъ братьевъ“, т. I, стр. 92—93, 255.

съ царевной Татьяной Михайловной, а во второй—келарь Троицкой лавры съ царевной Натальей ¹⁾).

Между тѣмъ ежегодное рожденіе дочерей у царицы Прасковьи вовсе не доказывало, что здоровье ея мужа оправилось; напротивъ, въ 1696 году царь Иванъ, достигая тридцатилѣтняго возраста, хотя не обнаруживалъ признаковъ смертельной болѣзни, по уже таилъ ее въ своей груди. 6 января онъ ходилъ въ торжественномъ облаченіи за крестами изъ Успенскаго собора на іордань, устроенную на Москвѣ рѣкѣ; день былъ чрезвычайно теплый, совершенно весенній, былъ дождь и молнія ²⁾; царь былъ съ непокрытой головой, промочилъ ноги и сильно простудился. 21 января Иванъ былъ въ Вознесенскомъ дѣвичьемъ монастырѣ на панихидѣ по царицѣ Натальѣ Кириловнѣ; 26 января, въ день именины сестры своей, царевны Маріи Алексѣевны, слушалъ обѣдню въ дворцовой церкви Іоанна Предтечи; по окончаніи службы принималъ въ передней палатѣ обычныя поздравленія, жаловалъ ближнихъ людей фряжскими винами, а стрѣleckихъ полковниковъ и гостей водкою, а черезъ три дня его ужъ не стало: онъ умеръ скоропостижно 29 января 1696 года, въ третьемъ часу по-полудни ³⁾.

Послѣ обычной торжественной церемоніи, на другой же день тѣло царя Ивана Алексѣевича было отнесено въ соборъ Михаила Архангела; въ теченіе шести недѣль каждый день по десяти царедворцевъ охраняли гробницу. Ивана похоронили подлѣ царя Ѳедора, позади перваго столба на лѣвой сторонѣ; гробницу покрыли богатымъ покровомъ.

Овдовѣвшая царица пять дней сряду кормила 300 нищихъ, угощала духовенство, дѣлала вклады въ церкви.

Въ скоромъ времени новый ударъ поразилъ Прасковью: потерявъ мужа, она лишилась и отца. Ѳедоръ Салтыковъ скончался 2 февраля 1697 года.

¹⁾ Др. Рос. Вивл. изд. второе, т. XI, стр. 184 и 188.

²⁾ Желѣзубскій, стр. 61.

³⁾ Гуманскій, Рос. Магаз. III, стр. 77—89 дворц. записки. Дневн. Гордона, — Желѣзубскій, изд. 1840, стр. 63—279. Др. Р. Вивл. ч. II, стр. 228.

II.

Жизнь въ с. Измайловѣ. — Переселеніе въ Петербургъ.

Прасковья осталась съ тремя малютками, но особыхъ печалей и заботъ ей не предстояло много. Петръ оказывалъ невѣткѣ уваженіе, выполнялъ ея просьбы; для управленія хозяйствомъ и для удовлетворенія ея нуждъ отдалъ въ полное распоряженіе Василья Алексѣевича Юшкова и предоставилъ выбрать мѣсто жительства. Невѣстка выбрала своею резиденціею село Измайлово.

Измайлово, принадлежавшее повидимому Ивану Никитичу Романову, въ 1640-хъ годахъ, перешло затѣмъ къ царствующей линіи дома Романовыхъ. Такъ, въ 1663 году царь Алексѣй Михайловичъ уже вполне распоряжается въ селѣ Измайловѣ, пользуясь своимъ двоякимъ значеніемъ царя и вотчинника.

Онъ переводитъ въ Измайлово и въ прилежащія къ нему пустоши крестьянъ изъ другихъ дворцовыхъ вотчинъ; заводитъ хозяйство въ такихъ огромныхъ размѣрахъ, что требующіяся на него издержки едва-ли могли быть покрыты доходами какого-бы то ни было частнаго лица въ то время, когда собственность, главнымъ образомъ, состояла изъ недвижимаго имущества и запасовъ и всего менѣе въ деньгахъ. Для пашень и сѣнокосовъ разчищено было въ Измайловѣ нѣсколько сотъ десятинъ лѣсу; построены смотрильныя башни для наблюденія за рабочими, число которыхъ въ послѣдствіи было очень значительно, такъ во время жатвы однихъ насмныхъ жнецовъ набиралось до 700 человекъ. Кромѣ того въ Измайловѣ заведено было обширное са-

доводство, пчеловодство и хмѣлеводство; насажена роща на 115 десятинъ; рѣки и ручейки запружены плотинами и выстроено семь мукомольныхъ мельницъ. Тогда же было выкопано до 20 прудовъ, поставлены каменные риги и токи, льняной и стеклянный заводы, разные дыры, амбары и прочія хозяйственныя постройки ¹⁾).

Съ другой стороны царь Алексѣй Михайловичъ, по своему личному отношенію къ селу Измайлову, является вполне помѣщикомъ. Въ его заботливости объ успѣхахъ измайловскаго хозяйства нельзя не видѣть интереса собственника къ своему помѣстью: онъ лично присутствуетъ при полевыхъ работахъ, слѣдитъ за постройками, входитъ въ малѣйшія подробности. Царица заведуетъ лично женскими работами, и, главнымъ образомъ, льнянымъ дѣломъ, осматриваетъ при случаѣ птичій и запасные дворы и погреба. Царь Алексѣй Михайловичъ прилагалъ всевозможныя заботы къ улучшенію своего хозяйства въ Измайловѣ. Выписаны были русскіе и иностранные мастера, спеціалисты своего дѣла: льняники изъ Искова, черкасы—для скотнаго двора, садовники-иноземцы, пасечники, разные механики, „мастера зеленого стекла“ и пр. Даже сдѣланы были попытки производить нѣкоторыя работы посредствомъ манипъ. Въ 1666 году, 17-го іюня, велѣно напр. сдѣлать три образца: 1) — „какъ молотить колесами и гириями безъ воды“; 2) — „какъ воду привезть изъ пруда къ виноградному саду“; 3) — „какъ воду выливать изъ ригъ гириями-жъ и колесы“. Рядомъ съ машинами и вынской мастеровъ прибѣгали и къ другимъ средствамъ: къ днямъ ярового и ржагого посѣва государь выносилъ изъ Троицы и Савина монастыря „освященное масло“, „святую и омовенную воду“ для окропленія и освѣщенія засѣваемыхъ полей. При этомъ соблюдалась тайна; въ грамотѣ, посылаемой въ Троицкій монастырь, говорилось, между прочимъ: „и ты бы богомолецъ намъ сотворилъ и

¹⁾ Подробности о селѣ Измайловѣ см. въ превосходномъ трудѣ Н. Е. Забѣлина: „Домашн. бытъ русскихъ царей“, дворецъ въ с. Измайловѣ, стр. 38 — 98; также см. А. Е. Мартынова: „Русская старина въ памятникахъ зодчества“ изд. 1853 г. — Сборникъ Мухомова, Сиб. 1866 г., стр. 389. — Записки отдѣла Русской и Славянской Археологій, томъ II, Сиб. 1861 г., стр. 387: „докладная выписка о крестьянахъ, которые переведены въ село Намайлово, и въ приселки и въ деревни изъ разныхъ уѣздовъ“. — Описаніе Измайловскаго дворца у Забѣлина, лит. В, стр. 50. — Г. В. Есиповъ: „Сборникъ выписокъ изъ архивныхъ бумагъ о Петрѣ Великомъ“, томъ II, приказы, издан. Москва, 1872 г.

прислалъ тайно, никому-же повѣдавше сію тайну, священнаго масла великаго четвертка въ сосудѣ, и воды съ погъ больничныхъ братій, умывъ самъ тайно, и воды изъ колодезя Сергія три ведра, отиѣвъ молебень у колодезя, за своею печатью⁴.

И не вотще трудился Алексѣй Михайловичъ: въ царскихъ житницахъ въ Измайловѣ бывало до 27,000 четвертей хлѣба; въ Ригу посылалось на продажу до 200 берковцевъ льну; кромѣ того Измайлово давало ежегодно отъ 500 до 800 пудовъ хмѣля, до 179 пудовъ меду и почти столько же воску, не говоря уже о разныхъ стеклянныхъ издѣліяхъ, массѣ плодовъ и овощей, доставляемыхъ во дворецъ; врачебныхъ травахъ и кореньяхъ, посылаемыхъ въ Аптекарскій приказъ и т. п.

Въ Измайловѣ царь Алексѣй Михайловичъ живалъ только лѣтомъ; съ нимъ пріѣзжала и вся царская семья. Первые царскія хоромы были поставлены здѣсь около 1663 года на острову¹⁾. Дворецъ первоначально не былъ особенно обширенъ; онъ состоялъ изъ хоромъ, подклѣтовъ и верхнихъ „житей“; вся постройка его была какъ-бы сборная, соединенная крытыми переходами и лѣстницами. Тутъ были отдѣльныя помѣщенія для государя, царицы, царевичей, большихъ царевенъ и меньшихъ царевенъ. Кругомъ всѣхъ нижнихъ хоромъ шли перила, по периламъ баляски точеныя. Всѣ хоромы были деревяшныя, покрытыя тесомъ; у крылецъ верхи шатровые, „крытые тесомъ скалою по чешуйному обиванью“. Къ дворцу примыкала каменная двухъ-этажная церковь; въ верхнюю церковь св. Іосафа изъ царскихъ хоромъ вели брусяные переходы и здѣсь на хорахъ слушали службу царицы и царевны. На острову была еще одна церковь во имя Покрова Пр. Богородицы о пяти главахъ, крытая гонтомъ, съ высокими крыльцами; она обнесена была каменной оградой²⁾; возлѣ нея возвышалась башня съ тремя проѣзжими воротами; отсюда шель каменный мостъ черезъ Измайловскій прудъ въ 50 саж. длиною.

Царскій дворецъ издали казался окруженнымъ зеленью, такъ какъ передъ нимъ была огромная роца съ высокими, хотя рѣд-

¹⁾ Старинный планъ Измайловскаго острова съ плотинами помѣщенъ въ „Сборникѣ чертежей Москвы и ея окрестностей“, изд. Археологическаго Общества. Спб. 1861 г.

²⁾ Церкви эти были окончательныо отстроены при царѣ Оедорѣ Алексѣевичѣ.

кими, деревьями и тѣнистымъ кустарникомъ, который широко раскидывалъ свои вѣтви, иногда застилая собою дорожки. Съ западной стороны дворца находился звѣринецъ, представлявшій собою, по словамъ Рейтенфельса, тотъ-же лѣсъ, обнесенный заборомъ, гдѣ между разными диковинами показывали лосей, оленей, кабановъ, дикобразовъ, разныхъ пушныхъ и дикихъ звѣрей. Къ звѣринцу примыкалъ птичій дворъ, гдѣ водились лебеди, гуси, павлины англійскіе, куры, утки и разныя рѣдкія птицы. Ревъ звѣрей и крики разнообразныхъ птицъ, безъ сомнѣнья, были слышны дворцовыми обитателями.

Внутреннее убранство Измайловскаго дворца было проще, чѣмъ въ другихъ загородныхъ дворцахъ и даже въ нѣкоторыхъ боярскихъ и помѣщичьихъ домахъ: всѣ двери въ царскихъ хороммахъ были обтянуты краснымъ сукномъ и съ лужеными петлями, въ окнахъ окончины слюдяныя, вездѣ печи изразцовыя, круглыя, росписанныя разными красками, полы мощные дубовымъ кирпичемъ. Кромѣ столовъ и стульевъ почти не было никакой другой мебели. Нигдѣ не было видно и слѣда роскоши; все вниманіе обращено на многочисленныя хозяйственныя заведенія, которыя отличались наилучшимъ порядкомъ ¹⁾. Они составляли гордость хозяйства села Измайловскаго и ихъ прежде всего показывали иностранцамъ. Такъ, въ описаніи посѣщенія села Измайлова польскимъ посломъ Яномъ Гинискѣмъ, 27-го января 1672 года, вниманіе иностранцевъ гостей прежде всего старались обратить на стоявшее передъ селомъ „гумно царскаго величества изряднымъ zelo расположеніемъ“, на хлѣбъ, въ скирдахъ „ровнехонько“ уложенный; затѣмъ приказчикъ показывалъ имъ мельницы, плотину, житницы, построенныя одна возлѣ другой, наполненныя хлѣбомъ и окопанныя канавой. Хоромнос

¹⁾ При царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ въ приходныхъ книгахъ села Измайлова упоминаются слѣдующія сельско-хозяйственныя заведенія: каменная рига, житный дворъ, льняной дворъ съ амбарами, скотный дворъ, въ немъ 6 денниковъ, 3 избы, 4 амбара и погребу съ ледникомъ. Здѣсь содержалось 903 быка, 128 дойныхъ коровъ, 190 теллицъ, 82 телатъ, барановъ 284, свиней и борововъ 26, конюшенный дворъ, съ семью денниками, гдѣ находилось коней 704; сѣнной дворъ, винный заводъ, пивоварня, медоварня, солодовня и маслобойня, стеклянный заводъ; птичій дворъ, гдѣ водилось всякой птицы 484; знаменый дворъ съ погребами и амбарами для храненія панитковъ, припасовъ и земледѣльческихъ орудій.

строеніе и церковь послы видѣли только издали; сады и огороды не могли быть осмотрѣны ими по зимнему времени года.

Между тѣмъ Измайловскіе сады и огороды стоили того, чтобы познаться съ ними. Такъ называемый „виноградный“ садъ занималъ въ окружности 800 саженей; въ немъ росли сотни яблонь, груши, сливы, грецкіе орѣхи; ягодные кустарники занимали сотни саженей; между ними красовались піонин и другіе цвѣты. „Просяной“ садъ имѣлъ въ окружности 138 саж., тутъ былъ огородъ, гдѣ садили дыни, огурцы, капусту и всякія лѣтнія овощи; разводили цвѣты, сѣмена травъ, аптекарскія растенія. Вдоль по берегу р. Серебровки простирался на 33 саженьяхъ „регулярный“ садъ, слѣды котораго остались до настоящаго времени въ видѣ кустарниковъ шишовника, барбариса, крыжовника и пр.

Обширное Измайловское хозяйство находилось, главнымъ образомъ, въ вѣдѣніи приказчика и ключника. Въ приказной Измайловской избѣ хранилась денежная казна и книги „крестоприводныя Измайловской волости крестьянамъ и всякихъ чиповъ людемъ“, указныя памяти о всякихъ дѣлахъ, челобитныя, росписи, выборы на старость и цѣловальникѡвъ, поручныя записи, книги, тетради, столпы умолотные, приходные, расходные, продажныя, столпики посѣвные, ужиныя, укосныя, росписи „что изволилъ великій государь взять изъ села Измайлова“.

Приказчикъ жилъ обыкновенно на сѣѣзжемъ дворѣ, огороженномъ заборомъ. Не легко было его управленіе и другихъ начальственныхъ лицъ крестьянами, переселенными въ Измайловскія слободы изъ разныхъ мѣстъ. Тяжелыя работы, строгія взысканія и всякаго рода притѣсненія, обычныя въ Россіи во всѣ времена по отношенію къ простонародью, заставляли Измайловскихъ крестьянъ искать спасенія въ бѣгствѣ. Послѣ смерти Алексѣя Михайловича оказалось изъ составленнаго въ то время доклада, что изъ 664 крестьянскихъ семействъ, переселенныхъ въ Измайлово, 481 дворъ въ бѣгахъ, а „которые крестьяне въ остатокъ“ 183 двора и тѣ „наготовѣ бѣжать, мало не всѣ“.

Отъ Алексѣя Михайловича село Измайлово перешло въ полное владѣніе старшаго его сына, царя Ѳедора. Хозяйство шло при немъ тѣмъ же порядкомъ. Время отъ времени царь пріѣзжалъ съ своимъ дворомъ въ Измайлово, указывалъ „поить“ вся-

кихъ чиновъ людей и боярскихъ слугъ, угощаль бояръ и стольниковъ; по прежнему Измайлово поставляло во дворецъ всякіе запасы, живность, напитки, овощи, стеклянныя издѣлія. При царѣ Ѳеодорѣ произошли, однако, нѣкоторыя перемѣны въ Измайловѣ: передѣланъ былъ дворецъ, построены и исправлены разныя служебныя и хозяйственныя зданія, и по угламъ двора около царскихъ хоромъ поставлены четыре каменные башни.

Постройки, передѣлки и исправленія продолжались и тогда, когда собственникомъ Измайловской вотчины сталъ считаться царь Иванъ Алексѣевичъ, оставшійся старшимъ послѣ Ѳеодора. Къ этому времени относятся подробныя описи села Измайлова, сдѣланныя по приказу обоихъ царей Ивана и Петра и царевны Софьи; именемъ же трехъ царскихъ особъ и наказомъ изъ приказа Большого Дворца производились тогда перемѣны въ составѣ лицъ, завѣдывавшихъ хозяйствомъ въ селѣ Измайловѣ.

Богатое село Измайлово, повидимому, вовсе не было отдано ни во владѣніе, ни въ пожизненное пользованіе вдовѣ Ивана, царицѣ Прасковьѣ Ѳеодоровнѣ, — въ ея собственность перешелъ одинъ дворецъ. Петръ, водворявшій порядокъ въ дворцовомъ хозяйствѣ, разстроеномъ при Софьѣ, благодаря безцеремонному обращенію членовъ царской семьи съ казной, назначилъ веѣмъ имъ, и въ томъ числѣ Прасковьѣ Ѳеодоровнѣ, извѣстный окладъ содержанія деньгами и запасами, что врядъ-ли оказывалось нужнымъ, если бы царица владѣла на полномъ правѣ богатымъ селомъ и вотчиною Измайловымъ.

Въ подтвержденіе того, что Прасковья Ѳеодоровна была на томъ же положеніи, какъ и остальные члены царской семьи, считаемъ необходимымъ привести нѣкоторыя несомнѣнныя, хотя и отрывочныя, данныя. Такъ изъ приходо-расходныхъ книгъ Приказа Большого Дворца 1701 года мы узнаемъ слѣдующее:

„У комнаты великія государыни царицы Марыи Матвѣевны (вдовы царя Ѳеодора)—9 стоялыхъ, 21 подъемныхъ, итого 30 лошадей; на кормъ имъ по окладу 330 чети овса, 75 копенъ мѣрныхъ сѣна, 275 возовъ безъ чети воза соломы ржаной“.

Столько же значится у тетки царя, Татьяны Михайловны, только вмѣсто 330 чети овса ей отпущалось всего 304.

„У великія государыни царицы Прасковьи Ѳеодоровны 21 стоялыхъ, 56 подъемныхъ, итого 80 лошадей; на кормъ имъ: стоялымъ въ годъ, подъемнымъ на 7 мѣнцевъ 880 чети овса, 200 копенъ мѣрныхъ сѣна; на подетилку 732 воза соломы ржаной“.

Сравнительно большія цифры объяснить можно и тѣмъ, что у царицы Прасковьи были три дочери, которыя приняты въ расчетъ при назначеніи оклада. Хлопотала объ этомъ и сама царица, какъ видно изъ одного дописанія провинціалъ-фискала Терскаго въ октябрѣ 1722 года: „увѣдомился я,—писалъ Терскій,—что государыня царица Прасковья Ѳедоровна просила въ сенатѣ, чтобъ на комнату ея величества съ царевнами учинить окладъ противъ окладу, каковы учинены были къ комнатѣ царевны Натальи Алексѣевны“.

У царевны Натальи Алексѣевны: „14 стойлыхъ, 28 подъемныхъ, итого 42 лошади; на кормъ имъ: 476 чети овса, 107 копенъ съ третью мѣрныхъ сѣна, на подстилки 407 возовъ съ полу-возомъ соломы ржаной“.

Затѣмъ изъ бумагъ приказа Большой Казны того же 1701 года мы узнаемъ, что „къ великимъ государынямъ царицамъ (слѣд. Мароѣ Матвѣевнѣ и Прасковѣ Ѳедоровнѣ) и царевнамъ, по указнымъ статьямъ, въ 10 комнатъ по 2000 р. въ комнату, и на 1701 годъ къ прежнимъ взносамъ въ 20,000 рублей, къ 10,000 рублей, отпущено 10,000 р.“; на 1702 годъ—15,000, итого 25,000 рублей.

Почти столько же получала царица Прасковья Ѳедоровна и въ послѣдующіе годы, хотя сумма не всегда была одинакова. Изъ дѣла казначея царицы Деревнина оказывается, что въ приходѣ взято для нея изъ Большой Казны „окладныхъ“ на 1715 годъ 18,320 руб.; на 1716 г.—24,066 р. 9 алт. 4 ден.; на 1717 г.—12,600 руб.; на 1718 г.—32,915 руб.

Въ перечнѣ пѣвчихъ и крестовыхъ дьяковъ царскихъ особъ значатся пѣвчіе царицы Прасковьи Ѳедоровны, и имъ паравнѣ съ прочими отпущалось содержаніе изъ Приказа Большого Дворца ¹⁾.

Наконецъ мы видимъ, что между селомъ Измайловымъ и другими „дворцовыми“ селами, по крайней мѣрѣ въ 1701 году, не дѣлается различія. Разнымъ служителямъ и нижнимъ чинамъ села Измайлова отпущены деньги наравнѣ съ служителями села Воробьева, Преображенскаго и др.

Кромѣ царскаго оклада, царица Прасковья Ѳедоровна получала еще доходы со своихъ вотчинъ деньгами и запасами.

¹⁾ „Пѣвчихъ и крестовыхъ дьяковъ у Петра Алексѣевича 22 чел.; у Мароѣ Матвѣевны 12 чел.; у Прасковьи Ѳедоровны 12 чел. у Татьяны Михайловны 12 чел.; у Евдокіи Алексѣевны съ сестрами крест. 12 чел.; у Натальи Алексѣевны крест. 9 чел.; всего пѣвчимъ и крестовымъ 79 человекамъ отпущено въ 1701 году 821 четверть съ осминою и съ четверткомъ и половина пол-четверика ржи, овса тожъ“. (Еспновъ: Сборникъ архив. бум. о Петрѣ Великомъ, томъ 2-й, стр. 247).

Вотчины эти находились въ разныхъ волостяхъ Новгородскаго, Псковскаго и Копорскаго уѣздовъ, также въ Ставропольской сотнѣ, такъ что во владѣннн ея находилось 2,477 посадскихъ и крестьянскихъ дворовъ. По всему вѣроятію цифра эта далеко не выражаетъ полнаго числа дворовъ, принадлежавшихъ царицѣ, но мы не имѣемъ пока свѣдѣній о нихъ. Извѣстно только, что въ ея владѣннн находились еще довольно значительныя Нижегородскія имѣнія. Вотчины царицы Прасковьи находились въ вѣдѣннн старостъ и цѣловальниковъ, какъ видно изъ челобитной, поданной царицѣ крестьянами Осѣченской волости, въ 1711 г., гдѣ они жалуются ей на претерпѣваемыя ими притѣсенія.

Всѣмъ дворцовымъ хозяйствомъ царицы обыкновенно управлялъ Постельный (комнатный, кабинетный) Приказъ государыни царицы. Его составляли собственно только два лица: царицынъ дворецкій, стоявшій во главѣ вѣдомства, и дьякъ. Первый бывалъ, обыкновенно, близкій человѣкъ по родству или по старой испытанной службѣ. Правую рукою дворецкаго былъ дьякъ, на обязанности котораго лежала вся письменная часть и все дѣлопроизводство; то былъ какъ-бы главный секретарь царицы, производитель всякаго ея приказа и всякаго назначенія и распоряженія.

Именно такихъ двухъ лицъ мы и встрѣчаемъ при дворѣ Прасковьи Ѳеодоровны. Должность дворецкаго, повидимому, исполнялъ ея родной братъ Василій Ѳеодоровичъ Салтыковъ, приставленный къ пей Петромъ въ 1690 году. Мы его часто встрѣчаемъ въ Измайловѣ; она совѣтуется съ нимъ о всѣхъ домашнихъ дѣлахъ, даетъ ему различныя порученія. Другимъ близкимъ человѣкомъ царицы Прасковьи былъ стольникъ Василій Алексѣевичъ Юшковъ, опредѣленный по именному указу царя къ комнатѣ Прасковьи Ѳеодоровны и дѣтямъ ея въ 1701 году.

Юшковъ началъ свою службу при дворѣ царя Ивана Алексѣевича, когда ему было не болѣе 13-ти лѣтъ отъ роду; затѣмъ онъ былъ записанъ въ Семеновскій полкъ и находился въ походахъ въ Азовъ, подъ Керчью и въ первомъ Нарвскомъ походѣ 1700 года. Въ этомъ же году Василій Юшковъ получилъ отъ отца своего, Алексея Александровича Юшкова, многія помѣстья и вотчины въ разныхъ уѣздахъ. Отецъ передалъ сыну почти все свое недвижимое имущество съ обязательствомъ „ему, Васи-

лію, его, Алексѣя, поить и кормить, обувать и одѣвать и починывать, а будетъ онъ, Алексѣй, тѣ свои помѣстья похочетъ поворотить и ему, Алексѣю, поворотить вольно и чтобъ повелѣно было тѣ его помѣстья за нимъ, сыномъ его, справить“.

Такимъ образомъ Василій Юшковъ поступилъ ко двору Прасковьи Ѳеодоровны уже богатымъ человѣкомъ. Благоволила къ нему царица и съ своей стороны дарила деньгами, драгоценными камнями и даже деревнями, какъ мы увидимъ ниже. Между тѣмъ отецъ Юшковъ, паскучникъ вдовствомъ, вступилъ во второй бракъ съ молодою вдовою Вельяминовою и потребовалъ обратно отъ сына Василія уступленныя ему вотчины и помѣстья. Отъ этой бѣды спасла своего любимца царица Прасковья. По всеильному ходатайству ея, отца Юшкова задобрили чиномъ околничьяго, которымъ онъ былъ пожалованъ имяннымъ указомъ сенату 14 ноября 1711 года. И дѣйствительно, старикъ послѣ этого уже не поминалъ о возвратѣ ему вотчинъ и помѣстій.

Кромѣ Салтыкова и Юшкова мы встрѣчаемъ въ Измайловѣ при дворѣ вдовы царицы многочисленный мужской чинъ, хотя, разумѣется, далеко не такой, какъ прежде, такъ какъ въ годъ смерти царя Ивана однихъ стольниковъ числилось у царицы Прасковьи 263 чел. Теперь не позволяли этого и денежныя средства. Тѣмъ не менѣе, царица, сообразно своему сану, все еще держала ключника, подключника, подъячихъ, стражничихъ, конюховъ, сторожей, истопниковъ и всякихъ служителей. Женскій царицынъ чинъ былъ, разумѣется, еще многочисленнѣе.

Помимо всей этой нужной и ненужной челяди, царица, удовлетворяя своему личному вкусу, усвоенному съ дѣтства, окружала себя цѣлой толпой дармоѣдовъ другого рода: нищіе богомольцы и богомолницы, ханжи, гадальницы, всякіе калѣки, уроды, до того скромно проживавшіе въ подклѣткахъ ея Кремлевскихъ хоромъ и являвшіеся только по зову, теперь свободно разгуливали по Измайловскому дворцу въ своихъ грязныхъ изодранныхъ рубищахъ, выставя на показъ свои увѣчья и раны, гнусливо тянули свои пѣсни, плясали, продѣлывали разныя шутки. Только при посѣщеніи Петра, не терпѣвшаго этихъ остатковъ старины, они прятались въ дальніе чуланы. Число ихъ было такъ велико, что Татищевъ, не разъ лично посѣщавшій Прасковью Ѳеодоровну, говоритъ, что дворъ царицы отъ набожности былъ го-

спиталь на уродовъ, юродовъ, ханжей и шалуновъ. Изъ нихъ наибольшимъ уваженіемъ царицы пользовался полу-помѣшанный подъячій Тимоѳей Архиповичъ, выдававшій себя за святого и пророка. Нѣкогда онъ занимался иконописаніемъ, но потомъ бросилъ, сталъ „юродствовать міру“ и прожилъ при дворѣ Прасковьи Ѳедоровны 28 лѣтъ. Прасковья Ѳедоровна вмѣстѣ со своимъ другомъ, боярыней Настасьей Александровной Нарышкиной, поручали ему раздачи милостыни и другія благочестивыя дѣла ¹⁾. „Меня,—разсказываетъ Татищевъ,—Тимоѳей Архипычъ не любилъ, за то, что я не былъ суевѣренъ и руки его не цѣловалъ. Однажды, передъ отъѣздомъ въ Сибирь, я пріѣхалъ проститься съ царицей; она, „жалуя меня, спросила онаго шалуна: скоро ли я возвращусь?“—Онъ отвѣтилъ на это: „руды много накопишь, да и самого закопають“.

Пророчество это однако не исполнилось.

Разсказывали потомъ, будто Тимоѳей Архиповичъ предрекъ царевичъ Аниѣ Ивановнѣ ея далыѣйшую судьбу.

Прасковья Ѳедоровна вѣрила каждому слову Тимоѳея Архипыча и считала себя счастливою, что такой святой человѣкъ удостоиваетъ жить въ ея домѣ. Благочестіе и обычай побуждали ее также держать у себя вдовъ и сиротъ, давать пріютъ странникамъ; дѣлать, черезъ стольника своего Юшкова, подарки духовенству и церковныя вклады.

Такого рода расходы и содержаніе многочисленной челяди, разумѣется, не могли способствовать порядку въ дѣлахъ Прасковьи Ѳедоровны. Вдобавокъ, ее обкрадывали самымъ безсовѣстнымъ образомъ; крали у ней во дворцѣ, благодаря недосмотру ея любимца Юшкова; крали и довѣренныя лица, которымъ она поручала сборъ доходовъ съ своихъ имѣній. Изъ нихъ особенно выдаются Аргамаковы, отецъ и сынъ, на которыхъ лежала обязанность собирать доходы съ нижегородскихъ имѣній царицы и вести прихода-расходныя книги. Послѣ нѣсколькихъ лѣтъ ихъ управленія, въ книгахъ замѣчено было до

¹⁾ Настасья Александровна Нарышкина до смерти своей относилась съ любовью и уваженіемъ къ своему другу царицѣ, и завѣщала своимъ дѣтямъ и потомкамъ постоянно поминать въ молитвахъ „добрѣйшую“ Прасковью Ѳедоровну. См. „Русскій Архивъ“ 1874 г., кн. 12, стр. 612: „Ворода Тимоѳей Архипыча“ изъ воспоминаній Е. А. Нарышкиной.

300 подчистоукъ: убавлены въ чистовыхъ книгахъ приходы денегъ и хлѣба, также и въ черновыхъ книгахъ многія статьи вычернены, денегъ и хлѣба убавлено; въ среднемъ числѣ, какъ казались впоследствии сами Аргамаковы, они клали въ свой карманъ изъ сотни по рублю и болѣе.

Изъ вышеупомянутой челобитной крестьянъ Осѣченской волости мы узнаемъ, что старосты и цѣловальники неизвѣстно куда дѣвали мірскія деньги. Крестьяне писали царицѣ: „выборной мирской целовальникъ Григорей Ивановъ збиралъ съ насъ съ Корѣлянъ со всей Осѣченской волости, и съ Восресенскаго погосту всякіе денежныя многіе поборы; и тѣхъ денегъ, онъ целовальникъ собралъ 1,500 рублей, и въ тѣхъ въ многихъ зборныхъ мирскихъ денгахъ онъ, целовальникъ, по приходнымъ и по расходнымъ книгамъ отчетъ намъ въ миръ не даетъ; также того-жъ году (1711) староста Софронъ Анофреевъ въ подводахъ и въ работныхъ людѣхъ въ миръ вѣдомости не даетъ же, стакався они за одно... и зъ горланами и зъ ябедниками; а куды они такіе большіе денги дѣвали, про то мы, мирскіе люди не вѣдаемъ“.

Не вѣдала зачастую и сама Прасковья Федоровна, куда дѣвались ея деньги и всѣ-ли запасы доставлялись изъ деревень къ ея двору. Она бѣльшею частью довольствовалась тѣмъ, что дѣлала тѣ или другія письменныя распоряженія; вообще она писала письма въ большомъ количествѣ и повидимому охотно, не стѣсняясь своею сравнительною безграмотностью. Затѣмъ она проводила бѣльшую часть дня все-таки въ полной праздности, занимаясь главнымъ образомъ исполненіемъ обрядовъ, мало обращая вниманія на безурядицу и грязь, которыя царили въ ея домѣ. По извѣстіямъ иностранцевъ, кушанья за обѣдомъ царицы Прасковьи бывали дурно приготовлены, заправлены бѣльшею частью, по русскому обычаю, масломъ изъ грецкихъ орѣховъ или льняного сѣмени (конечно въ посту) и подавались кое-какъ, но зато кушанье въ было много и въ изобиліи. Кромѣ рыбъ, мяса, разныхъ холодныхъ и горячихъ блюдъ, блиновъ и пироговъ, неизбѣжною принадлежностью ея стола, какъ и всѣхъ достаточныхъ людей того времени, были орѣхи, ягоды, яблоки, дыни сырыя, моченныя и варенныя въ меду. Являлись гости, царица Прасковья принимала ихъ привѣтливо, угощала пивомъ и медами, и сама подносила вино въ золоченныхъ рюмкахъ или

поручала своимъ дочерямъ. Гости бывали у ней часто. Весною и лѣтомъ живали, а зимою наѣзжали все члены царской семьи. Царица Евдокія праздновала въ Измайловѣ дни рожденія и именины своего супруга, царя Петра Алексѣевича, ставила крестьянамъ пиво и вино, подавала нищимъ милостыню. Особенно хорошо бывало Измайлово лѣтомъ, когда въ окна теремовъ заглядывала зелень и свѣжій воздухъ вносилъ прохладу въ низенькія царскія хоромы, запертыя наглухо цѣлую зиму. Выходили тогда царицы и царевны въ садъ, подолгу гуляли, посѣщали иногда для развлечения хозяйственныя заведенія села Измайлова, кормили рыбу въ прудахъ, сзывая ее на кормъ по колокольчику. Въ праздники собирались хороводы передъ дворцомъ; царевны раздавали крестьяшкамъ пряники, куски маковой избойни и серебряныя копѣечки ¹⁾.

Изъ всехъ приведенныхъ подробностей видно, что царица Прасковья Федоровна жила въ с. Измайловѣ вполне зажиточною помѣщицей: у нея подъ рукой было все, что нужно для самаго обширнаго хозяйства; всевозможные ремесленники, мастера, повара, громадный штатъ прислуги были къ ея услугамъ. Царица правила, распоряжалась, судила и рядила, милвала и карала, принимала гостей, угощала ихъ, и жизнь текла въ довольствѣ, сытно и тепло, вполне соответственно развитію и потребностямъ измайловскихъ обитательницъ.

За царевнами ухаживало множество мамушекъ и нянекъ; онѣ гуляли съ ними въ тѣнистыхъ садахъ, посѣщали хозяйственныя заведенія, стеклянный заводъ, славный своими издѣліями; молились по церквамъ, забавлялись на прудахъ, которыхъ насчитывалось до двадцати. Царевны пускали туда щукъ и стерлядей съ золотыми сережками, и сзывали рыбу на кормъ по колокольчику. Подростая, онѣ привыкали въ теремахъ своихъ къ шитью и вышиванью шолкомъ и золотомъ, но руководѣлье пе

¹⁾ Документы, относящіеся до хозяйства царицы Прасковьи, въ Государственномъ Archivѣ Министерства иностранныхъ дѣлъ, дѣла Кабинет. долов. II, томъ LVI, дд. 454, 876—877; въ „Русской Старинѣ“ изд. 1872 г., томъ VIII: Царица Прасковья и ея письма, стр. 565—566. „Челобитная крестьянки Осѣченской волости“ въ изд. „Чтенія въ Моск. Обществѣ исторіи и древностей“ 1862 г., кн. IV, смѣсь, стр. 1. О Юшковѣ см. въ „Русской Старинѣ“, изд. 1872 г., томъ VIII, „Бутурлины и Юшковы“, статья П. О. Самарина, стр. 561—563.

далось имъ; по крайней мѣрѣ нѣтъ извѣстій, чтобъ какая-нибудь изъ трехъ сестеръ сдѣлалась искусницей въ этомъ дѣлѣ ¹⁾.

Свѣтлая сторона жизни матери-помѣщицы ярко рисуется передъ нами; но она не помѣшаетъ намъ перевернуть медаль — взглянуть и на черную сторону того же патриархальнаго быта, гдѣ самоуправство и жестокость клали столь густыя тѣни и не на такія лица, какова была Прасковья Оедоровна.

Но эту сторону характера мы еще увидимъ, а теперь нельзя не отдать справедливости особенному такту царицы приравливаясь къ обстоятельствамъ. Являя приверженность къ старинѣ, она въ то же время умѣла угодить царю Петру. Она не входила въ сношенія съ нелюбезными ему сестрами, неосторожно судившими и осуждавшими Петра и его сторонниковъ. Имѣя возможность часто навѣщать заключенную царевну Софью, Прасковья уклонялась отъ этихъ свиданій и не входила ни въ какія козни ²⁾.

Казни стрѣльцовъ и грозная опала, поразившая царскихъ сестеръ въ октябрѣ 1698 года, еще болѣе сдѣлали царицу осторожною въ отношеніи къ петровскимъ реформамъ; не отрѣшаясь вполне отъ святой для нея старины, она въ то же время дѣлала рядъ уступокъ требованіямъ новаго времени, и дѣлала это не по принужденію, а единственно изъ желанія сохранить расположеніе монарха. Такъ, мы у нея рано встрѣчаемъ гостей иностранцевъ. Подобно царицамъ, своимъ предшественницамъ, она любитъ въ 1697 году на вѣздѣ посольства Римскаго императора въ кремль изъ оконъ дворца, а въ 1698 г. имперскій посоль посѣщаетъ ее со свитою въ с. Измайловѣ. Царица-помѣщица весьма радушно принимаетъ иноземцевъ. „За посломъ, — описываетъ этотъ визитъ его секретарь, Корбъ, — слѣдовали музыканты, чтобы гармоническую мелодію своихъ инструментовъ соединить съ тихимъ шелестомъ вѣтра, который медленно стекаетъ съ вершины деревьевъ. Царицы, царевичъ и незамужнія царевны, желая немного оживить свою спокойную жизнь, которую ведутъ онѣ въ этомъ волшебномъ убѣжищѣ,

¹⁾ Воспоминаніе о подмосковномъ селѣ Измайловѣ, Москва, изд. 1837 г. — О хозяйственныхъ заведеніяхъ въ с. Измайловѣ, статья А. Малиновскаго въ „Землед. Журналѣ“, М. 1824, № II. — Также „Русск. Старина въ памятникахъ зодчества“, Москва, ч. 4.

²⁾ Устр., т. III, стр. 156.

часто выходятъ на прогулку въ рощу и любятъ гулять по тропинкамъ, гдѣ терновникъ распустилъ свои коварныя вѣтви. Случилось, что августѣйшія особы гуляли, когда вдругъ до ихъ слуха долетѣли пріятные звуки трубъ и флейтъ; они остановились, хотя возвращались уже во дворець. Музыканты, видя, что ихъ слушаютъ, стали играть еще пріятнѣе. Особы царской крови, съ четверть часа слушая симфонію, похвалили искусство всѣхъ артистовъ“¹⁾.

Между тѣмъ подростали дочери царицы Прасковьи. Первоначальное обученіе ихъ, вѣроятно, было ввѣрено одной изъ такъ называемыхъ дворцовыхъ „учительницъ“ или мастерицъ, на обязанности которыхъ лежало преподаваніе грамоты малолѣтнимъ царевнамъ. Прасковья Ѳеодоровна на этотъ случай уже заблаговременно запаслась книгой. Въ 1693 году, „по ея изволенію и повелѣнію“, іеромонахъ Каріонъ Истоминонъ, составитель учебниковъ для царевича Алексѣя Петровича²⁾, поднесъ царицѣ Прасковьѣ второй экземпляръ „Букваря славенороссійскихъ письменъ со образованіями вещей и со правоучительными стихами“, писанный красками и золотомъ³⁾. Букварь этотъ, по обычаю, перечитывался, конечно, столько разъ, что царевны выучили его наизусть.

Въ чемъ вообще состояло ихъ обученіе, мы можемъ только приблизительно составить понятіе изъ общаго состоянія первоначальнаго воспитанія въ тогдашней Россіи. Изученіе русскаго языка заключалось въ чтеніи и письмѣ и особливо въ читаніи всякаго письма рукописей. Далѣе полагалось чтеніе Библии и Новаго Заветъа. Хотя грамматики появились въ Россіи очень рано, но правила изучались больше практически, какъ было удобно учителю; въ правописаніи, прежде всего, требовалось какъ „ять“ съ „естемъ“ различать и гдѣ какія ударенія ставить. Сообщались также кое-какія свѣдѣнія изъ исторіи и географіи, но, конечно, въ крайне извращенномъ и отрывочномъ видѣ. Каллиграфія заключалась въ копированіи писанныхъ прописей, состоявшихъ изъ

¹⁾ Дневникъ Корба, изд. подъ нашею редакціею, Москва, 1868 г. стр. 183.

²⁾ Каріонъ Истоминонъ, кромѣ того, написалъ въ 1700 г. „Домострой въ подражаніе „Домострою Сильвестра“, найденный акад. А. О. Вычковымъ и помещенный въ „Извѣщенія Запѣтій Археографич. Ком.“ изд. 1862—1863, вып. II, Сиб. 1862 г.

³⁾ Пекарекій, „Наука и литература при Петрѣ Великомъ“. Томъ I, стр. 172—173.

краткихъ двустишій нравственнаго и религіознаго содержанія. Мы не въ состояніи сказать преподавалось ли цѣликомъ вся эта премудрость царевнамъ, или только отчасти, за неизмѣнимъ положительныхъ данныхъ. Одно несомнѣнно, что онѣ воспитывались въ „страхѣ“, такъ какъ строгость и розга считались первѣйшими педагогическими средствами. Розгѣ писались панегирики чуть ли не во всѣхъ азбуковникахъ XVIII-го вѣка и даже стихами ¹⁾.

Въ скоромъ времени при дочеряхъ ея, въ качествѣ учителя нѣмецкаго языка и гувернера, является заѣзжій нѣмецъ Іоаннъ-Христофоръ-Дитрихъ Остерманъ, старшій братъ знаменитаго впоследствии кабинетъ-министра ²⁾. Но это близкое родство съ человѣкомъ замѣчательнымъ не отразилось на умѣ Іоана-Христофора. Это былъ нѣмецъ бездарный, ни къ чему неспособный ³⁾. Петръ не употребилъ его къ какому-либо важному дѣлу, и даже Андрей Остерманъ, при всемъ своемъ значеніи, не находилъ возможнымъ дать ходъ Іоану. „Старшій Остерманъ, — такъ отзывались люди, близко его знавшіе, — былъ величайшій глупецъ, что не мѣшало ему, однако, считать себя человѣкомъ съ большими способностями, вслѣдствіе чего онъ всегда говорилъ загадками. Жилъ онъ очень уединенно и не пользовался уваженіемъ“ ⁴⁾.

Но онъ былъ нѣмецъ, нѣмецъ молчаливый, важный, преис-

¹⁾ Приводимъ здѣсь для образчика начало одного изъ подобныхъ панегириковъ:

Розгою Духъ святой дѣтище бити велить,
Розга убо ниже мало здравію вредигъ,
Розга разумъ во главу дѣтямъ вгоняеть,
Учить молитвъ и злыхъ всѣхъ встѣяеть;
Розга родителямъ послушны дѣти творить,
Розга божественнаго писанія учить и пр.

Стихи эти помѣщены цѣликомъ въ любопытной статьѣ Д. Л. Мордовцева: „О русскихъ школьныхъ книгахъ XVII в.“. См. „Чтенія М. Общ. Ист. и Др. Россійск.“ 1861 г., кн. 4-ая.

²⁾ Генрихъ-Іоаннъ-Фридрихъ Остерманъ былъ представленъ царицѣ своимъ братомъ педагогомъ. — „Какъ тебя зовуть?“ спросила Прасковья. — Генрихъ, отвѣчалъ нѣмецъ, сынъ Івана. — „И такъ, продолжала Прасковья, ты долженъ называться Андреемъ Ивановичемъ“.

³⁾ Russische Günstlinge. Тюбингенъ, 1809 г., стр. 83—85.

⁴⁾ Mémoires du duc de Lihria et de Berwick, écrits par lui-même.

полненный сознаниемъ собственнаго достоинства; нѣмцы были въ ходу, нѣмцы были въ силѣ, нѣмцы считались воспитателями наследника престола, и всего этого было достаточно для Прасковьи, чтобъ вручить воспитаніе дочерей Югану. Насколько въ немъ было педагогическихъ способностей—Прасковья не могла знать; а Петръ, не успѣвавшій приглядѣть за обученіемъ собственнаго сына, не имѣлъ времени полюбопытствовать о воспитаніи племянницъ. При нихъ былъ нѣмецъ, —мать и дядя, а болѣе всего самъ наставникъ, были спокойны и довольны.

Но кромѣ нѣмца, для полнаго развитія дочерей, необходимъ былъ французъ, и царица позаботилась принаять въ 1703 году француза Стефана Рамбурха.

Рамбурху обѣщано 300 рублей въ годъ съ тѣмъ, чтобы онъ всѣхъ трехъ царевенъ „танцу училъ и показывалъ зачало и основаніе языка французскаго“. За акуратное вознагражденіе учителя поручился Остерманъ.

Новый наставникъ, какъ видно изъ собственноручныхъ его писемъ, зналъ французскій языкъ довольно плохо, но это не мѣшало ему обучать царевенъ въ теченіе пяти лѣтъ, до 1708 года. „Зачало и основаніе французскаго языка“ не привились царевнамъ: ни одна изъ нихъ не овладѣла языкомъ настолько, чтобъ писать, даже и объяснялись на немъ плохо. Что же касается до танцевъ, то къ нимъ онѣ оказались положительно неспособными, въ особенности царевна Прасковья, съ малолѣтства дѣвушка слабая и болѣзненная; живѣе и подвижнѣе была Катерина.

Кто былъ виноватъ въ неуспѣхахъ царевенъ — онѣ ли сами, попечительная ли мамаша, или учителя,—неизвѣстно; извѣстно только то, что учителямъ стараться было не изъ чего. Рамбурхъ въ теченіе пяти лѣтъ ни разу не получилъ слѣдуемаго жалованья, не увидѣлъ его и потомъ послѣ „долголѣтнихъ докукъ царицѣ, царевнамъ и государю“ ¹⁾.

¹⁾ Его жалобы и челобитныя въ Госуд. Арх. при Мин. Ин. Дѣлъ. Каб., II. пол., книга 65, л. 726; кн. 69, лл. 118 и 119. Стефанъ Рамбурхъ пережилъ съ евоими молебани о выдачѣ ему заслуженнаго, еще въ 1703—1708 гг., жалованья царицу Прасковью, и еще въ декабрѣ мѣсяцѣ 1723 года, т. е. послѣ ея кончины,—былъ челою императору Петру:

„Въ прошломъ 1703 г.,—писалъ учитель „танцовальнаго искусства и поступи нѣмецкихъ учениствъ.“—зачалъ я, по указу, со великою прилежностію танцу учить ихъ высочестваъ государынямъ царевнамъ, племянницамъ вашего

Бѣдному французу было трудно что-нибудь получить отъ бережливой царицы; только одна ревность къ церкви и ея служителямъ вызвали Прасковью на подарки духовенству и церковныя вклады. Такимъ образомъ, спальникъ царицы, Юшковъ, лицо близкое, выбранное царевной Софьей, по порученію гоепожи, развозилъ дары святителямъ: Димитрію, Ростовскому ¹⁾ митрополиту, Иллариону Суздальскому, епископу Ростовскому Досифею и другимъ.

„Великой государыиѣ, благовѣрной царицѣ и великой княгинѣ, Прасковѣ Оедоровѣ, вашъ государскій богомолецъ, смиренный Димитрій, митрополитъ Ростовскій, всесвятаго Бога моля, челомъ бьетъ ²⁾).

„Во извѣстіе тебѣ, великая государыня, благовѣрная царица и великая княгиня, Параскева Оедоровна, доношу, что октября 18 дня отъ вашей государской пресвѣтлости спальникъ Василій Алексѣевичъ Юшковъ въ Ростовѣ вашу государскую милость миѣ возвѣстилъ, и жалованье: преизрядныя водки въ четырехъ сосудахъ стеклянныхъ, именуемыхъ бутылкахъ, и капусту красную три кочана объявилъ и вручилъ. Азъ же, смиренный, такую вашу государскую къ себѣ милость и выше именованное жалованье пріяхъ, благодарственно и смиренно челомъ бью. И кушаю во здравіе, про ваше государское здравіе. И за сіе ваше государское милостивое ко миѣ, богомольцу вашему, жалованье долженствую азъ о вашемъ государскомъ многолѣтномъ здравіи премилостиваго Господа Бога молити всегда“.

императорскаго величества, которымъ служихъ до 1703 году, и того пять лѣтъ. А за оныя мои труды обѣщано миѣ жалованья по 300 рублевъ на годъ, къ чему представляю во свидѣтели господъ Гуйзена и Остермана, которые тогда ихъ высочествуамъ и языкъ нѣмецкой учили. Однакожъ приужденъ послѣ десятилѣтнихъ моихъ доукъ въ Москвѣ домъ мой оставить и пріѣхавъ въ Санктъ Петербургъ, непрестанно просилъ о выдачѣ моихъ денегъ ея величества блаженныя памяти государыни царицы Прасковьи Оедоровны, которая изволила отогдѣ до дня отлагать, а послѣ смерти ея величества билъ челомъ и ся высочеству государыиѣ царевнѣ герцогинѣ Мекленбургской (Екатериинѣ Ивановнѣ), которая не изволила жъ миѣ никакое удовольствованіе учинить“ и проч.

¹⁾ Древн. Росс. Вивліоф., изданіе 2, т. XVII, стр. 67. Въ запискахъ Димитрія Ростовскаго, между прочимъ, отмѣчено: „20 января 1708 г. въ Ростовѣ была благовѣрная государыня, царица Прасковья Оедоровна, а съ ней была Ирина Володиміровна Курбатова съ Имеретинскимъ царевичемъ“ и проч.

²⁾ Годъ и число неизвѣстны. Др. Рос. Вивл., т. XVII, стр. 69.

Вообще надо сказать, что царица обмѣнивались письмами со многими представителями именитѣйшаго духовенства; но эти письма ограничивались увѣдомленіемъ о посылкѣ того или другого гостинца и просьбой благословенія и молитвъ. Иерархи за первое благодарили, благословляли—и общали молиться. Впрочемъ попадаются и въ этой корреспонденціи письма довольно интересныя. Такъ, напр., въ 1708 г., царица ходатайствовала у Дмитрія Ростовскаго за одного попа, пособника раскола. Вотъ что отвѣчалъ святитель 9 ноября того же года:

„Изволила ты, государыня, по милости своей милосердствовать о отставномъ вдовомъ попѣ, Давидѣ, села Курбы, дѣль его не вѣдая, чтобъ ему прощенью быть и на своемъ мѣстѣ жить по-прежнему. И я, богомолецъ вашъ, вашему царскому величеству о томъ попѣ творю извѣстно, что тотъ попъ, уже тому назадъ прошло годовъ два, какъ онъ отъ Курбовской церкви отставленъ, а священства не отлученъ, аще и достоинъ былъ отлученія, и велѣно ему постричься, въ коемъ себѣ избрать монастырь, понеже грамота государская у насъ есть, чтобъ вдовыхъ поповъ постригать; и по той грамотѣ постричься ему велѣли. А на его мѣсто того жъ часа поставихомъ попа инога, иже и до нынѣ тамо священподѣйствуетъ безъ порока. А вдовый попъ отставленъ по правиламъ за его неистовство и раскольническое противленіе церкви нашей православной, и за хуленіе книгъ новоправныхъ, и развращеніе людей простыхъ въ прелестъ раскольническую, и за лживыя его чудеса, и хуленіе на чудотворную икону Пресвятыя Богородицы Тольской, о чемъ все подробно розыскивали. Былъ въ то время въ Ярославлѣ бояринъ Иванъ Алексѣевичъ Мусинъ-Пушкинъ, и былъ при немъ тотъ розыскъ; самъ розыскивалъ, и обрѣлся того попа во всемъ вишность; и велѣлъ бояринъ не держать таковаго развратника, и святотатца, и хульника. Судивше убо, отставихомъ его отъ церкви; обаче милосердствуя о немъ, аще и мнѣ много было отъ него досады: предъ многими бо люди хуля мое смиренное имя, нарицалъ меня еретикомъ, и римляниномъ, и невѣршмъ, и многими бранями лаятельствую, обаче все то ему прощая Христа ради моего: иже укоряемый противу неукоряше, и стражда не прещаше. Взирая на незлобіе Спаса моего, тому попу простихъ и священство не запретихъ, и далъ ему волю из-

брати себѣ гдѣ мѣсто въ монастырѣ, въ коемъ либо постричься. А нынѣ, государыня, когда его пакы на прежнее мѣсто въ село Курбу пустить, то гдѣ сего, который нынѣ тамо служить погъ, опредѣлить? Какъ его отставить безвинно? Однако утѣшити виноватаго, а неповиннаго плакать заставить праведно ли будетъ? А къ тому и гнѣва Божія на себѣ боюся, егда волка, въ одеждѣ овчей суца, пуцу въ стадо Христово погубляти души людскія раскольническими ученыи. Еще же и государева гнѣва опасуюся, аще грамотѣ его, государевой, вдовыхъ поновъ постригать повелѣвающей, ослушенъ буду. Молю убо, ваше царское благородіе, не положите гнѣва на мя, богомольца своего, что не могу содѣлати вещи невозможной. Азь же, грѣшный, на того пона гнѣва не держу и не щу его, и запрещенія ему отъ меня нѣтъ; а принужденія къ иночеству нѣтъ же, какъ онъ себѣ хочеть. Овца, не слушающая пастыря, волку корыеть, а я чистъ отъ погнѣбелн его. Вашему же царскому величеству низко кланяюся“¹⁾.

Весьма вѣроятно, что царица ходатайствовала за этого чловека подѣ влияніемъ нѣкоторыхъ покровителей раскола. Извѣстно, что двоюродный дѣдъ ея, бояринъ Салтыковъ, монахъ Сергій (ум. 1655 г.), былъ ярый расколоучитель и оставилъ учениковъ²⁾. Дворецкій и служитель этого боярина, Псаія, былъ поборникъ раскола, совращалъ многихъ, былъ любимецъ и повластный распорядитель имѣній господина. По словамъ своихъ поклонниковъ: Псаія „за множество разума и за доброе ревности дворомъ всемъ не только былъ любимецъ и присный совѣтникъ господина, но и самому царскому величеству за благоразуміе познаваемъ бѣше..“

Не менѣе глубокое уваженіе питала Прасковья къ Іову, митрополиту Новгородскому: „Всеблаженнѣйшій и всепреподобнѣйшій архипастырь, писала къ нему царица, въ Дусѣ же святѣмъ любезнѣйшій нашъ отецъ и сладчайшій учитель, преосвященнѣйшій-киръ-Іовъ митрополитъ великаго Новаграда и Великихъ Лукъ. Желаніе души моя, да всемогущая и вседержавная

¹⁾ Др. Росс. Вивл. 1791, томъ XVII. Дневныя записки св. Дмитрія, митрополита Ростовскаго, стр. 66—68. М. 1791 г.

²⁾ Онъ былъ одинъ изъ сильнѣйшихъ и замѣчательнѣйшихъ заводчиковъ раскола. „Сиглитикъ царя Алексѣя (такъ повѣствуетъ исторіографъ раскола Денисовъ) Салтыковъ столько былъ смѣлъ, что даже въ присутствіи самого царя торжественно защищалъ двуверстный крестъ“.

тріпшастасная благость Божія сохранить ваше преосвященство благополучно, мирно, здраво, душеспасительно и многолѣтно!

„При семь возвѣстую вашему архипаству, по обѣщанію моему: послала я вашей святинѣ съ Ларономъ епископомъ Корельскимъ 100 рублевъ денегъ на строеніе пятибратскаго Созоненскаго (Соколенскаго) монастыря; благоволи принять, во удобное строеніе того монастыря, по твоему разсмотрѣнію, то наше подаяніе истощити, а о умедленіи сея присылки не позазри, понеже вѣстно вашему преосвященству, что уже не нынѣ и не только, но сугубо обѣщала дати, а умедлила, надежду имѣя на вице-губернатора Корсакова¹⁾ и объ отдачѣ къ нему и писано, но онъ сего не учинилъ, не вѣдую для чего; а сугубое достальное толкое жъ число желаю прислати или съ собою привезу, аще Богъ изволитъ и жива буду въ грядущее лѣто.

„Прошу вашего преосвященства, да не оставлена буду азъ и дщери мои въ вашихъ архипастврскихъ святыхъ молитвахъ.

„Еще прошу, надѣяся на вашу архипастврскую духовную любовь: пожалуй, батюшка, не прогнѣвайся на Ларона епискона за укосненіе ѣзды его изъ Москвы;—истинно неоднократно мы его удерживали; но онъ аще и немало печаленъ былъ о разлученіи вашего архипастврства, но исполняя наше повелѣніе, не дерзнулъ чрезъ наше слово отѣхати. Паки просимъ, по своему благому состоянію, отпусти ему сей долгъ. Многогрѣшная, припадая къ стопамъ твоимъ святительскимъ, о молитвахъ прошу. Царица Прасковья. Изъ Измаилова, 14 февраля 1714 г.“²⁾

Одно ужъ это письмо показываетъ, въ какихъ близкихъ и дружественныхъ сношеніяхъ находилась Прасковья съ представителями именитаго духовенства.

Пересылалась она съ ними письмами, посылала подарки, ходатайствовала о епископахъ, понахъ да діаконахъ, наконецъ ѣздила къ нимъ сама на поклонъ—молить о благословеніи, да внимать ихъ вѣщему слову.

¹⁾ Въ спискѣ, напечатанн. въ изд. „Чтенія М. Об. Истор.“: „на видѣ губернатора Корыхова“.

²⁾ Этотъ документъ сообщенъ намъ въ 1859 г. М. П. Погодинымъ и нѣсколько разнится, въ нѣкоторыхъ отдѣльныхъ словахъ, съ текстомъ того же письма, напечатаннымъ по другому списку въ «Чтеніяхъ Москов. Общ. исторіи и древн. русскійскихъ» 1860 г., кн. III, смѣсь, стр. 128—129.

Между прочимъ царица зачастую посѣщала уважаемаго ею митрополита Иллариона Суздальскаго; ѣздила къ нему, въ сопровожденіи своихъ дочерей, съ дарами и поклономъ, въ Спасо-кукоцкую и Золотиловскую обители. Въ одинъ изъ такихъ пріѣздовъ царица долго бесѣдовала съ уважаемымъ старцемъ, обнаруживала безпокойство о будущей участи своихъ царевенъ и просила за нихъ молиться.

Въ отвѣтъ на это преосвященный, въ прозорливость и даръ пророчества котораго вѣрила паства, вѣрила и Прасковья, предсказалъ царевнѣ Аннѣ высокую участь: престоль и корону.

Нѣтъ ничего удивительнаго, что Прасковья, съ малолѣтства обычная видѣть, среди даже родственниковъ, фанатиковъ, зачастую прибѣгавшихъ къ чудесамъ и чародѣйству для распространенія своего ученія, невольно сохраняла слѣбую вѣру въ предсказанія и во все чудесное. Въ низенькихъ покояхъ ея обширнаго дома, въ толпѣ челядинцевъ, особливо первое время, по словамъ Татищева, нами уже приведеннымъ выше, не только были теримы ханжи, пустосвяты и всякіе уроды физическіе и нравственныя, но нѣкоторые изъ нихъ почитались чуть-чуть не за святыхъ; въ обычномъ штатѣ благовѣрной государыни были гадалыцицы и пророки. Въ послѣднемъ званіи, какъ мы уже упомянули выше, состоялъ между прочими отставной подъячій Архипъ Тимооенчъ; у него цѣловали руки, просили благословенія, ждали вѣщаго слова и каждому бессмысленному изреченію придавали какое-то таинственное, во всякомъ случаѣ священное значеніе. При посѣщеніяхъ Петра, мнимыхъ пророковъ убирали въ дальніе чуланы; но всѣхъ скрыть было нельзя, и они давали поводъ монарху къ частымъ насмѣшкамъ. „Дворъ моей невѣстки, говаривалъ Петръ, госпиталь уродовъ, ханжей и пустосвятовъ“.

Но царица умѣла ему угодить въ другомъ, была къ нему предупредительна, во многомъ дѣлала уступки, и Петръ снисходилъ къ ся предразсудкамъ. Въ глазахъ Петра невѣстка его имѣла уже ту заслугу, что держалась вдали отъ его крамольныхъ сестеръ и опостылой жены и была на его сторонѣ, была близка къ его родной и всегда любимой сестрѣ, добродушной и веселоправной царевнѣ Натальѣ Алексѣевнѣ.

Въ декабрѣ 1702 г. царь Петръ праздновалъ въ Москвѣ

торжество побѣдъ Шереметева надъ шведами; празднество, между прочимъ, ознаменовалось церемоніальнымъ входомъ войскъ съ царемъ во главѣ и въ сопровожденіи плѣнныхъ шведовъ. Изъ оконъ одного частнаго дома любовалась на торжество царица Прасковья Ѳеодоровна съ царевной Натальей Алексѣевной, со множествомъ русскихъ и иностранныхъ господъ.

На праздникахъ царь Петръ приказалъ знатнѣйшимъ русскимъ господамъ и госпожамъ, въ числѣ 300 человекъ, явиться въ Измайлово въ 9 часовъ утра. Тоже предписано было иностраннымъ посламъ, нѣкоторымъ купцамъ и женамъ ихъ, такъ что всего набралось до 500 челов. Каждому предложено было поднести царицѣ Прасковьѣ праздничный подарокъ, въ видѣ серебряной или золотой вещицы. Подарки записывались въ особую книгу, съ обозначеніемъ имени дарившаго; затѣмъ ихъ отдавали одной изъ царевенъ, которая при этомъ позволяла цѣловать свою руку. Большая часть гостей послѣ этого разъѣхалась по домамъ, остальныхъ пригласили къ обѣду, послѣ котораго была пляска до полуночи ¹⁾.

Прасковья Ѳеодоровна отблагодарила царя тѣмъ, что отрѣшившись отъ старыхъ обычаевъ, вмѣстѣ съ тремя дочерьми и царевной Натальей Алексѣевной являлась въ Нѣмецкую слободу и, между прочимъ, была на свадьбѣ одного изъ приближенныхъ Петра. Свадьба праздновалась въ домѣ Лефорта. Это было большое каменное зданіе въ итальянскомъ вкусѣ, въ которое входили по лѣстницѣ съ правой и лѣвой стороны. Здѣсь были, по тому времени, великолѣпныя комнаты и большая зала съ богатыми обоями; для вящаго украшенія въ залѣ разставлено было множество серебряныхъ и вызолоченныхъ сосудовъ, взятыхъ изъ казны. Свадьба праздновалась два дня сряду, такъ что часть гостей, которыхъ было до 500 чел., осталась почевать въ Нѣмецкой слободѣ въ домахъ, назначенныхъ царемъ, чтобы на другое утро явиться во время на ширь.

Первый день прошелъ довольно чинно, мужчины и женщины сидѣли особо. Родная сестра Прасковьи, Настасья Ѳеодоровна, въ качествѣ сурруги князи-кесаря Ромодановскаго, которому,

¹⁾ Путешествіе чрезъ Московію Корнелія де-Брунна въ 1702—1703 гг. „Чтенія Москов. Общ. Исторіи и древности Россійск.“, издаи. 1872 г., кн. II, стр. 108, 52—53.

по приказу царя, воздавались царскія почести, изображала изъ себя царицу и съ комическою важностью возсѣдала одна, на возвышенномъ мѣстѣ за рѣшеткою. Въ послѣдній день гости обоего пола пировали вмѣстѣ и бѣльшая часть дамъ, въ томъ числѣ племянницы царя, явились въ нѣмецкихъ платьяхъ. Послѣ пира были устроены танцы.

Покончивъ съ необычными увеселеніями, Прасковья Ѳеодоровна вернулась въ Измайлово. Тамъ застала ее иностранный живописецъ Де-Бруинъ, которому Петръ поручилъ написать портреты трехъ племянницъ.

Де-Бруин у царица Прасковья показала моложе своихъ лѣтъ. По его словамъ, она была тогда, въ 1703 г., довольно дородна, по имѣла стройный станъ и ее почти можно было назвать красивою. Особенно очарованъ былъ живописецъ обращеніемъ царицы: и она, и дочери не разъ сами подносили вино; за обѣдомъ ему подавалась рыба, не смотря на великій постъ. Портреты, на которыхъ царевны были изображены въ нѣмецкихъ платьяхъ, очень понравились царицѣ; она подарила живописцу кошелекъ съ золотомъ и просила нарисовать для нея вторично портреты ея дочерей, такъ какъ первые были сданы Меншикову, по приказу царя.

Такимъ образомъ Де-Бруинъ довольно часто бывалъ въ Измайловѣ и однажды пріѣхалъ туда въ такое время, когда тамъ справлялось новоселье въ деревянной пристройкѣ для царевенъ. Ждали и царское семейство. Въ первой комнатѣ, по случаю новоселья, полъ былъ устланъ сѣномъ; направо стоялъ огромный столъ, уставленный большими и малыми хлѣбами, принесенными по случаю справляемаго торжества; на нѣкоторыхъ были щепотки соли, на другихъ — серебряныя солонки. Стѣны комнаты вверху надъ окошками и дверьми были украшены семнадцатю иконами. Братъ царицы, Василій Ѳеодоровичъ Салтыковъ, съ священниками и вельможами, находился въ концѣ комнаты, гдѣ служили молебенъ; царица, со множествомъ дамъ, во время службы, стояла въ третьей комнатѣ.

Изъ угожденія государю рѣшилась царица Прасковья промѣнить свое привольное Измайлово ¹⁾ на неизвѣстный и едва ли

¹⁾ Кстати замѣтить, что Прасковья была очень встревожена 25 февраля 1700 года: „Часу въ третьемъ случился пожаръ, загорѣлись ея хоромы, — по-

любезный для нея Петербургъ. Она не могла не знать тѣхъ неудобствъ и лишеній, съ которыми неминуемо сопряжена была столь дальняя поѣздка по сквернѣйшей дорогѣ въ страну болотную, полудикую, бѣдную, въ конецъ опустошенную продолжительной войной; но толковая женщина не могла не видѣть, что городокъ, возникающій изъ этихъ болотъ, есть любимое созданье Петра, и она долгомъ считала выполнить указы, неоднократно повѣлѣвавшіе именитымъ москвичамъ переселяться на берега Невы.

24-го августа 1706 года происходило погребеніе любимой тетки государя, царицы Татьяны Михайловны; между прочими членами царскаго семейства шла Прасковья съ старшею дочерью Катериной; вся процессія была въ „печальномъ, смирномъ платьѣ, со свѣщами“¹⁾.

Послѣ печальной церемоніи, сборы въ дорогу усилились; но они не могли быть скоро конченными, такъ какъ все почти царское семейство разомъ подымалось на переселеніе²⁾. Только 22 марта 1708 года безкончныя вереницы колымагъ, повозокъ и подводъ съ царицами, царицами, боярами и боярынями, съ громадной прислугой и обозами съ вещами, потянулись въ Петербургъ, по дорогѣ, едва проложенной.

При всѣхъ неудобствахъ дальней поѣздки, она не могла быть особенно скучна ни для царицы, ни для царицъ; они ѣхали въ большой компаніи; тутъ была царица Мароа Матвѣевна, вдова царя Федора, сестры Петра: царицы Наталья, Марья и Федосья; князь Федоръ Юрьевичъ Ромодановскій, Иванъ Ивановичъ Бутурлинъ и множество именитѣйшихъ сановниковъ.

Конецъ путешествія совершенъ былъ водою изъ угожденія царю, страстному любителю путешествій водою.

20 апрѣля 1708 г., въ Шлиссельбургѣ, безконечная флотилія встрѣчена была державнымъ хозяиномъ. „Я приучаю мою семью къ

жарь съ нуждой удержанъ“. Письмо О. А. Головина къ Петру I. Госуд. Арх. Собраніе писемъ Петра Великаго.

¹⁾ Чинъ погребенія цар. Татьяны Михайловны въ Др. Росс. Вифлюфикъ, изд. 1, ч. IV, стр. 352—367.

²⁾ 1708 года марта—въ день, по указу государеву, была на постельномъ крыльцѣ сказка: велѣно ѣхать царедворцамъ по домамъ съ Москвы, а первой статѣй велѣно быть на Москвѣ. Марта въ 22 день съ Москвы изволили пойти въ Петербургъ царицы, также и бояре съ женами. Желобужскій, изд. 1840 г., стр. 240—241.

водѣ,—говорилъ царь Петръ Аираксину,—чтобъ не боялись впрядь моря, и чтобъ поправилось имъ положеніе Петербурга, окруженнаго водой. Кто хочетъ жить со мною, тотъ долженъ бывать часто на водѣ“.

Въ Шлессельбургѣ, вельдетвіе дурной погоды и льда, шедшаго изъ Ладожскаго озера, государь пробылъ съ гостями пять дней ¹⁾, показывая имъ все достойное вниманія и заботясь объ устройствѣ торжественной встрѣчи. Флотилія съ царицами и царевнами, вновь встрѣченная государемъ, приплыла къ столицѣ 25 апрѣля 1708 г. Дорогія гости приглашены были въ губернаторскія старыя хоромы, бывшія при вѣздѣ въ городъ. Лишь только пріѣзжіе стали подыматься изъ буеровъ, въ городѣ грянулъ залпъ, другой, третій, загремѣла пальба: то Петербургъ ликовалъ, принимая царственное семейство. Въ губернаторскомъ домѣ загорѣлся пиръ горой; веселились довольно, и только за полночь разѣхались по домамъ пьяные гости и гостыи. Царица съ дочерьми осталась ночевать въ губернаторскомъ домѣ.

Путешественницы, утомленныя дорогой и прюмъ, крѣпко и долго спали. Въ десятомъ часу утра ихъ разбудилъ крикъ: „пожаръ, пожаръ“! Губернаторскій домъ, довольно ветхій и деревянной постройки, былъ охваченъ пламенемъ. Всѣ бывшіе въ домѣ спаслись; но большая половина верхняго жилья сгорѣла со многими вещами и пожитками ²⁾.

Государь успѣшилъ познакомить гостей съ своимъ обширнымъ хозяйствомъ; онъ водилъ и возилъ ихъ по городу, обращалъ вниманіе на всѣ постройки, на новыя и проектированныя улицы, площади, каналы. Отрекомендовавъ столицу, Петръ плавалъ съ гостями въ Кроншлотъ; наконецъ изъявилъ желаніе, чтобъ они проводили его въ Нарву, откуда онъ долженъ былъ ѣхать для военныхъ операцій въ Смоленскъ. Царская фамилія выѣхала 25 іюня 1708 г., монархъ знакомилъ ихъ съ мѣстностью (отраднаго въ ней было мало); хвалился новосозданными крѣпостцами, Копорьемъ да Ямбургомъ; въ Нарвѣ отпраздновали пріѣзжіе день ангела государя. Молебны, пушечная пальба, огненные потѣхи—все было, какъ слѣдуетъ. На другой день государь по-

¹⁾ „Русск. Арх.“ 1875 г., кн. III, стр. 60.

²⁾ Юрналъ 1708 г. Достопам. повѣтствов. о Петрѣ I Партова (Москвит. 1842 г., ч. VI, № 11). Журналъ Петра I, изд. 1770 г., ч. I-я, стр. 150, 151, 154.

ѣхаль далѣе, а царицы и царевны вернулись въ Петербургъ, въ то время не укрѣпленный еще за нами полтавскимъ боемъ.

Прасковья съ дочерьми отведенъ былъ домъ въ полную ея собственность, едва ли не ея же людьми выстроенный на Петербургской сторонѣ, недалеко отъ крѣпости, вверхъ по Невѣ, близъ Петровскаго домика. На этомъ берегу жилъ государь; недалеко былъ деревянный домъ князя Меншикова, съ виду похожій на церковь, мазанковые дома канцлера Г. И. Головкина, вице-канцлера Остермана, барона Шафирова и другихъ знатныхъ лицъ русскихъ и иноземцевъ ¹⁾.

Петербургъ представилъ новопріѣзжимъ непривлекательное, но весьма любопытное и оригинальное зрѣлище. На обоихъ берегахъ красавицы-Невы ежедневно выростали изъ болотъ деревянные, мазанковые, а мало-по-малу и каменные домики; вытягивались амбары, госпитали; разбивались лавочки, образовывались гостинные дворики, возникала торговля. На одномъ изъ подобныхъ дворовъ, на мѣстѣ нынѣшней Троицкой площади, царица и ея дочери могли видѣть самыя разнохарактерныя и разноязычныя толпы народа. Предъ окнами ея дома текла роскошная Нева, покрытая сотнями струговъ изъ Ладоги, Новгорода и другихъ городовъ, съ товарами и съѣстными припасами.

Если быстро возникали домики да лавки, то частенько и исчезали они въ пожарахъ. Такъ, напр., въ 1710 году Прасковья была свидѣтельницею сильнаго пожара, до тла уничтожившаго сосѣдній гостинный дворъ. Пожаръ не обошелся безъ грабежа, вслѣдствіе чего иепелище скоро украсилось четырьмя висѣлицами. На нихъ, по жребію, изъ 12-ти человѣкъ осужденныхъ вздернули четверыхъ.

Невеселое и недешевое житье было въ Петербургѣ, особливо первые годы по переселеніи. Городъ и его жалкія окрестности были опустошаемы пожарами, моровою извою, наконецъ голодомъ, такъ какъ за неустройствомъ нутей сообщенія подвозъ провіанта былъ крайне затруднителенъ и цѣны на все стояли непомерныя. Волки забѣгали въ дома, скоть падалъ, люди, опухшіе отъ голода и холода, мерли до такой степени, что въ го-

¹⁾ „Описание С.-Петербурга въ 1710—1711 г^г. Спб. 1860 г., стр. 15—17, 56—58, перепечатано въ „Русской Старинѣ“, изд. 1882 г., томъ XXXVI, стр. 33—60, 293—312.

родскихъ домахъ, да въ избахъ окрестныхъ деревень оставалось въ живыхъ не болѣе двухъ-трехъ душъ.

Прасковья не легко было содержать большую дворню трудно подвозимыми припасами; пожары да наводненія пугали ее не мало, и нѣтъ сомнѣнія, воспоминаніе о дорогомъ Измайловѣ не разъ отравляло для нея петербургскія удовольствія. Тѣмъ не мене должно было покоряться необходимости: царица находилась въ прямой зависимости отъ государя; ей дорога была его милость — и тѣмъ дороже, что надо было пристраивать подроставшихъ дочерей.

Судьбу своихъ царевенъ Прасковья благоразумно предоставила Петру, а тотъ распоряжался племянницами сообразно съ планами своей политики. Желанія и нежеланія царевенъ не могли входить въ расчетъ ни матушки, ни дядюшки: первая выросла въ сознаніи необходимости невольнаго брака, а послѣдній хотя и освободилъ царевенъ отъ теремнаго заточенья, но настолько, чтобъ онѣ не выходили изъ-подъ его власти и предоставляли ему распоряжаться ихъ жизнью.

III.

ЦАРЕВНА И ГЕРЦОГИНЯ АННА ИВАНОВНА.

«...Государыня моя тетушка.. содержи въ своей неотменаі милости: еі, еі, у меня крѣме тебя, светъ мой, нетъ никакой надежды!... (матушка моя, царица Прасковья) гневна на меня; і мне, светъ мой, печальна, што насъ мутять.... і ни чѣмъ не могу радоваца; толка радуюсь, матушка моя, твоею милостью къ себе.... Попроси, светъ мой, милости у дарагова Государя нашего, батюшка дядюшка, оба мне, штобъ показалъ милость; мое супружественнае дела ко окончанію привести, дабы я болше въ сокрушеніи і терпѣніи отъ моихъ злодеевъ ссораю къ матушке не была.. несиозна, какъ нами ругаютца! Если бы я танерь была при матушки, чаю бы чуть была жива отъ ихъ смутакъ .. «...Еі, еі, матушка, моя дарагая тетушка, крѣме Бога і дядюшки, і тебя, светъ мой, не імею на свете радости въ моихъ печалехъ.. »
 Анна къ царю Екаториѣ, 4 іюля 1719 и 26 февр. 1720 г.

Первый женихъ съискался для царевны Анны Ивановны въ лицѣ молодого герцога Курляндскаго Фридриха-Вильгельма, племянника короля Прусскаго.

Объ этомъ бракѣ говорено было еще въ октябрѣ 1709 г. на свиданіи Петра съ королемъ Прусскимъ въ Маріенвердерѣ. Дѣло было тутъ же улажено, оставалось герцогу посвататься. Дорожа могучимъ сосѣдомъ, герцогъ не заставилъ себя долго ждать, и въ іюлѣ 1710 г. его уполномоченные заключили супружескій договоръ. Послѣ ратификаціи договора герцогъ получилъ приглашеніе пріѣхать въ столицу, куда и прибылъ въ сопровожденіи фельдмаршала Шереметева въ августѣ 1710 г. ¹⁾.

¹⁾ Переговоры о бракѣ шли съ 1709 г. Герцогъ писалъ Петру письма, благодарилъ царя за его милости и умолялъ вывести русскія войска изъ Кур-

Государь принялъ его съ необыкновеннымъ радушiемъ; царица Анна, по убѣжденiю матери, написала къ нему любезное письмо на нѣмецкомъ языкѣ, чѣмъ заявляла усѣхн своего обученiя у Остермана-старшаго; наконецъ Прасковья Федоровна угостила на славу дорогого гостя. Женихъ довольно близко сошелся съ членами царскаго семейства; вмѣстѣ съ ними принималъ онъ участiе во всѣхъ пирахъ, церемонiяхъ и празднествахъ. Въ сентябрѣ въ честь герцога произведены были всѣмъ флотомъ маневры. Государь развлекалъ Фридриха то фейерверками, то пальбой, то катаньемъ въ обществѣ дамъ, то гулянками въ средѣ дорогихъ собутыльниковъ. Между ними герцогъ явилъ несомнѣнный талантъ — пилъ до невозможности; чуть не заливался онъ русскимъ пѣнникомъ, а 10 декабря 1710 г. едва не погибъ,

лиди. „Ваше Величество, писалъ герцогъ, возимъ надъ мною милость меня своимъ воспрiяти: того ради ублажався вашею отеческою милостивою опекою о благосостоянii моемъ, во всемъ, а особливо въ томъ, что благодушное любочестiе возимъбете очищенiемъ скоро послѣдующимъ монхъ предѣловъ и правъ, которые по неповоротному моему убытку отъ короны Свейскiя, по се число удержано было меня впоследствии обрадовати...“

Между женихомъ и невѣстою также шель объиѣт писемъ. Царица Анна писала герцогу: „Изъ любезнѣйшаго письма вашего высочества, отправленнаго 11-го iюля (нов. ст.), я съ особеннымъ удовольствiемъ узнала объ имѣющемся быти, по волѣ Всевышняго и ихъ царскихъ величествъ, монхъ милостивѣйшихъ родственниковъ, бракъ нашемъ. При семъ не могу не удостовѣрить ваше высочество, что ничто не можетъ быть для меня прiятнѣе, какъ услышать ваше объясненiе въ любви ко мнѣ. Съ своей стороны увѣрю ваше высочество совершенно въ тѣхъ чувствахъ, что при первомъ сердечно желаемомъ, съ Божью помощю счастливымъ личномъ свиданii предоставляю себѣ повторить лично, оставаясь между тѣмъ, свѣтлѣйшiй герцогъ, вашего высочества покорнѣйшею служеницею“¹⁾.

Въ такомъ же тонѣ и, разумѣется, на нѣмецкомъ языкѣ писано герцогу отъ имени царицы Прасковьи и князя Меншикова.

10-го iюля 1710 г. былъ заключенъ брачный договоръ, по которому сверхъ одежды, данной въ приданое, клейноды и пр., царицѣ назначено 200,000 р. деньгами. Изъ этой суммы 160,000 или герцогу заимообразно на выкупъ заложенныхъ его имѣнiй, которыя служили герцогинѣ вмѣсто заклада. Она и ея служители могли свободно справлять богослуженiе и для того „будеть одна церковь по греческому украшенiю устроена“. Дѣти мужскаго пола должны были воспитываться въ „евангелической лютеранской вѣрѣ“, а дочери — въ греческой. Если бы герцогъ умеръ безъ наследниковъ, то вдова имѣла получить достойное вдовское жилище и замокъ и по 40,000 р. на годъ, на пропитанiе.

¹⁾ Выписки изъ дѣлъ Госуд. Архива при Министертвѣ Иностранныхъ дѣлъ. — Busching's Magazin, томъ IV.

но не отъ пѣнника, а отъ невской воды: въ ночь, при сильномъ морскомъ вѣтрѣ, поднялась страшная буря; вода выступила изъ береговъ, и между прочими строеніями едва не унесла тотъ домъ, гдѣ мирно почивалъ женихъ изъ Курляндіи ¹⁾).

Мы не имѣемъ вполне достовѣрныхъ данныхъ, по которымъ могли бы объяснить, почему выборъ герцога упалъ не на пухлую, бойкую, румяную царевну Катерину, а на смуглую, угрюмую и рябоватую Анну. Позволяемъ себѣ только догадываться, на основаніи нѣкоторыхъ фактовъ, что со стороны герцога выборъ не былъ произволенъ. Въ герцогѣ не было ничего такого, что могло бы вызвать большую симпатію Прасковьи. Царевна Катерина была любимцею матери, снискала особенное расположеніе дяди,—и вотъ царица и царь рѣшились обождать для нея новаго и, можетъ быть, болѣе удачнаго жениха.

Впрочемъ и настоящая свадьба послужила достаточнымъ предлогомъ для нескончаемаго ряда празднествъ и денныхъ, и ночныхъ, и на землѣ, и на водѣ. По свидѣтельству современника, „невѣроятное“ число пороха растрчено было при этомъ, такъ какъ каждый тостъ,—а имъ не было числа,—сопровождался 11-ю пушечными выстрѣлами.

Свадьба назначена была 31 октября 1710 г. За нѣсколько дней о ней оповѣстили съ большими церемоніями. Въ день свадьбы, въ девять часовъ утра, самъ государь, въ качествѣ оберъ-маршала, въ сопровожденіи знатнѣйшихъ кавалеровъ, на плюшкахъ отправился къ Прасковѣ. Впереди гремѣлъ хоръ нѣмецкихъ музыкантовъ; на средней баржѣ красовался царь—въ аломъ кафтанѣ, съ собольими отворотами, серебряной шпагой на серебряной портупелѣ и орденомъ св. Андрея на голубой лентѣ. На головѣ вмѣсто шляпы былъ напудренный парикъ, а въ рукѣ большой маршальскій жезль, у котораго на пестрыхъ лентахъ висѣла кисть, украшенная золотомъ и серебромъ.

А между тѣмъ въ домѣ царицы все уже было готово: невѣсту окружали мать, сестры, царевны-тетки и знатнѣйшія русскія дамы, всѣ въ нарядныхъ нѣмецкихъ платьяхъ.

По прибытіи государя, послѣ обычныхъ церемоній, присутствовавшіе особой процессіей отправились къ плюшкамъ, гдѣ и

¹⁾ О поводеніи см. Журналъ 1710 г.

размѣстились по церемоніалу. Здѣсь дамы оставались, пока расторопный оберъ-маршалъ не привелъ къ шлюпкамъ жениха и его свиту. Всѣ уѣли. Музыка гремѣла по прежнему, и флотилія изъ 50-ти разукрашенныхъ судовъ поплыла внизъ по рѣкѣ къ палатамъ князя Меншикова.

И плыла флотилія, и шли высадившіяся лица на берегу не иначе, какъ по особому установленному церемоніалу. Невѣста была въ бѣлой бархатной робѣ, съ золотыми городками и длинной мантіей изъ краснаго бархата, подбитой горностаемъ; на головѣ красовалась богатая королевская корона. Герцогъ былъ въ бѣломъ, затканномъ золотомъ кафтанѣ.

При входѣ во дворъ дома, рота Преображенцевъ отдала честь при звукахъ музыки. Обрядъ вѣчанія совершенно былъ архимандритомъ Осодосіемъ Яновскимъ въ полотняной походной церкви, поставленной въ хорамахъ Меншикова. Архимандритъ объяснилъ по-латыни жениху сущность обряда, но при совершеніи его нашелъ нужнымъ опустить нѣкоторыя церемоніи.

Послѣ вѣчанія всѣ отправились обѣдать. Столы были накрыты въ двухъ великолѣпно-убрашенныхъ залахъ. Въ первой залѣ, гдѣ нынѣ церковь Павловскаго военнаго училища, за свадебнымъ столомъ сидѣли новобрачные подъ лавровыми вѣнками; напротивъ сидѣли сестры невѣсты, мать-царица, сестры царя и нѣсколько дамъ; остальные гости—а ихъ было не мало—размѣстились также по чинамъ да разрядамъ, и пиръ, искусно управляемый неутомимымъ оберъ-маршаломъ, пошелъ обычной чередой. Царь былъ очень веселъ; тостъ смѣнялся тостомъ, и каждый разъ заздравиное питье было сигналомъ залпа изъ 41 пушки, размѣщенныхъ на плацу (нынѣ плацъ Павловскаго военнаго училища) и на яхтѣ „Лизетъ“, которая красовалась на Невѣ.

Обѣдъ смѣнился танцами; открылся балъ во вкусѣ того времени, съ трубками, пивомъ, водкой, штрафными кубками, которые, придавая развязность гостямъ, заставляли ихъ смѣлѣй да смѣлѣй выдѣлывать всѣ антрапа нѣмецкихъ да французскихъ танцевъ.

Дамы и кавалеры были неутомимы; только въ третьемъ часу по полуночи прекратился балъ. Новобрачные сѣли за столъ, уставленный конфектами и винами; послѣ чего царица Прасковья отвела Анну въ спальню, куда вскорѣ самъ государь проводить молодого.

На другой день — другой пиръ. Передъ обѣдомъ государь сорвалъ вѣнокъ, висѣвшій надъ герцогомъ; послѣдній долженъ былъ сдѣлать тоже самое съ вѣнкомъ молодой, но никакъ не могъ сладить: руки ли отказывались ему служить послѣ тостовъ, или вѣнокъ въ самомъ дѣлѣ былъ крѣпко связанъ, — какъ бы то ни было, но герцога нашель нужнымъ разрѣзать его ножомъ.

При украшеніи столовъ Петръ явилъ обычный ему юморъ: такъ на главныхъ столахъ возвышались два громаднѣйшіе пирога, четвертей въ пять. Когда прочее кушанье было снято, государь вскрылъ пироги, и ко всеобщему восторгу и изумленію изъ нихъ выскочили двѣ разряженные карлицы. Петръ отнесъ ихъ на свадебный столъ, и здѣсь, по его приказу, карлицы исполнили минуэть. Между тѣмъ, тосты продолжались, пальябъ гремѣла чаще и чаще; затѣмъ начались танцы; а съ наступленіемъ вечера сожженъ былъ на Невѣ фейерверкъ съ разными аллегорическими фигурами. Огненной потѣхой распорядился самъ Петръ, на этотъ разъ, впрочемъ, не совѣмъ удачно: онъ едва не заплатился за неосторожное обращеніе съ огнемъ.

По домамъ разлѣхались раиѣ вчерашняго, и герцогъ съ молодой опочили не въ палатахъ Меншикова, а въ своемъ домѣ.

2 ноября 1710 года пасторъ герцога благословилъ бракъ проповѣдью, а въ слѣдующее воскресенье молодой угостилъ пиромъ оберъ-маршала, маршаловъ, родню жены и всѣхъ именитыхъ лицъ ¹⁾).

Но этимъ не кончились пиры да забавы, вызванные свадьбою царской племянницы. Государь хотѣлъ до-сыта распотѣшить герцога Курляндскаго съ его свитой, да потѣшиться и самому съ приближенными.

Потѣхою послужила устроенная царемъ публичная свадьба карлика Екима Волкова. На эту свадьбу свезли изъ Москвы и другихъ мѣстъ, за нѣсколько сотъ верстъ, 72 карлы и карлицы, отобрали ихъ отъ дворовъ и двориковъ царицы Прасковьи, царицы, бояръ и боярынь, которыя, вѣлѣдъ за высочайшимъ

¹⁾ Журналъ 1710 г. Подробности брачной церемоніи Анны Ивановны см. въ современном и правдивомъ описаніи С.-Петербурга. Описаніе это, относящееся къ 1710—1711 годамъ, напечатано въ Лейпцигѣ въ 1713 г.; издано въ русскомъ переводѣ Императорскою Публичною Библиотекою: „Описаніе Сиб. и Кроншота въ 1710—1711 гг., переводъ съ нѣмецкаго съ примѣчаніями. Сиб. 1860 г.“ Второе изданіе „Описанія“ см. въ „Русской Старинѣ“ изд. 1882 г., томъ XXXVI.

дворомъ, имѣли обыкновеніе держать шутихъ, дураковъ, дуръ, карловъ и карлицъ.

14 ноября 1710 года, при всемъ царскомъ семействѣ и большомъ стеченіи публики, въ крѣпостной церкви совершенно было бракосочетаніе карлы и карлицы. Всѣ мелкіе обряды, весь порядокъ процессіи до вѣнца, самое вѣчаніе и послѣ него всѣ чины свадебныя были исполнены надлежащимъ образомъ.

Въ церкви женихъ на вопросъ священника: хотеть-ли онъ жениться на своей невѣстѣ? громко отвѣчалъ: „На ней и ни на какой другой“. Невѣста на вопросъ: хотеть-ли она выйдти за своего жениха и не общала-ли уже руки другому? отвѣчала: „Вотъ была бы штука!“ Ея „да“ чуть можно было разслышать, что возбудило всеобщій хохоть. Царь Петръ, въ знакъ особенной милости, держалъ вѣнецъ надъ карлицей-невѣстой. Послѣ вѣчанья, всѣ отправились на шлюпкахъ къ дому князя Меншикова, и въ той же залѣ (нынѣшняя церковь Павловскаго военнаго училища), съ тѣми же церемоніями, при той же обстановкѣ — при каковой была свадьба герцога Курляндскаго съ племянницей русскаго государя — нынѣ провали маленькіе уродцы; герцогъ и герцогиня были въ числѣ именитыхъ зрителей.

Впрочемъ, и зрители были не безъ дѣла: усѣвшись вокругъ столовъ, такъ разставленныхъ, чтобы отовсюду видны были карлики и карлицы, гости ѣли, пили, шумно говорили и хохотали, съ любопытствомъ слѣдя за суетней уродцевъ. Ихъ угощаль, какъ и на свадьбѣ племянницы, самъ государь.

Госты провозглашались въ обычномъ порядкѣ, и шутовское собраніе осушало громадные кубки до дна, не уступая въ этомъ самымъ великорослымъ людямъ.

Глядя на эту странную потѣху, дѣйствительно, нельзя было не найдти въ ней, какъ находить это Крузе, историкъ Курляндіи, родъ сарказма на бракъ незначительнаго принца съ принцессой могучаго государя. Но проникнуть въ тайныя мысли Петра пѣтъ возможности, и мы, не имѣя ключа къ нимъ, должны остановиться на томъ, что преобразователь потѣшался просто изъ страсти къ потѣхамъ — „искуство для искуства“, не придавая шутовской свадьбѣ никакого серьезнаго значенія.

Послѣ обѣда карлики очень весело танцовали по русски до

одиннадцать часовъ ночи; каршцы были въ нѣмецкихъ платьяхъ и своими прыжками и кривляньями вдоволь патѣшили именитыхъ зрителей. Общій восторгъ овладѣлъ даже нѣмцемъ I. G., который и сохранилъ для насъ эти интересныя подробности въ своей—пынѣ чрезвычайно рѣдкой—книжечкѣ „Описаніе С.-Петербурга 1710—1711 гг.“; владая въ какой-то лирической пафосъ, заѣзжіи нѣмецъ восклицаетъ: „Трудно представить себѣ, какіе тутъ были прыжки, кривлянья и гримасы! Всѣ гости, въ особенности же царь, были въ восторгѣ; не могли навеселиться, и смотря на коверканье и ужимки 72 уродцевъ, хохотали до упада. У много были коротенькія ножки и высокій горбъ, у другого—большое брюхо, у третьяго—ноги кривыя и вывернутыя, какъ у барсуковой собаки, или огромная голова, или кривой ротъ и длинныя уши, или маленькіе глазки и расплывшееся отъ жира лицо!..“ и т. д.

Постель повобрачныхъ была устроена въ опочивальнѣ его царскаго величества. Государь, кажется, до конца хотѣлъ пролѣдить всѣ явленія интереснаго зрѣлища.

Какъ ни интересно оно было для любознательнаго монарха, считавшаго себя знатокомъ въ изученіи человѣческаго естества, но результатъ первой ночи молодыхъ былъ довольно плачевный (по крайней мѣрѣ для нихъ): молодая умерла осенью 1711 года въ страшнѣйшихъ мученіяхъ отъ родовъ, а мужъ вналъ въ рабство и умеръ позже своей невольной супруги.

Столь же несчастливъ былъ и другой бракъ, бракъ не карловъ по росту, а карловъ по значенію: брачная жизнь Анны Ивановны продолжалась съ небольшимъ два мѣсяца. Въ январѣ 1711 года она отправилась съ мужемъ въ Мптаву, по 9 числа, въ сорока верстахъ отъ Петербурга, на мызѣ Дудергофъ, молодой герцогъ скончался. На основаніи нѣкоторыхъ извѣстій, онъ умеръ отъ непомѣрнаго потребленія крѣпкихъ напитковъ, которыми такъ заботливо угощаль его самъ Петръ и всѣ петербургскіе сановники.

Смерть мужа, по изволенію Петра, не должна была переѣмнить мѣсто жительства Анны. Она лишь на нѣкоторое только время возвратилась къ матери, жила въ Петербургѣ, ѣздила въ Измайлово ¹⁾. Волею-неволею, по для политическихъ видовъ

¹⁾ Пекарскій: біографія Анны Ивановны въ Энци. словарѣ, 1862 г. кн. IV.

дяди, племянница должна была однако поселиться въ Митавѣ и окружить себя пѣвцами: не напрасно же она училась у Дитриха Остермана.

Вирсечемъ, Митава предназначалась не для одной Анны; изъ письма Петра сенату отъ 16 апрѣля 1712 года видно, что онъ думалъ водворить тамъ все семейство покойнаго брата:

„Понеже невѣстка наша, — писалъ Петръ, — царица Прасковья Ѳедоровна съ дѣтьми своими въ скоромъ времени поѣдетъ отсель въ Курляндію и будетъ тамъ жить; а понеже у нихъ людей мало, для того отпустите къ нимъ Михайлу Салтыкова съ женою, и чтобъ онъ ѣхалъ съ Москвы прямо въ Ригу, немѣшкавъ“.

Отъѣздомъ, однако, въ Курляндію, хотя бы только и въ гости къ дочери, царица Прасковья не торопилась, и въ 1712 году мы ее встрѣчаемъ дѣйствующимъ лицомъ на весьма важномъ актѣ, именно на свадьбѣ царя Петра съ Екатериной Алексѣевной. Бракъ былъ совершенъ въ Петербургѣ, рано утромъ, въ деревянной церкви Псакія Далмацкаго, находившейся между нынѣшнимъ памятникомъ Петру и адмиралтействомъ. Посаженною матерью была царица Прасковья Ѳедоровна, а ближайшими дѣвцами — ея дочери: Катерина и Прасковья.

Еще наканунѣ Кикинъ и Ягужинскій посланы были приглашать „на старую свадьбу“ его величества. Гостей было не особенно много и никого не принуждали пить вино въ большомъ количествѣ. Вечеръ заключился баломъ и фейерверкомъ.

Въ 1713 году мы встрѣчаемъ краткое извѣстіе, что „по указу царицы Прасковьи Ѳедоровны взяты изъ комедій, обрѣтающіяся близъ Никольскихъ воротъ.... 20 перспективныхъ картинъ“ для домашняго театра ея величества, потому что новыхъ, по недостатку времени, сдѣлать было невозможно ¹⁾.

Къ царицѣ Прасковѣ и ея семьѣ пріѣзжала и гостила по нѣскольکو времени царевна Анна. Въ 1714 году мы ее видимъ гостьей въ селѣ Измайловѣ, куда часто наѣзжала ея маменька изъ немилаго Петербурга. Но этотъ пріѣздъ былъ несчастливъ для царевны; она долго и сильно хворала, такъ что задерживала возвратъ царицы въ Петербургъ. Страшась, дабы не прогнѣвались государь съ государыней за невольную просрочку,

1) Пекарскій: „Наука и литература при Петрѣ В., томъ I, стр. 427—428.

Прасковья спѣшила попросить кабинетъ-секретаря Макарова замолвить за нее слово.

„Алексѣй Васильевичъ,—писала мать Анны,—здравствуй на множество лѣтъ. Пожалуй донеси невѣстухѣ, царицѣ Екатериинѣ Алексѣевнѣ, ежели мой походъ замѣшкается до февраля или до марта, чтобъ на меня какова гнѣва не было отъ царскаго величества; во истинно, за великими моими печалями. А печаль моя та, что неможетъ у меня дочь, царевна Анна. Прежде немогла 13 недѣль каменною болѣзнью, о томъ и ты извѣстенъ. А нынѣ лежитъ тяжкою болѣзнью горячкою;—а ежели имъ угодно скоро быть и я, хотя больную, повезу; и ты пожалуй, отпиши ко мнѣ, какъ ихъ воля мнѣ быть, чтобъ мнѣ ихъ не прогнѣвить. Да еще прошу, пожалуй моему человѣку Андрею Семенову денегъ на что понадобится къ моему дѣлу; при семъ остаюсь царица Прасковья. Измайлово. 15 декабря 1714 года“ ¹⁾.

Судьба Анны и въ разлукѣ постоянно озабочивала мать. Старушкѣ многое не правилось при дворѣ царицы; во многомъ желалось переменны, и она смѣло обращалась къ царю съ различными просьбами. Вотъ одна изъ нихъ неизвѣстнаго года и мѣста подачи, но прямо относящаяся до дѣлъ царицы Анны:

„1. Правительствующій сенатъ, не получа указу именнаго изъ походу, никакого денежнаго вспоможенія на пути моей царицы учинить не хочетъ, о чемъ прошу указу къ тому сенату.

2. Изъ моей опредѣленной дачи, какъ вамъ извѣстно, бывшую мою царицу отпускаю, всячески ее снабждала, и посуду серебряную съ нею отпустила; а нынѣ мнѣ того учинить мочи нѣтъ.

3. Соизволили писать ко мнѣ, что въ Курляндіи все ей, царицѣ моей, опредѣлено; а чѣмъ ей тамъ жить и по обыкновению княжескому порядочно себя содержать, о томъ именно не означено. Прошу о подлинномъ того всего себѣ увѣдомленіи: изъ вашей-ли казны, или съ подданныхъ того княжества назначенные денежные доходы впредь имать ей?

4) Извольте меня подлинно увѣдомить, чтобъ мнѣ и моей царицѣ впредь, изъ какого познанія, какой неугодности вамъ не учинить; что ей, царицѣ, будучи въ томъ княжествѣ, по

¹⁾ Каб. дѣл. II пол., кн. XXI, л. 1037.

примѣру ли прежнихъ княженъ вести себя и чиновно дворство содержать, или просто?

5. Чтобъ мнѣ дозволено было самой проводить царевну мою до мѣста на время, и потомъ въ нужные случаи ѣздить къ ней и видѣться, чтобъ при такой ея новости тамъ во всемъ отпасть и управить.

6. Каретъ и лошадей мы беремъ на должовныхъ людей, по тамошнему чиновному порядку; также ей, царевнѣ моей, безъ особой дачи исправить печѣмъ. Прошу на то объ указѣ.

7. Повелите ли отчины дать царевнѣ моей по тамошнему старому обыкновенію имать изъ тамошняго жъ шляхетства, по пристойности дѣла.

8. Прошу вседокучно, по своей крайней милости и по своему слову, переменить оттуда прежняго гофмейстера, бывшаго прежде при царевнѣ моей, который тамъ весьма несносенъ, и тѣмъ насъ не опечалить; а быть на его мѣсто впредь иному, кому вы соизволите.

На сіе всенокорно прошу о милостивомъ вашемъ рѣшеніи и объ отповѣди къ себѣ, чего я и моя царевна здѣсь ожидать будемъ, и для того нарочный съ тѣмъ въ походъ до васъ отъ меня посланъ ¹⁾“.

Гофмейстеръ, возбужденный неудовольствіемъ царицы, несносный для нея, былъ Петръ Михайловичъ Бестужевъ. Государь самъ назначилъ Бестужева къ курляндскому двору, какъ человѣка расторопнаго и весьма дѣятельнаго исполнителя его распоряженій. Герцогиня, столь рано потерявши мужа, оказывала къ Бестужеву самое теплое расположеніе. „Не можно оправдать Анну Ивановну въ любострастіи,—пишетъ кн. Щербатовъ,—ибо подлинно, что бывший у ней гофмейстеръ Петръ Михайловичъ Бестужевъ имѣлъ участіе въ ея милостяхъ...“ ²⁾. Но если кн. Щербатовъ, вообще снисходительный къ Аннѣ Ивановнѣ, не рѣшался оправдывать ея связи, то эта связь дѣлалась преступленіемъ въ глазахъ матери. Прасковью, прежде всего, поражало въ этомъ дѣлѣ своеволие дочерняго выбора, и она преслѣдовала

¹⁾ Госуд. Арх. Каб. дѣл., II полов., кн. 92, л. 428—429.

²⁾ „О поврежденіи правовъ“, напечатано по подлинной рукописи историка кн. Щербатова въ „Русской Старинѣ“ изд. 1870 г. (третье изданіе), томъ I.

ее упреками, а вънценоснаго свояка постоянными просьбами удалить Петра Михайловича Бестужева.

Просьбы эти болѣею частью шли чрезъ руки Екатерины Алексѣевны. На счетъ ея въ народѣ и промежъ солдатства ходили разные толки. „Не подобаетъ какъ монаху, такъ и ей,—говорили нѣкоторые,—на царствѣ быть: она неприродная и нерусская, и вѣдаемъ мы, какъ она въ полонѣ взята, и приведена подѣ знамя въ одной рубахѣ и отдана была подѣ карауль, а караульный нашъ офицеръ надѣлъ на нее кафтанъ; она съ княземъ Меншиковымъ его величество кореньемъ обвела“ и проч. ¹⁾. Не одинъ, только простой народъ, первое время многіе бояре и боярыни, наконецъ сестры государя съ недоброжелательствомъ смотрѣли на возвышеніе безвѣстной нѣмки; но царица Прасковья въ этомъ щекотливомъ дѣлѣ держала себя весьма осторожно: судить да рядить о фавориткѣ не бралась и рано догадалась, какъ надо себя держать. Какъ сама, такъ и чрезъ дочерей своихъ царица рано начала заявлять полное уваженіе къ Катеринѣ: поздравляла ее съ торжественными днями и событіями, молила о милостивомъ словѣ, искала милостиваго расположенія. Подобное обращеніе, особенно въ первое время по возвышеніи Катерины, не могло не правиться послѣдней, и она постоянно благоволила къ умной царицѣ. Это благоволеніе выражается во многихъ письмахъ къ Прасковьѣ, писанныхъ отъ лица неумѣвнейшей писател Катерины. Вотъ, на примѣръ, отвѣтное отъ ея имени письмо на извѣстную уже намъ и на другія въ томъ же родѣ просьбы царицы Прасковьи:

„Государыня моя, невѣстунка, царица Прасковья Федоровна, здравствуй на множество дѣтъ купно и съ любезными дѣтками своими!

„Письма вашего величества чрезъ приеланнаго вашего Пикиту Тевлева исправно дошли, на которыя доношу. Объ отправленіи въ Курляндію дочери вашей, ея высочества царевны Анны Ивановны, отъ его царскаго величества уже довольно писано къ свѣтлѣйшему князю Александру Даниловичу; и надѣюсь я, что онъ для того пути деньгами и сервизомъ, конечно, снабдитъ, ибо его свѣтлости о томъ указъ посланъ. А когда, Богъ

¹⁾ Доношеніе дьячка Федорова на отставнаго капрала и волоколамскаго помѣщика Кобылина. „Чтенія въ общ. исторіи“. М. 1860. кн. II. Слѣвъ, стр. 21.

дасть, ея высочество въ Курляндію прибудеть, тогда ненадобно вашему величеству о томъ мыслить, чтобъ на вашемъ коштѣ ея высочеству, дочери вашей, тамъ себя содержать; ибо уже заранѣе все то опредѣлено, чѣмъ ея домъ содержать, для чего тамъ Петръ Бестужевъ оставленъ, которому въ лучшихъ городахъ, а именно: въ Либавѣ, Видавѣ и Митавѣ всякіе денежныя сборы для того нарочно велѣно собирать. Что же в. в. упоминаете, чтобъ для того всю опредѣленную сумму на ваши комнаты на будущій на весь годъ взять и на расходы употребить въ Курляндіи для тамошняго житія, что я за благо не почитаю, ибо я надѣюсь, что и безъ такого великаго убытку ея высочество, дочь ваша, можетъ тамъ прожить; а къ тому же я надѣюсь, что, при помощи Божіей, и ея высочество, царевна Анна Ивановна, скоро жениха същещетъ, и тогда уже меньше в. в. будетъ печали. Что же о Бестужевѣ, дабы ему не быть, а по-неже оный не для одного только дѣла въ Курляндію опредѣленъ, чтобъ ему быть только при дворѣ вашей дочери, царевны Анны Ивановны, но для другихъ многихъ его царскаго величества нужнѣйшихъ дѣлъ, которыя гораздо того нужнѣе, и ежели его изъ Курляндіи отлучить для одного только вашего дѣла, то другія всѣ дѣла стануть, и то его величеству зѣло будетъ противно. И зѣло я тому удивляюсь, что в. в. такъ долго глѣвство на немъ имѣете, ибо онъ зѣло о томъ печалится, но оправданіе себѣ приносить, что онъ конечно учинилъ то не съ умыслу, но остерегая честь дѣтей вашихъ, въ чемъ на него глѣвъ имѣете (?). Что же изволите упоминать, чтобы быть при царевнѣ Аннѣ Ивановнѣ Андрею Артамоновичу (Матѣеву) или Львову, и тѣ обязаны его величества нужными и великими дѣлами. А что изволите приказывать о пажахъ, чтобъ взять изъ школьничковъ русскихъ, и я совѣтую лучше изволите приказать взять изъ курляндцевъ, ибо которые и при царевнѣ Екатеринѣ Ивановнѣ русскіе, Чемесовъ и проч., и тѣ гораздо плохи.

„О деревнѣ въ Рижскомъ уѣздѣ для тамошняго бытія вашего величества со временемъ у его царскаго величества просить я буду, и о томъ не оставляю вашему величеству доносить впродъ, ибо еще время на то будетъ; однакожь и нынѣ писала я отъ себя къ губернатору рижскому, чтобъ вашему величеству въ раціонахъ на вашу конюшню чинить всякое вспоможеніе. О прочемъ

довольно писали мы съ Авдотьей Воейковой, также и словесно приказывали съ Васильемъ Ѳедоровичемъ (Салтыковымъ)¹⁾.

Царицѣ Прасковѣ непремѣнно хотѣлось окружить Анну лицами, выбранными ею самой, болѣе или менѣе близкими, въ родѣ А. А. Матвѣева или Львова; но устроить наденіе Бестужева было дѣломъ невозможнымъ: государь привыкъ къ его расторопности и управлялъ черезъ него всеми дѣлами Курляндіи. Царевна Анна была герцогиней только по имени, а отнюдь не по власти; самыя мелкія потребности не только герцогства, но и владѣтельница его удовлетворялись иначе, какъ съ разрѣшенія государя: такъ, напримѣръ, доставка Аннѣ нѣкоторыхъ припасовъ, содержаніе ея двора, содержаніе войска, устройство ея дома, орашжерей, даже часть туалетная, мелкіе долги и проч.,—обо всемъ этомъ Бестужевъ долженъ былъ относиться къ Петру и ждать его повелѣній²⁾.

Поселеніе царицы въ Митавѣ при дочери не состоялось. Надо думать, что содержаніе такой большой семьи, какова была у Прасковьи, съ ея дворомъ, показалось бы очень обременительнымъ для курляндскихъ чиновъ, либо,—и послѣднее вѣрнѣе,—сама Прасковья не пожелала перебираться на житье въ нѣмечину, притомъ къ дочери, которую она, какъ обазывается изъ нѣкоторыхъ фактовъ, любила менѣе другихъ. Тѣмъ не менѣе нелюбимая дочь, съ позволенія дяди, довольно часто навѣщала мать. Такимъ образомъ 1714—1715 гг., герцогиня Курляндская гостила у матери, и только въ мартѣ 1716 г. должна была, по приказанію государя, вернуться въ свою резиденцію. Въ это время Петръ, въ бытность свою въ Курляндіи, устроилъ ея дѣла, заставилъ курляндскихъ оберъ-ратовъ утвердить за герцогиней назначенныя ей деревни и желать, чтобъ она

¹⁾ Госуд. Арх. Каб. I пол., кн. 64, л. 736—737.

²⁾ Голиковъ, т. VI, стр. 339; т. VII, стр. 196. До какой степени государь принималъ на себя трудъ управлять дѣлами и хозяйствомъ племянницы, можно видѣть изъ того, что съ его утвержденія отиравалась даже водка по особенной росписи. Вотъ, напр., одна изъ нихъ: „Роспись, какихъ водокъ надлежитъ ко двору ея высочества государыни царевны и герцогини Курляндской Анны Ивановны: англійской одно ведро, лимонной одно ведро, анисовой одно ведро, простаго вина 5 ведеръ. Палъ Гданскихъ водокъ цитронной, померанцовой, перенковой, коричневой — по 1-му ведру“. Водку приказано было отпускать по кабацкой цѣнѣ. Госуд. Арх. Каб. II полов., л. 435.

поскорѣй къ нимъ прѣѣхала ¹⁾). Не устранивъ нужнаго ему Бестужева, государь сдѣлалъ однако уступку своей невѣстѣ, назначивъ къ Аннѣ гофмейстериною—госпожу Матвѣеву ²⁾).

Великій государь распорядился иногда очень круто относительно своей племянницы: въ 1718 году она вновь гостила въ Петербургѣ; Петръ нашелъ нужнымъ ее пребываніе въ Митавѣ, и письмомъ изъ Москвы отъ 26 февраля 1718 г. повелѣлъ Меншикову немедленно отправить Анну въ Курляндію ³⁾).

Гораздо мягче распорядился онъ чрезъ жену относительно Прасковьи. Царица, гостила нѣкоторое время по вдовствѣ Анны въ Ригѣ, скучала, желала вернуться въ родимое Измайлово и просила на то разрѣшенія. Просьба пошла на имя Екатерины Алексѣевны, и отъ имени послѣдней, не безъ вѣдома царя, присланъ былъ довольно деликатный отказъ. Для вдовъ государя нужно еще было пребываніе Прасковьи въ Ригѣ, и вотъ секретарь, отъ имени его жены-царицы, пишетъ:

„Милостивая государыня, моя невѣстунка, Прасковья Федоровна, здравствуй на множество лѣтъ купцо и съ дѣтками своими, моими дорогими племянницами, царевнами Екатериною Ивановною, Анною Ивановною, Прасковьею Ивановною.

„Письмо вашего величества я получила, за которое благо-

¹⁾ Впрочемъ, русская партія въ Курляндіи была довольно значительная, но крайней мѣрѣ были курляндцы, которые считали долгомъ, во время отлучекъ герцогини то въ Лифляндію, то въ Петербургъ, заявлять официальную свою скорбь. Тогда они получали столь же официальное утѣшеніе: „Къ Петру Бестужеву. Письмо ваше до его царскаго величества сентября отъ 11-го числа дошло, по которому его царское величество о конфузїи, учинившейся въ Курляндіи отъ отъѣзда въ Ригу ея высочества государыни царевны Анны Ивановны извѣстятъ; и указалъ къ вамъ отнести, чтобы вы доброжелательныхъ курляндцевъ обнадежили въ томъ, что ея высочество имѣетъ возвратиться наиперво въ Курляндію и жить тамъ, и что отъѣздъ ея случился только на время, пока посолъ польскій чрезъ Курляндію пройдетъ; и болѣе въ Ригѣ не будетъ мѣшкать, какъ окончится въ Польгѣ сеймъ“. Госуд. Арх. Каб. I пол., кн. 64, л. 162.

²⁾ Письмо Петра отъ 22 марта 1716 г.

³⁾ 7-го марта 1718 г. Анна Ивановна еще была въ Петербургѣ, откуда, увѣдомляя „государыню тетушку-матушку царицу Екатерину Алексѣевну“ о здоровьи ея дѣтей, писала: „Еще, государыня моя матушка, доношу вашему величеству, что братецъ (Петръ Петровичъ) меня вѣхъ лучше жалуешь, и все изволитъ тѣшиться со мною и игрушечки изволитъ мнѣ показывать“.

Малютка Петръ Петровичъ умеръ 26 апр. 1719.

Любезничанье съ малютками въ угоду царицы не помогло герцогинѣ. Въ нѣрвыхъ числахъ апрѣля 1718 г. ее вынудили уже въ Митаву.

дарствую и доношу, что по тому письму о отбытіи вашемъ изъ Риги я просила, на что получила отвѣтъ, что то исполнится. Однакоже вышѣ еще нѣкоторое время извольте тамъ побыть, и хотя я вѣрю, что тамошнее житіе вашему величеству есть не безсучно, паче же убыточно, однако уже малое время тамъ извольте пожить, и прошу ваше величество, чтобъ не имѣли въ томъ прискорбности. Также извѣстилась я, что ваше величество имѣете нужду въ деньгахъ, того для доношу: извольте ваше величество на тамошніе свои домовные расходы деньги брать у Бестужева, коликое число потребно.

„Письма твои ровно три до меня дошли, за которыя вамъ благодарствую, и объявляю вамъ, что хотя я довольно о томъ просила, о чемъ вы ко мнѣ писали, но не могла на то рѣшенія получить; однако не извольте о томъ быть печальны, но нѣкоторое время обождите, ибо нынѣшнее время до того не допустить, а послѣ, когда Богъ дастъ добрый случай, потщуся то вамъ исполнить“¹⁾.

Заботливый монархъ, повелѣвая невѣсткѣ быть тамъ, гдѣ онъ находилъ то пужнымъ, не считалъ полезнымъ входить съ ней въ переписку относительно предположеній о новомъ бракѣ Анны. Бракъ этотъ входилъ въ политическіе планы государя на счетъ ближайшаго подчиненія Курляндіи Россіи, а въ эти планы²⁾ не могла, да и не дерзала, вмѣшиваться старушка. Велѣдствіе различныхъ обстоятельствъ, планы разстроивались; разстроивались предположенія и „концепты“ новаго супружества. Такъ не исполнились переговоры о бракѣ Анны съ Юанномъ Адольфомъ, герцогомъ Саксенвейсенфельскимъ³⁾, а велѣдъ за тѣмъ не состоялся договоръ и двѣ ратификаціи о супружествѣ племянника короля Прусскаго, Фридриха Вильгельма, маркграфа Бранденбургъ-Шведскаго.

Впрочемъ нельзя сказать, чтобъ царевна Анна, любя обязательнаго Бестужева, сама бы не желала законнаго брака. Напротивъ, въ письмахъ своихъ то къ Екатеринѣ, то къ Петру,

¹⁾ Госуд. Арх. Каб. I подов., кн. 64, л. 131.

²⁾ Разборъ ихъ, какъ не имѣющій отношенія къ настоящему изслѣдованію, мы опускаемъ.

³⁾ См. объ этомъ договорѣ въ письмѣ царя Петра къ П. М. Бестужеву, 1717 г. Годиковъ, изд. второе, т. VI, стр. 271—273; т. VII, стр. 353.

она не разъ заявляла желаніе отдать руку тому, кого благоволишь назначить дядюшка. Причина такой покорности для насъ дѣлается совершенно понятною, когда мы начинаемъ ближе присматриваться къ жизни царицы-герцогини. Эта жизнь мало представляла для нея отраднаго. Съ одной стороны полнѣйшая зависимость отъ суроваго дяди, невозможность куда-нибудь выѣхать и что-либо сдѣлать безъ его разрѣшенія; съ другой — недостаточность содержанія, — его не хватало при ея неумѣньи вести хозяйство; наконецъ безпрестанная воркотня, упрёки да брань матушки, какъ въ письмахъ, при разлукѣ, такъ въ устныхъ бесѣдахъ, при свиданіяхъ, — все это преслѣдовало, все тяготило, все отравляло жизнь царицы Анны Ивановны.

Въ ея митавскомъ дворцѣ, среди нѣмецкаго и довольно безобразнаго двора, зачастую являлся то надсмотрщикъ царскій, то прѣзжала свойственница, другъ, либо родственникъ царицы Прасковьи: ниіонъ слѣдилъ за жизнью герцогини и нерѣдко хулилъ ее потомъ при дворѣ ворчливой старухи-царицы.

Нѣкоторыя изъ этихъ надсмотрщиковъ и хулителей весьма интересны, и мы считаемъ не лишнимъ познакомиться съ главнѣйшимъ изъ нихъ — ея роднымъ дядей — Васиіемъ Ѳедоровичемъ Салтыковымъ.

IV.

НѢЖНЫЙ БРАТЕЦЪ.

„Жену свою до смерти я убить не хотѣлъ, а билъ ее свосручно не мучительски за вины ея, за что надлежало“.

В. О. Салтыковъ.

(Письмо 1720 г. въ Юстиць-Коллецію).

Василій Оедорончъ Салтыковъ, братъ царицы Прасковьи, былъ однимъ изъ именитѣйшихъ бояръ стараго цокроя. Въ 1690 году государь сдѣлалъ его кравчимъ при дворѣ невѣстки¹⁾. Прасковья вполнѣ довѣряла брату и уважала его, часто гостила у него въ Москвѣ и совѣтовалась съ нимъ о всѣхъ домашнихъ дѣлахъ. Схоронивъ первую жену, княжну Аграфену Петровну Прозоровскую, въ 1707 г., кравчій женился на княжнѣ Александрѣ Григорьевнѣ Долгоруковой, единственной дочери младшаго брата знаменитаго князя Якова.

Новый бракъ, удовлетворявшій аристократическимъ стремленіямъ Салтыкова, былъ однако несчастливъ. Отношенія мужа къ женѣ вполнѣ рисуютъ передъ нами характеръ нѣжнаго брата Прасковьи. Въ 1718—1719 годахъ мы видимъ брачную чету

¹⁾ П. В. Долгоруковъ, Росс. Род. Битва, ч. II, стр. 72—73; Голицовъ XIII, стр. 206; Баутышъ-Каменскій въ Словарѣ достопамятныхъ людей, 1836 г. ч. V, стр. 4—6, и Долгоруковъ въ сказаніяхъ о своемъ родѣ 1840 г. стр. 87, сдѣлали кравчаго Василья Оедоровича съ другимъ Васильемъ Оедоровичемъ Салтыковымъ. Первый умеръ графомъ, дѣйств. тайн. сов. и орд. св. Андрея кавалеромъ въ 1730 году 5 октябри, а послѣдній, племянникъ кравчаго, умеръ въ 1755 году ген.-аншефомъ и ордена св. Андрея кавалеромъ.

въ Митавѣ. Зачѣмъ были они здѣсь — неизвѣстно; извѣстно только изъ жалобы герцогини, что любезный дядюшка вель себя относительно ея крайне непочтительно, даже дерзко; колкими замѣчаніями да грубымъ вмѣшательствомъ во все, нерѣдко до него не касающагося, дядюшка глубоко оскорблялъ племянницу, не стѣсняясь тѣмъ, было-ли то въ семейномъ кружкѣ, либо въ публикѣ, такъ что Анна частенько проливая горькія слезы... Салтыковъ частію по порученію сестры, частію изъ личныхъ расчетовъ, всячески преслѣдовалъ оберъ-гофмейстера Бестужева, требовалъ у Анны просьбы къ царю объ удаленіи ея фаворита, а между тѣмъ самъ своею семейною жизнью являлъ соблазлъ „на всю Курляндію и Польшу“.

Не влюбивъ жену, онъ преслѣдовалъ ее попреками, бранью, побоями; когда Александра Григорьевна жаловалась царевичѣ, либо рѣшалась письменно просить защиты у государыни, Василій Оедоровичъ снова давалъ разгулъ своему гнѣву и билъ княжну не на животь, а на смерть. Не желая раздѣлять съ ней брачнаго ложа, братецъ царицы завелъ связь съ служанкою, держалъ ее въ „фаворѣ“ публично, слушалъ паговоры людей своихъ на жену и позволялъ имъ относиться къ ней съ неуваженіемъ. Загнанная, забитая, Александра Григорьевна, если вѣрить ея отцу ¹⁾, зачастую мучилась голодомъ, и зачастую падала безъ чувствъ отъ кулачныхъ поученій суируга.

Потерявъ всякое терпѣніе, она написала жалобу не только государынѣ Екатеринѣ Алексѣевнѣ, но и самому царю. Сильно встревожилась за брата царица Прасковья Оедоровна и отправила ему письмо, въ которомъ проглядываетъ горячая заботливость объ его судьбѣ:

„Братецъ, свѣтъ мой, пожалуй поберегися, чтобы тебя неизвели или бы не убили... она (т. е. Александра Салтыкова) била челомъ и руку приложила „Васильева, жена Оедоровича Салтыкова“; а челобитня писана по прежнему, только прибавки: „хуже - де я вдовы и дѣвки“; да еще пишетъ: „взялъ-де мою бабу и живетъ блудно и бьетъ челомъ, блуднаго дѣла съ тобою разойтится“; ко государю пишетъ просительное письмо, чтобы онъ миловалъ. Надобно тебѣ быть

¹⁾ Госуд. Арх. Каб. отдѣлъ II, кн. XLIV, л. 133; кн. XLVI, л. л. 89 — 92; кн. LIII., л. л. 244—246; Письма герцогини Анны Ивановны, 1719, л. 1—2.

сюда по скорѣе; я не знаю что дѣлать на ихъ челобитню: твоя надобна или нѣтъ? и безъ твоей челобитной будто нельзя быть, а безъ твоей руки не примуть; всеконечно надобно тебѣ быть по скорѣе, по послѣдней мѣрѣ, что къ царицѣ Екатеринѣ ангелу; а лучше бы по скорѣе, надеѣлася.... много умиляются за нее и стоять за нее; больше самъ знаешь, кто ея друзья...“ ¹⁾.

Жена надоѣдала своеобычному мужу ревностью, слезливостью и постоянными жалобами; сильное желаніе какимъ бы то ни было образомъ развязаться съ ней привело однажды супруга къ столь горячему съ нею объясненію, что Александра Григорьевна, накрытая спяками и ранами, замертво упала на землю. Супругу было некогда возгнѣться съ ней: онъ торопился въ Петербургъ, по призыву Прасковьи, къ ней подъ крылышко. Василій Оедоровичъ бросилъ жену и ускакалъ изъ Митавы, пылая гнѣвомъ и противъ жены, и противъ ея заступницы, герцогини Анны Ивановны.

Дѣйствительно племянница взяла подъ свой покровъ забитую тетку; перевела ее въ свои хоромы и поручила придворному доктору осмотрѣть тетенькины раны.

Леченіе пошло успѣшно; княжна стала оправляться, — какъ вдругъ нѣжный братецъ Прасковьи прислалъ женѣ строгій приказъ — немедленно ѣхать въ Петербургъ. Какъ ни боялась Александра Григорьевна бѣшенаго мужа, но, ободряемая племянницею, она рѣшилась скрыться въ Варшаву, къ отцу, дѣйствительному тайному совѣтнику и кавалеру, бывшему чрезвычайнымъ посланникомъ и полномочнымъ министромъ. Затаивъ намѣреніе отъ многочисленной дворни, княжна со слезами простилась съ царевной, шепнула ей, что непременно поѣдетъ въ Варшаву, и въ сопровожденіи челяди отправилась въ путь.

Князь Григорій Оедоровичъ Долгоруковъ зналъ и скорбѣлъ о страдальческой жизни дочери; предувѣдомленный ею, онъ выслалъ на встрѣчу ей князя Шейдякова ²⁾. Посланный встрѣтилъ страдальцу въ жидовской корчмѣ, близъ Митавы, на Двинѣ. Онъ немедленно распорядился, чтобъ обозъ съ вещами и дворнею проѣхалъ далѣе въ Ригу, а барыню съ двумя горничными пересадилъ въ почтовую коляску, заранѣе приготовленную, сѣлъ въ

¹⁾ См. „Русскую Старину“ изд. 1872 г., т. VI, стр. 563—564.

²⁾ Госуд. Арх. Каб. II пол., кв. LV1, лл. 195—200.

нее самъ и велѣлъ ѣхать назадъ. То былъ обманъ. Отѣхавъ нѣсколько, Александра Григорьевна, все еще страшась тирана-мужа, написала къ нему письмоцо. Запуганная и забитая, она и тутъ не смѣла заявить свою самостоятельность, и причину своего побѣга сваливала на отца. „При отѣздѣ моемъ въ Ригу, писала она между прочимъ, получила я отъ отца своего присланныхъ людей: приказалъ онъ видѣться съ собой. Не смѣла воли его преслушать; а когда изволите мнѣ приказать быть — я готова. Не падѣюсь я вашего за то гнѣву, понеже имѣла давно отъ васъ позволеніе. А что мое платье и другое осталось по отѣздѣ вашемъ изъ Митавы, и я ничего не взяла“. Вручивъ Марьѣ Волковой, одной изъ своихъ служанокъ, письмо къ мужу, Александра Григорьевна приказала ей ѣхать въ Петербургъ, а сама безпренятственно продолжала путь въ Варшаву, куда и прибыла еле-еле живая отъ физическихъ и душевныхъ страданій.

Видъ дочери жестоко огорчилъ старика-отца. Шлялая местию за оскорбленіе чести дочери, за оскорбленіе въ лицѣ ея всей именитой фамиліи, маститый старецъ, министръ и воинъ, искалъ правды и суда у великаго государя.

„Высокодержавный царь и всемилостивѣйшій государь,—писалъ Григорій Федоровичъ,—ваше величество, милосердуя о народѣ своего государства, изволите непрестанно безпокойно трудиться, чтобъ оной изъ прежнихъ азійскихъ обычаевъ вывести и обучить какъ все народы христіанскіе въ Европѣ обходятся. Того рода изволили высокимъ своимъ указомъ всемъ милостиво воспретить, чтобъ никто, не зная жениховъ, какъ прежде было, не ходили за-мужъ. Зная это, зять мой Василій Салтыковъ, зная дочь мою, своею волею женился и оную немалое время имѣлъ, какъ и прочіе мужа, въ своей любви; и потомъ ни за что, токмо по наговору своихъ людей, которые и съ прежнею его женою, такожь для своего интересу, чтобъ опымъ всемъ его владѣть, ссорили. Для чего какою немилостию обратился, и въ такой немилости и въ руганіи отъ людей своихъ оную содержалъ, и безвинно билъ, и голодомъ морилъ, и такое бѣдное мученіе и гоненіе терпѣла, чего и описать невозможно, что не токмо женѣ, ни послѣдней подданной сиротѣ снести было не мочно; однако она, привращая его къ прежней милости, все то чрезъ натуру терпѣла, и тѣмъ пуще сердце его ожесточила,

такъ что не боясь Бога и всенароднаго стыда, въ Митавѣ хотѣлъ убить (ее) до смерти; и такъ мучительно билъ, что замертвевъ кинулъ, и притомъ токмо напаятовалъ, для чего о несчастливомъ своемъ житьѣ доносила всемилостивѣйшей государынѣ, царицѣ Екатеринѣ Алексѣевнѣ, и для чего отъ него прочь нейдетъ. А потомъ, что было ее—все ограбилъ. И такъ тѣми своими барбарскими поступками не токмо Курляндію и Польшу безчестно наслушилъ, и въ Петербургъ отъѣхалъ; а какъ потомъ увѣдалъ, что еще жена его въ кровавыхъ ранахъ съ живыми обрѣтается, то велѣлъ людямъ своимъ изъ Митавы больницу къ себѣ везть, что уже была и повезена. И видя она послѣднее свое житье, принуждена была съ дороги изъ Риги ко мнѣ въ Варшаву уходить, и свой несчастливый животъ спасать. Того ради, упадая до ногъ вашего величества, рабски слезно прошу сотворить со мною милость, чтобъ мнѣ отъ него, Василья Салтыкова, не быть въ поруганіи, и чтобъ несчастливая собственная моя дочь не была отдана ему въ прежнее мученіе, и жить бы оной въ моемъ домѣ. Тако жъ за ее помянутое терпѣнье не токмо ее сущее приданое возвратитъ, но и изъ его недвижимаго оную милостиво повелѣли награждать, дабы она, несчастная дочь моя, въ вѣчныхъ слезахъ имѣла себѣ пропитаніе, понеже мужъ ее не токмо хуже вдовы, но и послѣдней сироты учинилъ, ибо отъ нея не токмо счастье, радость, здравіе, но и дѣсть на вѣки отнялъ. Вашего величества нижайшій рабъ, князь Григорій Долгоруковъ“¹⁾.

Нельзя не замѣтить, что челобитная написана искусно: въ ней видна рука опытнаго старца-дипломата; особенно мастерски написано вступленіе, въ которомъ министръ ловко льститъ одной изъ слабѣйшихъ струнъ Петра, его страсти къ преобразованіямъ.

Старый придворный, пославъ челобитную къ своему повелителю, въ то же время снѣшилъ нобить челомъ и государынѣ: Екатерина обыкновенно была посредницею въ семейныхъ распряхъ тогдашней аристократіи. Отецъ просилъ у нея дозволенія оставить при себѣ дочь; — монархиня, не безъ вѣдома мужа, соизволила разрѣшить и князь рассыпался въ благодарностяхъ.

„15 сентября 1719 года. Варшава. Премилостивая, великая

¹⁾ Гос. Арх. Каб., II пол., XLIV, л. 133.

государыня, царица Екатерина Алексѣевна! — писалъ Долгоруковъ. — Вашего величества ко мнѣ отправленное изъ С.-Петербурга высокомиловитное писаніе отъ 10 іюля, я здѣсь чрезъ почту всеподданнѣйше получилъ, изъ котораго съ великою радостію усмотрѣлъ, что ваше величество не токмо ко мнѣ недостойному, и къ послѣдней своей рабѣ, къ бѣдственной дочери моей, свою высокую милость не по заслугѣ простирать изволите, и быть оной несчастливой при мнѣ соизволяете, за которую милость навѣки ничѣмъ заслужить невозможно, и не смѣлъ бы повторительно смѣ моимъ дерзновенно трудить ваше величество. Токмо обнадеживаетъ и придастъ мнѣ смѣлость ваша высокая милость къ бѣдственной дочери моей, которою милостію не токмо во вѣхъ бѣдахъ своихъ всегда радовалась и отъ немилости и мученія безсовѣтнаго мужа своего защищалась. Къ тому жъ усиленно принуждаетъ меня натуральная отеческая нетерпѣливость, смотря на сиротство и непрестанныя слезы, и на тираскія раны и увѣчые несчастливой бѣдной моей дочери, которую безсовѣтнѣй мужъ ея непрестанно не токмо лаялъ и билъ, и людямъ своимъ ругать велѣлъ и голодомъ морилъ... Далѣ саповникъ, все болѣе и болѣе раздражаясь при воспоминаніи объ обидахъ дочери, повторяетъ извѣстныя намъ подробности о поведеніи Салтыкова, о заботахъ царевны Анны, накопецъ о бѣгствѣ дочери въ Варшаву... «Упадая подъ ноги вашего величества, — заключалъ князь челобитье, — слезно прошу сотворить со мною высокую свою милость, дабы несчастливую дочь мою на прежнее мученіе и убивство и мнѣ на поруганіе и безчестіе къ безсовѣтному мужу ея не отдавать. А что она принесла за собою въ приданое, не токмо то ея сущее возратить, но и изъ его недвижимаго, за ея напрасное мученіе и терпѣніе, для оной пропитанія милостиво приказать наградить, чтобъ она въ вѣчныхъ своихъ слезахъ голодомъ не умерла, понеже мужъ ея не токмо оную всю ограбилъ, и счастье, радость, здоровье, но и честь отъ оной безвинно навѣки отнял, и сдѣлалъ не токмо хуже вдовы, но и послѣдней сироты. О чемъ я рабски чрезъ свою нижайшую суплику и у его царскаго величества слезно милости просилъ. Въ чемъ на высокую вашего величества милость, какъ на Бога, надежду имѣю, что по своему ко всѣмъ сырымъ милосердію, бѣдственную дочь мою въ высокой своей

милости, для сего рабскаго слезнаго прошенія оставить не изволите. Вашего величества нижайшій рабъ, князь Григорій Долгоруковъ“¹⁾).

Между тѣмъ нѣжпый братецъ успѣлъ уже «намутить» предъ Прасковьей на счетъ царевны Анны, ея домашняго быта, двора и ненавистнаго ему и царицѣ Петра Бестужева. Прасковья стала гнѣваться на дочь, не отвѣчала на ея письма, либо отвѣчала упреками, писала сухо... Анна Ивановна огорчалась гнѣвомъ матери; кромѣ того ее смущала мысль: можетъ быть гнѣвается на нее, по наговорамъ В. Ѳ. Салтыкова, и державный дядюшка съ государыней. Она трепетала за себя, трепетала еще больше за то, что у нея, чего добраго, отнять наконецъ гофмаршала. Въ минуты тяжкаго раздумья герцогиня была неожиданно обрадована письмомъ отъ государыни (т.-е. отъ ея секретаря). Катерина Алексѣевна спрашивала царевну о житьѣ-бытьѣ, предлагала свое пособіе, наконецъ просила сообщить подробности о поведеніи Салтыкова въ Митавѣ. Какъ велика была радость Анны Ивановны, можно заключить изъ ея длиннаго посланія. Оно выведено собственно-ручными каракульками на большомъ листу сѣрой бумаги порыжѣлыми чернилами; помѣщаемъ письмо буквально:

„Изъ Митавы, 4 день іюля 1719 году. Государыня моя тетущка, матушка царица Екатерина Алексеевна! здравствуй, государыня моя, на многія лета вкупе съ государямъ нашимъ батюшкою, дядюшкою и съ Государынями нашими сестрицами.

„Благодарствую, матушка моя, за милость вашу, што пожаловала ісволила вспомнить меня. Не знаю, матушка мая, какъ мне благодарить за высокую вашу милость; какъ я обрадовалась, Богъ васъ, светъ мой, самоѣ такъ порадуетъ. Еі, еі, дарагая моя тетущка! я на евете ничему такъ не радовалась, какъ нынче радуюсь о милости вашей къ себе; і прошу, матушка мая, впреть меня содержать въ своей неотменаі милости: еі, еі, у меня крამе тебя, светъ мой, нетъ никакои надежды! і вручаю я себя въ милость твою матеренскую, і падеюсь, радость мая тетущка, што не оставишь меня въ своей милости і до маеі смерти.

„Ісволили вы, светъ мой, ка мне приказовать, штобъ я отписала про Василья Федоровича. І я донашу: катораі здеса бытна-

¹⁾ Госуд. Арх. Коб. II полов., кн. LIII, л. 244—246.

стію своєю многице мене противпасти делалъ, какъ славами, такъ і публичными поступками, противъ моеї чести; между которыми раза стрі со слезами отъ него отонла; а жену онъ свою биль безо всякой зденнаї причины, толка прежние упоминалъ, каторыми здешними своїми худыми папунками здешнихъ людей весьма удивиль. Онъ же сердился на меня за Бестужева, показывая себя, штобъ онъ биль, іли хто другой, ево руки, на Бестужева места. І прошу, светъ мої, до таво не допустить: я отъ Бестужева во всемъ доволна, і въ моїхъ здешніхъ делахъ, очень харашо поступаеть. І о всехъ Василя Оедоровича папункахъ писать я не магу; і приказала вамъ, матушка моя, славами о всемъ допестъ Мавришу. І поехалъ Василей Оедоровичъ отъ меня (съ) сердцамъ; мошна было видеть, што онъ спадеждаю поехалъ—што матушке на меня мутить. Извесна, светъ мой, вамъ, какъ оне памутили на сестрицу (Катерину Пвановну). І какъ онъ приехалъ шптербурхъ, і матушка неволить ка мне писать не такъ миластива, какъ прежде ісволіла писавать; а пынче ісволить писать, штобъ я не печалилась: „я де не сердита!“ а я сваеї вины, еї, еї! не знаю, а мошна видеть по писамъ, што гневна на меня; і мене, светъ мої, печална, што пасть мутять. Также какъ праважалъ сестрицу (Катерину) Окуневъ до Мемля і биль здесь, і приехалъ отеселя въ Пптербурхъ, і онъ немала напрасна на меня памутилъ матушке; і чаю,—вы, светъ мої, таго Окунева ісволите знать. І ни чемъ не могу радаваца; толка радуюсь, матушка моя, твоею милостью къ себе.— А княжна (Александра Григорьевна Салтыкова, рожд. княжна Долгорукова) поехала отъ меня, і мне сказала тихонка, што поедеть ис Риги в варшаву кацу (къ отцу).

„При семъ прапу, матушка моя, какъ у самаво Бога—у васъ, дарагая моя тетунка: покажи пада мною материнскую миласть: попроси, свет мої, миласти у дарагова государя нашего, батюшка-дядюшка, оба мне, штобъ показалъ миласть: мое сунружественнае дела ко окончанію привестъ, дабы я болше въ сокрушенни і терпени от моїхъ зладеевъ, есораю кматушке не была. Істенна, матушка моя, донашу: неснозна, какъ нами ругаютца! Еслибы я таперъ была при матушки чаю бы чуть была жива отъ іхъ смутакъ; я думаю, і сестрица отъ ппхъ, чаю, сокрушилась. Не оставъ, мої светъ, еіе в своєї миласте“.

„Также ісволили вы, светъ мой, приказовать ко мне: нет ли нужды мне вчомъ здесь? Вамъ, матушка мая, ізвесна, што у меня ничево нетъ, крѣме што с воли вашей выписаны штообы; а ежелі к чему случеі позаветь, і я не імею нарочетыхъ алмазовъ, ни кружевъ, ни полотень, ни платья нарочетава: і втомъ ко мне ісволте учинить, матушка моя, по высокаі своеі милости, ізъ здешныхъ пошленныхъ денекъ; а деревенскими доходами насилу я магу домъ і столъ свої в готъ содержать. Также определонъ, по вашему указу, Бестужевъ сынъ ка мне обаръ-камарамъ-юнкаромъ; і живетъ другой годъ без жалованья; і просить у меня жалованья; і вы, светъ мой, какъ ісволите? І прошу, матушка моя, не прогневася на меня, што утрудила сваімъ писмомъ, надеючи на милость вашу ксебе. Еще прошу, свѣтъ мой, штобъ матушка не ведала ничево; і кладусь въ волю вашу: какъ, матушка моя, ізволитъ са мною. При семъ племянница ваша Анна кланяюсь“ ¹⁾).

Приведенное нами посланіе, безъ всякихъ объясненій, довольно ярко обрисовываетъ личность герцогини. Мы узнаемъ отношенія царевны къ матери и къ Салтыкову, о которомъ она боится много писать, къ царицѣ Катеринѣ Алексѣевнѣ и Петру, своимъ милостивцамъ; наконецъ, изъ того же письма ясно видны старанія царевны снять всякое сомнѣніе съ Бестужева, чтобъ отнюдь де не вызвали его изъ Митава ²⁾).

Нежная заботливость двадцатипятилѣтней царевны о 54-хъ лѣтнемъ любимцѣ и его семействѣ проглядываетъ въ нѣсколькихъ письмахъ. Вотъ одно изъ нихъ, которое, какъ и нижеслѣдующія, приводимъ дословно, но безъ сохраненія массы грамматическихъ ошибокъ, такъ какъ степень грамотности герцогини Курляндской, Анны Ивановны — достаточно засвидѣтельствована вышеприведеннымъ буквально приведеннымъ ей посланіемъ;—здѣсь же сохраняемъ лишь немногія своеобразности ея письма.

¹⁾ Госуд. Арх. Письма Выс. особы. Анна Ивѣновна, 1719 г. л. 1—2.

²⁾ Петръ Михайловичъ имѣлъ двухъ взрослыхъ сыновей, почти одновременно съ царевной. Самъ онъ родился въ 1664 г., умеръ въ 1743 г. Отъ жены Анюты Ивановны Талышиной Петръ Михайловичъ имѣлъ дочь Аграфену Петровну, вышедшую за князя Н. О. Волконскаго, и двухъ сыновей: Михаила Петровича, р. 1688 † 1760, извѣстнаго волокиту и льва своего времени, и Алексея Петровича, р. 1693 † 1766, вносѣдствіи знаменитаго канцлера.

„Митава, 1719 года поября 1-го. Государыня моя тетушка і матушка царица Екатерина Алексѣевна! здравствуй государыня моя на многія лѣта, вкупѣ съ государемъ нашимъ дядюшкомъ и батюшкомъ и съ государынями нашими сестрицами.

„Прощу, свѣтъ мой тетушка, содержать меня въ вашей высокой милости, въ которой мой животъ, и всю мою надежду, и отъ всѣхъ противополостей зацѣненіе имѣю. Ещѣ прошу вашей высокой милости къ Бестужевой дочери, княгинѣ Волконской, которая нынѣ отсель поѣхала: не оставить ее въ вашей высокой милости.

„При семъ, матушка моя дорогая, посылаю вашему величеству доскапъ епѣтаріои, о которомъ, свѣтъ мой, прошу милостиво принять.

„При семъ племянница ваша Анна кланяюсь“ ¹⁾.

Пока билъ челомъ Долгоруковъ, да писала свою іереміаду герцогиня Курляндская, нѣжный братецъ царицы Прасковьи не оставался въ бездѣйствіи. Встрѣчая атаку обороной, Салтыковъ притворился, будто ничего не знаетъ, куда и отъ чего скрылась его жена, и въ мнимои невѣдѣніи, 7 февраля 1720 года, подалъ на высочайшее имя объявленіе.

Въ немъ Василій Ѳеодоровичъ обстоятельно рассказываетъ о томъ, какъ послалъ его государь въ Митаву состоять при герцогинѣ и какъ оставилъ онъ ее по указу царицы Прасковьи. „При этомъ отъѣздѣ, я приказалъ женѣ своей Александрѣ, — такъ объявлялъ супругъ, — ѣхать за мной въ Петербургъ, какъ можно скорѣй. Для проводовъ оставлены были дворовые люди — Третьяковъ, Гавриловъ, Васильевъ, Веревкинъ, жонка Яковлева, да дѣвица Аграфена Іевлева. Всѣ названные служителя, кромѣ жены моей да служанки, явились ко мнѣ въ Петербургъ. Ни жены, ни дѣвки, ни животовъ моихъ, что при нихъ осталось, не оказалось. А куда всѣ они скрылись — про то я не свѣдалъ; вѣдомо же только то, что жена приказу моего не послушала, учинила противное и не хочетъ со мной въ законѣ жить“.

Салтыковъ просилъ въ заключеніе о снятіи допросовъ съ своихъ людей: куда и зачѣмъ скрылась жена его, куда дѣла его пожитки и проч. Достоинно замѣчанія, что въ числѣ представленныхъ имъ служителей не было Васильева: онъ умеръ

¹⁾ Госуд. Арх., письма Анны Ивановны, 1719 г.

вскорѣ по прїѣздѣ. Зная тогдашніе нравы и характеръ брата царицы Прасковьи, невольно останавливаешься на мысли — не испустилъ-ли духъ безвѣстный челядинецъ подъ барскими батогами? Не погнѣвался-ли на него бояринъ за недосмотръ за бѣгляшкой-княгиней?

Но одинъ не въ счетъ, — на смерть Васильева никто не обратилъ вниманія; за то княжескія жалобы не остались втунѣ. На одной изъ нихъ царь Петръ положилъ резолюцію: „о семъ розыскать и обиженной сторонѣ полную сатисфакцію учинить въ Юстицъ-Коллегіи. А буде за чѣмъ рѣшать будетъ невозможно — учинить намъ доношеніе.“ И вотъ дѣло потянулось обычнымъ чередомъ. Однимъ изъ первенствующихъ членовъ коллегіи былъ Андрей Артамоновичъ Матвѣевъ, другъ и свойственникъ царицы Прасковьи, слѣдовательно на безпристрастіе разсчитывать было трудно.

8 февраля 1720 г. опросили людей; они рассказали извѣстныя намъ обстоятельства, сопровождавшія побѣгъ ихъ госпожи; сняли допросъ съ Шейдякова. Тотъ сознался въ принятой имъ на себя командировкѣ отъ начальника, показалъ и то, какимъ образомъ выполнилъ онъ данное ему порученіе.

„А тебѣ, Шейдякову, — уличалъ Салтыковъ, — безъ мужниаго позволенія ни увозить жены, ни ѣхать съ ней въ одной коляскѣ не надлежало. По уложенію да по артикулу: кто честную жену, либо вдову, либо дѣвку увезетъ, тотъ подлежитъ смертной казни; командирскаго же приказанія въ столь партикулярномъ дѣлѣ слушать не надлежало“¹⁾.

Между тѣмъ князь Долгоруковъ прислалъ письмо за письмомъ; въ каждомъ изъ нихъ онъ повторялъ горькія жалобы на безчеловѣчное обращеніе зятя съ женой, требовалъ дочерняго развода и возврата ей приданого. Всѣ обвиненія тестя Салтыковъ совершенно отвергалъ, увѣряя устно и письменшо, „что жену безвинно мучительски не билъ, немилостиво съ ней не обращался, голодомъ ея не морилъ, убить до смерти не желалъ и пожитки ея не грабилъ“. Впрочемъ скромный супругъ тутъ же не безъ наивности, сознавался: „только за непослушаніе билъ я жену самъ своеручно, да и нельзя было не бить: она меня не слушала, противность всякую чинила, къ милости меня не

¹⁾ Каб. дѣл. II пол., т. LVIII., лл. 138—139.

привращала и противъ меня невѣжила многими досадными словами и ничего чрезъ натуру не терѣла! Бѣжать же ей въ Варшаву было не изъ чего, а жалобы князя писаны были, безъ сомнѣнiя, безъ ея согласiя“¹⁾).

Послѣднее предположенiе Салтыковъ основывалъ на письмѣ, присланномъ къ нему женой съ дороги; письмо это, какъ мы видѣли, мало говорило въ пользу ея дѣла и давало надежное оружіе находчивому боярину.

Въ отвѣтъ на показанiя зятя, кн. Г. О. Долгоруковъ отвѣчалъ, что „явную его неправду онъ, за далекимъ своимъ отлученiемъ, нынѣ обличить не имѣетъ возможности. Ходатая не имѣю: одинъ былъ братъ, и тѣмъ меня Богъ за грѣхи ограбилъ“. Старый князь пока просилъ государя только объ одномъ: развести его „бѣдственную дочь, чтобъ она на вѣки во слезахъ и въ животѣ своемъ была отъ мужа безопасна, а мнѣ, видя ея непрестанныя слезы, съ печали здѣсь (въ Варшавѣ) не укусиѣтъ, а отъ его, Василья, поруганiя и безчестiя безпремѣнно не умереть“.

Сила и связи нѣжнаго брата были до такой степени надежны, что онъ сталъ смотрѣть на возникшее дѣло совершенно покойно и даже отшучивался въ отвѣтахъ на обвиненiя тестя: „что въ челобитѣхъ его написано, — говорилъ обвиняемый, — что иныхъ поступковъ моихъ будто и написать невозможно, въ томъ и отвѣчать мнѣ на то, что въ челобитѣхъ не написано невозможно...“ „Истецъ же мой, будучи въ Варшавѣ, не вѣдалъ подробно, какъ жилъ я съ женой въ Митавѣ: видѣтъ и слышать ему изъ Варшавы въ Митаву далеко и невозможно; а невидавъ да неслыхавъ, и челобитной писать не надлежало! Что же до того, чтобъ возвратить женѣ ея приданое изъ недвижимаго имѣнiя, то ни изъ какихъ указовъ, ни изъ пунктовъ уложенiя не видно, чтобъ мужа награждали жонъ за уходъ...“

Отецъ Салтыковой, князь Григорій Федоровичъ Долгорукой, въ письмѣ къ императрицѣ, указывая на причины медленности процесса его съ зятемъ, писалъ: „всѣмъ обидимымъ милостивая мать! Извѣстно вашему величеству, какiя дочь моя отъ мужа своего нестерпимыя обиды и смертные побои терпѣла и совсѣмъ ограблена и нынѣ безъ всякаго милостиваго страждетъ разсужденiя,

¹⁾ Каб. дѣл. II пол., т. XLVI, лл. 89—92, т. LVІ, лл. 195—200.

что еще по сіе время не только праваго рѣшенія и ни начала по неусыпному моему прошенію въ ея извѣстномъ дѣлѣ нѣтъ, когда многія противныя сильныя особы людей въ пользу его просятъ и принуждаютъ, а моего никакого истиннаго прошенія принять не хотятъ и къ себѣ ни съ какою истинною меня не допускаютъ; того ради помянутый зять мой въ Москвѣ и по деревнямъ всегда ѣздитъ и до нынѣ гуляетъ и веселится и мнѣ ругается“¹⁾).

Вообще Василій Ѳедоровичъ вель дѣло такъ смѣло, ловко и обстоятельно, что Юстицъ-Коллегія единогласно положила: обиженной стороны нѣтъ, такъ какъ взаимно жалуется другъ на друга тестъ и зять: обѣ стороны были истцами. Обвиненія князя Долгорукова не доказаны; Салтыковъ же основательно привелъ въ оправданіе собственноручное письмо жены съ дороги въ Варшаву; изъ него видно, что она отъ мужа не отрицается, уѣхала безъ его позволенія, по приказу отцовскому, а пожитки свои добровольно оставила въ Митавѣ. Вслѣдствіе всего этого,—заклѣчала Юстицъ-Коллегія,—сего дѣла безъ подлиннаго отвѣта жены Салтыкова „рознять“ невозможно; пужны ея собственныя показанія и ея свидѣтелей; а челобитная отца послѣ ея собственноручнаго письма къ мужу—недѣйствительна; что же касается до развода, того духовнаго дѣла Коллегія судить не можетъ. Подписали: Андрей Матвѣевъ. Вреверн. Вольфъ. Іаковъ Масальскій. Стрикъ и Егоръ Кушелевъ.

За уклончивымъ рѣшеніемъ Юстицъ-Коллегіи, дѣло перешло въ Синодъ; но и въ немъ были либо ставленники, либо угодники царицы Прасковьи и ея именитаго брата. Какъ ни торопиль кн. Г. Ѳ. Долгоруковъ, что ни писалъ онъ то къ государю, то къ его кабинетъ-секретарю, ничто не помогало. Самое заступничество царевны Анны Ивановны за его дочь не помогло разводу, а только усилило злобу Салтыкова: его рѣзкія замѣчанія о дворѣ герцогини Курляндской, найдя опору въ царицѣ Прасковьѣ, вызвали государя на строгое замѣчаніе ея гофмаршалу: „Понеже слышу, писалъ Петръ 22 мая 1721 года къ Вестужеву, что при дворѣ моей племянницы люди не всѣ потребныя, и есть и такіе, отъ которыхъ стыдъ только; также порядку нѣтъ при

¹⁾ Соловьевъ: Исторія Россіи, томъ XVII, стр. 199—200.

дворѣ, какъ въ лишнемъ жалованьѣ, такъ и въ расправѣ между людьми, на которое симъ накрѣпко вамъ приказываемъ, чтобъ сей дворъ въ добромъ смотрѣніи и порядкѣ имѣли;... людей непотребныхъ отпусти и впродъ не принимай; виновныхъ наказывай, понеже неисправление взыщется на васъ“.

Съ 1722-мъ годомъ пришло время персидскаго похода: милостивцы князя уѣзжали; Синодъ въ это время могъ рѣшить дѣло не въ его пользу — и вотъ князь Григорій Оедоровичъ Долгоруковъ спѣшить побить новою челобитною:

„Премилосердая императрица и всѣмъ обидимымъ милостивая мать и государыня! Не смѣлъ моимъ рабскимъ прошеніемъ часто трудить его императорское величество, чтобъ извѣстное продолжительное дѣло въ Синодѣ бѣдственной дочери моей окончилось при вашемъ велиествѣ. А нынѣ сомнѣваюсь, дабы то дѣло, по отпествіи вашего величества, по волѣ государыни царицы Праскевы Оедоровны, въ пользу Василія Салтыкова не вершили, что уже у дочери моей изъ Синода на допросъ мужа ея нынѣ-здѣсь и улика взята: и ежели ваше величество отымите отъ меня руку своей милости и не изволите архіереямъ милостиво то дѣло безъ себя приказать по правиламъ св. отецъ окончить, а паче докторскою сказкою, который дочь мою отъ бою мужа ея въ Митавѣ лѣчилъ, которая взята у онаго подъ присягою, не по моему прошенію токмо, но именному его величества указу для истиннаго въ томъ дѣлѣ свидѣтельства, то оное дѣло и пакы безконечно будетъ продолжаться.

„О семъ принадая къ ногамъ вашего величества, слезно рабски прошу сотворить свою высокую милость, чтобы то дѣло изволили Синоду нынѣ приказать окончить, дабы бѣдственная дочь моя отъ немилости сильныхъ на вѣки избовжена не была. Вашего величества нижайшій рабъ, князь Григорій Долгоруковъ¹⁾.

Чѣмъ же кончилась эта семейная драма? Кончилась она не скоро. Въ 1730 году, семь лѣтъ спустя послѣ смерти отца, Александра Григорьевна, разведенная наконецъ съ мужемъ, пострижена, по повелѣнію Анны Ивановны, въ Нижегородскій дѣвичій монастырь, и въ томъ же году схоронила мужа. Дѣйстви-

¹⁾ Каб. II пол., т. LVIII, л. 750.

тельно ли это постриженіе было дѣломъ невольнымъ, поступила ли она въ монастырь прежде или послѣ смерти своего „нѣжнаго“ супруга, — неизвѣстно ¹⁾).

Вообще вся тяжба изъ-за развода для насъ важна не столько сама по себѣ, сколько потому, что ея подробности освѣщаютъ личность единственнаго брата царицы Прасковьи. Самоуправство, хитрость, пронырливость, грубость обращенія, доходящая до жестокости, — вотъ главнѣйшія черты, рѣзко выдающіяся въ характерѣ Василя Ѳеодоровича Салтыкова. Въ немъ, какъ мы увидимъ, много общаго съ характеромъ царицы Прасковьи; одна личность дѣйствовала на другую: характеръ Прасковьи округлялся и дополнялся свойствами ея нѣжнаго братца; нѣжный братецъ, на-оборотъ, много замѣтствовалъ у сестрицы, а оба вмѣстѣ — они не могли не дѣйствовать на развитіе умственныхъ и душевныхъ свойствъ будущей императрицы Анны Ивановны и герцогини мекленбургской Катерины Ивановны. Познакомясь съ Анной, мы не можемъ оставить безъ вниманія ея сестры — царевны Катерины.

¹⁾ Единственнымъ плодомъ несчастнаго брака была дочь Аграфена Васильевна Салтыкова, вышедшая замужъ за кн. А. Д. Голицына.

V.

ЦАРЕВНА КАТЕРИНА.

«Катюшка, свѣтъ мой, здравствуй... при-
буди на тебя милость божия и пресветны
Богородицы милосердіе... А большая мне
печаль а тебѣ... письма твои Катюшка
читу и всегда плачу на них смотря... При-
семь быть патобою мае и отцово благосло-
веніе. Писавый мать ваша царица П р а-
с к о в ь я».

„Свѣтъ-Катюшка“ была любимицей, баловницей—была от-
радой и утѣшеніемъ царицы Прасковьи. Она была старшею ея
дочерью, и съ малыхъ лѣтъ, въ ущербъ сестрамъ, пользовалась
материнскими ласками и самою теплою привязанностью. Кате-
рина не была особенно образована; какъ ученица Остермана-
старшаго—Остермана „неудобнаго“ ни къ какому роду служ-
бы и занятіямъ—она не сдѣлала, да и не могла сдѣлать ка-
кихъ либо успѣховъ. Довольно сказать, что окруженная нѣм-
цами-гувернерами, она не выучилась даже свободно говорить
по нѣмецки и въслѣдствіи только понимала этотъ языкъ, но
изъяснялась на немъ не охотно и не хорошо. И такъ не усиѣ-
хи ея привлекли особую любовь матери, не красота—и въ ней
судьба ее обидѣла,—но рѣзкое отличіе ея характера отъ ха-
рактеровъ младшихъ сестеръ. Въ самомъ дѣлѣ: сосредоточенная,
угрюмая, несообщительная герцогиня Анна, а также вѣчно
больная, уродливая и тупая отъ рожденія младшая царица
Прасковья, — и та, и другая рѣзко отличались отъ старшей сестры.

Благодаря описаніямъ современниковъ, мы ясно видимъ предъ
собой „свѣтъ-Катюшку“.

Маленькая, преждевременно располнѣвшая до чрезмѣрности, черноглазая, съ черною косою, бѣлолицая—она не была красавицей; но за то обращала на себя всеобщее вниманіе непо-мѣрною болтливостью, громкимъ смѣхомъ, беззаботностью и особенною способностью говорить все, что только взбрѣдетъ въ ея вѣтрешую голову.

Она рано стала отличать въ окружающихъ ее придворныхъ—среди пажей, денщиковъ, секретарей и др. героевъ—красавцевъ; была къ нимъ особенно внимательна, словоохотлива и зачастую отпускала остроты—пастелью остроумныя, что лэди Рондо, ни слова не понимавшая по-русски, серьезно находила въ ней „сатирической взглядъ“ на вещи.

На ассамблеяхъ и всякаго рода пиршествахъ „свѣтъ-Катюшка“ танцевала гораздо больше, нежели ея хворыя и скучныя сестры; вертѣлась, хохотала, болтала, вызывала и отвѣчала на шутки впопадъ и невпопадъ—и звонкій смѣхъ ея постоянно оглашалъ низенькіе,³ прокопченные табакомъ и пропахшіе пивомъ и водкой, танцевальныя покои общественныхъ собраній.

„Катерина Ивановна“,—отмѣчаетъ въ своемъ дневникѣ камеръ-юнкеръ Берхгольцъ,—„женщина чрезвычайно веселая. Она постоянно говоритъ все, что только придетъ ей въ голову, и потому зачастую выходятъ преуморительныя вещи. „Если я буду предъ вами бранить Берхгольца, сказала она мнѣ однажды черезъ переводчика,—стану называть Берхгольца дезертиромъ и измѣнникомъ,—то вы не принимайте этого на свой счетъ. Я браню не васъ, а вашего двоюроднаго брата оберъ-егермейстера, за то, что онъ состоитъ въ шведской службѣ“.—Любопытно, замѣчаетъ при этомъ составитель дневника, что Катерина Ивановна хотѣла сказать этимъ комплиментъ, но онъ вышелъ какъ-то особенно страненъ¹⁾.

А все эти странности нравились многимъ невзыскательнымъ представителямъ тогдашней аристократіи и приводили въ восторгъ пѣжную маменьку. Она положительно не слышала души въ непамятной свѣтъ-Катюшкѣ—берегла и делѣла ее пуще всего на свѣтъ.

¹⁾ Берхгольцъ, ч. II, стр. 300. Де-Лирія, стр. 116. Рондо, стр. 45. Лучшіе портреты всѣхъ трехъ дочерей царицы Прасковьи находятся въ императорской Романовской галлерей, въ зданіи Эрмитажа, въ Петербургѣ.

Этою любовью объясняется и то обстоятельство, что, желая подольше удержать при себѣ старшую дочь, царица Прасковья охотно отдала прежде замужь среднюю.

Катерина была утѣхой, другомъ, повѣреннымъ всеѣхъ тайнъ старушки матери. Царица перѣдко черезъ нее обращалась съ своими просьбами къ государю, черезъ нее заискивала въ новой государынѣ... Эта новая государыня съ каждымъ годомъ получала все больше и больше значенія, больше и больше вліянія на частныя дѣла тогдашней аристократіи — и старушка всечески торопилась ее задобрить. Такимъ образомъ, выполняя желаніе матери, царевна Катерина писала къ супругѣ Петра грамотки, исполненныя самыхъ цѣлныхъ эпитетовъ: „предражайная, прелюбезнѣйшая голубушка, свѣтъ-царица“, поздравляла съ праздниками и всякаго рода торжественными случаями.

Родилась у государыни дочь Марія — и царевна спѣшила засвидѣтельствовать свои радостныя чувства, вызванныя этимъ случаемъ: „За него, — увѣряла Катерина, — мы всемилостиваго Бога благодаримъ, что слышемъ про ваше здравіе, что васъ Господь Богъ въ добромъ здравіи распросталъ чрезъ такой ванъ дальній путь...“ „А въ новый годъ (1714-й), — продолжала царевна, — подай Господи царевича и чего отъ всего сердца желаемъ ¹⁾...“

И желаніе, какъ надо думать, было самое чистосердечное: государыня вскорѣ, именно 29-го октября 1715 г., родила Петра Петровича. Его появленіе въ свѣтъ — послужило только къ гибели царевича Алексѣя Петровича. Царевичемъ Петромъ Преобразователь рѣшился замѣстить убылое мѣсто наследника престола, по законы Провидѣнія неисповѣдимы — и десять мѣсяцевъ спустя послѣ смерти царевича Алексѣя, умеръ царевичъ Петръ Петровичъ.

Старшая дочь Прасковьи давно была въ лѣтахъ. Ей минуло 24 года, когда вѣщепосный дядя рѣшился, наконецъ, при-

¹⁾ Герцогиня Анна Ивановна, также рано начавшая, ради своихъ нуждъ, заискивать въ Екатеринѣ Алексѣевнѣ, называла ее, пока положеніе той при государѣ не выяснилось, „сестрицей и другомъ“, но со вступленіемъ Екатерины въ бракъ съ государемъ, именуетъ ее „государыней тетункой, царицей“. См. „Переписку герцогини Курляндской Анны Ивановны“. Москва, изд. 1862 г., въ IV т. изданія: „Письма русск. государей“.

строить племянницу. За женихами дѣло не стало. Въ январѣ 1716 года явился къ Петру посоль герцога мекленбургскаго совѣтникъ Габихсталь. Посоль явилъ грамоту, въ которой герцогъ въ самыхъ высреннихъ выраженіяхъ просилъ руки одной изъ царевенъ, царскихъ племянницъ — и именно вдовствующей герцогини Анны Ивановны. Государь рѣшилъ выдать царевну Катерину; бракъ этотъ входилъ въ черту его политическихъ плановъ и соображеній ¹⁾.

Съ своей стороны герцогъ Мекленбургскій строилъ на бракѣ съ любой изъ племянницъ русскаго царя большія надежды, рассчитывая, что послѣ этого брака пойдетъ въ могущественномъ государѣ поддержку своимъ завоевательнымъ планамъ.

— „Тогда я буду въ состояніи всѣмъ предписывать законы“, — сказалъ Карлъ-Леопольдъ своему обермаршалу барону Эйхгольцу, который былъ его главнымъ совѣтникомъ во всѣхъ дѣлахъ.

Эйхгольдъ замѣтилъ, что прижитіе дѣтей — главная цѣль брака, и что царскія племянницы для этого слишкомъ стары. Герцогъ успокоилъ своего собесѣдника увѣреніемъ, что намѣренъ жениться на герцогинѣ Курляндской, за которой получить славное герцогство.

Къ царю, какъ сказано выше, посланъ былъ мекленбургскій сановникъ Габихсталь, съ порученіемъ просить руки герцогини Курляндской. Желая ускорить сватовство, самъ герцогъ чуть было не отправился въ Петербургъ, но потомъ передумалъ и вмѣсто этого поѣхалъ въ Штральзундъ къ царскому любимцу Ягужинскому, чтобы узнать отъ него о положеніи дѣлъ. При этомъ свиданіи герцогъ вручилъ Ягужинскому обручальное кольцо и бланкетъ, что онъ согласенъ жениться на той изъ царевенъ, которую царь самъ назначить. Между тѣмъ, Габихсталь, не подозревавшій какой оборотъ приняло дѣло, продолжалъ настаивать, чтобы герцогу отдана была герцогиня Курляндская. Тогда царь велѣлъ позвать къ себѣ Габихстала и объявилъ, что, имѣя бланкетъ отъ герцога, можетъ назначить въ невѣсты любую изъ племянницъ, а если Габихсталь еще будетъ настаивать на герцогинѣ Курляндской, то будетъ сосланъ въ Сибирь.

¹⁾ Голіковъ, изд. второе, т. VI, стр. 374, 408—410, 416—417.

Габихстало оставалось только молчать.

Въ тотъ же вечеръ государь объявилъ царевну Катерину Ивановну невѣстою герцога Мекленбургскаго.

Габихсталь написалъ герцогу о случившемся и сообщилъ, что самъ царь скоро прїѣдетъ въ Данцигъ и привезетъ съ собою царевну.

Эйхгольцъ, разговаривая по этому поводу съ герцогомъ, изъявилъ сожалѣніе, что ему не досталась герцогиня Курляндская, а ея сестра, которая еще старше. Герцогъ отвѣтилъ на это:

— „Что дѣлать! судьба назначила мнѣ эту Катерину; надобно быть довольнымъ; она, по крайней мѣрѣ, любимица царицы“.

Но самъ герцогъ не успокоился своими словами и, расхаживая по комнатѣ, наконецъ, спросилъ:

— „Какъ ты думаешь, Эйхгольцъ, хорошо ли это кончится?“

Эйхгольцъ замѣтилъ, что не онъ давалъ такой совѣтъ и не отвѣчаетъ за послѣдствія; при этомъ упрекнулъ герцога, что онъ всегда спрашиваетъ совѣта, а дѣйствуетъ по своему.

Между тѣмъ, въ С.-Петербургѣ, въ день аудіенціи посла отъ герцога Мекленбургскаго, приступлено было къ заключенію свадебнаго контракта. На основаніи его, герцогъ обязывался, по заключеніи сговора, — вступить въ бракъ немедленно, съ подобающимъ торжествомъ, въ томъ мѣстѣ, какое будетъ назначено по взаимному соглашенію. Ея высочество останется православною, равно какъ и весь ея русскій штатъ; причемъ въ резиденціи своей она будетъ имѣть православную церковь. Герцогъ обязывался опредѣлить на содержаніе жены и ея штата надлежащее жалованье; всѣ придворные чины должны были получать приличное содержаніе, и столъ для ея высочества долженъ былъ приготовляться въ надлежащіе дни постный. На случай своей смерти, герцогъ обязывался закрѣпить за женою замокъ Гистровъ съ двадцатью-пятью тысячами ефимковъ ежегоднаго содержанія.

Что же касается до русскаго государя, то, въ силу свадебнаго договора, онъ обязывался снабдить племянницу экипажами, гардеробомъ и проч., да кромѣ того дать въ приданое двѣсти тысячъ рублей, буде не удастся силою оружія отнять у шведовъ городъ Висмаръ съ Барсвиндомъ, отошедшими отъ Мекленбурга по вестфальскому миру.

Висмаръ, лежащій въ семи миляхъ отъ Балтійскаго моря, нѣкогда принадлежалъ къ славному ганзейскому союзу и вообще былъ весьма выгоднымъ пунктомъ для морской торговли. Вотъ почему, имѣя въ виду усиленіе и упроченіе своихъ торговыхъ сношеній съ Европою, Петръ непременно хотѣлъ имѣть въ сильной крѣпости Висмаръ надежное складочное мѣсто для русскихъ товаровъ, на что и могъ разсчитывать при закрѣпленіи Висмара съ его пригородами за первоначальными владѣльцами, настоящій представитель которыхъ дѣлался его зятемъ.

Но нельзя сказать, чтобъ новый свойственникъ царской фамилии былъ человѣкъ симпатичный, достойный родства съ могущественнымъ домомъ. Нѣтъ, Карлъ-Леопольдъ—былъ типъ грубаго, необразованнаго, своевольнаго и въ высшей степени вѣломнаго владѣльца лоскутка Германіи.

Начиная съ того, что онъ вступалъ въ бракъ съ русской царевной, въ то время, когда еще жива была его первая супруга, нѣмка, Софія-Гедвига, рожденная принцесса нассау-фрисландская, съ которой онъ еще не успѣлъ развестись, — по онъ съ ней рѣшительно не уживался, точно также какъ не могъ ужиться съ подданными, въ которыхъ видѣлъ постоянныхъ заговорщиковъ на свое имущество, свободу, даже на жизнь. Вслѣдствіе этого онъ ихъ преслѣдовалъ самымъ деспотическимъ образомъ: хваталъ недовольныхъ и бросалъ въ тюрьмы, чинилъ самъ судъ и расправу, и, попирая всякій законъ, посылалъ на эшафотъ... При сварливости, деспотизмѣ и жестокости, герцогъ извѣстенъ былъ еще скупостью. Любимою его поговоркою было: „старые долги не падо платить, а новымъ пужно дать время состарѣться“.

Зналъ ли Петръ о дѣяніяхъ и свойствахъ будущаго зятя? Нѣтъ сомнѣнія, что зналъ какъ нельзя лучше; но едва ли смотрѣлъ на это строго, а главное—эти неудобства были ничтожны въ его глазахъ, предъ несомнѣнными выгодами брачнаго союза. Свадебный договоръ былъ подписанъ обоими представителями своихъ государей: вице-канцлеромъ Шафировымъ и совѣтникомъ Габихстелемъ. Последній въ особомъ сепаратномъ артикулѣ обязывался до совершенія брака предъявить точное доказательство о разводѣ герцога съ первой женой.

По совершеніи обрученія и сговора — посоль герцога

Габихсталь имѣлъ отпускъныя аудіенціи у всѣхъ членовъ царской фамиліи; причемъ царица Прасковья, какъ хлѣбосольная хозяйка и мать высокой невѣсты — всячески старалась его утѣстить. Была ли она довольна брачнымъ договоромъ? Неизвѣстно, по хочешь или не хочешь, а покориться было надо; она знала крутой нравъ Петра: противиться ему было дѣломъ не легкимъ. Впрочемъ, государь, какъ всегда, былъ ласковъ и внимателенъ къ невѣстѣ и еще незадолго до пріема мекленбургскаго посла, провелъ у нея нѣсколько часовъ въ толкахъ и бесѣдѣ о предстоящемъ сватовствѣ нѣмецкой владѣтельной персоны.

Прасковья убѣдительно просила государя выдать ей Катюшку замужъ не иначе, какъ въ своемъ высокомъ присутствіи; причемъ просила строго на строго наказать ее мужу, чтобъ онъ берегъ жену. Старушка скорбѣла, что за тяжкими недугами не могла сама быть на торжествѣ, столь близкомъ ей родительскому сердцу.

27 января 1716 года она проводила свою любимицу въ дальнюю дорогу. Государь съ государыней, съ племянницей-невѣстой и съ необходимою свитою — выѣхалъ изъ Петербурга въ Данцигъ ¹⁾.

Царица Прасковья Ѳедоровна сильно скучала по отъѣздѣ дочери, особливо первые два мѣсяца. Въ это время она пишетъ письмо за письмомъ царицѣ Екатеринѣ Алексѣевнѣ, бывшей съ государемъ за границую. Извѣщая ее о здоровьи дѣтей, она униженно молить не оставлять „своею милостію“ царевну Катерину. Вотъ для примѣра одно изъ таковыхъ писемъ, каковое приводимъ безъ грамматическихъ ошибокъ царицы:

„Государыня моя невѣстунка и матушка царица Екатерина Алексѣевна!

„Здравствуй, свѣтъ мой, на множество лѣтъ, купно съ Государемъ нашимъ общимъ батюшкомъ, съ царемъ Петромъ Алексѣевичемъ.

„Доношу вашей милости: дорогія дѣтки ваши, слава Богу, въ добромъ здоровьи. Благодарствую, государыня моя, за писаніе ваше, чего и впредь желаю слышать чрезъ писаніе о ва-

¹⁾ Поддешная записка, изд. 1772 г., т. II, стр. 14. Голицковъ, т. VI, стр. 98—109, 474—473.

шемъ общемъ здравіи; а что изволишь писать, чтобъ взаимно не покинуть дорогихъ дѣтокъ вашихъ, и мы ради служить — лишь бы что вамъ было угодно“... „А (о) Катюшкѣ прошу пожалу(й), свѣтъ мой! содержать ее въ такой милости, какъ отъ всюдова слышу превеликую къ ней милость; а (о) томъ, свѣтъ мой, еще прошу, што съ молодости какая нест(п)рава — пожалуй, свѣтъ мой, поучи и покручинься и побей по такой (т)воей милости. При семъ остаюся Прасковья“.

(Изъ) Петербурга.

Женихъ явился въ Данцигъ 8-го марта 1716 г. и здѣсь впервые увидѣлъ свою веселую, бойкую, хохотунью невѣсту. Первый день ихъ знакомства заключился торжественной ассамблеей у бискуна варминскаго, князя Потоцкаго; затѣмъ послѣдующіе дни, вплоть до свадьбы, прошли въ осмотрѣ достопамятныхъ замковъ, мѣстностей, церквей, въ посѣщеніи музеевъ; вечера — въ театрахъ и ассамблеяхъ. Нельзя не пожалѣть, что до насъ не дошли (но крайней, мѣрѣ въ тѣхъ бумагахъ, которыя мы пересматривали) письма Катерины къ ея матушкѣ. Нѣтъ сомнѣнія, что изъ нихъ мы бы узнали какое впечатлѣніе произвелъ на нее Карлъ-Леопольдъ, насколько полюбилась ей его бесѣда, его паружность, его придворные... Въ официальныхъ же источникахъ мы ничего не находимъ, кромѣ сухого, безжизненнаго перечня празднествъ и торжествъ, въ которыхъ погрузилась брачная чета. Празднества были тѣмъ великолѣпнѣе, что въ Данцигъ съѣхались не только уполномоченные отъ вѣнценосныхъ владѣтелей Дани, Пруссіи, Ганновера, но явился и самъ „великолѣпный“ король Польскій Августъ II. Все они посѣщали къ Петру, подъ его знамя, для составленія грознаго союза противъ Швеціи... И тутъ, среди политическихъ толковъ, переудовъ и разсужденій, въ которыхъ иногда довольно безплодно пропало время, они всячески старались щегольнуть передъ русскимъ царемъ великолѣпными празднествами и пирами.

Но если мало подробностей объ этихъ дняхъ соединенія царской племянницы съ герцогомъ Карломъ Леопольдомъ находимъ мы въ официальныхъ источникахъ, то въ вышей степени интересныя данныя для характеристики правовъ общества той эпохи даетъ намъ въ своемъ разсказѣ Эйхгольцъ — оберъ-маршалъ и ближайшій совѣтникъ герцога Мекленбургскаго.

Герцогъ Карль-Леопольдъ выслать къ царю Петру на встрѣчу въ Данцигъ барона Эйхгольца. Въ Данцигѣ Эйхголецъ милостиво принятъ былъ царемъ и царскою фамиліею; приглашали его всюду, гдѣ угощали царя. Онъ очень опасался, чтобы герцогъ, перемѣнивъ мысли, не отказался-бы пріѣхать на свадьбу и чтобы его, посланника, не отправили за то въ Сибирь.

Царь ежедневно спрашивалъ: „Wann kumm (kommt) Herzog?“

Наконецъ, на седьмой день, герцогъ Карль-Леопольдъ пріѣхалъ и Эйхголецъ повелъ его тотчасъ къ епископу Ермеландскому, у коего царь Петръ находился въ гостяхъ со всею своимъ семействомъ.

При входѣ герцога, царь спросилъ: „Wo ist Ober-Marchall?“ (т.-е. Эйхголецъ); но самъ герцогъ показался и Ягужинскій представилъ его государю (8-го марта 1716 г.).

Царь обнялъ и поцѣловалъ герцога и подвелъ его къ царицѣ и къ невѣстѣ, царевнѣ Екатеринѣ Ивановнѣ.

Передъ царемъ (такъ рассказываетъ Эйхголецъ) его свѣтлость велъ себя съ бѣльшею скромностію и смиреніемъ, нежели передъ самымъ цесарскимъ величествомъ и почти съ рабскимъ униженіемъ, а передъ царицею и невѣстою онъ былъ хотя вѣжливъ, но холоденъ, такъ что Эйхголецъ нашелъ нужнымъ извинить его, сказавъ оберъ-гофмейстеринѣ російскаго двора:

— „Кажется, свѣтлѣйшій женихъ еще не довольно познакомился и отъ дороги не въ веселомъ расположеніи духа, по это пройдетъ“.

Въ первый вечеръ герцогъ довольно понравился царю, потому что Петръ не успѣлъ узнать его короче, ибо герцогъ былъ отвлекаемъ иностранными и російскими министрами, подходившими къ нему съ поздравительными привѣтствіями. Когда съли за ужинъ, Эйхголецъ замѣтилъ, что герцогъ, сидѣвшій подлѣ царя, снова принялъ свойственный ему холодный и угрюмый видъ; онъ, вставъ и подошедъ къ герцогу, сказалъ ему на ухо, чтобы онъ предложилъ царю большой кубокъ за здравіе родителя и сына. Герцогъ исполнилъ совѣтъ и царь, принявъ тостъ, поцѣловалъ герцога. Потомъ Эйхголецъ, подойдя къ царю, сказалъ:

— „Ваше царское величество приняли нынѣ моего милостивѣйшаго герцога за сына и дали ему сунуругу. Осмѣливаюсь и я просить, чтобы и меня ссудили женою“.

Царь, смотря на него, съ удивленіемъ спросилъ по-голландски: „А что, развѣ ты еще не женатъ?“ Потомъ, снявъ съ него парикъ и посмотрѣвъ на него, продолжалъ:

— „Сверху ты молодецъ и имѣнъ хорошій умъ, но снизу обстоить плохо“.

Эйхгольцъ, покраснѣвъ, замолчалъ, и когда послѣ ужина начались танцы и царь ему приказалъ танцовать, онъ отвѣчалъ:

— „Ваше величество меня такъ пристыдили предъ всею компаніею, что я уже не смѣю поднять глазъ ни на одну изъ дамъ“.

Царь, смѣясь, сказалъ: „Я уже пайду тебѣ пару“.

На второй и третій день герцогъ велъ себя изрядно, но на четвертый за ужиномъ возникъ споръ: лучше-ли для кавалеріи колоть по-шведски или рубить по-русски?

Царь былъ послѣдняго мнѣнія, а герцогъ придерживался перваго такъ усердно и упорно, что споръ едѣлаея шумнымъ, а Эйхгольца бросало въ потъ, какъ Іуду (*Judas-Schweiss geschwitzt*).

Возвращаясь домой, Эйхгольцъ сказалъ герцогу: „Ради Бога, ваша свѣтлость, берегитесь! Вы имѣете дѣло съ такимъ государемъ, съ которымъ надобно обходиться осторожно. Какое вамъ дѣло, что лучше: колоть или рубить? Конечно, вы пріѣхали сюда, чтобы колоть, но иначе“.

Герцогъ отвѣчалъ, что заблаговременно должно пріучить царя такъ, какъ ему нужно.

Начались переговоры касательно брачныхъ трактатовъ. „Когда графъ Горнъ, — говоритъ Эйхгольцъ, — сочинилъ брачный трактатъ между покойнымъ герцогомъ и его супругою, то не имѣлъ другаго труда, кромѣ составленія выписки изъ прежнихъ договоровъ герцогскаго дома, и за то дали ему 1,000 червонцевъ и сверхъ того серебряный сервизъ въ 5,000 гульденовъ. Нынѣ же российскіе министры и слышать не хотятъ о прежнихъ договорахъ герцогскаго дома, говоря, что дѣло идетъ объ императорской принцессѣ, которую слѣдуетъ иначе обезпечить, нежели прежнихъ герцогинь Мекленбургскихъ. Прежнимъ герцогнямъ, бывшимъ не одной вѣры съ супругами, позволялось имѣть только одного духовника; русскіе же требовали содержанія архимандрита и 12 человекъ пѣвчихъ. Прежнимъ оберъ-гофмейстеривамъ назначали 500 талеровъ жалованья; теперь требовали 3,000, и въ той же соразмѣрности жалованья придворнымъ дамамъ“.

Бѣдный Эйхгольцъ по цѣлымъ днямъ спорилъ съ Головкинымъ, Шафировымъ и Петромъ Андреевичемъ Толстымъ, такъ что едва не подвергся кровохарканію (dass er hätte mögen Blut speyen); а когда по вечерамъ герцогъ приходилъ къ царицѣ, то его свѣтлость не упорствовалъ и соглашался на всѣ требованія російскихъ министровъ. Придворныя русскія дамы стали такъ ненавидѣть Эйхгольца, что при появленіи его громко восклицали: „Hu Ober-Marschall, Bös(er) Mann! Bös(er) Mann!“

Но царь Петръ Алексѣевичъ, слыша сіе, всегда защищалъ его, говоря: „Онъ правъ; онъ дѣлаетъ, что государь его велитъ и соблюдаетъ его пользу“.

Предложили заплатить герцогу 200,000 руб. сер. (по тогдашнему 400,000 талеровъ), доставшихся Екатеринѣ Ивановнѣ по наслѣдству отъ родителя ея; но герцогъ, подъ видомъ великодушія, отклонилъ сіе предложеніе и просилъ гарантировать ему лучше городъ Висмаръ. „Такъ,—говоритъ Эйхгольцъ,—у насъ изъ-подъ носу ускользнули 400,000 талеровъ. Зачѣмъ было не взять этихъ денегъ въ зачетъ за несправедливыя притѣсненія, претерѣваемые Мекленбургскимъ краемъ отъ російскаго войска!“

Посылся слухъ, что генеральъ Адамъ Вейде и кн. Долгоруковъ соединятся съ корпусомъ кн. Репнина въ Мекленбургѣ.

— „Берегитесь, ваша свѣтлость,—говорилъ Эйхгольцъ герцогу,—чтобы эти русскіе не пожрали цѣлаго Мекленбурга“.

Герцогъ отвѣчалъ: „Пустое, они намъ ничего не сдѣлаютъ. Нѣтъ народа, который довольствовался бы столь малымъ. Русскіе ѣдятъ траву и пьютъ воду“.

Это показалось Эйхгольцу° не безвѣроятнымъ, потому что онъ помнилъ, какую превосходную дисциплину російскія войска соблюдали въ 1712 г., причемъ поддержаніе этой дисциплины ничего не стоило, кромѣ лучшаго коня изъ герцогской конюшни, со сбруею, купленною въ Парижѣ за 1,800 талеровъ, и кошелька съ 1,000 червонцами, доставшихся въ подарокъ главнокомандующему князю Меншикову. Такъ и Петръ Андреевичъ Толстой говорилъ, что войска не требуютъ ничего, какъ: „ни росо ді ране! ни росо ді ране!“

Между тѣмъ, по случаю пріѣзда въ Данцигъ короля польскаго, у русскихъ вельможъ ежедневно были балы и разныя угощенія.

По подписаніи брачныхъ трактатовъ, герцогъ, вовсе не думая о совершеніи брака, избѣгалъ присутствія царя, извиняяся разными пустыми предлогами; съ невѣстою обходился онъ весьма равнодушно и поступалъ чрезвычайно надменно съ російскими вельможами, которымъ оказывалъ даже презрѣніе, такъ что всѣ перестали его любить. Царь скоро узналъ герцога, и шведскій его нарядъ, и шведскій мундиръ его людей ему надоѣли; но, давъ уже слово, настаивалъ на совершеніи бракосочетанія.

Наканунѣ свадьбы (7-го апрѣля 1716 г.) герцогъ Карлъ-Леопольдъ причастился св. таинъ.

8-го апрѣля 1716 г., въ день свадьбы, поутру, Эйхгольцъ, подойдя къ кровати герцога, спросилъ его: „каково теперь сердечку вашему и чувствуете-ли, ваша свѣтлость, себя спокойнымъ?“

Герцогъ отвѣчалъ: „да!“, и, вставъ, одѣлся по своему великолѣпію, не забывъ большой шведской шапки на широкой, богато вышитой, перевязи. Онъ не могъ отвыкнуть отъ этой шведской моды, хотя Эйхгольцъ перѣдко ему говаривалъ:

— „Ваша свѣтлость! съ кѣмъ хотите драться, что всегда позволите носить столь огромную шапку? Не лучше-ли было бы, если-бъ вы одѣвались одинаково съ другими принцами — скромно и безъ особеннаго отличія?“

Эйхгольцъ замѣтилъ, какъ странность, что герцогъ въ день свадьбы не надѣлъ манжетовъ.

Герцогъ въ день свадьбы обѣдалъ дома. Послѣ обѣда, въ 2 часа, пріѣхалъ генералъ Вейде везти герцога въ своей каретѣ къ царю, ибо герцогъ не имѣлъ съ собою собственнаго экипажа. Предъ нимъ ѣхала, въ наемныхъ каретахъ, свита его: Вальтеръ, Габихсталь, Беркгольцъ и Эйхгольцъ. Площадь предъ домомъ, въ коемъ жилъ царь, и даже крыши сосѣдственныхъ домовъ наполнены были народомъ. Когда герцогъ выходилъ изъ кареты, то зацѣпилъ парикомъ за гвоздикъ и долженъ былъ стоять нѣсколько минутъ съ голою головою посреди народа, откуда вѣрный Эйхгольцъ не успѣлъ снять парикъ съ гвоздя и снова падѣть ему на голову.

У царя находился король польскій; ихъ величества приняли герцога весьма благосклонно. Въ присутствіи прочихъ андреевскихъ кавалеровъ, царь наложилъ на герцога орденъ и всѣ ка-

валеры, по очереди, обнимали новаго своего товарища. Потомъ вошли къ невѣстѣ, убранной велико-княжескою короною (fast Kaiserliche Krone), и отиравились пѣшкомъ черезъ улицу въ часовню, на-скоро построенную. Русскій архіерей совершилъ обрядъ вѣчанія, не взирая на представленныя Эйхгольдомъ опасенія, состоявшія въ томъ, что процессъ о разводѣ герцога съ супругою перваго брака еще продолжался въ Вѣнѣ, и по-елику греческая вѣра не принадлежала къ числу принятыхъ въ римской имперіи вѣроисповѣданій, то законность новаго брака внослѣдствіи времени могла быть оспариваема ¹⁾. Посему Эйхгольцъ совѣтовалъ герцогу обрядъ вѣчанія поручить священнику какого-либо въ римской имперіи признаннаго вѣроисповѣданія: но герцогъ не внялъ этому совѣту. Во время церемоніи, продолжавшейся два часа, царь Петръ, по своему обыкновенію, часто переходилъ съ одного мѣста на другое и самъ указывалъ пѣвчимъ въ псалтырѣ, что надлежало пѣть.

Изъ церкви пошли процессіею къ вечернему столу и многіе въ пародѣ громко восклицали:

— „Смотрите, у герцога вѣтъ манжеты!“

Столъ накрытъ былъ въ узкой комнатѣ. Брачное ложе находилось въ комнатѣ, украшенной въ японскомъ вкусѣ и наполненной японскими лакированными вѣцами, какихъ, по словамъ Эйхгольца, у русскихъ много. Самая кровать была также лакирована и Эйхгольцъ опасался, что герцогъ въ нее не ляжетъ, такъ какъ запахъ отъ лакировки былъ ему противенъ.

На площади, передъ домою герцога, былъ фейерверкъ. Царь Петръ Алексѣевичъ, сопровождаемый королемъ польскимъ Августомъ II и герцогомъ Мекленбургскимъ, ходилъ и суетился по площади и самъ забавлялся зажиганіемъ ракетъ. Эйхгольцъ ходилъ за своимъ герцогомъ, боясь падающихъ ракетныхъ шестовъ. Онъ сказалъ ему, что свѣтлѣйшая невѣста въ 10 часовъ удалась въ спальню и что уже пробилъ часъ полуночи, а что потому и его свѣтлости пора ложиться спать. Наконецъ онъ убѣдилъ герцога войти въ спальню и самъ, утомленный и при томъ полуныяный, легъ спать и заснулъ крѣпкимъ сномъ, однако-жъ не надолго.

¹⁾ Первая жена Карла-Леопольда была Софія-Гедвига, рожденная принцесса Нассау-Фрисландская.

Около 4-хъ часовъ пополуночи кто-то разбудилъ его, сказавъ тихимъ голосомъ:

— „Эйхгольцъ, Эйхгольцъ, что ты, спишь?“

Проснувшись и очнувшись съ трудомъ, Эйхгольцъ увидалъ предъ собою герцога и сильно испугался, думая что опять случилось такое происшествіе (?), какъ съ разведенною герцогинею. Но герцогъ велѣлъ ему не дѣлать шума и объявилъ, что хочетъ лечь къ нему. Эйхгольцъ уступилъ ему свою кровать, а самъ легъ къ Беркгольцу.

Несмотря на свой странный поступокъ, герцогъ на другое утро пошелъ къ герцогинѣ и поднесъ ей подарки. Потомъ велѣлъ Эйхгольцу заготовить уведомительныя письма о заключенномъ бракѣ: къ цесарскому величеству и ко всѣмъ курфирстамъ.

На другой день царь угощалъ повобрачныхъ.

На третій день герцогъ обѣдалъ дома. Кромѣ оберъ-гофмейстерины, Екатерина Ивановна имѣла при себѣ трехъ фрейлинь русскихъ: прекрасную Салтыкову, состоявшую въ близкомъ родствѣ съ своею повелительницею, Балкъ¹⁾, и третьею, коей имени Эйхгольцъ не помнитъ²⁾.

Герцогъ спросилъ его, какъ водилось при прежнихъ герцогахъ мекленбургскихъ: допускались-ли фрейлины къ герцогскому столу?

Эйхгольцъ отвѣчалъ утвердительно, на что герцогъ шутиа сказалъ: „ты это говоришь потому, что ты влюбленъ въ Салтыкову“. Эйхгольцъ смѣясь возразилъ: „а что за бѣда, хотя бы и такъ?“ Герцогъ продолжалъ: „Если женишься на ней, то будешь со мною въ родствѣ“³⁾. Эйхгольцъ благодарилъ за честь, отъ которой однако-жь отказался, ибо смѣшно было бы, если-бы

¹⁾ Наталья Оседоровна Балкъ, родная племянница несчастнаго камергера Мона, казненаго въ 1724 г., вышла впоследствии за флотскаго офицера Лопухина, пожалована была въ статусъ-дамы и жила въ свитѣ съ оберъ-шталмейстеромъ графомъ Левеншольде. Въ «Русской Старинѣ» (изд. 1874 г., т. XI, стр. 1—44; 191—235) подробно разсказана трагическая судьба, постигшая эту несчастную женщину. По преданіямъ, она тѣмъ особенно раздражила противъ себя императрицу Елисавету Петровну, что позволила себѣ отолваться: „я хотя и пожилая женщина, но все еще красивѣе, нежели Елисавета Петровна“. Наталья Лопухина скончалась въ 1763 г.

²⁾ Это была Воейкова

³⁾ Мать царевны Екатерины Ивановны, герцогини Мекленбургской, царица Прасковья Оседоровна, какъ мы уже говорили, была рожденная Салтыкова.

мужъ и жена не могли говорить другъ съ другомъ. (Салтыкова не знала нѣмецкаго языка). Рѣшено было, чтобы фрейлины обѣдали за герцогскимъ столомъ. Но когда шли къ столу, герцогъ, подозвавъ Эйхгольца, приказалъ, чтобы придворныя дамы, кромѣ оберъ-гофмейстерины, сѣли за маршальскимъ столомъ, прибавляя: „Надежить этихъ (дѣвушекъ) заранѣе учить, какими имъ должно быть“. Эйхголецъ тщетно представлялъ герцогу сколь это имъ будетъ обидно и, наконецъ, объявилъ, что въ такомъ случаѣ онъ, какъ тайный совѣтникъ и оберъ-маршалъ, самъ сядетъ за маршальскимъ столомъ, а мѣсто его при герцогскомъ столѣ можетъ заступить Бергголецъ. Потомъ онъ подалъ руку Салтыковой и повелъ ее къ маршальскому столу, объясняя ей, чрезъ Наталью Федоровну Балкъ, что имъ тутъ будетъ гораздо лучше и непринужденнѣе, нежели у герцогскаго стола. Салтыкова стала горько плакать и рыдать, не хотѣла даже отдать изъ рукъ вѣера своего и ничего не отвѣдала, хотя Эйхголецъ палъ предъ нею на колѣна, цѣловалъ у ней руки и просилъ, чтобы она успокоилась. Нечего дѣлать! и другія дѣвицы ничего не кушали.

По окончаніи стола, Салтыкова убѣжала къ герцогинѣ Екатеринѣ Ивановнѣ: поднялись шумъ, рыданіе, вопли и слезы, такъ что, — рассказываетъ Эйхголецъ, — „страшно было слушать“. Царь сильно почувствовалъ поступокъ герцога, а Салтыкову отозвали отъ двора герцога.

Герцогъ весьма щедро одарилъ россійскихъ министровъ и придворныхъ, на что употребили купленные имъ за 70,000 талеровъ драгоценности. Всѣмъ дарили перстни, даже служанкамъ при камермедхенахъ. Но съ россійской стороны мекленбургцамъ ничего не подарили, ниже кривой булавки (*nicht eine krumme Stecknadel*).

Въ числѣ заказанныхъ въ Гамбургѣ подарковъ было три перстня, каждый въ 4,000 талеровъ; такъ какъ невозможно было сдѣлать ихъ равной цѣнности, одинъ перстень стоилъ только 3,500 талеровъ, хотя видомъ не отличался отъ другихъ. По отъѣздѣ герцога изъ Данцига, Габихсталь вручилъ перстни въ 4,000 талеровъ Головкину и Шафирову, а Толстому, какъ младшему тайному совѣтнику, — въ 3,500 талеровъ. Толстой, который, вѣроятно, велѣлъ оцѣнить свой перстень, подвѣлъ вели-

кій шумъ и сказалъ Остерману: „Что герцогъ себѣ воображаетъ, что поступаетъ со мною такъ подло!“ и пр. Остерманъ, получивъ перстень въ 1,800 талеровъ, и желая успокоить Толстого, предложилъ ему взять въ добавокъ и его перстень. Толстой хотя на это согласился, но сей „грубіянь“, какъ его называетъ Эйхгольцъ, не переставалъ принимать предъ нимъ вида оскорбленнаго и невѣжливаго, и даже не принесъ благодарности герцогу по пріѣздѣ своемъ въ Шверинъ.

Въ Шверинѣ покой во дворцѣ обивался краснымъ бархатомъ и шпалерами и все приготовленія были сдѣланы къ пріему царя. Завербованныя Фитцингофомъ, по приказанію герцога, войска стояли въ парадѣ при вѣздѣ царя (12-го мая 1716 г.), и когда царь съ герцогомъ проѣзжали верхомъ мимо войскъ, сей послѣдній кивнулъ головою Эйхгольцу и выразилъ глазами, сколь онъ доволенъ имѣть столь прекрасныхъ солдатъ. Царь принять былъ съ такими почестями, какъ самъ императоръ (т.-е. цесарское величество). Разумѣется, что ему отведены были лучшія комнаты во дворцѣ.

Когда Эйхгольцъ на слѣдующее утро явился къ царю для поклона, онъ не нашелъ никого въ передней. Проходя чрезъ нѣсколько комнатъ и не встрѣчая никого, онъ входитъ въ приготовленную для августѣйшаго гостя спальню и видитъ, что кровать осталась неприкосновенною. Наконецъ, слыша, что ходятъ по потасенной лѣстницѣ, пошелъ по ней и засталъ царя подъ крышею въ каморкѣ, приготовленной для его камердинера, въ кровати коего онъ изволилъ почивать.

Обѣденный столъ царь велѣлъ накрыть въ самой маленькой комнатѣ дворца, ибо его величество вообще любилъ маленькія комнаты. Говорятъ, что таковъ его обычай. Въ Берлинѣ онъ спалъ на медвѣжьей шкурѣ за дверьми. Предполагали, что онъ это дѣлаетъ для избѣжанія опасности, дабы не знали, гдѣ онъ спитъ. Въ Шверинѣ царь началъ лечиться ирмонтскими водами. Между тѣмъ герцогъ уѣхалъ на короткое время въ Ростокъ, чтобы сдѣлать приготовленія къ пріѣзду царя. На возвратномъ пути герцогъ остановился на обѣдъ въ Пассенѣ. Квартирующіе тамъ русскіе солдаты жестоко бранили управителя этого имѣнія за то, что данный имъ хлѣбъ нехорошъ, и требовали лучшаго, угрожая управителю, что, въ противномъ случаѣ,

они поколотятъ его по-русски. Управитель спасся отъ нихъ въ комнату, гдѣ герцогъ обѣдалъ. Но раздраженные солдаты въ открытыя двери бросили туда данный имъ хлѣбъ. Эйхгольцъ, смѣясь, спросилъ герцога:

— „Неужели это тѣ самые люди, которые довольствуются водою и травою? Господи, упаси меня отъ такого тестя, коего люди такъ бы со мною поступали!“

Герцогъ молчалъ въ изумленіи. Эйхгольцъ представилъ герцогу, что если русскіе такъ поступаютъ въ его имѣніяхъ, каково должно быть ихъ поведеніе въ дворянскихъ имѣніяхъ, и что онъ, герцогъ, какъ владѣтельный князь, предъ Богомъ и предъ собственною своею совѣстью обязанъ поговорить о томъ съ царемъ. Эйхгольцъ не переставалъ напоминать о томъ герцогу; но когда послѣднему представился случай говорить съ царемъ Петромъ Алексѣевичемъ, герцогъ Мекленбургскій струсилъ и молчалъ, какъ онѣмѣлый (*als wenn er aufs Maul geschlagen wärg*). Наконецъ, когда царь однажды прогуливался въ саду, Эйхгольцъ снова началъ понукать своего герцога, чтобы, пользуясь этимъ случаемъ, завелъ разговоръ о постояяхъ. Герцогъ никакъ не могъ рѣшиться, и наконецъ сказалъ Эйхгольцу: „ты самъ поговори“. Эйхгольцъ принялъ на себя это порученіе и, дѣйствительно, царь изволилъ издать регламентъ: сколько хлѣба, мяса, крупы, сала крестьяне обязаны давать солдатамъ. Но существеннаго облегченія не послѣдовало. Русскіе шли и ѣли не только во дворцѣ, гдѣ послѣдній конюхъ требовалъ всего, что ему въ голову приходило; но и въ городѣ, въ домахъ, гдѣ жили русскіе министры, столъ долженъ былъ быть накрытъ цѣлый день. „И русская толпа, — говоритъ Эйхгольцъ, — оставалась у насъ на шеѣ до тѣхъ поръ, пока царь, по славной кампаніи въ Зеландію, не уѣхалъ въ Голландію и потомъ во Францію“.

Въ Шверинѣ царь любилъ обѣдать въ герцогскомъ саду, изъ коего прекраснѣйшій видъ на Шверинское озеро. Герцогъ всегда требовалъ, чтобы его дворцовый караулъ занималъ все носты. Эта герцогская гвардія состояла изъ людей исполинскаго роста, съ огромными усами, и чѣмъ они видомъ были страшнѣе и суровѣе, тѣмъ болѣе нравились герцогу. Во время обѣденнаго стола всегда четверо стояли тутъ съ обнаженными шпагами. Царь, любя быть безъ принужденія и не на виду, неоднократно

просиль герцога избавить его отъ этихъ излишнихъ почестей, но не успѣлъ въ своей просьбѣ. Однажды вечеромъ, когда комары стали безлоконть компанію, рѣчь зашла о томъ, какъ бы скорѣе избавиться отъ нихъ.

Царь Петръ Алексѣевичъ сказалъ герцогу: „Вотъ эти мужичины съ обнаженными шпагами ни къ чему иному не годны; велите имъ подойти и отгонять комаровъ огромными своими усами“.

Когда царица уѣхала изъ Шверина, Эйхгольцъ ожидалъ, что она изъявитъ свое удовольствіе обыкновенными подарками придворнымъ чинамъ, въ особенности ему, какъ оберъ-маршалу. Но она не пожаловала ему ни гроша (*nicht einen Kreuzer*). Когда онъ велъ ее къ каретѣ, Екатерина Алексѣевна ему сказала:

— „Я останусь у васъ въ долгу“.

Эйхгольцъ отвѣчалъ, что того не знаетъ; но что, впрочемъ, считаетъ за большую честь, если столь великая государыня у него въ долгу. Между тѣмъ онъ просиль одной милости, чтобы ея царское величество упростила царя объ освобожденіи баварскаго дворянина барона Пфертнера, состоящаго въ шведской службѣ и взятаго въ плѣнъ въ полтавскомъ сраженіи, чѣмъ ея величество обяжетъ также княгиню Нидеръ-Мипстерскую, съ коею баронъ Пфертнеръ состоитъ въ родствѣ, а его, Эйхгольца, вполне вознаградитъ за его старанія. Царица обѣщала исполнить эту просьбу и Эйхгольцъ впоследствии напоминалъ ей о томъ неоднократно своими записками въ Гагъ и въ Ахенъ; но царица даже не справлялась о Пфертнерѣ, а тѣмъ менѣе просила за него царя. „Столь мало,—говорить Эйхгольцъ,—имѣла она великодушія“.

Положено было, чтобы царскіе министры имѣли совѣщанія съ герцогскими о тѣсномъ союзѣ между обоими дворами и объ обоюдныхъ ихъ пользахъ. Такъ какъ царь не любилъ мекленбургскаго министра Петкума, то послѣдній не участвовалъ въ совѣщаніяхъ. Со стороны царя назначены были Шафировъ и баронъ Шлейницъ; со стороны герцога — Эйхгольцъ и Габихеталь.

Наканунѣ Эйхгольцъ спросилъ герцога: не желаетъ-ли онъ лично открыть засѣданіе и какіе предметы имѣютъ быть трактуемы? Герцогъ предоставилъ Эйхгольцу открыть засѣданіе при-

вѣтствіемъ. Предметами совѣщанія были: 1) О новомъ бракѣ герцога и о претензіяхъ разведенной съ нимъ герцогини. 2) О городѣ Висмарѣ. 3) Объ удовлетвореніи герцога за военные убытки. 4) Касательно дворянства. О пятомъ предметѣ, яко секретномъ, Эйхгольцъ умалчиваетъ. (Полагаютъ, что оный касался до проекта герцога—проемѣять Мекленбургъ на Курляндію).

Герцогъ велѣлъ позвать къ себѣ Шафирова и не отпустилъ его до полуночи.

Въ слѣдующій день уполномоченные собрались въ герцогскихъ покояхъ. Герцогъ самъ занималъ предѣдательское мѣсто. Эйхгольцъ открылъ конференцію изъявленіемъ благодарности за то, что царь намѣревается вступить съ его герцогскою свѣтлостью въ тѣсный союзъ. Посему обоюдная польза требовала принять такіа мѣры, чтобы разведенная герцогиня, имѣющая столь многихъ друзей при всѣхъ нѣмецкихъ дворахъ, не могла представлять свое дѣло съ слишкомъ невыгодной для герцога стороны. При первомъ, второмъ и третьемъ пунктахъ все шло хорошо и согласились, чтобы царскимъ посланникамъ въ Вѣнѣ, Брауншвейгѣ и Лондонѣ предписано было дѣйствовать въ пользу герцога единодушно съ Мекленбургскими. Но когда дошли до четвертаго пункта, герцогъ самъ началъ говорить съ яростью, обвиняя дворянство свое въ ужасныхъ небывалыхъ преступленіяхъ и произнося столь неосторожныя рѣчи, что Эйхгольцъ, забывшись, ударилъ рукою по столу и сказалъ герцогу:

— „Если ваша свѣтлость станете такъ поступать, то лишитесь земли и подданныхъ“.

Шафировъ уклонился отъ сужденія по сему предмету, извѣщаясь тѣмъ, что конституція римской имперіи ему неизвѣстна, и что онъ согласится съ мнѣніемъ товарища своего, Шлейница, коему извѣстны имперскіе законы. Шлейницъ же замѣтилъ, „что образъ правленія въ нѣмецкихъ княжествахъ не вездѣ одинаковъ, и что каждое княжество имѣетъ свои права и привилегіи; что ему не безъизвѣстно о существованіи въ Мекленбургѣ реверсалій, изъ коихъ видно будетъ, до какой степени можно требовать повиновенія отъ дворянства. Что же касается до преступленій, въ коихъ герцогъ обвиняетъ дворянство, то надобно будетъ ожидать, какія его свѣтлость можетъ представить на то доказательства“.

Такъ, повидимому, дѣло осталось; но герцогъ умѣлъ склонить на свою сторону Шафирова, который слѣпо вошелъ во все намѣренія герцога. Шафировъ въ послѣдствіи признавался въ Гагѣ Эйхгольцу, что герцогъ въ то время такъ вовлекъ его въ сіи дѣла, что онъ рисковалъ своею головою.

Вслѣдствіе домогательства герцога, депутаты мекленбургскаго дворянства, по повелѣнію царскому, были арестованы, не взирая на то, что Ягужинскій совѣтовалъ царю этого не дѣлать, чѣмъ онъ и навлекъ на себя вражду герцога.

Въ самый день арестованія депутатовъ, Петръ Андреевичъ Толстой далъ одному изъ герцогскихъ пажей пощечину въ покоехъ герцога. Эйхгольцъ представилъ герцогу, что Толстой тѣмъ нарушилъ не только тишину, долженствующую быть во дворцѣ (Burgfrieden), но и должное его свѣтлости высокопочитаніе. Однако-жъ герцогъ почелъ за лучшее прикрыть такую бездѣлицу мнимымъ невѣдѣніемъ.

Царь съ герцогомъ поѣхали въ Ростокъ. По повелѣнію царя, еще нѣкоторые знатные дворяне взяты были военными командами подъ арестъ.

Въ Ростокѣ фурьеръ герцога, одѣтый наравнѣ съ прочими людьми герцогскими по шведской формѣ, случайно подрался съ царскимъ шутомъ. Царь, увидя сіе изъ окна, самъ прибѣжалъ и, своею державною рукою поколотивъ фурьера, велѣлъ еще явившемуся караулу наказать его палками. Все извиненіе царя предъ герцогомъ состояло въ томъ, что онъ будто принялъ этого фурьера за шведа.

Эйхгольцъ, оставшійся въ Шверинѣ, узнавъ объ арестѣ дворянъ, поспѣшилъ въ Ростокъ и упрекалъ герцога въ его насильствѣ. Герцогъ увѣрялъ, что онъ о томъ ничего не зналъ и что все происходило по повелѣнію царя, который, безъ сомнѣнія, сумѣетъ объяснить свои дѣйствія ¹⁾.

Достойна замѣчанія слѣдующая случайность: наканунѣ перваго свиданія Карла-Леопольда съ Катериной Ивановной было видно

¹⁾ Весь рассказъ барона Эйхгольца, приведенный выше, сохранился въ его запискѣ, составленной имъ въ 1721 году и хранящейся въ библиотекѣ города Ростова. Извлеченіе-переводъ съ нѣмецкой рукописи сдѣлалъ П. П. Гецъ (нынѣ покойный), и впервые напечатанъ въ „Русской Старинѣ“ изд. 1875 г., томъ XII, январь, изд. второе, стр. 1—26.

на небѣ громадное сѣверное сіяніе: превеликій былъ свѣтъ съ блѣдымъ огнемъ отъ горизонта до самаго зенита. „Правда, писалъ Петръ въ Россію, хотя натуральное (то было) дѣло; однако зблѣ было ужасно видѣть“. Небесное знаменіе было видимо и въ Россіи; и если Петръ находилъ его ужаснымъ, то какъ должна была объяснять его суетвѣрная толпа, да и не менѣе ея суетвѣрное большинство русской аристократіи! Всеѣ они считали воздушное явленіе чудомъ, грознымъ предзнаменованіемъ страшныхъ несчастій... Такъ что Меншиковъ находилъ нужнымъ объяснять во многихъ знатныхъ домахъ, между прочимъ князю Черкасскому, что „знаменіе, еже недавнѣ на воздухѣ видимо было, не чрезнатуральное, по обычайное есть; еже по универсальному разсужденію философовъ, изъ сѣрныхъ и селитренныхъ восхожденій происходитъ и таковыя сіянія въ сихъ пордскихъ странахъ и часто видятъ“.

Впрочемъ ученныя объясненія Меншикова не успокоивали простодушныхъ истолкователей небеснаго явленія. Мы можемъ представить себѣ, какое сильное впечатлѣніе произвело оно на царицу Прасковью, какъ пытливо спрашивала она о его значеніи у своихъ доморощенныхъ пророковъ и кудесниковъ, и съ какою теплою мольбой снѣшила въ монастыри да Божьи храмы — къ чудотворнымъ иконамъ, къ нетлѣннымъ мощамъ... ея мольба была за здоровье и счастье непамятной „Катюшки“.

А „Катюшка“ тѣмъ временемъ веселилась, безъ сомнѣнія, довольная и счастливая. Такъ, по крайней мѣрѣ, мы имѣемъ право думать, зная ея „веселоправный“ характеръ. Ее радовали праздники, поражали новые предметы, новыя лица, незнакомый ей бытъ... А будущее? Къ чему въ него было заглядывать?

Не такъ думалъ Петръ. Еще наканунѣ свадьбы, 7 апрѣля 1716 г., онъ обязалъ герцога выдавать жепѣ ежегодно на карманныя расходы по 6,000 рейхсталеровъ. А затѣмъ, въ особомъ трактатѣ, въ девяти пунктахъ, изложилъ условія и цѣль, для которыхъ заключается родственныи союзъ. Карль-Леопольдъ, герцогъ мекленбургскій, князь венденскій, шверинскій и рацебургскій, ростокскихъ и старгардскихъ земель государь, взаимно съ русскимъ царемъ обязывались: быть вѣрными другъ другу союзниками и пособниками, во всякомъ, какъ наступательномъ, такъ и оборонительномъ дѣйствіяхъ. Петръ обѣщалъ помощь славному союзнику и войскомъ, и деньгами въ сѣверной войнѣ, для

отнятія у шведовъ Висмара съ пригородами; но за то герцогъ долженъ былъ давать все, что пужно и что было въ его власти, для успѣшнаго дѣйствія русско-вспомогательнаго корпуса. Въ случаяхъ какихъ-либо непріятныхъ столкновеній мекленбургскаго герцога съ цесарскимъ величествомъ, царь Петръ Алексѣевичъ бралъ на себя ходатайствовать за него чрезъ своихъ уполномоченныхъ при вѣскомъ дворѣ.

Всѣ эти условія были крайне выгодны для небольшого германскаго владѣтеля, но трактатъ былъ далеко не безвыгоденъ и для русскаго государя. Не говоря уже о томъ, что въ этомъ покровительствѣ Петръ являлъ свою силу и вліяніе на дѣла европейской политики; но, кромѣ того, на основаніи седьмой статьи трактата, онъ получалъ право свободно и пезовзбранно присылать свои суда торговыя и военныя въ мекленбургскія пристани; русскіе купцы могли жить, складывать свои товары, имѣть свою церковь, заключать разныя торговыя операціи, подъ особымъ покровительствомъ герцога. Карлъ-Леопольдъ обязывался всегда чинить свободный пропускъ войскамъ царя Петра чрезъ свои земли, устраивать для нихъ запасныя магазины и проч.

8 апрѣля 1716 г., какъ мы уже видѣли выше, была свадьба. Польскій король, не ладившій съ конфедератами и искавшій помощи Петра, разсыпался предъ нимъ во всевозможныхъ шпрахъ, ассамблеяхъ и всякаго рода увеселеніяхъ. Тицеславный, сластолюбивый, расточительный и ничтожный по характеру, Августъ II умѣлъ блеснуть роскошью своего двора и находчивостью въ изобрѣтеніи всякаго рода удовольствій.

На другой день послѣ свадьбы онъ далъ повобрачнымъ, ихъ дадѣ, теткѣ и всему двору ниръ на славу, съ разными потѣхами. При сочиненіи ихъ, Августъ искусно подобралъ такія именно забавы, какія должны были поправиться его могучему сосѣду. И дѣйствительно: примѣрныя битвы саксонцевъ съ городскимъ войскомъ, всякаго рода огненныя потѣхи, игры, какъ нельзя больше поправились Петру.

„Извѣствую вамъ, — писалъ государь къ Аираксину, — что вчерашняго дня племянница нашей бракъ съ герцогомъ мекленбургскимъ, при присутствіи короля польскаго, и при многихъ знатныхъ особахъ, съ стрѣльбою пушечною и фейерверкомъ торжественно совершился, и съ сею повинною васъ поздравляю“.

Прилушнваясь къ поздравленіямъ и приглядываясь къ празднествамъ и забавамъ, можно подумать, что брачный союзъ заключенъ былъ безъ всякихъ помѣхъ, не вызвалъ никакихъ непріязненныхъ дѣйствій. Противниковъ, дѣйствительно, было немного, но они были. Во главѣ ихъ стоялъ ганOVERскій министръ Берендорфъ, родомъ мекленбургецъ. Онъ всячески интриговалъ противъ брака Карла-Леопольда, и когда интриги его не разстроили свадьбу, онъ много повредилъ въ общемъ дѣлѣ сѣверныхъ союзниковъ. Берендорфъ чинилъ всякаго рода проволочки въ дѣйствіяхъ войскъ, и вообще „непрестанно злодѣйствовалъ. И какую напрасную сеору между Россіею и Англіею произвелъ сей злодѣйственный и безсовѣстный человекъ, — восклицаетъ Петръ, — ради своего партикулярнаго дѣла, свѣту есть извѣстно! А понеже онъ въ своемъ принципалѣ такую силу имѣлъ, что все по волѣ его оный дѣлалъ; къ тому же сей Берендорфъ имѣлъ своихъ земляковъ (и согласниковъ) при датскомъ дворѣ бѣльшую часть, какъ въ министрахъ, такъ и въ генералахъ... къ тому же склонялъ другихъ деньгами... того ради, по злобѣ своей, чрезъ оныхъ вымыслами помѣшалъ, дабы пренараціи умедлнить; а когда опоздаютъ, то самая невозможность будетъ... Здѣсь всякъ нестранный и разумный разсудитъ, ни для чего иного сіе учинено, только дабы не зимовать въ Мекленбургѣ.“¹⁾...

¹⁾ Журналъ или подденная записка Петра Великаго, т. II, стр. 20—24, 43—44, 398—421. Судя по энергическому слогу, можно смѣло сказать, что выписанныя нами въ извлеченіи строки принадлежатъ ни кому другому, какъ самому Петру. Государь, какъ извѣстно, нѣсколько разъ выправлялъ, и выписывалъ цѣлыя страницы въ составлявшуюся по его приказанію, подденную записку. Нельзя не порадоваться, что этотъ драгоценнѣйшій источникъ къ исторіи царствованія Петра когда-нибудь явится въ свѣтъ, въ возможно полномъ изданіи, съ примѣчаніями, съ обозначеніемъ собственноручныхъ строкъ Петра, указаніями на его поправки и проч. и проч. Этотъ громадный трудъ принять на себя В. О. Ратчъ, извѣстный своими изслѣдованіями и розысканіями по части исторіи русской артиллеріи. Правительство назначило ему на изданіе 5.000 руб.

Примѣч. 1860 г.

Оказалось, что мы въ 1860 г. слишкомъ поспѣшили выразить свое удовольствіе и радостную надежду видѣть драгоценный Журналъ Петра Великаго въ изданіи его-достоинномъ. Прошло 23 года. В. О. Ратчъ многою года уже какъ умеръ, а для изданія подлинныхъ писемъ и собственноручныхъ трудовъ великаго преобразователя Россіи императора Петра I-го—все еще не могутъ отыскаться деньги, хотя самое собраніе этихъ матеріаловъ, какъ слышно, уже приготовлено трудами директора Императорской публичной бібліотеки — А. О. Бычкова.

Примѣч. 1883 г.

По этимъ словамъ можно видѣть, что въ противникѣ брачнаго договора племянницы, Петръ нашелъ интригана искуснаго, опытнаго, надѣлавшаго ему не мало хлопотъ, а главное — разстроившаго многіе его планы. Но молодые, хотя и близко были заинтересованы въ планахъ Петра, весело провели медовый мѣсяць, затѣмъ уѣхали въ свои владѣнія, и здѣсь, въ городѣ Шверинѣ, Карль-Леопольдъ, какъ мы рассказали уже выше со словъ Эйхгольца, имѣлъ честь принимать, 12-го мая 1716 г., своего именитаго тестя. Герцогъ провожалъ государя отъ города въ городъ въ предѣлахъ своихъ владѣній, но не видно, чтобы Петръ совѣщался съ нимъ, либо звалъ его на сѣзды для переговоровъ съ остальными союзниками... Годовщина полтавской „викторіи“ была отпразднована въ Ростокѣ, въ домѣ герцога, съ подобающимъ торжествомъ. Предпримчивый и неутомимый Петръ не оставался долго на одномъ мѣстѣ: онъ ѣздилъ, писалъ повелѣнія, толковалъ съ министрами, одушевлялъ одного союзника, торопилъ другого и т. д. Такимъ образомъ во время своихъ заѣздовъ въ Шверинъ или Ростокъ, онъ проводилъ въ семьѣ герцога только нѣсколько сутокъ и спѣшилъ далѣе; за то государыня гостила у нихъ и почасту, и подолгу, такъ какъ она не хотѣла задерживать Петра ни собой, ни своимъ штатомъ.

Вотъ нѣсколько подробностей, относящихся къ событіямъ 1717 года изъ жизни герцога Мекленбургскаго и его супруги.

Въ 1717 году герцогъ послалъ Эйхгольца къ царю, пребывавшему тогда въ Ахенѣ, съ просьбою объ удаленіи русскихъ войскъ изъ Мекленбурга, кромѣ семи полковъ, и о защитѣ герцога противъ всякаго насильства. Герцогиня Екатерина Ивановна, по желанію супруга своего, писала равномѣрно къ царю, заклиная его не оставить герцога и не вѣрять своимъ министрамъ, совѣтующимъ ему противное, но считать ихъ мошенниками и измѣнниками. Эйхголецъ не зналъ, какъ онъ увѣряетъ, ничего о содержаніи письма Екатерины Ивановны. Заставъ царя въ Литтихѣ, на возвратномъ пути его величества изъ Парижа, онъ просилъ тайнаго секретаря нѣмецкой экспедиціи Остермана доложить о немъ царю и былъ принятъ милостиво. Царь, видя по числу на письмѣ, что оно уже давно писано, спросилъ Эйхгольца, гдѣ онъ такъ долго оставался? Эйхголецъ отвѣчалъ, что онъ — цесаревій вассалъ и довольно напюхался воздухомъ въ Вѣнѣ, и потому,

на старости лѣтъ, не хотѣлъ вѣхать въ Парижъ, но ожидать его царскаго величества въ Литтихѣ.

Государь сказалъ на то: „*добре*“.

Когда Эйхгольцъ, по приказанію герцога, просилъ объ оставленіи семи полковъ въ Мекленбургѣ и о защитѣ его свѣтлости противъ всѣхъ и каждаго, царь сказалъ:

— „Знаетъ-ли герцогъ, что требуемые семь полковъ составляютъ 11,000 человѣкъ?“ — и велѣлъ Остерману объяснить это хорошенько Эйхгольцу.

Его величество назначилъ Толстого и Шафирова для переговоровъ съ Эйхгольцомъ, а письмо Екатерины Ивановны, увидя на немъ русскую надпись, пераспечатанное положилъ въ карманъ. Государь велѣлъ Эйхгольцу слѣдовать за нимъ въ Голландію и оставаться при немъ.

Въ Сна Толстой и Шафировъ имѣли совѣщанія съ Эйхгольцомъ и положено было слѣдующее: царь оставляетъ у герцога два полка по выбору самаго герцога; болѣе войскъ было бы герцогу въ тягость и царь совѣтуетъ ему отвести полкамъ, по равной соразмѣрности, квартиры въ городахъ, въ дворянскихъ и герцогскихъ имѣніяхъ. Далѣе царь обѣщаетъ герцогу защиту противъ всѣхъ, которые станутъ притѣснять его неправильно. Эйхгольцу же предоставлено было отправить курьера къ герцогу для узнанія его мнѣнія. Эйхгольцъ весьма беззаботился, не зная, какъ герцогъ приметъ сіе извѣстіе, ибо его свѣтлость требовалъ всегда, чтобы отъ данной имъ инструкціи не отступали ни на шагъ. Къ счастью, герцогъ былъ доволенъ и отправилъ черезъ курьера въ отвѣтъ благодарственное письмо, въ коемъ однако-жъ возобновили просьбу о защитѣ противъ всѣхъ и каждаго. Между тѣмъ царь путешествовалъ въ Голландію и каждый разъ, когда видѣлъ Эйхгольца, спрашивалъ его: „Герцогъ еще не писалъ?“

Наконецъ, по пріѣздѣ въ Ахенъ, Эйхгольцъ получилъ съ курьеромъ письмо герцога и поднесъ оное царю.

Царь спросилъ: „доволенъ-ли герцогъ?“ — и узнавъ отъ Эйхгольца, что весьма доволенъ, сказалъ опять: „*добре!*“

Но когда письмо перевели на русскій языкъ и государь усмотрѣлъ, что герцогъ повторяетъ просьбу о защитѣ противъ всѣхъ и каждаго, онъ вознегодовалъ на герцога и велѣлъ написать ему

чрезъ Эйхгольца, что онъ подобной защиты никогда не обѣщаль, развѣ только въ справедливыхъ дѣлахъ, прибавляя:

— „Я для герцога не намѣренъ ссориться съ императоромъ (Римскимъ т.-е. австрійскимъ) и имперією“.

Приготовляясь къ отъѣзду изъ Ахена, царь укладывалъ свою шкатулку, въ коей хранились тайныя его бумаги, и тутъ Толстой и Шафировъ увидѣли письмо Екатерины Ивановны. Они, ужасно разсердившись за то, что названы мошенниками и измѣнниками, тотчасъ послали за Остерманомъ и предъ нимъ жестоко разругали герцога и Эйхгольца, не щадя русскихъ вѣжливостей. Остерманъ, блѣдный какъ смерть, пришелъ къ Эйхгольцу, сидѣвшему въ ваннѣ, и велѣлъ его вызвать скорѣе. Эйхголецъ божился, что содержаніе письма Екатерины Ивановны ему вовсе неизвѣстно. Предъ Толстымъ Эйхголецъ не могъ оправдаться, ибо Толстой отправился въ Вѣну за царевичемъ Алексѣемъ Петровичемъ. И Шафирова трудно было успокоить. Эйхголецъ увѣрялъ его, что герцогъ противъ него ничего не имѣетъ, но что оскорбительныя выраженія относятся, вѣроятно, къ канцлеру Головкину, князю Долгорукову и къ другимъ, коихъ герцогъ подозрѣваетъ въ недоброжелательствѣ къ нему ¹⁾.

¹⁾ Вотъ одно изъ писемъ герцогини Мекленбургской Екатерины Ивановны къ Петру I, нѣсколько позднѣйшаго времени, одно изъ тѣхъ, которыя могли вызывать противъ ея мужа злобу П. А. Толстого и друг. Приводимъ его съ буквальною точностью:

«Милостивѣйшій Государь мой дядюшка і бабюшка, Царь Петръ Алексѣевичъ, здравствуй(и) на множества летъ!

«Симъ Ваше Величества моего Государя покорна прошю: да не оставлены мы будемъ (въ) вашей непрременай милости, которой отъ сердца желаемъ.

«При семъ прошю Ваше Величества не преремнить своей милости до моего супруга; понеже мой супругъ слышель, что естъ Вашего Величества на него гневъ, і онъ то слыша (въ) великой печали себя содержитъ, і надееда, что нехътя нашъ злодей Вашему Величеству данесъ неправду, не хотя ево видеть (въ) вашей милости. При семъ проситъ мой супругъ, дабы Ваше Царское Величества не изволили слушать таковыхъ неправедливыхъ данашеній(и) на него; истинно мой супругъ Вашему Величеству себя абъявляетъ вернымъ слугою.

«Еще покорно проситъ мой супругъ Ваше Величества: слышель онъ, что Ваше Величества изволите иметь альянцъ съ королемъ шведскимъ, і при семъ всенижайше проситъ Ваше Величества мой супругъ, дабы ево при семъ не оставили въ свадѣй отеческой милости. А кароль пруской да моего супруга не прес(я)мимъ сердцемъ і съ великимъ лукавствомъ; і ради таго мой супругъ Ваше Величества всенижайше проситъ, ежели изволите иметь *) альянцъ съ королемъ

*) Въ подлинникѣ описка: имелеть.

Съ того времени герцогъ лишился и послѣдняго уваженія у россійскихъ министровъ.

Царь, отпуская Эйхгольца, подарилъ ему свой портретъ, цѣною въ 500 талеровъ.

Герцогъ, находясь въ безпрерывной ссорѣ съ своимъ дворянствомъ, былъ недоволенъ, что царь не хотѣлъ его защищать противъ всѣхъ и каждаго, и съ помощію Вальтера составилъ меморію, чтобы склонить царя на свою сторону. Въ сей меморіи онъ дворянство свое не называетъ иначе, какъ „мятежники“.

Самымъ интереснымъ визитомъ Петра къ Карлу-Леопольду былъ безспорно прїѣздъ его въ Магдебургъ 6 сентября 1717 года.

Государь, какъ кратко значится въ журналѣ, прїѣхалъ сюда въ 8 часовъ утра. Его встрѣтили герцогъ мекленбургскій съ герцогинею, генераль-фельдмаршалъ прусской службы князь Дангалтъ и другіе.

Государь предъ обѣдомъ ходилъ въ церковь, въ которой осматривалъ разныя достопамятности, между прочимъ камень на которомъ отсѣкли голову епископу Удоу, и, перепочевавъ въ квартирѣ герцога, выѣхалъ въ Бранденбургъ.

Полуденная записка умалчиваетъ о нѣкоторыхъ частныхъ подробностяхъ, сопровождавшихъ встрѣчу Петра съ зятемъ; тѣмъ не менѣе онѣ интересны, если только справедливы. Такъ, напр. объ одной изъ нихъ (едва ли не въ Магдебургѣ) вотъ что рассказываетъ камергеръ Пельницъ ¹⁾:

„Г. Соссежі, братъ канцлера, въ главѣ правительственныхъ лицъ, явился къ Петру съ привѣтствіемъ и поздравленіемъ съ благополучнымъ прибытіемъ. Онъ засталъ гостя съ двумя русскими барынями. Петръ нѣжно обнималъ своихъ собесѣдницъ, что продолжалось до тѣхъ поръ, пока его не отвлекли привѣт-

швецкимъ, дабы ево не оставили въ своей милости. Впрочемъ предавъ ваше здравіе дражайшее въ сохраненіе божіе, і себя рекомендую въ непремѣную милость Вашего Величества. Вашего Величества покорная услужница і племянница Екатерина».

«Изъ Ростака, 8 сентебря 1718».

(См. «Письма русскихъ государей и другихъ особъ царскаго семейства». М. 1861 г., книга II-я, стр. 63—64).

¹⁾ Mémoires pour servir à l'histoire etc. II, p. 65. Anna Ioannovna, Dargestellt von F. W. Barthold, p. 22—23.

ственной рѣчью“. Какъ ни странно было для пѣмцевъ подобное безцеремонное обращеніе въ ихъ присутствіи, но все это было ничто, въ сравненіи съ тѣмъ, что они увидѣли на другой день. Герцогиня мекленбургская съ мужемъ, прибывши изъ Шверина, чтобъ повидаться съ тестемъ и проводить его въ Берлинъ, сдѣлали государю ранній визитъ. Петръ выбѣжалъ къ племянницѣ на встрѣчу, нѣжно ее обнялъ и повелъ въ соседнюю комнату, гдѣ заботливо посадилъ ее на диванъ, оставивъ герцога и его свиту изъ передней слѣдить за его ласками въ растворенную дверь...

Въ Магдебургѣ начальствовалъ кн. Ангальтъ-Дессаускій, родной дядя разведенной герцогини, первой жены Карла-Леопольда. Князь былъ съ визитомъ у герцога, но не умѣлъ скрыть выраженія своихъ внутреннихъ чувствъ. Царь Петръ въ бытность свою въ Магдебургѣ остановился у герцога; „и такъ,—замѣчаетъ Эйхгольцъ, —сдѣланныя для пріема его величества въ королевскомъ домѣ приготовленія остались напрасными. Герцогъ предложилъ царю на завтракъ чаю, но его величество потребовалъ бургундскаго, спрося герцога, сколько онъ утромъ пьетъ чаю?

Герцогъ, показывая на стаканъ, сказалъ: „вотъ сколько“.

Царь отвѣчалъ: „такъ вы фофанъ!“ (Wel, ghy bint een Geek).

Герцогъ, чтобы отдѣлаться отъ сего упрека, сказалъ, что онъ поступаетъ по совѣту своего лейбъ-медика Шапера.

Однако-жъ царь нисколько не смягчилъ прежняго слова и отвѣчалъ сухо: „Soo is hee noch een grösser Geek as hy!“ (такъ онъ еще больше фофанъ, нежели вы!).

Послѣ того герцогъ подаль царю вышепомянутую меморію свою, которую государь вручилъ секретарю Остерману для перевода на русскій языкъ, а самъ пошелъ посмотреть соборъ и другія достопамятности Магдебурга.

Возвратясь домой и прочтя меморію герцога, царь сказалъ ему: „что вы тутъ затѣлили? Это вещи несправедливыя и весьма тиранскія. Не забывайте, что императоръ этого никакъ не позволитъ, а я не могу и не хочу вамъ помогать въ подобныхъ дѣлахъ“.

Герцогъ возразилъ, что имперія и ея чины (das Reich und seine Stände) должны были ему содѣйствовать.

Царь повторилъ нѣсколько разъ съ негодованіемъ: „Pfiui, Reich! Pfiui, Reich!“, будто въ насмѣшку герцогу за его неосновательное предположеніе, а герцогъ и его совѣтники стояли предъ царемъ, какъ масло на солнцѣ (wie Butter an der Sonne), и не смѣли рта открыть, дабы не услышать отъ него титуловъ, подобныхъ тому, какимъ онъ прежде почтилъ герцога.

Канцлеръ Головкинъ увелъ Эйхгольца въ сторону и просилъ его отклонить герцога отъ столь опасныхъ для него намѣреній. Но герцогъ о томъ и слышать не хотѣлъ.

Герцогъ, намѣреваясь ѣхать въ Берлинъ, послалъ туда придворнаго кавалера, чтобы извѣстить о своемъ приѣздѣ. Ему приготовили комнаты во дворцѣ. Однако-жъ герцогъ, противъ воли короля, остановился въ томъ домѣ, гдѣ жилъ царь, такъ что только одна комната раздѣляла занятые ими покои. Когда у короля собирались сѣсть за ужинъ, герцогъ требовалъ, чтобы его посадили выше маркграфовъ бранденбургскихъ и чтобы шли прежде за его здоровье, нежели за здоровье маркграфовъ, или чтобы маркграфы вовсе не являлись къ столу. Король изъявилъ готовность на счетъ тоста за здоровье, ноелку маркграфы охотно на то согласились бы, но сказали, что они не могутъ уступить герцогу первенства. Герцогъ настаивалъ на своемъ требованіи предъ министромъ фон-Пльгеномъ, говоря, что когда покойный братъ его, герцогъ Фридрихъ-Вильгельмъ, былъ въ Берлинѣ, то маркграфы уѣхали въ свои деревни, а онъ не менѣе, нежели покойный его братъ. Пльгенъ отвѣчалъ ему довольно сухо, что покойный герцогъ Фридрихъ-Вильгельмъ до приѣзда своего въ Берлинъ заблаговременно согласился на счетъ церемоніала и тогда удобно было маркграфовъ удалить подъ благовиднымъ предлогомъ, но его свѣтлость нишѣ изволилъ приѣхать, такъ сказать, какъ незванный гость, и король не можетъ согласиться, чтобы въ его домѣ обидѣли маркграфовъ, родныхъ братьевъ покойнаго его родителя. Единственнымъ средствомъ выйти изъ сего положенія было бы занять мѣста по жребію. Но сіе не поправилось герцогу и, не взирая на убѣжденія царя и другихъ особъ, онъ не явился къ королевскому столу.

Между тѣмъ разведенная герцогиня оспаривала рѣшеніе грейсвальдской консисторіи о разводѣ и исходатайствовала разные по сему предмету декреты отъ имперскаго гофрата: впрочемъ, она

согласна была примириться, если герцогъ возвратитъ ей приданое и назначитъ, приличную ея сану, пенсію, о чемъ герцогъ и слышать не хотѣлъ. Царь весьма разсердился на такую скуность и упрямство герцога, могущія имѣть послѣдствіемъ, что второй бракъ его признанъ будетъ незаконнымъ, и велѣлъ сказать герцогу: „что онъ, царь, далъ ему племянницу свою на совѣсть; однако-жъ никогда не согласится, чтобы могли ее когда-либо считать за его наложницу“. Царь могъ самъ видѣть въ стеклянныя двери, какое впечатлѣніе слова его произвели на герцога, предавшагося какъ бы отчаянію.

Кончилось тѣмъ, что въ Берлинѣ, при посредничествѣ царя, заключенъ былъ съ повѣренными разведенной герцогини договоръ, по коему ей назначили пенсію въ 5,000 талеровъ и сверхъ того 30,000 талеровъ единовременно; она же безотговорочно признала разводъ правильнымъ.

Съ сего времени ненависть герцога къ Ягужинскому еще болѣе усилилась.

Черезъ нѣсколько дней россійскій посланникъ Головкинъ угощалъ царя и герцога. При десертѣ вошелъ Ягужинскій, и герцогъ сказалъ ему:

— „За ваше здоровье, г. Ягужинскій! Желаю, чтобы вы всегда оставались благосклонны къ моему рыцарству и доложили царю сколь оно отъ меня терпѣло, дабы рыцарство хорошенько возблагодарило васъ подарками!“

Ягужинскій, види себя столь обиженнымъ предъ всеѣмъ обществомъ и самимъ государемъ своимъ, вышелъ изъ комнаты. Все россійскіе вельможи чувствовали себя обиженными поступкомъ герцога Карла-Леопольда.

Послѣ ужина Эйхгольцъ упрекалъ герцога за его неосторожность. Герцогъ отвѣчалъ, что ему жаль, но что по крайней мѣрѣ облегчилъ свое сердце. Онъ поручилъ Эйхгольцу стараться примирить его съ Ягужинскимъ и велѣлъ звать его къ обѣду, но учтивости послѣ такой обиды не могли имѣть успѣха.

Возвратясь въ Мекленбургъ, герцогъ все надѣялся на помощь царя. Тщетно Эйхгольцъ напоминать ему разговоръ съ царемъ въ Магдебургѣ. Однажды герцогъ, долго смотря на маленькій портретъ царя, висѣвшій въ его кабинетѣ, сказалъ:

— „Вотъ у него такое доброе лицо. Онъ меня не оставитъ!“

Распри между герцогомъ и мекленбургскими чинами дошли, наконецъ, до такой степени, что имперская экзекуціонная армія заняла весь Мекленбургъ. Герцогъ съ супругою поѣхалъ въ сопровожденіи Эйхгольца въ Вѣну для ходатайства по своему дѣлу. Имѣлъ-ли онъ успѣхъ или нѣтъ, не относится до предмета сей выписки. Мы вышнемъ изъ записокъ Эйхгольца только слѣдующій эпизодъ касательно пребыванія герцога въ Вѣнѣ.

Его цесарское величество сказалъ, однажды, своему вице-канцлеру:

— „Хорошо, что герцогъ пріѣхалъ, лишь бы не привезъ съ собою Москвитянку“. Императоръ прибавилъ: „И желалъ бы знать: знаетъ-ли о томъ герцогъ?“

Вице-канцлеръ велѣлъ позвать Эйхгольца и сообщилъ ему слова императора. „Конечно“, говорилъ онъ, „смѣлый поступокъ, что герцогъ при нынѣшнихъ обстоятельствахъ привезъ сюда супругу свою“. Вице-канцлеръ совѣтовалъ герцогу помѣстить герцогиню въ Нусдорфѣ или Леопольдштадтѣ, дабы можно было сказать, что она не въ императорской резиденціи. Герцогъ, посоветовавшись съ своими приближенными, велѣлъ отвѣчать вице-канцлеру, что бѣдная женщина, всѣмъ свѣтомъ оставленная, здѣсь, въ Вѣнѣ, никого знакомаго не имѣетъ и притомъ языка не знаетъ; что она умретъ съ тоски, если герцогъ удалитъ ее отъ себя, и что онъ посему проситъ, дабы его цесарское величество оставилъ ее у него. Тѣмъ и кончилось дѣло.

Жизнь Екатерины Ивановны въ замужествѣ за герцогомъ Мекленбургскимъ была очень для нея несладка. Тѣмъ не менѣе первые годы, въ письмахъ своихъ къ Петру I и къ царичѣ Екатеринѣ, она не только не высказывала жалобъ на мужа, но, какъ мы видѣли выше, ходатайствовала за него предъ своимъ „дядюшкой и батюшкой“, какъ называла она Петра I. „О себѣ извѣстную, — пишетъ герцогиня почти въ каждой изъ своихъ грамотокъ, 1716—1720 годовъ, — за помощью Божіею, съ любезнымъ моимъ супругомъ (или „сожителемъ“) обрѣтаюсь въ добромъ здравіи“.

Въ іюль 1718 г. герцогиня прислала къ государынѣ Екатеринѣ Алексѣевнѣ важную вѣсточку. Приводимъ письмо безъ соблюденія свособразной орфографіи герцогини Екатерины Ивановны:

„Примаю смѣлость я, государыня тетушка, В. В — ству о себѣ донести: милостию Божіею я оберемѣнила, уже есть половина. И при семъ просить мой супругъ, также и я: да не оставлены мы будемъ у государя дядюшки, также и у васъ, государыня тетушка, въ неотмѣнной милости. А мой супругъ, также и я, и съ предбудущимъ, что намъ Богъ дастъ, покаместъ живы мы, В. В—ству отъ всего нашего сердца слуги будемъ государю дядюшкѣ, также и вамъ, государыня тетушка, и государю братцу царевичу Петру Петровичу, и государынямъ сестрицамъ: царевнѣ Аннѣ Петровнѣ, царевнѣ Елисаветѣ Петровнѣ.

„А прежде половины (беременности) писать я не посмѣла до В. В—ства, ибо я подлинно не знала. Прежде сего также надѣялася быть, однако же тогда было несправда; а нынѣ за помощію Божіею уже прямо узнала и приняла смѣлость писать до васъ, государыня тетушка, и до государя дядюшки, и надѣюся въ половинѣ „ноემѣрни“ (ноября) быть, еже Богъ соизволитъ“.

7-го декабря 1718 г. Екатерина Ивановна родила дочь Анну, впоследствии правительница Анна Карловна или — какъ у насъ ее называли — Леопольдовна. Рожденіе ребенка не улучшило положенія матери. Побывавъ въ апрѣлѣ 1719 г. въ Митавѣ у сестры Анны Ивановны, Екатерина Ивановна поразсказала ей, а та передала матери о своей горькой жизни. Царица Прасковья Федоровна печаловалась о ней предъ „государыней милостивой, матушкой-невѣстушкой, царицей Екатериной Алексѣевной“... „Прошу у васъ, государыня, милости, — писала 23-го апрѣля 1721 г. царица Прасковья Федоровна, — побей челомъ царскому величеству о дочери моей, Катюшкѣ, чтобъ въ печалѣхъ ее не оставилъ въ своей милости; также и ты, свѣтъ мой, матушка моя невѣстушка, пожалуй, не оставь въ такихъ ея неспособныхъ печалѣхъ. Ежели великъ Богъ видѣтъ В. В—ство, и я сама доведу о печалѣхъ ея. И приказывала она ко мнѣ на словахъ, что и животу своему не рада... приказывала такъ, чтобъ для ея бѣдства умилосердился царское величество и повелѣлъ бы быть къ себѣ“...

Царь Петръ виная просьбамъ старушки-царицы Прасковьи Федоровны и сталъ настоятельно призывать герцогиню Мекленбургскую въ Россію, напоминая ей при томъ, что, по отноше-

нію къ ея мужу, оцѣ „многократно не точно писалъ, но и изустно говаривалъ супругу вашему, чтобъ не все такъ дѣлалъ, чего хочеть, но смотря по времени и случаю“.

Безпокойный, жестокий нравъ герцога Карла-Леопольда продолжалъ проявляться во всей своей прелести. Карль-Леопольдъ присвоивалъ движимое и недвижимое имѣніе своихъ подданныхъ, безтолково противодействовалъ австрійскому императору, не выполнялъ условій свадебнаго контракта, не снабжалъ жену ни деньгами, ни достаточнымъ содержаніемъ, такъ что она часто обращалась съ сѣтованіями и просьбами о помощи къ матушкѣ, которая всеми силами хлопотала за нее у Петра. Безпутный мужъ шолъ прямо къ своей гибели, не внимая предостереженіямъ и совѣтамъ тестя... 1).

Въ апрѣлѣ 1719 года, какъ мы видѣли выше, герцогиня Катерина Ивановна гостила у сестры Анны—и государь былъ столь милостивъ, что повелѣлъ выдать ей изъ курляндскихъ доходовъ 1,000 червонныхъ... Впрочемъ, содержаніе ея было плохо, далеко не герцогское; штатъ состоялъ изъ русскихъ школьничковъ Чемесова и другихъ, которые, по словамъ самой государыни, были „гораздо плохи“ 2).

Катерина просила, чрезъ посредство матери, о пополненіи ея штата, о присылкѣ церковнаго причта. Старушка немѣлкатно препроводила письмо въ Петергофъ, къ государынѣ.

„Государыня моя невѣстушка, царица Прасковья Федоровна, —отвѣчала Екатерина, —здравствуй на множество лѣтъ купно съ дочкою! Объявляемъ вамъ, государыня, что письмо, до насъ писанное, отъ любезнѣйшей вашей дочери, а нашей племянницы, царевны Екатерины Ивановны, его царское величество изволилъ все вычестъ и о священникѣ самъ изволилъ приказать повгородскому архіерею Θεодосію, чтобъ немедленно, по желанію ея высочества, отправить пона панскорѣ“...

Государыня заканчивала объявленіе просьбой, чтобъ „невѣтка не печалилась и увѣдомила бы о своемъ здоровьи: есть-ли въ болѣзни ей облегченіе“? 3).

1) Карль-Леопольдъ, лишенный престола (въ 1736 году), пережилъ жену и дочь и скончался въ заточеніи, въ крѣпости Демицъ, 28 ноября 1747 года.

2) Каб. I пол., кн. 64. л. 736: письмо отъ имени Екатерины Алексѣевны.

3) Каб. дѣл. I. пол., книга 64. л. 668.

Царица-невѣстушка дѣйствительно очень хворала; недугъ еще болѣе усиливался печалью въ разлукѣ съ любимою дочерью, несогласіями съ среднею и болѣзною младшею ¹⁾; но собственная болѣзнь не мѣшала ей вынолнять самымъ тщательнымъ образомъ всѣ просьбы „свѣтъ-Катюшки“.

Такъ, въ отвѣтъ на просьбу о присылкѣ церковнаго причта, она извѣщала дочь: „Посланъ къ тебѣ священникъ, да съ нимъ діаконовъ Филиппъ и пѣвчій Филька, кажется люди нарочиты, а буде плохо, я по зимѣ другого пришлю; и чаю—сама поѣду къ Москвѣ зимою, и тамъ выберу добрыхъ“...

„А что пишешь, — замѣчаетъ въ другомъ письмѣ заботливая матушка, — чтобъ не присылать женскаго роду (т. е. прислугу) въ Ригу, и я вамъ пришлю не на твоёмъ коштѣ, хотя негодны будутъ вамъ поѣтъ назадъ прѣдутъ; и о томъ отпиши, присылать или нѣтъ“?...

Прасковья перенесывалась очень усердно; но не довольствуясь письмами, зачастую посылала къ дочери, въ особенности въ то время, какъ она гостила у Анны въ Митавѣ, близкихъ ей людей. Мы видѣли, какъ не нравились подобныя надсмотрщици царевича Аншѣ, не могли правиться они и сестрѣ ея Катеринѣ; но прекословить матери она не рѣшалась и держала при себѣ этихъ пословъ, которые шесали о всѣхъ порядкахъ въ ея жизни къ безпокойной старушкѣ. Въ такихъ посланкахъ, какъ это видно изъ писемъ, особенно часто бывала Окуневъ.

¹⁾ Грозныя событія 1718 года, встряхнувшія, по волѣ Петра, все высшее общество въ обѣихъ столицахъ, а также и все царское семейство—мы разумѣемъ розыскъ по дѣлу царевича Алексея Петровича—не могли также не встревожить нашу старушку-царицу, хотя онѣ и прошли для нея благополучно. Достойно вниманія, что изъ массы лицъ, прямо или косвенно замѣшанныхъ въ дѣлѣ царевича Алексея и его матери, царица Прасковья Оедоровна сумѣла остаться совершенно въ сторонѣ; не видно, сдѣланъ-ли былъ ей допросъ. Между тѣмъ она была много дѣтъ знакома и даже перенесывалась съ каленнымъ по дѣлу царицы Евдокіи Лопухиной епископомъ Доспоеемъ. Царевичъ Алексѣй на допросѣ, перечисляя своихъ сторонниковъ, называлъ и царицу Прасковью: „Я вѣдалъ—показалъ онъ—что она ко мнѣ добра гораздо, хотя и безъ большой конфиденціи, чаялъ же къ сему склонну“ ¹⁾.

Врядъ-ли кому другому удалось бы въ этомъ страшномъ розыскѣ уцѣлѣть при подобномъ „договорѣ“.

¹⁾ Устряловъ, т. IV, стр. 253.

„А Окунева, Катюшка, — пишетъ Прасковья, — будетъ надобно держи; будетъ есть нужда какая приказать и ты ко мнѣ его пришли, а я тотчасъ къ вамъ пошлю“... „Изволь ты его держать долго, — наказываетъ старушка, — чтобы мнѣ побольше про васъ сказывалъ“...

Годы были не совѣмъ счастливы для Катерины Ивановны; первые годы послѣ нихъ она иногда хворала, и вѣсти о ея болѣзни сильно тревожили мать. У Катерины дуло животь, дѣлались судороги и старушка въ интимныхъ письмахъ всячески старалась ее успокоить: „а что нинешь себѣ про свое брюхо, говорить старушка въ одной изъ грамотокъ, и я, по письму вашему не чаю, что ты брюхата. Живуть этакіе случаи, что не познаете; и я при отъѣздѣ такъ было годъ чаяла брюхата, да такъ изшло. Отниши еще поподлиннѣе про свою болѣзнь и могутъ ли дохтуры вылечить?“

Но успокоивая дочь, старушка сама весьма беспокоилась и какъ для свиданія съ ней, такъ еще больше для излѣченія дочернихъ недуговъ, звала „Катюшку“ на олопецкія воды... „будетъ мнѣ возможно будетъ ѣхать, — пишетъ Прасковья въ той же грамоткѣ, — и я съ Москвы прямо къ водамъ поѣду. Да отниши пожалуй подлинно, поѣдетель вы въ Ригу или нѣтъ? И ежели тебѣ возможно отъ него (т.-е. отъ мужа), буде не брюхата, — по прежнему у насъ побывать, какъ вылечисся, для моей старости и для моей болѣзни. И ежели не брюхата, и тебѣ все конечно надобно быть на Олопецѣ, у марціальныхъ водъ для этакой болѣзни, что нишень — есть опухоль. И отъ такихъ болѣзней и поврежденія женскихъ немощей вода зѣло пользуется и вылечиваетъ. Сестра княгиня Настасья ¹⁾ у водъ вылечилась отъ такихъ болѣзней. И не пухнетъ, и бокъ не болитъ, и немощи усталились помѣсячно, порядкомъ. Если не послужать докторскія лекарства, всконечно надобно тебѣ къ водамъ ѣхать на Олопецъ“...

Находя свои слова недовольно убѣдительными, старушка ссылалась въ доводахъ на авторитетъ государя. Что Прасковья положительно преклонялась предъ своимъ „архангеломъ“ — такъ

¹⁾ Настасья Федоровна Салтыкова, умершая 2 сент. 1736 г. была за дѣйств. тайн. совѣт. княземъ кесаремъ Федоромъ Юрьевичемъ Ромодановскимъ.

она называла Петра—уважала и боялась его (боязнь и уваженіе сливались, какъ всегда, въ одно чувство),—это не удивительно; но то интересно, что она даже слѣпо вѣровала въ его медицинскія познанія. Какъ извѣстно, Петръ любилъ анатомію, медицину, самъ выколачивалъ и выдергивалъ зубы, выпускалъ изъ больныхъ водяною — воду, причеиъ удивлялся, отчего больные умирали; бросалъ кровь, отрѣзывалъ зараженные члены, наконецъ, при казни фрейлины Гамильтонъ, съ видомъ знатока, съ любопытствомъ разсматривалъ, ради анатоміи, срубленную голову несчастной...

Всѣ эти обстоятельства не могли не убѣдить его придворныхъ, а съ ними и старушку, что Петръ дѣйствительно близко знакомъ съ медициной и на его слова, и въ этомъ отношеніи, можно положиться.

... „О болѣзни своей, что ты ко мнѣ писала, пишеть къ Катюшкѣ царица Прасковья, - я удивляюсь тому, что какое твое брюхо? Надобно гораздо пользоваться и зѣло сокрушаюсь. Ежели были вмѣстѣ могли бѣ всякую пользу сдѣлать. По письму вашему, всеконечно будутъ вамъ воды дѣйствовать въ вашей болѣзни; также и дядюшка изволилъ разсуждать про болѣзнь твою, какъ чель письмо то, которое ко мнѣ пишешь, чтобъ конечно вамъ ѣхать къ водамъ, какъ въ Ригѣ будете, для того, что отъ Риги не далеко. Сестра моя, княгиня Настасья, больше пятнадцати лѣтъ все чаяла брюхата и великую скорбь имѣла, пожелтѣла и распухла, и въ болѣзни ея и докторы всѣ отказали. И се государь изволилъ послать къ водамъ, пока отъ тѣхъ водъ выздоровѣла: какъ не бывало болѣзни, и все стало быть временно“.

Для насъ эти строки важны не только потому, что онѣ показываютъ любовь и вѣжную заботливость матери о своей дочкѣ, но еще и потому, что какъ нельзя лучше обнаруживаютъ то безусловное вѣрованіе въ авторитетъ царя Петра, которое безспорно всегда имѣла Прасковья. Мудрено ли, что за это уваженіе, за эту покорность, за это вѣрованіе въ справедливость каждаго изрѣченія Петра, тотъ платилъ ей взаимно расположеніемъ, бѣльшимъ или меньшимъ участіемъ къ ея интересамъ, а главное снисхожденіемъ къ ея довольно крупнымъ слабостямъ, которыя не прощали однако своимъ теткамъ, сестрамъ и другимъ свойственницамъ.

Впрочемъ, говоря о той пользѣ, какую принесли минеральныя воды сестрѣ Настасѣ, Прасковья не могла сослаться на себя: не смотря на то, что она посѣщала ихъ часто, воды ей не помогали. По примѣру и совету государя, она была на Кончезерскихъ водахъ въ 1719 году ¹⁾, ѣздила въ Олонецъ на „марціальныя воды“ въ началѣ 1721 года, причемъ ее провожала довольно большая свита, на шестидесяти подводкахъ ²⁾. Царица пробыла здѣсь до 15 марта; была она и въ началѣ 1723 года, но воды не помогали: она постоянно страдала разными недугами. Какъ видно изъ ея писемъ, болѣзни были у нея великія: „мокротная, каменная, подагра и ея натурѣ такихъ болѣзней не снести...“ Ноги ей рано отказались служить, она обрюзгла, опустилась, сдѣлалась непомѣрно раздражительна, и подъ вліяніемъ этихъ болѣзней являла иногда характеръ, какъ увидимъ ниже, въ высшей степени звѣрскій... Надо думать, что кромѣ лѣтъ, Впрочемъ еще не преклонныхъ (58), болѣзнь ея развилась и отъ неумѣреннаго употребленія крѣпкихъ напитковъ. Кто бы ни пріѣзжалъ въ привольное село Измайлово, либо въ ея домъ въ Петербургѣ, кто бы ни являлся къ хлѣбосольной хозяйкѣ, онъ рѣдко уходилъ не осушивъ нѣсколькихъ стакановъ крѣпчайшаго вина, наливки или водки. Царица Прасковья всегда была такъ милостива, что сама подавала завѣтный напитокъ, сама же и опорожняла стаканъ, ради добраго гостя.

Даже выѣзжая куда нибудь, царица приказывала брать съ собою нѣсколько бутылокъ вина... Нельзя слишкомъ обвинять въ этой слабости старушку; она пила также, какъ пили всѣ, или почти всѣ русскія аристократки Петровскаго двора. Кто читалъ дневникъ Берхгольца, тотъ, безъ сомнѣнія, помнитъ описанья въ царскіе дни петербургскихъ и московскихъ барынь; помнитъ и маленькія непріятности для дамъ, неминуемыя послѣдствія подобныхъ пооекъ. Горькая чаша зачастую не обходила и „ангѣлоподобныхъ цесаревенъ“, какъ называетъ почтительный камеръ-юнкеръ дочерей великаго монарха.

¹⁾ Голиковъ, томъ VII, 455.

²⁾ Вѣдѣніе служителя ея Петрова въ камеръ-коллегію 8 февр. 1721 г. о дачѣ подводъ на обратный проѣздъ царицы въ Сиб.: «и тѣ подводы въ пристойныхъ мѣстахъ поставить безъ замедленія, дабы за тѣми подводами въ пути ея величеству остановки не было». Каб. дѣль II полов., т. XIV. стр. 1407.

Больная старушка, убѣждая дочь посѣтить ее, да хорошенько полечиться, послала ей, а также герцогу и ихъ дочери, въ знакъ особенной своей любви и привязанности, разные подарки. То были большею частью дорогіе мѣха лисьи, соболы, горностаевы, гречское мыло, дорогіе камни, внучкѣ грушечки и всякаго рода гостинцы.

По просьбѣ царицы, самъ государь дѣлалъ иногда подобные подарки, но, разумѣется, чаще доводилось ему дарить деньгами, что было для герцогини гораздо важнѣе всѣхъ бочечекъ да мазиковъ, которыя не скупилась присылать Прасковья для передачи „крошечкѣ-малюткѣ внучекѣ своей Аннушкѣ“.

Такъ напр. въ бытность Екатерины Ивановны съ мужемъ въ Вѣнѣ (въ 1720 году), государь послалъ на ея пужды переводъ на банкирскій домъ въ 5,000 ефимковъ ¹⁾, вообще былъ къ ней какъ нельзя болѣе внимателенъ, извѣщалъ о своихъ радостяхъ, обнадеживалъ своею помощію въ ея пуждахъ и проч.

Рескрипты по большей части писались секретарскою рукою, но иногда начало и конецъ, въ особенности въ P.S. Петръ писалъ самъ.

Въ томъ же 1720 году, 8 августа, государь сообщилъ любезной государынѣ - племянницѣ „зѣло радостную“ вѣдомость о побѣдѣ, одержанной княземъ Голицынымъ, 6 числа, надъ шведскою эскадрою въ Ламеланской гавани, причемъ взяты были русскими четыре фрегата. „И (съ) сею печальною викторіею вамъ поздравляемъ. А какимъ порядкомъ то дѣлалось и что чего взято, тому прилагается печатная вѣдомость“. „А что требовали вы о твоей пуждѣ,—принимавалъ Петръ собственноручно,—то исполнимъ скорѣ; такожь не извольте думать, чтобы мы васъ позабыли; по летать не умѣемъ, а идемъ хотя тихо, только слава Богу не остается; а когда въ нашихъ дѣлахъ добро совершитца, то и вамъ безъ труда добро послѣдовать будетъ“ ²⁾.

Катерина неоднократно писала къ дядюшкѣ, и тотъ постоянно отвѣчалъ ей въ самомъ дружелюбномъ тонѣ; вотъ напр. обращеніе этой полуофициальной, полуродственной корреспонденціи:

„Пресвѣтлѣйшая герцогиня, дружбно-любезная племянница!

¹⁾ Голицковъ, т. VIII, стр. 431.

²⁾ Госуд. архивъ, подлинныя письма Петра 1720 г., л. 1.

Мы благодарствуемъ вашему царскому высочеству и любви за учиненное по отправленной къ намъ вашей пріятной грамотѣ, отъ 10 декабря миноваемаго года поздравленіе (съ) новымъ годомъ. И яко мы, во всемъ томъ, что вашему царскому высочеству пріятное и пожеланное приключиться можетъ, особенное радостное участіе пріемлемъ, такого взаимно желаемъ мы вашему ц. высочеству, и любви отъ Всевышняго, такъ въ наступившемъ новомъ году, какъ на многія слѣдующія лѣта всякой счастливости, постоянного здравія и саможелаемаго благовожденія и пребываемъ навсегда вашего царскаго высочества дружбно-охотный дядя Петръ¹⁾.

Не желая ограничиваться однимъ обмѣномъ поздравительныхъ рескриптовъ, Петръ душевно бы желалъ помочь, ради герцогини, ея мужу. Дѣла послѣдняго были крайне плохи. Онъ ни съ кѣмъ не уживался, никого не слушалъ; на него негодовалъ австрійскій императоръ, негодовали союзники и сосѣди, а болѣе всего жаловались, и не безъ основанія, его подданные.

— „Пишешь еще, — писалъ государь къ племянницѣ²⁾, — о прежнихъ вамъ и нынѣ продолжающихся обидахъ, чтобъ вамъ вспомочь, въ чемъ воистинно и мы часть дасады тершимъ, и сколько мочно — при дворѣ цесарскомъ трудимся о вашей пользѣ“. Государь совѣтовалъ имъ пока обождать, быть возможно уступчивѣе и „склоннѣе“, что было, по его мнѣнію, необходимо „но нынѣшнимъ капыюктурамъ“, а главное паноминать племянницѣ, чтобъ она убѣдила своего благовѣрнаго супруга, чтобъ онъ „не все такъ дѣлалъ, чего хочетъ, но смотря по времени и случаю“.

Не тутъ-то было. Благовѣрный Карлъ-Леопольдъ не унимался, не смотрѣлъ ни на время, ни на случай, и дождался грозы со стороны цесаря. Въ его владѣнія, какъ онъ жаловался, несправедливымъ поступкомъ прислали „эксекуцію“ (т.-е. войско); герцогиня снѣшила послать жалобу къ царю Петру.

... „Сердечно (объ этомъ) соболѣзную, — отвѣчала государь, — но не знаю, чѣмъ помочь? Ибо ежелибы мужъ вашъ слушался моего совѣта, ничего бъ сего не было; а нынѣ доу-

¹⁾ Каб. дѣл. I половина, т. LXIV, л. 715.

²⁾ Письмо Петра 1720 г., л. 2, собственноручный отвѣтъ изъ Сиб. 14 дек. 1720 г. на письмо герцогини отъ 23 ноября того же года изъ Демница.

стиль до такой крайности, что уже дѣлать стало нечего. Одна-кожь прошу не печалься; по времени Богъ исправитъ и мы будемъ дѣлать сколько возможно“¹⁾.

Съ заключеніемъ ништадтскаго мира эта возможность пред-ставилась очевиднѣе, и Петръ на официальномъ поздравленіи племянницы „съ благимъ и пожелаемымъ мпромъ“, собственно-ручно приписывалъ: „и нынѣ свободни можемъ въ вашемъ дѣлѣ вамъ вспомогать, лишебъ супругъ вашъ помахче поступиалъ“²⁾.

Достаточно послѣднихъ словъ, чтобъ представить себѣ, ка-ково было поведеніе Карла-Леопольда, герцога мекленбургскаго, если даже самъ суровый и грозный Петръ вынужденъ былъ на-поминать ему о мягкихъ поступкахъ.

А вѣсти объ этихъ немягкихъ поступкахъ болѣе и болѣе отравляли царицѣ Прасковьи и безъ того горькую разлуку съ любимицей Катюшкой; больная, она по цѣлымъ мѣсяцамъ (съ 1720 года) лежала въ постели, владѣя только руками; къ ей же горести, младшая дочь, бывшая при ней неотлучно, безпре-станно недомогала. И душевныя, и тѣлесныя скорби вызывали со стороны старушки безпрестанныя просьбы къ „свѣтъ - Ка-тюшкѣ“, чтобъ она писала сколь возможно чаще и чаще:

„Пиши ты ко мнѣ, царевна Екатерина Ивановна, — безпре-станно напоминаетъ царица, — пиши ко мнѣ про свое здоровье и про мужнее, и про дочкино почаще...“ „Пиши ты ко мнѣ по-чаще, не крушите меня...“ „Отпиши противъ сего письма, какъ можно поскорѣе... а письма твои, Катюшка, чту, и всегда плачу, на ихъ смотря“, и т. д.

Что это были за грамотки, которыя обливала слезами Пра-сковья — мы не знаемъ; мы не нашли ни одной изъ нихъ въ просмотрѣнныхъ нами подлинныхъ бумагахъ; вѣроятно, онѣ со-храняются въ одномъ изъ московскихъ архивовъ и когда-нибудь явятся на свѣтъ... Что они должны быть любопытны для харак-теристики царицы Екатерины Ивановны, въ этомъ не можетъ быть сомнѣнія, точно также, какъ не безынтересны письма ея маменьки, впервые явившіяся въ приложеніяхъ къ первому изда-нію настоящаго труда („Царица Прасковья“, изд. 1861 г.),

¹⁾ Коб. дѣл., I пол., т. LXXV, листъ 260, письмо изъ Сиб. отъ 16 марта, какъ кажется, 1721 года.

²⁾ Подлинныя письма Петра, л. 3, 1721 г. 8 сент. Сиб.

загѣмъ вошедшія въ изданіе „Письма русскихъ государей“, изд. 1862 г., Москва, т. II, и нынѣ сплона помещенныя въ приложеніяхъ къ настоящей книгѣ; при этомъ, кстати замѣтѣмъ, такъ какъ грамотки эти были уже напечатаны буквально, т. е. со всѣми грамматическими ошибками, то мы, для удобства чтенія, напечатали письма эти дословно, но не буквально. (См. приложенія).

Въ этихъ письмахъ, какъ нельзя лучше, высказывается самая пѣжкая материнская привязанность и заботливость старушки о „Катюшкѣ“; съ какою любовью спрашиваетъ она о ея дѣлахъ, какъ искренно груститъ о ея печаляхъ, какъ заботливо спрашиваетъ про болѣзни и какъ неутомимо перисываетъ грамотки совѣтами лечиться сколь возможно скорѣе и старательнѣе; часто напоминаетъ о наблюденіи супружескаго закона; молить не забывать Господа Бога; шлетъ подарки, удовлетворяетъ ея просьбамъ, наконецъ спрашиваетъ о новыхъ цуждахъ, съ полною готовностью выполнить малѣйшую просьбу. Нельзя не замѣтить при этомъ, что ни въ одной строкѣ Прасковьи не прорывается упрека герцогу, котораго она имѣла бы полное право упрекать во многомъ. Если бѣольшая часть его поступковъ могла быть скрывается отъ старушки, то все-таки трудно предположить, чтобъ она ничего не знала и ни въ чемъ бы его не вишла: но какъ женщина съ большимъ природнымъ умомъ, она не хотѣла упреками носѣвать раздоръ между супругами; она благоразумно находила, что упреки ни чему не помогутъ, а, пожалуй, вынудятъ капризнаго и своевольнаго Карла-Леопольда на какой-нибудь дерзкій поступокъ.

Прочитывая самую пѣжкую, полную материнской страсти, письма Прасковьи къ Катюшкѣ и къ внучкѣ Аннушкѣ, невольно задаешь себѣ вопросъ: неужели въ этой любящей душѣ, на ряду съ столь прекраснымъ и сильнымъ чувствомъ, могли быть злыя страсти?.. А между тѣмъ, въ этой же душѣ, какъ увидимъ, гнѣдилась злоба пеномѣрная, жестокость и звѣрство, превышающія всякое вѣроятіе и повидимому совершенно не мыслимыя въ женской натурѣ... Но это было такъ... объ этомъ свидѣтельствуютъ подлинныя бумаги.

Пока, однако, дойдемъ до этихъ фактовъ, послушаемъ горячія просьбы, гнѣвъ и заклятія, съ какими убѣждаетъ старушка

ненаглядную Катюшку прѣхать къ ней на житье; она съ замѣчательною постепенностью и искусствомъ подбираетъ самыя сильныя доводы о необходимости этого прѣзда:

...„А о васъ государь соболѣзнуетъ очень и всяко хочетъ помочь; только, не выдавши съ вами, нельзя сего дѣла дѣлать; всеконечно надобно вамъ быть въ Ригу“... Царица жалуется на болѣзнь, увѣряетъ, что отъ великихъ скорбей и несносныхъ печалей, не часть себѣ долгаго житія и просить простить ея грѣхи, буде что Господь сотворить... И все это нишетъ къ тому, чтобъ Катюшка „буде не брюхата“ по прежнему, побывала бы у насъ, „какъ вылечяся, для моей старости и для моей болѣзни“...

И тутъ, разсчитывая на авторитетъ государя и на его значеніе относительно герцога, Прасковья настаиваетъ, чтобъ дочь просила его ѣхать къ ней въ Россію, а буде отпавитесь „не покидайте дочку (Аннушки), не надсадите меня при моей старости“. Самымъ сильнымъ доводомъ Прасковьи было желаніе дядюшки, т. е. государя; его именемъ обпадеживала она дочь, что ихъ дѣло лучше устроится въ Россіи... „Всеконечно, Катюшка, — нишетъ царица, — дядюшка говорилъ, што какъ прѣдутъ, всеконечно дѣло ихъ управлю; я не нишу никогда ложно“...

„А о себѣ нишу, — нишетъ Прасковья въ другомъ письмѣ, — то я всеконечно больна и лежу въ разслабленіи и тебѣ, Катюшка, всеконечно надобно ко мнѣ прѣхать для благословенія и для утѣшенія мнѣ; также, чтобъ мнѣ видѣть твою дочку — безмѣрно желаю: тѣмъ бы я утѣшилась чтобъ ее увидѣла“... Затѣмъ опять тѣ же обѣщанія, что дѣло герцога устроится тотчасъ же, лишь только онъ, либѣ Катюшка, прѣдутъ въ Россію; новыя ссылки на дядюшку, на его желаніе видѣть при себѣ племянницу; а буде это желаніе не исполнится, то вы его тѣмъ „раскручините и у дядюшки всю свою пользу потеряете“... Но изъ слѣдующихъ же за тѣмъ строкъ ясно видно, что дѣло идетъ не столько о пользѣ герцога, сколько о сильномъ желаніи старушки „для самаго Бога и Пресвятой Богородицы дочку и внучку увидѣть, хоть на одинъ часъ“.

Наконецъ, видя, что ея желаніе, по разнымъ причинамъ, все еще не выполняется, Прасковья въ новомъ письмѣ начинаетъ грозить „Катюшкѣ“ гнѣвомъ Божіимъ, буде та не прѣдетъ къ ней.

Интересно, что для бôльшей убѣдительности просьбъ, Прасковья не разъ писала шуточные и въ то же время нѣжныя посланія къ малюткѣ-внучкѣ своей Аннушкѣ.

Мы уже видѣли, съ какою заботливостью посылала она къ ней игрушечки и гостинцы; попеченія объ единственной внучкѣ никогда не покидали бабушку: „которая у меня дѣвушка грамотѣ умѣеть,—пишетъ она между прочимъ къ „Катюшкѣ“,— посылаетъ къ вамъ тетрадку; а я ее держу у себя, чтобъ внучку учить русскою грамотѣ“.

Какъ просто и какъ наивнень взглядъ на образованіе своихъ итенцовъ у царицы-номѣщицы! Она приказала обучить грамотѣ одну изъ своихъ холопокъ, для того, чтобъ та, въ свою очередь, когда придетъ пора, по ея велѣнью, открыла бы свѣтъ науки „непамятной Аннушкѣ“, дочери герцогини мелленбургской. Планъ старушки, однако, сколько намъ извѣстно, не исполнился: въ числѣ наставниковъ и наставницъ будущей правительницы всероссійской имперіи мы не видимъ крѣпостную дѣвицу царицы Прасковьи.

Старушка-царица въ особыхъ грамоткахъ просила „махоточку-внучку“ утѣшать батюшку и матушку, не давать имъ кручиниться. Смотрите, напр., сколько нѣжности и любви въ этихъ посланіяхъ, писанныхъ Прасковьей къ внучкѣ самыми тщательными каракульками, уставцемъ, на маленькихъ листочкахъ, бережно и красиво обрѣзанныхъ:

„Другъ мой сердечный внучка, здравствуй съ батюшкою и съ матушкой! Писни ко мнѣ о своемъ здоровьи, и про батюшкино, и про матушкино здоровье своею ручкою. Да поцѣлуй за меня батюшку и матушку: батюшку въ правой глазокъ, а матушку въ лѣвой..... Да посылаю я тебѣ свои глаза ☺ ☺ старые, уже чуть видятъ свѣтъ; бабушка твоя старенькая хочетъ тебя, внучку маленькую, видѣть“.

„Внучка, свѣтъ мой! — пишетъ бабушка въ другой грамоткѣ,— желаю я тебѣ, другъ мой сердечный, всякаго блага отъ всего моего сердца; да хочетца, хочетца, хочетца тебя, другъ мой внучка, мнѣ, бабушкѣ старенькой, видѣть тебя маленькую и подружиться съ тобою: старая съ малой очень живутъ дружно... а мнѣ съ тобою о нѣкакыхъ нуждахъ, самыхъ тайныхъ, подумать и переговорить (нужно)“.....

Надежды старушки свидѣться съ Катюшкой и внучкой начали осуществляться. Еще въ январѣ 1722 года при дворѣ Петра стали поговаривать о скоромъ приѣздѣ въ Россію герцога мекленбургскаго.

18 января сего года прибылъ отъ него въ Москву курьеромъ полковникъ Тилье. Приѣздъ его не обратилъ бы на себя большого вниманія, если-бъ онъ не сопровождался слѣдующимъ приключеніемъ. Между Москвой и ближайшей отъ нея станціей, на мекленбургскаго полковника напали разбойники, обобрали и его, и сопровождавшаго его егеря до послѣдней питки, такъ что нѣмецъ-курьеръ явился въ русскую столицу въ крестьянскомъ полушубкѣ... Вѣсть о такомъ грабежѣ вызвала разные толки, между прочимъ о порученіи, съ какимъ явился полковникъ. Оно было секретомъ для двора, но поговаривали, что Тилье присланъ въ Москву вслѣдствіе заговора противъ герцога мекленбургскаго, за который тайный совѣтникъ Вольфратъ съ женою и многія другія знатныя лица подверглись жестокому аресту; говорили, между прочимъ, и о томъ, что скоро приѣдетъ въ Россію самъ герцогъ... ¹⁾.

Петръ, дѣйствительно, былъ не прочь видѣть его у себя, частью въ надеждѣ направить Карла-Леопольда совѣтами и личными убѣжденіями на настоящую дорогу, частью и потому, что хотѣлъ угодить невѣсткѣ, которая не переставала его осаждать просьбами вытребовать Катюшку въ Россію.

Вслѣдствіе всего этого, отъѣзжая въ персидскій походъ, государь, 8 и 11 мая 1722 года, отправилъ двѣ зазывныя грамотки къ любезнѣйшей племянницѣ:

... „обпадеживаемъ васъ,—пишетъ онъ въ первой,—что мы его свѣтлости герцогу, супругу вашему, въ дѣлѣ его вспоможенія чинить не оставимъ. Но понеже необходимо о такъ важномъ семъ дѣлѣ намъ съ его свѣтлостью самимъ разсужденіе имѣть и о мѣрахъ къ поправленію того согласиться; того ради мы къ нему нилѣ... отправили... капитана Бибикова съ грамотою нашею, требуя, дабы его свѣтлость купно съ вами въ Ригу приѣхали, и уповаемъ, что его свѣтлость, оное, ради своей собственной пользы, учинить не отречется. А ежели, паче чаянія, его

¹⁾ Берхгольцъ, ч. II, стр. 47.

свѣтлость для какихъ причинъ въ Ригу не поѣдетъ; то въ такомъ случаѣ желаемъ мы, понеже невѣстка наша, а ваша мать, въ болѣзни обрѣтается и васъ видѣть желаетъ, дабы вы для посѣщенія оной пріѣхали сюда, гдѣ мы съ вами и о дѣлѣхъ его свѣтлости переговорить и потребное объ оныхъ опредѣлить можемъ“.

Велѣдъ за этимъ рескриптомъ, писаннымъ рукой секретаря, государь подтверждалъ то же приказаніе въ собственноручной припискѣ: „наки подтверждаемъ, чтобы вы пріѣхали, понеже мать того необходимо желаетъ для своей великой болѣзни“.

Курьеру, капитану Бибикову, императоръ, по убѣдительной просьбѣ невѣстки, вручилъ незапечатанную, собственноручную записку, въ которой просилъ любезную племянницу вѣрить тому, что будетъ говорить предъявитель записки, помнить, что „мать зѣло ее видѣть въ своей болѣзни желаетъ“ и чтобы Катюшка всячески спѣшила пріѣздомъ ¹⁾.

Что касается до самой Прасковьи, то она написала при этомъ случаѣ длинное посланіе (отъ 15 мая); главное содержаніе его состояло въ повтореніяхъ просьбъ пріѣхать поскорѣй; старушка не только утверждала, что отъ этого зависить вся польза ихъ собственнаго дѣла, но даже нужнымъ сочла замѣтить, что при житиѣ въ Россіи „убытку имъ никакого не будетъ,— весь коштъ будетъ государевъ“.

Пришла, наконецъ, вѣсть, что дорогая гостья поднялась въ путь-дороженьку: свѣтъ Катюшка—безъ мужа, но съ четырехлѣтней дочкой ѣдетъ въ Москву... То-то радость, то-то веселье въ родимомъ Измайловѣ! Старушка засуетилась: она то заботливо отдастъ приказанія о чисткѣ хоромъ, о приготовленіяхъ къ приѣму своей любимицы, то посылаетъ къ ней навстрѣчу, пишетъ письма,— дни для нея тянутся недѣлями, она считаетъ каждый часъ и ждетъ не дождется давножеланныхъ гостей.

Посмотрите, какъ суетится, какъ тревожится царица; время для нея такъ тянется долго, что она рѣшительно теряетъ надежду обнять дочку съ внучкой...

„Катюшка, свѣтъ мой, здравствуй! послала я къ тебѣ Алексѣя Татищева... я думаю, что вы долго не будете? Пришлите вѣдо-

¹⁾ Подлинныя письма Петра въ Госуд. Архивѣ. л.л. 4 и 5.

мость, гдѣ вы теперь? чтобы вѣдать мнѣ... Пуще тошно: ждемъ да не дождемся... Внушка, свѣтъ мой, здравствуй! прїѣзжай, свѣтъ мой, поскорѣй, не могу я васъ дожждаться и, Богъ вѣсть: дождуся ли я или нѣтъ, по своей болѣзни.“...

За первымъ встрѣчикомъ посылаются новыя; царица отиравляетъ „Татьяну съ товарищи“, за ними царевну Прасковью... Онѣ везутъ грамотки съ новыми сѣтованьями на медленность въ пути: ...„И васъ, свѣтовъ своихъ,—шплетъ старушка,—дожидая въ радости; а больше вѣры нейму, что будете, кажется, не будете? Ежели можно, поспѣшите поскорѣе, для того, что дитяти долго въ дорогѣ быть трудно, и для моей болѣзни... Ежели мнѣ будетъ возможно, я сама выѣду васъ встрѣтить... У меня, свѣтъ мой, вамъ и хоромы вычищены для вашего покою. Чаю вамъ ѣхать трудно въ дорогѣ, а больше того дитяти великой трудъ. А я думаю, никакъ васъ не дождусь, по своей болѣзни... Хотя бы взглянуть на внучку... А у меня въ домѣ, свѣтъ мой, все радуются твоему прїѣзду, а навнече дочки вашей“...

Отъ радости Прасковья стала бодрѣе, поправилась, проиохла ломъ въ костяхъ, чѣмъ она много страдала; но ходить все не могла, и потому, какъ узнала, что Катюшка близко, выслала ей на встрѣчу Василія Алексѣевича Юшкова, своего интимнаго, горячо любимаго фаворита. Царица посылала его вмѣсто себя, впрочемъ тутъ же просила отнюдь не держать его при себѣ болѣе сутокъ: „пришли его ко мнѣ скорѣй, а я тебя,—писала царица,—не могу дожждаться“.

Предоставляемъ читателямъ самимъ вообразить картину встрѣчи Прасковьи съ любимою дочерью, послѣ пятилѣтней разлуки.

Катерина Ивановна прїѣхала въ Москву, въ августѣ мѣсяцѣ 1722 г., въ довольно скучную пору. Государь, 13 мая, а велѣдъ за нимъ императрица (14-го числа) и многіе изъ придворныхъ отправились въ Астрахань, въ персидскій походъ. Недѣли двѣ спустя, влѣхали въ Петербургъ цесаревны Анна и Елисавета Петровны, также въ сопровожденіи большой свиты ¹⁾. Герцогиня Анна Ивановна жила въ Митавѣ; такимъ образомъ въ пмещи-

¹⁾ Онѣ влѣхали вмѣстѣ съ Меншиковыми 5-го іюня 1722 г. Князь часто извѣщалъ государя съ государыней о здоровьи и занятіяхъ цесаревенъ. Каб. дѣла, II полов., т. LX, лл. 559—579. См. также Діаріумъ Хансенки въ Чт. Общ. Ист. 1858 г., смѣвъ, кн. I, стр. 68.

тѣйшихъ лицъ въ Москвѣ оставался только герцогъ голштинскій съ своимъ штатомъ, добросовѣстно опорожнявшимся съ своимъ господиномъ кубки съ виномъ въ засѣданіяхъ пьяной компаніи, основанной герцогомъ, подъ названіемъ: „тость коллегіи“.

„Свѣтъ-Катюшка“ заняла въ Измайловѣ отведенныя ей хоромы подлѣ матушки; въ большихъ флигеляхъ размѣстилась ея свита, между которыми были и мекленбургцы, такъ, напр., капитанъ Бергеръ и другіе ¹⁾.

При дешевизнѣ тогдашней жизни и богатству запасовъ, получаемыхъ съ большихъ вотчинъ, измайловскія обитательницы жили въ достаткѣ, сытно, тепло, уютно; но, платя дань вѣку и собственному необразованію, жили довольно грязно; проводили время въ фѣхъ, въ спаньѣ, въ исполненіи церковныхъ требъ и въ безцеремонномъ принятіи и угощеніи гостей до отвалу и ошьянѣнія.

Если бы вы велѣдъ за камеръ-юнкеромъ Берхгольцомъ ²⁾, который, какъ статный парень — скоро полюбился толстенкой герцогинѣ, зашли бы къ ней въ Измайловскій дворецъ, вамъ бы, вѣроятно, попалась на встрѣчу царица Прасковья — блѣдная, растрепанная, съ выдавшимися скулами, осунувшимся лицомъ; она, по обыкновенію, въ дезабилье, но это не помѣшало бы ей сунуть вамъ для поцѣлуя свою костлявую руку. Вы цѣлуете и проходите въ комнаты герцогини не иначе, какъ чрезъ спальню большой царицы... а вотъ и Катерина Ивановна. Послушайте, какія она отпускаетъ уморительныя вещи, какъ весело болтаетъ, какимъ звонкимъ смѣхомъ заливается на весь домъ при каждомъ словѣ, но ея мнѣнію, остроумномъ. Хотите или не хотите, а вы должны выпить вина; вамъ его поднесутъ либо сама герцогиня, либо ея малютка дочь, либо подастъ больная Прасковья.—Предваряю, что отказываться неучтиво, да и не принято; пейте и сѣдните за статнымъ камеръ-юнкеромъ... Хохотушка Катерина ведетъ его въ спальню, устланную краснымъ сукномъ, довольно

¹⁾ Не родственникъ-ли извѣстному впоследствии дощику Бергеру, виновнику лютыхъ казней, постигшихъ Лопухинныхъ въ 1743 году?

²⁾ Онъ сдѣлалъ первый визитъ въ Измайлово, въ свитѣ своего герцога, 5 сентября 1722 г. Голштинцы отирались въ четырехъ каретахъ, каждая въ шесть лошадей, парадными пугами. Гостей встрѣчали и провожали въ Измайловѣ кавалеры герцогини и царьцы.—Бесѣда тянулась съ часъ и какъ ни коротко было это время, но все успѣли опорожнить по нѣсколько стакановъ венгерскаго вина, поднесеннаго гостепріимными хозяйками.

еще чистымъ; герцогиня показываетъ свою кровать, Богъ знаетъ чѣмъ заслуживающую осмотра, и рядомъ съ ней, въ альковѣ, вы можете видѣть постель маленькой принцессы. Вообще убранство этой комнаты лучше остальныхъ, которыя меблированы крайне плохо.

Тише... что это за пискъ и вой? Оглядываетесь: предъ вами полуслѣпой, грязный и странно пропахнѣй чеснокомъ бандурищикъ гнусливо затынулъ нѣсно, за ней другую, третью... Герцогиня Катерина Ивановна вообще любительница музыки и всякаго рода эстетическихъ наслажденій; она съ довольной улыбкой слушаетъ нѣвье. Берхгольдъ съ нѣмцами товарищами ничего не понимаетъ, а нѣсни все салны, не даромъ же царевна Прасковья, въ качествѣ дѣвицы, считаетъ неприличнымъ оставаться въ комнатѣ, когда поются нѣкоторыя изъ нихъ.

Кромѣ нѣсенъ бандуричника, герцогиня находитъ не мало удовольствія въ шуткахъ и скоморошничествѣ грязной, слѣпой и безобразной старухи, которая босикомъ, въ какомъ-то рубищѣ, смѣло и свободно разгуливаетъ въ ея комнатахъ. Особенный эффектъ постоянно производитъ слѣдующій фарсъ шутихи: по первому слову матушки Катерины Ивановны, старуха пускается въ плясъ, причеиъ поднимаетъ спереди и сзади свои старыя лохмотья.

Нѣмцы - гости недоумѣвали, какъ герцогиня, столь долго жившая въ Германіи, сообразно своему званію, можетъ здѣсь терпѣть такую бабу... Но недоумѣніе ихъ было странно. Катерина Ивановна привыкла къ шутамъ, шутихамъ, карламъ, дурмамъ, юродивымъ и т. п. нечадіямъ тогдашней боярской жизни съ малыхъ лѣтъ; вся эта обстановка не поражала, да и не должна была ее поражать; а у такого милаго супруга, какимъ былъ безпутный Карлъ-Леопольдъ мекленбургскій, она едва ли могла замѣтывать новыя привычки и усвоить новый образъ жизни... Вотъ почему она и носилась зажить по старому, лишь только пошла въ родимое гнѣздо...

Въ этомъ гнѣздѣ однимъ изъ главныхъ дѣйствующихъ лицъ — былъ старый панъ знакомый Василій Алексѣевичъ Юшковъ. Возвеличенный въ званіе главнаго управляющаго всеми вотчинами и домами царицы, фаворитъ ея, онъ хлопоталъ объ интересахъ госпожи далеко не съ надлежащимъ усердіемъ. Хозяйство шло плохо, долговъ на „домѣ государыни царицы“ считалось

много, уплаты велись неаккуратно; а при недосмотрахъ главнаго управляющаго естественно, что не чинились мелкіе приказчики и тащили господское добро направо и налево. Къ довершенію неурядицы, запосичивый и своевольный Юшковъ, гордый связью и довѣріемъ къ нему Прасковьи, вель себя относительно сослуживцевъ крайне дерзко и распоряжался ими по своему произволу.

Въ числѣ ихъ былъ подъячій Василій Деревининъ. Смыъ дьяка изъ приказа большого дворца, Оедора Петровича Деревинина, и свойственникъ одного изъ шести думныхъ дьяковъ, Гаврилы Деревинина, Василій Оедоровичъ началъ службу стряпчимъ при отцѣ, и съ 1703 по 1714 годъ состоялъ въ служителяхъ при комнатѣ царицы Прасковьи. Въ 1714 году, по царскому указу, опредѣленъ онъ въ Измайлово комиссаромъ „для отправления государевыхъ дворцовыхъ волостныхъ дѣлъ“. Въ небытность царицы въ Москвѣ съ 1715 по 1719 г. Деревининъ управлялъ окладною казною царицы.

До сихъ поръ имъ были довольны, онъ исполнялъ свои обязанности спокойно, пользуясь надлежащею довѣренностью. Но въ 1718 году Деревининъ, неизвѣстно вѣдѣствіе какихъ обстоятельствъ, навлекъ на себя гнѣвъ Юшкова. Изъ Петербурга пріхаль для его учета дьякъ Стенанъ Тихменевъ, преданный слуга Юшкова и личный врагъ Деревинина. Учетъ и сдача казны продолжались довольно долго, и только въ 1720 году Василій Оедоровичъ, по собственному прошенію, былъ уволенъ отъ занимаемой имъ должности. Сдача должности была неблагополучна для нашего стряпчаго. На него насчитали большіе пачеты, онъ не зналъ какъ съ ними быть, и, дождавшись пріѣзда Юшкова съ царицей въ Москву, сталъ осаждать неотступными просьбами разсчитать его безъ несправедливыхъ, по его увѣренію, начетовъ.

Кто изъ нихъ былъ правъ—изъ дѣлъ не видно; да для насъ рѣшеніе этого вопроса не имѣетъ особенной важности. За то эта распря интересна въ томъ отношеніи, что въ ея послѣдствіяхъ, какъ нельзя лучше, выразилась личность старушки Прасковьи. Дѣлю Василья Деревинина бросаетъ новый свѣтъ на царицу, типичную представительницу аристократокъ петровскаго времени. Эпизодъ этотъ столь важенъ, что мы отводимъ для него слѣдующія главы...

VI.

ЦЫФРНОЕ ПИСЬМО.

„Злымъ, отчаяннымъ воровскимъ вымысломъ на честь ея величества Параскевии Феодоровны и къ поношенію ея имени предано то письмо приказной публикѣ!“

Видѣніе въ полицію 29 сент. 1722 г.

5-го января 1722 г. Деревининъ въ сотый уже разъ пришелъ хлопотать по своему дѣлу къ Юшкову. Василій Алексѣевичъ пріѣхалъ въ это время изъ Измайлова въ свитѣ Прасковьи, и царица по обыкновенію остановилась въ домѣ брата своего Василя Феодоровича, на Тверской, въ приходѣ Спаса ¹⁾.

Дождая фаворита, стряпчій стоялъ на дворѣ; вдругъ изъ хоромъ вышелъ Юшковъ; онъ не обратилъ вниманія на Деревинина, куда-то сѣвши и, проходя по двору, выронилъ нечаянно изъ кармана какую-то бумагу.

Стряпчій оглянулся, на дворѣ не было ни души; онъ поднялъ бумагу: то было письмо руки царицы къ ея фавориту, писанное уставцемъ; многія слова были означены литерами подъ титлами; въ первой строкѣ такихъ словъ было три, въ другой — четырнадцать, въ третьей — три. Что это было писано Прасковьей Феодоровной, стряпчій не сомнѣвался ни минуты: онъ очень хорошо знаетъ ея почеркъ.

¹⁾ Этотъ домъ перешелъ потомъ къ Строганову, а отъ него къ князю Алексѣю Борисовичу Голицыну. Щербатовъ: О погр. пр., въ „Русск. Старинѣ“ изд. 1870 г. (третье изд.). У В. О. Салтыкова былъ еще дворъ въ Москвѣ за Юзевскими воротами, за землянымъ городомъ.

Радость и страхъ въ одно и то же время овладѣли Деревиннымъ. Въ его рукахъ была какая-то тайна; раскрытіе ея могло дать возможность отомстить ненавистнику его Юшкову, а какъ доносчикъ — онъ получить награду.

Но радость смѣнялась страхомъ: находкой онъ вооружалъ противъ себя Прасковью: сила и значеніе ея хорошо были ему извѣстны. Въ царицѣ онъ наживалъ себѣ врага могущественнаго и непримиримаго. Возвратить ли письмо или представить его царю — вотъ вопросъ, который быстро мелькнулъ въ головѣ Деревинна. Не возвратитъ — подвергнуться преслѣдованіямъ Юшкова и царицы; возвратитъ — потерять случай къ мщенію и нарушить государевы указы. Находя въ нихъ строгое повелѣніе ничего не утаивать „противнаго въ дѣлѣ государевомъ“, онъ находилъ и одобренія, и поощренія къ доносу: „ежели бъ кто сумнился о томъ, — гласилъ указъ 1714 года, — что ежели явится какой доносчикъ, тотъ бѣдствовать будетъ, то не истинно, ибо не можетъ никто доказать, которому бы доносителю какое наказаніе или озлобленіе было, а милость многимъ явна показана... Того ради, кто истинный христіанинъ и вѣрный слуга своему государю и отечеству, тотъ безъ всякаго сумнѣнія можетъ явно доносить словесно и письменно о пужныхъ и важныхъ дѣлахъ...“¹⁾

Деревинъ былъ стражчій, законникъ, не зная указовъ не могъ; забыть ихъ — также, и слѣдовательно немудрено, что чувство подъячаго, алчущаго мести и выслуги, взяло верхъ. Онъ поспѣшилъ со двора кравчаго съ завѣтнымъ письмомъ.

Въ тотъ же день, въ задумшевной бесѣдѣ съ тестемъ своимъ, Терскимъ, подъячимъ по страсти и провинціалъ-фискаломъ по должности, Деревинъ разсказалъ о находкѣ. Терскій долго разсматривалъ письмо, силится разобрать цифирь, но „разреу-

¹⁾ Указъ блаженнаго и вѣчно достойнаго памяти императора Петра Великаго 1714 г. янв. 25. Цѣлый рядъ указовъ: ноябрю 1705 г., 2 марта 1711, августа 25, окт. 25—1713 г., янв. 25, сент. 26, дек. 24—1715 г., апрѣля 16 и 19 — 1717 г., янв. 19—1718 г., 16 апр. 1719 г., 9 февр., 22 іюля 1720 г., февр. 19 пункт. 6 и 7—1721 г., янв. 11—1722 г., и многіе другіе указы вносили и отчетливо объявляли, кому и какъ доносить, ободряли несмѣлыхъ доносчиковъ, возбуждали честолюбивыхъ обѣщаніями, грозили трусливымъ наказаніемъ и проч. Рядъ этихъ указовъ далъ прочное развитіе на Руси цѣлой кастѣ доносчиковъ и шпіоновъ.

дить ее, — какъ самъ сознавался, — не могъ“. — Я хочу подать письмо самому государю, — говорилъ зять. Тесть не отговаривалъ, а напротивъ, со взглядомъ знатока, замѣтилъ, что письмо дѣйствительно „противное“, т. е. важное и заслуживаетъ допоса.

Между тѣмъ, пока стряпчій нашъ искалъ случая побить челомъ великому монарху, Юшковъ хватился письма, сталъ развѣдывать, разослалъ лазутчиковъ, и черезъ нихъ, при болтливости Деревнина, скоро узналъ въ чьихъ рукахъ письмо. Не долго думая, Василій Алексѣевичъ тотчасъ же арестовалъ стряпчаго и заточилъ въ особую казенку. При боярскихъ домахъ для заточенья и штрафованія ослушныхъ челядинцевъ не было недостатка въ подобныхъ пріютахъ.

Деревницъ просидѣлъ подъ самымъ строгимъ карауломъ восемнадцать дней, съ 5-го по 23-ое января; къ нему никого не допускали. Юшковъ требовалъ выдачи письма, Деревницъ увѣрялъ, что его не имѣлъ и не имѣеть. Для провѣрки сего показанія, фаворитъ царицы наложилъ на заключеннаго „чепъ пудовъ въ пять“. Пытка была слаба въ сравненіи съ сильнымъ желаніемъ Деревнина выслужиться и отомстить противнику. Отъ продолжительнаго и тяжкаго заточенія стряпчій заболѣлъ весьма опасно; но чѣмъ больше страдалъ, тѣмъ болѣе убѣждался, что письмо должно быть важное, если Юшковъ такъ настойчиво силится его вымучить.

23 1722 г. января пришелъ къ Юшкову, какъ къ управляющему, конюхъ отъ двора его величества изъ Преображенскаго, съ требованіемъ выслать немедленно четырехъ бывшихъ прикащиковъ Измайлова, въ томъ числѣ и Деревнина, для нѣкоторыхъ справокъ, но повѣривъ жалобъ царицы на безпорядочное ихъ управленіе.

Но Юшковъ, отославъ двухъ прикащиковъ, не нашелъ совмѣстнымъ съ своимъ дѣломъ исполнить приказъ вполнѣ, и не только не выпустилъ Деревнина, но усилилъ надзоръ за арестантомъ, приставивъ къ нему на конюшнѣ въ караульнѣ трехъ солдатъ. Дѣло принимало размѣры, болѣе серьезныя, и въ тотъ же день къ заточенному явился, по приказу Прасковьи, служитель ея, Андрей Кривекій. Ему поручено было снять съ Деревнина полиційскій допросъ.

Кривскій началъ съ того, что выслалъ воиъ караульныхъ.

— „Зачьмъ тебя спрашиватьъ его императорское величество и чрезъ кого ты хлопоталъ, чтобъ тебя потребовали къ государю?“

— Я не хлопоталъ и не просилъ объ этомъ, отвѣчалъ Деревиницъ ¹⁾.

Кривскій записалъ это показаніе, и записалъ съ слѣдующей уловкой: вмѣсто „спрашивалъ стряпчаго Деревинина его императорское величество“ — „спрашивалъ Матвѣй Олсуфьевъ“; къ этой бумагѣ заставилъ Деревинина приложить руку и отнесъ допросъ къ царицѣ.

Съ 23 января 1722 г. заточеніе стряпчаго ухудшилось до такой степени, что отъ „жестокаго держанія онъ заскорбѣлъ и едва былъ живъ“. Юшковъ струсилъ; государь былъ въ Москвѣ; государь могъ провѣдать про его самоуправство, и бѣда, если стряпчій умретъ подъ арестомъ. 30 января Деревинина выпустили, причемъ подъ великимъ страхомъ запрещено было ему отъ Юшкова съ чѣмъ бы то ни было являться къ государю.

Надо думать, что пятнудовая цѣпочка не вполне выдавила изъ нашего героя желаніе заявить императору цыфирное посланіе царственной старушки; онъ не угомонился, сталъ болтать о своемъ намѣреніи — и вотъ, не далѣе какъ двѣ недѣли спустя, отъ Юшкова явились новые сыщики, съ приказомъ схватить Деревинина. Но стряпчій былъ на этотъ разъ осторожниѣе: находя домъ тестя ²⁾ не вполне надежнымъ убѣжищемъ, онъ поспѣшно собрался въ дорогу, обложилъ подушками, и вмѣстѣ съ женой уѣхалъ въ деревню свояка своего, ревельскаго школьника Петра Иванова Юрьева ³⁾. Юрьевъ, зная, что свояка ницуть, боялся долго его укрывать, и своякъ до сентября мѣсяца 1722 г. переѣзжалъ изъ деревни въ деревню своихъ родственниковъ въ Московскомъ и Коломенскомъ уѣздахъ.

Надоѣла ему, наконецъ, жизнь бродяги. Разсчитывая на то, что государь скоро вернется изъ Астрахани, а царица Прасковья

¹⁾ Его требовали съ другими стряпчими царицы, Аргамаковымъ и Татищевымъ, для проверки счетныхъ книгъ, въ которыхъ были неправильно выведены приходъ и расходъ денегъ, выданныхъ изъ кабинета государева. Госуд. Архивъ, Каб. П пол., кн. 65, л. 478 и кн. 68, лл. 589—590.

²⁾ Въ Огородной слободѣ, въ приходѣ церкви Харитонія иновѣдника, за Мясницкими воротами.

³⁾ Жены Юрьева и Деревинина были родныя сестры, дочери Григорья Терскаго.

Федоровна замятовала о немъ и о таинственномъ письмѣ, Деревнинъ вернулся 11 сентября въ Москву и остановился попрежнему въ домѣ своего тестя. Если вѣрить Терскому, то онъ держалъ зятя не скрытно, думая, что никто уже его не потревожитъ.

Но тревожился Юшковъ, тревожилась и царица. Петра не было, руки были развязаны, и они начали дѣйствовать смѣлѣе и свободнѣе, съ полной увѣренностью, что съ поимкой Деревнина, вымучать отъ него письмо. Юшковъ повелѣлъ служителямъ, именемъ царицы, отыскать стряпчаго, и за доставку его въ Измайлово посулилъ 100 рублей. Награда была заманчива; начались поиски; но у Деревнина были друзья. Александръ Барнавалоковъ и Федоръ Балувевъ, служители царицы, посѣтили его въ домѣ Терскаго и объявили о поискахъ. „Обѣцано за тебя 100 рублей и больше, и ужъ многіе де тебя ищутъ“ — говорили друзья и говорили совершенно справедливо.

29 сентября, у Покровскихъ воротъ, за землянымъ городомъ, Деревнинъ наткнулся на царицына конюха Евтихія Соловцова.

— Стой, братъ! — закричалъ Соловцовъ, — всѣмъ намъ приказано, поймавъ тебя, привезь, и обѣцана за то великая награда, ступай за мной.

Страхъ придалъ силы, и Деревнину удалось отбиться отъ Соловцова; за то съ этого времени онъ сталъ такъ бдительно хорониться то у тестя, то у свояка, то у другихъ родственниковъ, что Юшковъ потерялъ, наконецъ, надежду поймать его своими людьми и обратился къ пособію оберъ-полиціймейстера.

Полковникъ Максимъ Петровичъ Грековъ былъ еще новичекъ въ своемъ дѣлѣ; званіе московскаго оберъ-полиціймейстера только еще было учреждено (указомъ 19 января 1722 г.), и онъ всячески старался угодить сильнымъ міра сего; на его усердіе и Юшковъ, и царица смѣло могли положиться.

Такимъ образомъ, 24 сентября, отъ дворца царицы представлено было къ нему вѣдѣніе. Въ немъ стреманный Никита Левлевъ объявлялъ, что дому его государыни служитель Деревнинъ, находившійся у ея казны, похитилъ значную сумму денегъ, нѣсколько тысячъ рублей, бѣжалъ съ женой, дѣтьми и съ пожитками; скрывается въ Москвѣ, а гдѣ — то можетъ указать посланный служитель. Печего и говорить, что мнимая (какъ ниже увидимъ) кража Деревнина была только официальной причиной его сыска.

Грековъ немедленно послалъ капитана Пазухина и каютапармуса Ладыженскаго арестовать бѣглеца съ его семействомъ и служителями, а пожитки, какія сыщутся, описать, запечатать и приставить къ нимъ караулъ. Буде же Деревнина не сыщутъ въ домахъ, указанныхъ служителемъ, и тѣхъ домовъ хозяевъ, жильцовъ и прислугу привести въ полицмейстерскую канцелярію, дома опечатать и приставить къ нимъ караулъ.

Оберъ-секретарь Тихменевъ, повѣренный царицы и самъ судья, привелъ капитанъ-поручика съ его свитой въ домъ фискала Терскаго. Команда была съ заряженными ружьями, и, придя на мѣсто, посѣщила оцѣнить домъ съ улицы и переулка. Въ верхнихъ палатахъ былъ Деревнинъ; услыхавъ шумъ и, догадавшись, кто были гости, онъ бросился черезъ калитку на смежный дворъ; полиція не нашла его, не нашла и хозяина дома: но какому-то сутяжническому дѣлу онъ былъ подъ арестомъ при военной коллегіи, у прокурора Пашкова; — Терскаго отправился выручать въ тотъ день на поруки Юрьевъ, а къ послѣднему уѣхала въ гости жена Деревнина.

Полиція нашла въ домѣ Терскаго его племянницъ, Катерицу Игнатьеву и Афимью Еремѣеву; слугу Деревнина — Харитона Иванова, слугъ Юрьева — Ивана Петрова, Евстафія Спиридонова, наконецъ шведа Егора Яковлева, купленнаго Терскимъ на улицѣ по весьма сходной цѣнѣ, всего за 2 руб. 50 коп. мѣдн.

Всѣ они, „избитые мучительно“, такъ, по крайпей мѣрѣ, писаль въ послѣдствіи Терскій, со связанными руками назадъ, были отправлены къ оберъ-полицеймейстеру; даже баба изъ сосѣдняго дома, Марья Назарова, пришедшая посудачить къ служавкамъ Терскаго, и та была схвачена усердными полицейскими. Они обшарили весь домъ, пересортили мебель, вещи, переломали замки, перетрясли пуховики да перицы, но ничего подозрительнаго не нашли, кромѣ двухъ бумажекъ: то были задравныя памяти. Ихъ почему-то Пазухинъ счелъ нужнымъ представить начальству, вмѣстѣ съ чернильницей, палачнымъ кнутомъ и сѣрой лошадыю съ нѣмецкимъ сѣдломъ. Въ какой степени эта лошадь пужна была для допросовъ — неизвѣстно. Совершивъ, такимъ образомъ, набѣгъ на домъ мирнаго гражданина, полиція оставила все его имущество подъ печатами и карауломъ.

Приведенная партія арестантовъ тотчасъ подверглась самымъ

обстоятельнымъ и подробнымъ до пелѣности опросамъ. Грекову и повѣренному отъ царицы нужно было только знать: куда скрылся Деревнинъ, а между тѣмъ, слѣдуя правиламъ тогдашняго (да и нѣсколько позднѣйшаго) дѣлопроизводства, они должны были интересоваться вопросами и отвѣтами, нимало не идущими къ дѣлу, т.-е. какого вѣроисповѣданія, происхожденія, гдѣ родился, чѣмъ занимается, былъ ли наказанъ—такой или такая-то отвѣтчикъ и отвѣтчица?

И вотъ, вслѣдъ за любопытнымъ полковникомъ, мы узнали, что отцы приведенныхъ дѣвицъ, братья Терекіе, были: одинъ — вольноотпущенный князя Сергія Долгорукова, а другой — крестьянинъ боярина Сверчкова, отданный имъ въ солдаты; что дядюшка ихъ, провинціаль-фискаль, въ благопріобрѣтенномъ домѣ котораго онѣ живутъ, имѣетъ большую прислугу, а для острастки ея держитъ кнутъ.

Харитонъ Ивановъ генеалогію свою помнилъ гораздо хуже: онъ не зналъ, напр., сколько ему лѣтъ, какое его прозвище, крѣпостной-ли онъ по рожденію или купленный, и если купленный, то какъ была велика его стоимость; впрочемъ сообщилъ нѣсколько извѣстныхъ уже намъ свѣдѣній о переѣздахъ его барина, Деревнина, изъ имѣнія въ имѣніе.

Если память измѣнила Харитону Иванову, за то Иванъ Петровъ очень хорошо помнилъ, что отецъ его былъ кузнецъ, что онъ родился въ Суздальскомъ уѣздѣ, причемъ Петровъ не преминулъ назвать село, ознаменованное его рожденіемъ, заявилъ, что ему 35 лѣтъ отъ роду и третій годъ пошелъ съ тѣхъ поръ, какъ онъ взятъ своимъ баринномъ, Юрьевымъ, въ Москву и живетъ въ его домѣ, въ Китай-городѣ, у Пльинскихъ воротъ. Что касается до шведа Егора Яковлева, по прозвищу Боровкова, столь сходно купленнаго Терекимъ, то мѣста своей родины онъ не помнилъ, крѣпостной или нѣтъ — того обстоятельно не зналъ, зналъ одно — огородъ да капусту, ввѣренную его храненію, и то зналъ только потому, что за недосмотръ, какъ и явилось по осмотру его спины, Егоръ „весьма знатно битъ кнутомъ“.

— Нѣтъ, не кнутомъ меня били,—говорилъ Боровковъ,—меня били батогами да плетью.

Впрочемъ, полиціймейстеръ не съ разу повѣрилъ, ибо и здѣсь память Егора могла ему измѣнить. Измѣнила она и шест-

надцатилѣтнему крѣпостному мальчику г. Юрьева, Остафію Спиридонову. „По осмотру его сшны явилось, что онъ битъ кнутомъ“; но юноша стоялъ на томъ, что баринъ соизволилъ битъ его за домашнія вины ничѣмъ инымъ, какъ только плетьми да батогами.

Приведенныя нами показанія отобранны были далеко не простымъ спросомъ. Кулаки и батоги, какъ неизмѣнное условіе тогдашняго полицейскаго опроса (и позже они долго не были забыты), были пущены въ дѣло ¹⁾. Если вѣрить Терскому, то Грековъ, и еще болѣе Тихменевъ, пристрастный судья, чловѣкъ, заинтересованный въ этомъ дѣлѣ, брали допрашиваемыхъ самыми „скардными“ словами, били нѣкоторыхъ по щекамъ собственноручно, наконецъ раздѣвали и пороли плетьми и батогами.

Марья Назаревна сообщила, что мужъ ея, Оедоръ Даниловичъ Валяевъ—служитель царицы Прасковьи; что она зашла нынѣ въ домъ Терскаго по сосѣдству, съ намѣреніемъ, довольно мирнымъ—заказать его служанкамъ шесть рубахъ. Такъ какъ болѣе интереснаго Марья ничего не сказала, то ее въ тотъ же день и освободили, но не иначе, какъ на поруки, подъ росписку мужа, съ тѣмъ, чтобы явилась въ полицію по первому востребованію.

Все эти показанія, представя намъ двѣ-три черты, не безынтересныя для знакомства съ правами того времени, ничего однако не разъяснили Грекову. Было уже исписано листовъ десять первыми допросами и било десять часовъ ночи, когда Грековъ напелъ нужнымъ поручить тому же капитану Пазухину отправиться въ домъ Юрьева, поискать тамъ Деревинна, а въ случаѣ неудачи, арестовать, какъ водится, всѣхъ жильцовъ, хозяекъ и хозяйна дома.

Новый набѣгъ полицейскаго партизана и на этотъ разъ не вполне удался: Деревиннъ вновь ускользнулъ изъ его рукъ. По домъ былъ оцѣвленъ вооруженными солдатами; полицейскіе рыскали по комнатамъ вездѣ и все перешарили. Пазухинъ ругался, „чинилъ разныя обиды“, а когда Петръ Иваповичъ Юрьевъ, хотя и ревельскій школьникъ, внесившій за себя ежегодный выкупъ двѣ-

¹⁾ Достоиню замѣчанія, что уже много лѣтъ спустя не только послѣ петровской эпохи, но и послѣ знаменитыхъ указовъ, отмѣнившихъ пытки, нѣкоторые виды ея, разумѣется беззаконно, существовали еще въ разныхъ мѣстахъ необъятной Россіи. Укажу на одинъ видъ подобныхъ секретныхъ истязаній, — на перчатки: это ничто иное, какъ особый видъ ручныхъ кандаловъ въ одинъ, два, четыре, шесть и даже болѣе пудовъ вѣса.

сти руб. въ адмиралтейство, но во всякомъ случаѣ баринъ самъ, не лишонный права драться, вздумалъ останавливать полицейскаго, то вспыльчивый капитанъ-поручикъ отпустилъ ему такого тумака кулакомъ въ голову, что тотъ нашель неудобнымъ продолжать дальнѣйшее объясненіе. Съ дамами боецъ отъ полиціи велъ себя не менѣе деликатно. Жена Юрьева, дерзнувшая также что-то сказать, получила ударъ кулакомъ „въ зашей“, столь ловкій, что слетѣла съ высокаго крыльца, и непремѣнно бы разбиблась до смерти,—такъ повѣствуетъ въ своей жалобѣ очевидецъ Терскій,—если бы добрые люди не подхватили барыню, бывшую въ это время „чреватую“.

Било четыре часа ночи, когда Пазухинъ кончилъ обшаривать да опечатывать имущество въ домѣ Юрьева. Оставивъ здѣсь караулъ, онъ отвелъ въ полицмейстерскую канцелярію Григорія Терскаго, его жену, Прасковью Дмитріевну, Петра Юрьева и жену его, Анцу Григорьевну; что же касается до жены Деревнина, то лишь только она узнала о набѣгѣ полиціи на домъ ея отца, она тотчасъ ушла изъ дому Юрьева и куда скрылась—неизвѣстно.

Въ полиціи арестантовъ разсажали по казенкамъ; главнѣйшій изъ нихъ, Григорій Терскій, посаженъ былъ въ колодничью палату, въ которой быть было нельзя: въ сырой, тѣсный и душный подвалъ загнаны были 200 человекъ; высидѣвъ въ подвалѣ ночь, Терскій, какъ самъ свидѣтельствуеть, едва живъ остался.

Между тѣмъ допросы продолжались всю ночь. Тихменевъ, личный врагъ Деревнина, не уставалъ; не утомился и господинъ оберъ-полицеймейстеръ въ увѣренности, что его труды сторицею вознаградятся отъ щедротъ благодушной царицы Прасковьи.

Отъ Юрьева, его жены и тещи слѣдователи ничего особеннаго не узнали; гораздо подробнѣе и обстоятельнѣе были отвѣты провинціаль-фискала, составленные съ большимъ искусствомъ человека бывалаго, извѣдавшаго всякаго рода сутяжничество.

Да и немудрено,—вольпоотпущенный князя В. М. Долгорукаго, онъ началъ службу при „инспекторѣ“ Курбатовѣ въ ратушѣ, съ 1706 г. былъ у кабацкихъ и таможенныхъ дѣлъ надзирателемъ, потомъ инспекторомъ въ московской ратушѣ, былъ отставляемъ отъ одной должности, получалъ другую, и хотя все это доставалось „не изъ дачь“, какъ самъ увѣрялъ, но въ справедли-

ности его показаній мудрено не усумниться. Съ 1721 года, при посредствѣ оберъ-фискала Нестерова (смертью на висѣлицѣ поплатившагося впоследствии за взятки и мошенничество) Терскій сдѣланъ былъ провинціаль-фискаломъ. Какъ можно видѣть, тесть Деревнина занималъ должности и получалъ мѣста прибыльныя, чисто въ подъяческомъ родѣ, и постоянно пребывалъ въ средѣ сутяжничества да ябедничества; если ему по должности приходилось составлять ловкія челобитныя и доносы, то не менѣе ловко вывертывался онъ изъ обстоятельствъ самыхъ тѣсныхъ. Впрочемъ, на этотъ разъ онъ могъ оправдываться съ чистою совѣстью: за нимъ не было никакой вины; онъ только имѣлъ неосторожность найти показанное ему цыфирное письмо бумагою важною, и потомъ держалъ Деревнина у себя, но держалъ не какъ преступника, а какъ близкаго родственника.

— Помилуй, господинъ полковникъ, говорили Терскій Грекову при началѣ допроса,—ты велѣлъ меня допрашивать оберъ-секретарю Тихменеву, а Тихменевъ особа подозрительная, и Тихменеву при допросѣ не надлежитъ быть. Я подалъ на него въ надворный судъ по своему дѣлу доношеніе, да и ему, Тихменеву, переданы счетныя книги у казны царицыной послѣ зятя моего Деревнина.

— Нѣтъ, это ничего, пустяки, возразилъ оберъ-полиціймейстеръ: Тихменеву выходить не для чего. Отвѣчай ему.

Нечего дѣлать. Терскій долженъ былъ отвѣчать, и сообщилъ свѣдѣнія о томъ, съ какого и по какое время жилъ у него Деревнинъ, когда съѣхалъ съ Москвы и проч. Куда дѣвался Деревнинъ, того Терскій не вѣдалъ. По разнообразію вопросовъ, разнообразны были и отвѣты. Полюбопытствовали узнать, для чего у него мастерской, т. е. палачный кнутъ?

— „Для острастки людей моихъ,—спокойно отвѣчалъ провинціаль-фискалъ:—купилъ я кнутъ у посащаго челоуѣка, въ Китай-городѣ, близъ Казанскаго собора; отчего у того кнута конецъ-хвостецъ въ крови,—того я не знаю; купилъ его такъ съ кровью. Изъ людей же билъ только мальчика Спиридонова за воровство и побѣгъ, да Егора Боровкова за домовыя кражи и подводъ ко двору воровскихъ людей: билъ ихъ не я самъ, а мои же люди, притомъ не этимъ кнутомъ, а кучерскимъ“ ...

Подѣлившись столь обычными въ то время фактами, Терскій

заявилъ надежду, что къ 29 сентябрю Деревнинъ явится въ полицію. Основываясь на этомъ, Тихменевъ предложилъ ему подписать обязательство: буде не представитъ онъ, Терскій, зятя своего въ теченіе четырехъ дней, то за то взятъ будетъ на немъ показанный отъ царицы Прасковьи недочетъ, виновникомъ котораго находятъ бывшаго казначея.

Отобравши подписку, слѣдователи не нашли однако нужнымъ освободить Терскаго для поисковъ зятя; напротивъ, заковали его въ желѣза, съ строгимъ запрещеніемъ кого бы то ни было подпускать къ нему и говорить съ нимъ.

Обвиненіе на зятя, будто онъ обворовалъ казну царицы,—Терскій положительно отрицалъ; но сказывалъ Грекову, что имѣеть за собой нѣкоторое государево дѣло, которое надлежитъ объявить въ сенатъ, либо въ тайной канцеляріи. Грековъ выпуждалъ сказать ему это дѣло. Терскій долго колебался: ему непремѣнно хотѣлось какъ-нибудь отдѣлаться отъ полиціи, хоть бы съ переводомъ въ тайную канцелярію. Но, „по мнѣнію принужденію“, отозвалъ Грекова въ отдѣльную казенку...

— „За зятемъ моимъ,—объявилъ Терскій,—такое государское дѣло, что у него есть нѣкоторое противное письмо руки царицы Прасковьи къ служителю ея Юшкову; а письмо съ литерными словами подъ титлами; въ немъ нѣтъ ничего противъ здоровья его императорскаго величества, ни объ измѣнѣ и бунтѣ, по уразумѣть его я не могъ, понеже оно цифирное“.

Грековъ, можетъ быть и не подозрѣвая, что это письмо и есть главный поводъ ко всему дѣлу, не нашелъ показаніе Терскаго достойнымъ тайны, и, выходя изъ казенки, приказалъ то дѣло объявить явно.

— Если я то дѣло объявлю, отговаривался Терскій, то въ страхъ буду, чтобъ мнѣ то за вину не причлось.

— Объяви не опасаясь,—повторялъ оберъ-полиціймейстеръ: здѣсь у насъ только трехъ словъ судить не вѣлно; а оно жъ дѣло не какое важное; а здѣсь такая-жъ канцелярія, какъ и тайная.

Тогда Терскій нашелся вынужденнымъ повторить свое показаніе и оно было записано.

Подозрительность слѣдователя и усердіе Грекова доходили до крайности. Одинъ изъ жильцовъ въ домѣ Юрьева, Скрипичинъ, послалъ къ нему въ полицію кафтанъ, подушку, а слу-

гамъ хлѣбъ на пропитаніе. Посланный схваченъ и немедленно подверженъ допросу. Федоръ Даниловъ, такъ звали служителя Скрипицына, весьма обстоятельно разсказалъ, гдѣ и когда онъ родился, какъ прежде былъ въ извозчикахъ, кого возилъ и съ кѣмъ ѣздилъ, какъ его прибилъ и ограбилъ въ одной деревнѣ какой-то Никита Грозный, а его по этому дѣлу въ городѣ Нонехонѣ посадили въ тюрьму; наконецъ, какъ, освободившись изъ нея, онъ нанялся въ Москвѣ въ услуженіе къ секретарю генерала Чернышева, къ г. Скрипицыну.

Выслушавши, мало того—записавши разсказъ, не имѣвшій ни малѣйшаго отношенія къ производимому слѣдствію, Грековъ полюбознательствовалъ даже осмотрѣть спину Данилова, и спина,—чему нельзя не подивиться,—оказалась цѣла.

26 сентября оберъ-полиціймейстеръ положилъ слѣдующія рѣшенія: 1) Племянницъ Терскаго, Игнатъеву и Еремъеву, также служителя г. Юрьева, Петрова, освободить подъ росписки знатымъ московскимъ людямъ, у которыхъ свои дома есть, съ обязательствомъ по первому требованію представить людей сихъ въ полицію. 2) Служителя Харитона Иванова разспросить въ застѣвкѣ подъ пыткой ¹⁾, куда скрылся его господинъ, Деревнинъ. 3) Шведа Боровкова и мальчика Спиридонова также допросить въ застѣвкѣ подъ пыткой: за что и чѣмъ именно они биты. 4) Петра Юрьева и жену Терскаго освободить для сыску Деревнина, но не иначе, какъ подъ росписку знатныхъ людей. 5) Фискала Григорья Терскаго „до подлиннаго розыска и до указа“ держать особо подъ крѣпкимъ карауломъ, скованнымъ, дабы „онъ утечки не учинилъ и никого къ нему не пропускать, понеже онъ допросомъ своимъ самъ себя приманилъ къ немалой важности о безчестіи ея величества великой государыни благовѣрной царицы Прасковьи Феодоровны“. 6) Пожитки въ домахъ Терскаго и Юрьева прибрать въ одни кладовыя

¹⁾ Право пытать и чинить всякаго рода экзекуціи всемплющивѣйше предоставлено было полиціейстерской канцеляріи 18 января 1721 года. Царь Петръ собственноручно предписалъ: „а которые поиманы будутъ въ городѣ и слободахъ въ какомъ воровствѣ (т. е. въ преступленіяхъ низшаго рода, кромѣ разбоя, татьбы и тому подобномъ)—тѣмъ розыскъ и экзекуцію отиравать полиціейстеру“. Но для акуратности, о розыскахъ и экзекуціяхъ полиціейстеръ обязанъ былъ ренпортовать юстицъ-коллегіи. Пол. Собр. Законовъ, томъ VI, № 3714. стр. 312.

подъ печать и караулъ. (Эта уборка производилась полицейскими, и можно себѣ представить, въ какомъ порядкѣ она дѣлалась и въ какой цѣлости оказались потомъ вещи!).

Въ тотъ же день для какой-то справки по недочетамъ казны Прасковьи, оставшимся на Деревнинѣ, сыскали въ Кадашевской слободѣ торговца Курочкина; въ бытность Деревнина казначеемъ, онъ былъ купчиною при дворѣ царицы (вѣроятно поставщикомъ или подрядчикомъ), и потому надѣялись добиться отъ него нѣкоторыхъ объясненій; но кромѣ свѣдѣній о мѣстѣ своего рожденія, родѣ занятій и проч., Курочкинъ не нашолъ что рассказать, и его отпустили подъ росписку.

Любопытно было бы знать, дѣлались-ли эти освобожденія послѣ нѣкоторыхъ респектовъ оберъ-полиціймейстеру? Судя по угодливости Грекова Прасковѣ и ея клеветамъ, трудно допустить, чтобы онъ упускалъ случай поживиться отъ добротныхъ дателей, особенно, когда эти датели готовы были на все, чтобъ только вырваться изъ смрадныхъ подваловъ—въ нихъ же было быть нельзя?

Не безъ страха ждалъ скованный Терскій 29 сентября: въ этотъ день зять его долженъ былъ явиться въ полицію; буде Деревнинъ не явится—Терскаго предадутъ пыткѣ; а въ присутствіи повѣреннаго царицы и врага его Тихменева—пытка не могла быть снисходительна. Съ нетерпѣніемъ ждали этого дня царица и ея любимецъ Юшковъ.

Накопецъ настало завѣтное число. Деревнинъ не доставленъ въ полицію—и стремянный Никита Іевлевъ явился въ канцелярію съ новымъ объявленіемъ либо вѣдѣніемъ; оно было написано рѣзко, сильно; въ немъ явно выражались досада и гнѣвъ Прасковьи. Царица въ особенноти была озлоблена показаніемъ Терскаго о цифирномъ письмѣ: до него дѣло производилось о кражѣ Деревнина; теперь все увидѣли, что это не болѣе какъ маска; главная пружина всего есть таинственное посланіе; извѣстіе о немъ, какъ записано было у Грекова, клонилось къ безчестію имени ея величества. Вотъ какъ выразилась злоба госпожи въ объявленіи ея стремяннаго: обвиняя Терскаго въ укрывательствѣ бѣлаго стряпчаго, Іевлевъ писалъ:

„Провинціалъ-фискалъ упомянулъ въ допросѣ о какомъ-то письмѣ царицы; но въ немъ, по его жъ словамъ, ни о здоровьи

государя, ни объ измѣнѣ, ни о бунтѣ не написано, то и не слѣдовало Терскому упоминать объ этомъ письмѣ, развѣ по злему его умыслу и къ поношенію чести ея величества, понеже онъ, Терскій, допрашивавъ о укрывательствѣ въ похищеніи казны ея величества зятемъ его, Деревнинымъ, а къ этому безъ всякой причины присоветовали въ допросѣ злымъ део, Терскаго, воровскимъ, отчаяннымъ вымысломъ (письмо) о чести ея величества, чего ему, ежели бы не по злобѣ къ поношенію чести ея величества, приказной публикѣ тѣмъ допросомъ предавать не надлежало. Притомъ, когда не взывали на немъ вора Деревнина, тогда онъ ни о какомъ письмѣ не упоминалъ, а когда стали онаго вора на немъ приказнымъ случаемъ взывать, и онъ, Терскій, умыслилъ воровски упомянутое оклеветаніе и за злобу началъ чинить. Если же въ письмѣ была какая-нибудь важность, — весьма ловко заключалъ составитель объявленія, — то не отдавая его Деревнину и не предавая приказной публикѣ, Терскій долженъ былъ представить его куда слѣдуетъ“¹⁾.

Обстоятельство это, по мнѣнію составителей объявленія, до такой степени было важно, что они отъ имени царицы просили полицію допросить Терскаго въ застѣнкѣ и пыткой принудить его представить Деревнина.

Просьба царицы была бы выполнена непременно въ самомъ скорѣйшемъ времени и съ величайшимъ стараніемъ. Тайный доносчикъ, фискаль Терскій совершенно случайно сдѣлался бы мученикомъ приказной публичности, страдальцемъ за гласность, но его спасла почтенительная — не матушка, а тайная канцелярія!

Дѣло въ томъ, что еще за два дня до рокового 29 сентября, сынъ Терскаго, Иванъ, явился туда съ челобитьемъ; въ немъ онъ изложилъ ходъ дѣла и намѣреніе полиціи пытать его отца въ то время, когда за батюшкой есть тайное государственное дѣло. Была ли эта выходка со стороны молодого Терскаго благороднымъ порывомъ какъ-нибудь спасти отца, или старикъ нашолъ возможность передать сыну такое порученіе, — неизвѣ-

¹⁾ Царица съ Юшковымъ не знали еще, что виновникомъ публичности объявленія Терскаго о цыфирномъ письмѣ былъ усердный оберъ-полиціймейстеръ. Это обстоятельство открылось гораздо позже изъ новаго показанія Терскаго 22 октября 1722 г.

стно; какъ бы то ни было, только слово: тайное государственное дѣло—имѣло обычную силу.

Въ тотъ же день, 27 сентября, посланъ былъ въ полицію указъ Скорнякова-Писарева немедленно прислать къ нему въ тайную—Григорья Терсаго.

Не пріятно было это повелѣніе ни царицѣ съ Юшковымъ, ни Грекову, отъ котораго съ Терско-Деревнинскимъ дѣломъ ускользаль изъ рукъ весьма лакомый кусокъ; три дня не высылалъ онъ Терсаго въ надеждѣ повымучить отъ него что-нибудь интересное для царицы: но далѣе мѣнкатъ было нельзя. ослушаться могущественной Тайной Канцеляріи—дѣло невозможное, и 30 сентября, не безъ грусти, расторопный оберъ-полиціймейстеръ препроводилъ Терсаго по назначенію. До какой степени ему не хотѣлось съ нимъ разстаться, видно изъ того, что дѣло его не было препровождено въ Тайную, а отправлено о немъ доношеніе, въ которомъ тщательно подобраны были самыя грозныя обвиненія и противъ него, и противъ Деревнина.

1 октября члены тайной канцеляріи изъ допроса, снятаго съ Терсаго, узнали, что государственное дѣло, о которомъ писалъ его сынъ, состояло въ вѣдѣніи за Деревнинимъ цифирнаго письма царицы къ Юшкову, которое онъ видѣлъ, но раззобратъ не могъ.

Тотчасъ же поручено молодому Терскому привести Деревнина. Стряпчій на этотъ разъ не скрылся, свѣдавъ, что дѣло перешло въ тайную канцелярію, не столь доступную вліянію и подкуну царицы Прасковьи и ея фаворита; наконецъ въ увѣренности, что новыя судьи его, какъ лица постороннія, будутъ безпристрастнѣе, онъ посѣнилъ изъ дома Юрьева (гдѣ скрывался) явиться на призывъ.

Въ первомъ же допросѣ обстоятельно познакомивъ членовъ тайной канцеляріи съ своей генеалогіей и подробностями формулярнаго списка, Деревнинъ разсказалъ, какъ и гдѣ нашель онъ злополучное письмо, какъ хотѣлъ его предъявить государю императору; разсказалъ о преслѣдованіяхъ Юшкова, и тутъ же представилъ злополучное письмо генералу и гвардіи полковнику Ивану Ивановичу Бутурлину, одному изъ членовъ канцеляріи.

Бутурлинъ посѣнилъ завернуть письмо въ особый пакетъ и запечаталъ собственною печатью.

Вѣсть о сыскѣ Деревнина быстро прилетѣла къ царицѣ. Она поручила оберъ-полиціймейстеру добыть ей „злодѣя стряпчаго“, и Грековъ въ тотъ же день представилъ въ тайную канцелярію убѣдительнѣйшую и настоятельнѣйшую просьбу препроводить къ нему Терскаго съ Деревнинымъ для розыску и окончанія начатаго дѣла ¹⁾, при чемъ ссылался на извѣстный намъ указъ Петра 18 января 1721 г., всемилостивѣйше даровавшаго право полиціи чинить пытки и экзекуціи по всеѣмъ „приводнымъ и воровскимъ дѣламъ“, ссылался на сенатскую инструкцію, — все было напрасно. Тайная канцелярія очень хорошо знала, что ея собственная коллекція всевозможныхъ инструментовъ для пытокъ и вообще „допросовъ съ пристраціемъ“ несравненно богаче подобнаго же музея полицейской канцеляріи; что въ случаѣ нужды она и сама стумѣветъ розыскать кого бы то ни было, и потому не обратила вниманія на просьбы Прасковьи и Юшкова, переданныя устами любезнаго оберъ-полиціймейстера.

Глазъ его остался—гласомъ вопіющаго въ пустышѣ.

Пылая гнѣвомъ и жаждою мести, благовѣрная царица Параскева Оеодоровна рѣшилась, наконецъ, покинуть село Измайлово и самой добыть либо Деревнина, либо свое цыфирное письмо ²⁾.

¹⁾ Что касается до Юрьева, то онъ освобожденъ 2 октября вмѣстѣ съ тещею подъ росписку. Тогда же крестьянинъ Оедоръ Даниловъ, такъ некстати явившійся къ нему съ подушкой и кафтаномъ, посланъ въ дворцовую канцелярію для повѣрки его показаній.

²⁾ Верш. дѣла розыскныхъ дѣлъ Тайн. канцел. картонъ № 15: дѣло стряпчаго Василія Деревнина. Оно состоитъ изъ трехъ частей: I. Дѣло, присланное изъ полиц. канцел. о В. Деревнинѣ. 81 л., а въ немъ слѣд. документы: а) Вѣдѣніе Іевлева въ полицію 24 сент. б) Рѣшеніе Грекова 24 сент. в) Докладъ Пазухина. г) Задравная и заунокойная память Терскаго. д) Росписка въ пріемѣ арестантовъ подъ караулъ. е) Допросъ Игнатьевой. ж) Допр. Еремѣевой з) Допр. Харитона Иванова. и) Допр. Петрова. і) Боровкова. к) Спиридонова. л) Валевой. м) Приказъ Грекова о новой арестации. н) Допр. Юрьева. о) Юрьевой. п) Григорія Терскаго. р) Терскої. с) Обязательство г. Терскаго. т) Допр. О. Данилова. у) Рѣшеніе Грекова 26 сентября. ф) Допр. Бурочкина 27 сентября. х) Росписки поручныхъ разныхъ лицъ. ц) Указъ тайной канц. о присылкѣ Терскаго. ч) 29 сент. вѣдѣніе, поданное Іевлевымъ. ш) 1 окт. допос. полиціи въ тайную канц. щ) 2 окт. росп. поручителей за Юрьева и др. Онись всему дѣлу и экстрактъ для тайной канцеляріи. Во II ч. дѣло о стряпч. Деревнинѣ—производ. въ тайн. канцел., 90 листовъ. См. просьбу И. Терскаго—27 сент., указъ Писарева, допосненіе Грекова о необходимости кончить сіе дѣло въ полиціи, допросы 1 окт. Терскаго и Деревнина.

VII.

МЩЕНИЕ СТАРУШКИ.

„Благовѣрная государыня, взмилуйся и помилуй! Статно ли то, что ты дѣлаешь и что есть хорошаго“?

Стремляной Евлевъ 2-го окт. 1722 г.

На другой день, 2 октября 1722 г., Прасковья отложила поѣздку въ Москву до вечера, можетъ быть потому, что утроемъ либо она сама, либо ея приближенные были развлечены любопытной, хотя и обыкновенной въ то время сценой: близь города колесовали трехъ человѣкъ убійць и фальшивыхъ монетчиковъ; они получили только по одному удару колесомъ, по каждой рукѣ и ногѣ; колесо изломало руки, перебило ноги, но преступники остались живы, и ихъ крѣпко привязали лицами къ колесамъ ¹⁾. Зрѣлище было отвратительное; одинъ изъ нихъ, старикъ, изнеможенный предварительными пытками, нѣсколько часовъ послѣ казни испустилъ духъ; но остальные, молодые парни, долго еще боролись со смертью; можно было думать, что они проживутъ на колесѣ, какъ это и случалось, двое, трое, даже четверо сутокъ. Молодцы были румяны; равнодушно, чуть не весело поглядывали по сторонамъ, и ни стопомъ, ни жалобой не обнаруживали страданій. Одинъ изъ нихъ, къ величайшему изумленію толпящихся зрителей, съ большимъ трудомъ поднялъ разможженную руку, повисшую межъ зубцовъ, отеръ себѣ рукавомъ носъ и опять сунулъ ее на прежнее мѣсто.

¹⁾ Колеса обыкновенно утверждались горизонтально на толстыхъ столбахъ.

Но эффектъ былъ еще поразительнѣе, когда тотъ же страдалецъ, замѣтивъ, что онъ замаралъ колесо нѣсколькими каплями крови, съ страшнымъ усиленіемъ вновь вытащилъ изувѣченную руку и бережно обтеръ колесо.

Толпа съ любопытствомъ глядѣла на страшную сцену. Многіе вспоминали при этомъ о недавнихъ казняхъ; разсказывали другъ-другу подобныя ужасныя сцены: какъ-де одинъ повѣщенный за ребра въ первую же ночь приходился, вытащилъ изъ себя крюкъ и упалъ на землю; несчастный проползъ на четверенькахъ нѣсколько сотъ шаговъ, спрятался, его нашли и повѣсили на тотъ же крюкъ. Другіе вспоминали о сожженіи на кострѣ живого раскольника: какъ неустрашимо глядѣлъ онъ на пылающую руку и только тогда отвернулся, когда дымъ сталъ вѣть глаза и вспыхнули его волосы... ¹⁾

Ужасно было зрѣлище колесованныхъ, хороши были и воспоминанія, вызванныя ихъ предсмертными муками; именитыя лица да любозпательныя иноземцы разѣхались по гостямъ, стало темнѣть, разбрелся и народъ, толкуя о видѣнномъ и слышанномъ.

Между тѣмъ, Прасковья Оедоровна пообѣдала и собравшись съ силами, „за часъ до отдачи дневныхъ часовъ“, приказала позвать главнаго своего стремяннаго, Никиту Ивановича Левлева.

— Заложь карету, — приказывала царица, — созови людей, пусть полячка Михайловна возьметъ водку, да конюхъ Аксентъ захватить съ собой кулекъ съ кнутыями ²⁾.

Въ шесть часовъ экипажъ былъ готовъ; закутанная царица взяла трость и, не въ состояніи будучи ходить (Прасковья сильно страдала, если не ошибаюсь, водянкой), приказала служителямъ отнести ее въ карету. Царицу провожали чело­вѣкъ

¹⁾ Берхгольдъ, ч. II, стр. 282—284.

²⁾ Всѣ подробности настоящаго разсказа заимствуемъ изъ подлинныхъ показаній восьми служителей царицы и двухъ солдатъ тайной канцеляріи. Каждое показаніе болѣе или менѣе дополняется одно другимъ и объясняетъ сказанное. Мы свели въ одинъ связный разсказъ всѣ мелочи любопытнаго происшествія, что не совсѣмъ было легко, ибо онѣ разсѣяны среди безпрестанныхъ повтореній однихъ и тѣхъ же отвѣтовъ и оправданій, перѣдко довольно смутныхъ. Дѣла розыскныхъ дѣлъ Тайной Канцеляріи, картонъ 27, дѣло о стряпчемъ Васильѣ Деревиннѣ, листы 51—91.

двадцать: здѣсь были Сергѣй Тихмеевъ, одинъ изъ враговъ Деревнина, фрейлина или ся служанка, полька Михайловна, стремянной Никита Іевлевъ, братъ его, задворный конюхъ и подклюшникъ Оеоктистъ Іевлевъ, пажі Тимофей Павловичъ Воейковъ и братъ его Оедоръ Воейковъ, Кондрать Ивановичъ Маскинъ, братъ его Михаилъ Маскинъ, Василій Моломаховъ, дворцовый сторожъ и истопникъ Степанъ Пятилѣтъ, плѣнный шведъ-служитель Карлусъ-Орихтъ, стряпчій Андрей Седриковъ, конюхъ Аксенъ Синьковъ, приказный избы села Измайлова, подъячій Михайло Крупениковъ, конюхъ Анкудинъ, Степанъ Трофимовъ и нѣкоторые другіе.

Кортежъ тронулся въ путь. Погода была ясная; ночью выпало много снѣгу и на дворѣ трещаль морозъ. Ёдучи по Мясницкой улицѣ, царица подозвала пажа Тимофея Воейкова:

— „Поѣзжай къ царицѣ Катеринѣ Ивановнѣ и доложи ей, чтобъ она пемедля ѣхала къ генералу Ивану Ивановичу Бутурлину и попросила выдать мнѣ Деревнина и письмо, по которому его взяли“.

Тяжелая карета потащилась далѣе по Мясницкой въ Тайную канцелярію; она находилась на концѣ Мясницкой, противъ церкви Пресвятыя Богородицы Гребневскія ¹⁾. Кстати замѣтимъ, что такъ называемая карета была ничто иное, какъ колымага, сдѣланная сваружи на подобіе фургона; въ колымагѣ, вмѣсто сидѣній, наложены были подушки, а окна и двери завѣшаны кожею, мѣстами золоченой и тишеной ²⁾.

¹⁾ Этотъ домъ въ настоящее время (1860 г.), по наружности своей, не имѣетъ ничего замѣчательнаго, огромнъ, хорошъ, повѣйшей архитектуры. Достоинъ замѣчанія, что въ царствованіе Александра I-го, которому и принадлежитъ честь уничтоженія всероссійскихъ пытокъ, въ домѣ бывшей тайной канцеляріи помещено было библейское общество. Старожилы московскіе еще помнили въ 1830-хъ годахъ желѣзныя ворота тайной московской канцеляріи: онѣ выходили на Лубинскую площадь, караулъ стоялъ во внутренности двора: со страхомъ проходили мимо тайной, съ ужасомъ поглядывали на желѣзные затворы и рѣшетки... Путеводитель по Москвѣ. 1831 г., ч. III, стр. 172.

²⁾ Такъ описываетъ кареты или колымаги царица—ки. М. М. Щербатовъ. см. „О поврежд. правовъ“. Кареты были до такой степени рѣдки, что бояринъ Лыковъ, человекъ пребогатый, вынесавшій въ это время орѣховую карету, украшенную рѣзбой съ точеными стеклами, не стоившей в 1000 руб., возбудилъ столь сильную зависть князя А. Д. Мещникова, что тотъ дѣлалъ нападки на Лыкова, чтобъ только получить этотъ экипажъ. Дѣдъ ки. М. М. Щербатова. на-

Пробило семь часовъ ¹⁾, когда царица, подъѣхавъ къ „тайной“, велѣла нести себя въ арестантскія палаты или подвалы, грязные и мрачные, никогда не опорожнявшіеся отъ заключенныхъ. Одни служители несли царицу на особой скамьѣ, другіе шли впереди и сзади шумною толпою, съ зажженными восковыми свѣчами.

Внесенная въ переднюю палату, Прасковья, по старинному обычаю, тщательно выполнявшемуся иѣкогда ею самой, стала раздавать колодникамъ милостыню. На этотъ разъ царица имѣла другую цѣль и роздача милостыни была только однимъ изъ средствъ къ ея достиженію.

— „А гдѣ сидитъ Деревиннъ?“ — спросила она у провожавшихъ.

— Изволь, государыня, идти въ другую палату, — молвилъ въ отвѣтъ стремянной.

По указанію Левлева, царицу пронесли далѣе въ палату, наполненную раскольниками. Здѣсь вновь раздавая милостыню, старушка съ участіемъ спросила:

— „Гдѣ сидитъ мой служитель, Василій Деревиннъ? Я хочу и ему дать милостыньку“.

Колодники спѣшили указать милостивой монархинѣ отдѣльную казенку, гдѣ сидѣлъ Деревиннъ.

— Онъ сидитъ здѣсь, благовѣрная государыня, — говорилъ часовой Красновъ, — въ крѣпкомъ мѣстѣ, пускать къ нему никого не велѣно.

— „Какіе вы дураки! кротко замѣтила Прасковья: — вы не пускаете меня, а я хочу ему только милостыньку дать! Несите меня къ казенкѣ!“

— Да здѣсь никакого колодника нѣтъ, — говорили часовые, надѣясь хоть обманомъ остановить нежданную гостью. Гостыя не слушала; ее несли Пятилѣтъ, Карлусъ, Кондратъ, Маскинъ, О. Воейковъ, О. Левлевъ и В. Моломаховъ; а другіе служители, какъ-то: М. Маскинъ, Тихменевъ -- шли впереди и освѣщали путь.

слѣдовавшій по смерти Лыкова карету, не хотѣлъ ее уступить свѣтлѣйшему князю — и за то лишился всѣхъ недвижимыхъ имѣній.

¹⁾ Село Измайлово лежитъ въ семи или восьми верстахъ отъ Москвы по большой дорогѣ.

Подъячий государыни постучалъ въ дверь; дверь не отворяли: капраль Иванъ Красной, надзиравшій за этой тюрьмой, сопротивлялся; его ударили подь бокъ, двухъ часовыхъ отбросили въ сторону, и кто-то изъ служителей силою отворилъ дверь.

Ярко освѣтилась казенка лишь только внесли въ нее государыню; струсившій Деревнинъ повалился въ землю.

— „А, такъ ты вотъ гдѣ, гость! заговорила старушка, внезапно измѣняя видъ и голосъ: — тутъ-то ты, гость! хотѣла я тебѣ милостыню дать, да не за что: пакости ты много мнѣ надѣлалъ! Какое ты письмо на меня подалъ, гдѣ взялъ, куда дѣвалъ?“

— Нашолъ я его, благовѣрная государыня, на дворѣ у Василья Федоровича Салтыкова.

— „Куда дѣлъ... подай письмо сюда... говорила старушка; лицо ея загорѣлось гнѣвомъ и удары посыпались на арестанта. — Подай письмо, письмо давай сюда“, — твердила она, и снова тяжелая трость опускалась на голову и лицо Деревнина.

Царицу отвлекъ отъ бесѣды съ Деревнинымъ Воейковъ.

— Былъ я у государыни царевны, — доносилъ пакъ, — и царевна Екатерина Ивановна ѣздила по твоему, государыня, приказу къ Бутурлину. Иванъ Ивановичъ обѣщалъ отдать Деревнина.

— „Ступай опять къ царевнѣ, слышишь, скажи, чтобъ она сейчасъ же съѣздила въ другой разъ къ Бутурлину: пусть попроситъ отдать мнѣ Деревнина немедля; я буду ждать здѣсь... Деревнина мнѣ подайте!“

Воейковъ снѣшилъ выполнить приказъ, а милостивая государыня вновь соизволила взяться за трость, и новые удары открыли „плоть, лицо и синцу“ бывшего ея стряпчаго.

— „Письмо на меня подалъ, казну покралъ, совѣмъ обокралъ меня“, — приговаривала царица, задыхаясь отъ гнѣва.

Въ казенкѣ было тѣсно, смрадно; въ ней набралось много народу; пылающія свѣчи увеличивали жаръ. Усиленные движенія видимо разстроили старушку: она такъ старательно работала тростью, что, забывъ болѣзнь, поднялась на ноги и тѣмъ скорѣе устаза; ей нуженъ былъ просторъ — и она велѣла вести заключеннаго въ переднія палаты.

Толпа двинулась. Пятигѣтъ, Кондрать Маскинъ, Никита Иселевъ, С. Тихменевъ, Михайло Крусеинковъ новолокли за собой Деревнина.

Встревоженный капитанармусъ Бобровскій, дежурный по караулу, думая, что Деревнина хотятъ вовсе увести изъ-подъ ареста, просилъ его не трогать; наконецъ видя, что просьбы не дѣйствуютъ, сталъ въ дверяхъ и силою хотѣлъ удержать исполнителей челядинцевъ.

— Помилуй, благовѣрная государыня, — взмолился капитанармусъ, низко кланяясь царицѣ и закрывая дверь: — мнѣ по артикулу — великій страхъ! Воля твоя, государыня, какъ изволишь, а я изъ-подъ караула его не отдамъ: онъ сидитъ въ государевѣ дѣлѣ.

Нетерпѣливая царица не слушала; она прикрикнула на служителей, тѣ двинулись впередъ, помяли бока Бобровскаго, и Деревнина впереди носилокъ Прасковьи провели далѣе.

— Запирай, замыкай дверь на выходъ, не выпускать колодника! — закричалъ капитанармусъ солдатамъ. Онъ очень хорошо памятовалъ артикулъ: „Когда-де кого стеречь приказано, а тотъ злодѣй чрезъ небреженіе караульнаго уйдетъ, или отъ караульнаго безъ указа отпустится, тогда виновный въ семъ, вмѣсто преступителя, подлежащее наказаніе претерпитъ“¹⁾.

Старушка, впрочемъ, не была обязана знать воинскіе артикулы: „уставъ о процессахъ и экзекуціяхъ“ не для нея былъ писанъ, и она никакъ не могла себѣ объяснить дерзость Бобровскаго.

— „Какъ ты смѣешь не пускать меня? Что жъ ты за карауломъ што-ль держишь царицу?“

— Я тебя, благовѣрная государыня, за карауломъ не держу, — отвѣчалъ дежурный, — а колодника изъ канцелярїи, какъ изволишь, не отдамъ, потому, по артикулу, мнѣ страхъ немалый.

Процессія должна была остановиться въ передней или прихожей палатѣ. Въ негодованіи Прасковья опустила на скамью; къ ней подвели трепещущаго Деревнина.

— „Обыщите его хорошенько, — приказывала государыня, собираясь съ силами: — обыщите, нѣтъ-ли при немъ жога?“

¹⁾ Книга уставъ воинскій кунно при семъ артикулъ воинскій, изд. 1719 г. Сиб. Арт. 207.

Быстро обшарили арестанта, ножа не нашли; отыскался мѣшечекъ съ деньгами: служители немедля вытрясли ихъ въ свои карманы.

— Всемилостивѣйшая государыня, — взмолился Деревнинъ: — грабятъ меня, деньги у меня выняли, я дѣтище небогатый.

— „Это я приказала взять у тебя деньги, — успокоительно отвѣчала старушка: — для чего ты у меня разворовалъ, гдѣ ты письмо взялъ?“

Допрашиваемый винился въ томъ, въ чемъ и прежде.

— „Держите его хорошенько, крѣпче“, — говорила государыня, и вновь стала гнѣваться словами, а потомъ, по свидѣтельству служителей, „мало помѣшковавъ, соизволила собственною ручкою и тростью бить стряпчаго по плоти и по лицу многократно“.

Между тѣмъ Бутурлинъ не прѣзжалъ.

— „Шведъ Карлусъ! поѣзжай ты къ Ивану Ивановичу, — повелѣла Прасковья: — скажи, что я здѣсь — жду, пока выдадутъ мнѣ Деревнина“.

Чтобы скорѣй вызвать свою жертву изъ царскихъ подваловъ и привести въ свои измайловскія казенки, Прасковья съ тѣмъ же порученіемъ отправила Никиту Іевлева къ Скорнякову-Нисареву (къ нему еще прежде ѣздилъ Карлусъ, но безуспѣшно), — члену тайной канцеляріи.

Иванъ Ивановичъ и Григорій Григорьевичъ имѣли полное право отказать Прасковью Осдоровицъ; но, какъ люди, состарѣвшіеся въ дѣлахъ придворныхъ, они вѣдали съ кѣмъ имѣютъ дѣло, вѣдали, что царица пользуется большимъ уваженіемъ монарха — и не дерзнули на прямой отказъ. Съ другой стороны, исполнить просьбу было дѣло опасное: они сами еще не знали, въ чемъ состоитъ цыфирное письмо, какъ взглянетъ на все происшествіе суровый господинъ, не потребуетъ-ли онъ отъ нихъ отчета, — а что значить давать отчетъ Петру и насколько сподручно оправдываться предъ нимъ — всѣмъ было извѣстно.

Между двухъ огней, генералъ Бутурлинъ и оберъ-прокуроръ сепата Нисаревъ прибѣгли къ одной и той же уловкѣ: зная обо всемъ, происходившемъ въ тайной канцеляріи, изъ допесеній дежурнаго канцелярмуса, они приказали часовымъ объявить вѣстовымъ царицы, что господь иѣтъ дома. Бобровскому же поелали тайный приказъ — отнюдь не отпускатъ Деревнина.

Всѣ эти неудачи еще болѣе раздражили Прасковью; въ жилахъ ея разгоралась кровь деспотки-помѣщицы и властительной особы, не привыкшей къ отказамъ.

А предъ ней плакалъ и молилъ о пощадѣ недостойный служитель, ее огорчившій. Лицо его было покрыто синяками, ссадинами, ранами, но щекамъ струилась кровь, глаза заволакивались опухолью...

Картина эта не смягчила гнѣвную царицу.

— „Держите его крѣпче; Пятилѣтъ, да ты, Карлусъ, жгите свѣчами лицо его, носъ, уши, шею, глаза поджигай, да бороду, бороду-то ему выжги!“

Стряжчій, пораженный ужасомъ, задулъ одну свѣчку; ее вновь зажгли; онъ старался выбиться изъ рукъ служителей, но К. Маскинъ, Т. Воейковъ, Крупениковъ, Трофимовъ, О. Левевъ и другіе попеременно крѣпко держали его за руки и за волосы; голову Деревнину загнули назадъ для болѣе удобнаго обжогу. Истощенникъ Пятилѣтъ жогъ лицо, а шведъ Карлусъ, замѣтивъ, что носъ уже обожжонъ Васильемъ Моломаховымъ, старательно занялся выжиганіемъ бороды.

— „Какое ты писъмо на меня подаль, гдѣ взялъ, куда его дѣлъ?“ — повторяла царица, какъ кажется, не столько для вопроса, сколько изъ желанія что-нибудь причитывать въ одобреніе доморощеннымъ палачамъ.

Деревнинъ мычалъ, стоналъ, тщетно бился: онъ былъ въ крѣпкихъ рукахъ.

— Государыня, смилуйся и помилуй!—взмолился подъячій тайной канцеляріи, Григорій Павловъ, надавая въ ноги Прасковьи, — повели не чинить жженіе Деревнина, потому-де за нимъ, за Деревниннымъ, дѣло есть государево, мы будемъ за него въ отвѣтъ!

— „Гоши его прочь, да снимите съ злодѣя моего рубашку!“

Павлова оттолкнули ¹⁾.—Деревнину оголили спину. Кошохъ Аксентъ, по приказу монархини, явился съ кулькомъ, а въ немъ

¹⁾ На Павловѣ, какъ на подъячемъ тайной канцеляріи, лежала большая отвѣтственность: въ силу указа 12 апрѣля 1722 года за несохраненіе арестантовъ, какъ-то: выпускъ ихъ изъ тюрьмы и проч., „подъячнхъ приказано было розыскивать и пытать вмѣстѣ съ караульщиками, дабы поманки не было. А буде судьи въ томъ подъячнхъ поманку учинять, то сами подлежатъ, яко разбойники, казни смертнѣи“. Желаніе спасти собственную свою спину отъ неприятностей розыска, должно было вызвать заступничество со стороны Павлова.

были кнуты; вынулъ Аксенъ кнутъ понадежиѣ и приготовился работать.

Посреди палаты, для острастки обыденныхъ пытокъ арестантовъ, стоялъ, между прочимъ, деревянный козелъ; на него обратила вниманіе царица и приказала взволочить на козелъ обожженнаго Деревнина.

Прасковья Федоровна поразила твердостью приказаній всѣхъ окружающихъ, чуть не съ малолѣтства уже привыкшихъ ко всякаго рода сильнымъ ощущеніямъ, начиная отъ домашняго батога до застѣночнаго кнута.

Бобровскій хлопоталъ не о томъ, чтобы не увезли Деревнина: онъ страшился уже, что отъ арестанта ничего не останется; молилъ о пощадѣ и ежеминутно напоминалъ: „за арестантомъ-де есть дѣло государево“.

Никита Іевлевъ также не вытерпѣлъ и, пользуясь значеніемъ своимъ при царицѣ, дерзнулъ доложить:

— Умилосердися, благовѣрная государыня, какъ изволишь, а необычно все это: статное-ли это дѣло и что есть хорошаго?

Старушка же, напротивъ, была убѣждена, что въ ея поступкахъ ничего не было дурного. „Я де имѣю полное право, мало того, я должна наказать, какъ хочу, вѣроломнаго служителя“, такъ могла думать царица, и рѣшительно недоумѣвала, съ какой стати являются у Деревнина заступники.

И вотъ приказъ подтверждается, жертву волокутъ на козелъ.

Но распахнулась дверь — и въ палату, въ сопровожденіи пажы Воейкова, вошла герцогиня мекленбургская, царица Катерина Ивановна. Она не поѣхала вторично къ Бутурлину, вѣроятно убѣдившись изъ перваго свиданія въ безуспѣшности просьбъ отпустить Деревнина, а отправилась къ матери прямо въ тайную канцелярію.

При входѣ въ нее, герцогиня была поражена оригинальнымъ зрѣлищемъ. Среди грязнаго подвала на козлѣ растянуть за руки и за ноги обнаженный Деревнинъ; онъ стонетъ и вопитъ о пощадѣ; казенки полны народу: здѣсь солдаты, караульные, подьячіе, грушны молчаливыхъ арестантовъ, раскольниковъ и другихъ колодниковъ, слѣдящихъ не безъ ужаса, какъ изволишь гнѣваться государыня царица Параскевія Федоровна; сама она на скамѣ, съ тростью въ рукахъ, дрожащая отъ гнѣва, съ

побагровѣвшимъ лицомъ и сверкающими глазами. Картина освѣщена мрачнымъ, какимъ-то похороющимъ свѣтомъ восковыхъ свѣчей; воздухъ спертъ, пахнетъ жженымъ человѣческимъ мясомъ, волосомъ, и среди чада ярко вырисовывается атлетическая фигура Аксена, съ кнутомъ въ рукахъ, готоваго по первому слову начать штрафованье.

Катерина Ивановна пошептала на ухо царицѣ, вѣроятно просила спустить стряпчяго съ козла. Старушка на этотъ разъ послушалась. Деревнина сняли и надѣли на него кафтанъ.

— „Нисьмо куда дѣль, откуда и гдѣ ты его взялъ?“ — въ сотый разъ спрашивала Прасковья.

— Я его поднялъ на дворѣ кравчаго Василия Ѳедоровича Салтыкова.

И государыня снова взялась за прѣжнее, снова за трость. била Деревнина по лицу и по головѣ; а уставши, „наки“ поручила Пятилѣту да Карлусу пообжечь его лицо и шею; Моломаховъ да Ѳ. Іевлевъ держали допрашиваемаго.

Слабые нервы герцогини не могли вынести сего зрѣлища: она поспѣшила проститься съ матерью и оставила ее одну упражняться въ изобрѣтеніяхъ новыхъ пытокъ.

За ними дѣло не стало. Живая фантазія Прасковьи скоро навела ее на мысль о ниткѣ, если не новой, то по крайней мѣрѣ рѣдко употреблявшейся.

— „Полячка Михайловна! — закричала она фрейлинѣ, — сходи въ карету, да принеси оттуда бутылку съ водкой“.

Водку принесли. Моломаховъ, Крупениковъ и Воейковъ крѣпче взялись за арестанта. Шведу Карлусу повелѣно лить на голову Деревнина. Водка или, лучше сказать, спиртъ (вино въ то время не разжижалось еще такъ щедро водой), потекъ по лицу, т. е. по отвратительной язвѣ, и разѣдалъ ее страшно. Какъ ни исполнительенъ былъ шведъ, но онъ лилъ немного, вылилъ не болѣе полубутылки. Жалко-ли ему было Деревнина, или желалось сберечь водку для обратнаго пути въ Измайлово — неизвѣстно.

— „Зажигай!“ — крикнула царица, обращаясь къ Пятилѣту.

Истопникъ Степанъ Пятилѣтъ, привыкшій жечь дрова, но не людей, страшился исполнить приказъ старушки, но монархія собственноручно соизволила толкнуть его руку со свѣчю къ головѣ Деревнина — и голова вспыхнула, какъ порохъ!

Страшный, нечеловѣческій вопль огласилъ подвалы и казенки тайной канцеляріи и замеръ подъ ея мрачными сводами. Несчастный судорожно рванулся изъ рукъ рабовъ, метнулся въ одну сторону, бросился въ другую, ударился о печку и въ страшныхъ конвульсіяхъ упалъ на полъ... Голова его пылала... Колодники, сторожа, слуги, палачи — всѣ, кромѣ государыни, были въ оцѣпенѣніи!

А голова все пылала, все пылала и курилась невыносимымъ чадомъ.

Первый очнулся Бобровскій. Мысль, что за этимъ арестантомъ есть государево тайное дѣло, что его непременно нужно сберечь для допросу, а можетъ быть и для пытокъ, какимъ благоволитъ его предать царское величество, — мысль эта гвоздемъ засѣла въ голову дежурнаго каптенармуса, и онъ суетливо бросился распорядиться тушеніемъ курьезнаго пожара... Кто-то изъ колодниковъ, по его приказу, утушилъ огонь полою своего кафтана.

Прасковья пожелала посмотреть на копченаго стряпчаго и казначея. Узнать его не было возможности. Волосы сгорѣли; лицо вздулось, посинѣло, почернѣло, мѣстами вовсе выгорѣло; глаза заплыли опухолью; подбородокъ тщательно обожженой, и только сквозь раздутыя, черныя губы слышались стоны.

Видъ несчастнаго еще болѣе раздувалъ гнѣвъ царицы.

Старушка, не чувствуя усталости, крайне занятая и оживленная своимъ дѣломъ, все еще находила, что мщеніе ея неполно, чего-то еще недостаетъ; она жаждала чего-то новаго, и въ ожиданіи его, принялась за старое: ручка монархини и крѣпкая трость вновь загуляли по ли... но нѣтъ, то не было уже лицо: въ громадной извѣ не было даже и подобія образа человѣческаго.

Если не безъ ужаса и негодованія цѣпенѣемъ мы предъ страшною картиною, существованіе которой не можетъ быть оправдано ничѣмъ (истина — всегда истина, въ какой бы вѣкъ она ни существовала), то за то и не безъ удовольствія находимъ въ подлинныхъ документахъ указанія на то, что нѣкоторые служители царицы, какъ напр. Кондрать Маскинъ, Никита Іевлевъ, Тимофей Воейковъ, Федоръ Воейковъ, Осоктистъ Іевлевъ, были поражены ужасомъ (если не состраданіемъ), и, не вынося страш-

наго зрѣлица, „многokratно“ выходили на чистый воздухъ подышать и освѣжиться...

Бобровскій четыре раза уже посылалъ съ донесеніями о „всѣхъ дѣйствахъ“ царицы къ генераль-маіору Скорнякову-Писареву, и всякій разъ получалъ въ отвѣтъ приказаніе — отнюдь не отпускать съ царицей Деревнина. То же говорилъ Бутурлинъ.

Пожаръ головы арестанта заставилъ дежурнаго просить болѣе подробныхъ инструкцій о томъ, допускать-ли дальнѣйшія нестяжанія? За этими инструкціями онъ послалъ къ генераль-прокурору Павлу Ивановичу Ягужинскому.

Ударило десять часовъ вечера. Въ „тайную“ пріѣхалъ генераль-прокуроръ. Всѣ засуетились. У Деревнина, если онъ еще не потерялъ сознанія, должна была мелькнуть мысль о спасеніи; у царицы же—надежда получить, наконецъ, арестанта. Прасковья ошиблась... Ягужинскій... но позвольте познакомиться съ нимъ поближе.

Павель Ивановичъ, по отзывамъ современниковъ, лично его знавшихъ, былъ видный мужчина, съ лицомъ неправильнымъ, но живымъ и выразительнымъ. Въ обхожденіи онъ былъ очень свободенъ, даже небреженъ; но эта свобода была весьма въ немъ естественна и всѣ были ею довольны. Ягужинскій былъ капризенъ, самолюбивъ, но при этомъ уменъ, разсудителенъ, живъ. Онъ въ одинъ день дѣлалъ столько, сколько другой не успѣвалъ въ недѣлю. Прямодушный, онъ твердо выполнялъ данное слово до такой степени, что готовъ былъ скорѣе умереть, нежели нарушить обѣщаніе. Мысли свои Павель Ивановичъ выражалъ безъ лести предъ самыми высшими сановниками. Буде первый сановникъ имперіи поступалъ несправедливо, Ягужинскій порицалъ его также смѣло и свободно, какъ послѣдняго чиновника. Сначала деньщикъ Петра, а потомъ генераль-прокуроръ правительствующаго сената, онъ былъ однимъ изъ первѣйшихъ любимцевъ Преобразователя. Государь обыкновенно называлъ его своимъ глазомъ и зачастую говаривалъ: „если что Павель осмотритъ, то это такъ вѣрно, какъ будто я самъ видѣлъ“ ¹⁾.

¹⁾ Mémoires du duc de Lihria et de Berwik, écrits par lui-même, 1788. Также Lettres d'une dame anglaise. Rotterdam, 1776, и Берхгольцъ ч. II, стр. 261.

Если похвальные отзывы дюка Лирійскаго и лэди Рондо хоть на половину справедливы, то понятно, почему и въ настоящемъ случаѣ Ягужинскій не уклонился, подобно Скорнякову-Писареву и Бутурлину, отъ вмѣшательства въ дѣло Прасковьи, и хоть поздно, но явился на арену не совсѣмъ невинныхъ ея развлеченій.

— Что ты дѣлаешь, государыня? заговорилъ генераль-прокуроръ, когда приглядѣлся, наконецъ, къ окружающимъ предметамъ, — что хорошаго, государыня, что изволишь по Приказамъ ѣздить ночью ¹⁾?

— „Отдайте мнѣ Деревнина, отвѣчала царица: — онъ воръ, воръ, онъ покралъ у меня казну!“

— Безъ именнаго императорскаго величества указу отдать невозможно, — твердо отвѣчалъ Ягужинскій, отдалъ приказъ увести Деревнина къ себѣ на домъ подъ караулъ, и тутъ же предложилъ Прасковьѣ Оедоровиѣ оставить тайную канцелярію.

— Завтра, можетъ быть, я пришлою его къ тебѣ, государыня — обманчиво увѣрилъ Ягужинскій, когда царица не прекращала упрасивать и умолять объ исполненіи ея просьбы.

Наконецъ, огорченная старушка, съ слабой надеждой и немалой грустью, оставила Деревнина и отправилась обратно въ свою резиденцію, въ село Измайлово. Впереди, сзади и по бокамъ ѣхали исполнители ея предначертаній.

Была глубокая полночь, когда вернулась Прасковья въ свои хоромы: иѣжно обняла она ненаглядную свою внучку Аннушку и мирно опочила отъ трудовъ.

Вознаградилъ-ли себя за труды водкообливатель и свѣчеобжигатель Карлусъ оставшейся полбутылкой иѣнника — изъ подлиннаго дѣла не видно ²⁾.

¹⁾ Мы никакъ не думаемъ, чтобы генераль-прокуроръ, приглядѣвшійся къ пыткамъ и казнямъ, вдругъ восчувствовалъ состраданіе къ Деревнину. Нѣтъ, не ради его спасенія, а во имя порядка, предѣланнаго Прасковьею, онъ явился остановить ея звѣрства.

²⁾ Верноподданнаго дѣла Р. Д. Т. К. кароль XV: дѣло о Вас. Деревнинѣ, ч. II, доп. Бобровскаго, лл. 14—15, допросы: Деревнину, Бобровскому, Краснову, очная ставка Маскину и Питильѣту, допросы имъ, также Моломахову, Воейковымъ, экстрактъ изъ допросовъ Деревнина и другихъ, лл. 56—81.

VIII.

ВЪ ОЖИДАНИИ ЦАРСКАГО ПРИЕЗДА.

3-го октября 1722 г. исполнительный капитан-армусъ Бобровскій, по долгу службы, вошелъ съ обстоятельнымъ рапортомъ о всемъ случившемся къ начальству тайной канцеляріи ¹⁾.

Бобровскій ничего не утаилъ, передалъ все мелочи трагическаго событія, но героизму его, всемиловѣйшую старушку, называлъ въ рапортѣ не иначе, какъ „благовѣрѣйшей государыней“ ...

Въ тотъ же день, въ полдень, генераль-прокуроръ прислалъ Деревнина назадъ въ казенки тайной канцеляріи.

Попечительное начальство ея, накануне столь любезно представившее старушкѣ потѣшиться, нынѣ вступило въ свои обязанности: на Деревнинѣ приказано: „бой и жженіе описать и лечить его изъ аптеки“. Описъ коротко, но довольно краснорѣчиво повѣствуетъ о томъ, какъ соизволила гнѣваться царственная старушка: „голова Деревнина, — такъ оказалось по осмотру, — избита во многихъ мѣстахъ и обожжена мѣстами: также и по носу, и по лицу, и подъ глазами избито и обожжено, и почернѣло и опухло, за которою опухолью не знать и глазъ. А руки по запястья обожжены же; на груди противъ сердца избито и мѣстами красно“.

Результатомъ осмотра было то, что здоровье арестанта найдено далеко не удовлетворительно; Деревнинъ расхворается, пожалуй помретъ, а вернется государь, захочетъ имъ „розыскивать въ

¹⁾ В. Д. Р. Д. Т. Е. кар. XV, лл. 14, 18, 20.

дѣлѣ государевомъ“, не найдетъ его въ живыхъ и спросить на нихъ, на начальникахъ!..

„Господинъ докторъ! — посиѣшилъ отписать Скорняковъ-Писаревъ, — пѣкоторый колодникъ, по тайнымъ дѣламъ содержащійся въ тайной канцеляріи, весьма боленъ; того ради, объявляю его императорскаго величества указомъ, извольте приказать онаго колодника осмотрѣть и приказать лечить, понеже онъ весьма пуженъ“.

Въ то же время канцелярія освободила заарестованныхъ по дѣлу о цѣфирномъ письмѣ, вняла мольбамъ ревельскаго школьника Юрѣва, сняла печать и запрещеніе съ его дома и пожитковъ, наконецъ приложила къ дѣлу доношеніе Григорія Терскаго. Лишь только послѣдній замѣтилъ, что дѣло обратилось къ исходу болѣе или менѣе благопріятному; что онъ можетъ быть покоенъ: до него не допустить ни допрощиковъ царицы, ни обязательнаго оберъ-полиціймейстера, — сообразивъ все это, Терскій постарался заявить все, что только могло служить ему оружіемъ противъ его недруговъ. Такимъ образомъ на другой же день послѣ жженія своего зятя Деревнина, онъ смѣло предъявилъ слѣдующее обстоятельство, для дѣла довольно важное:

„Увѣдомился я отъ помянутаго Деревнина“, — писалъ Терскій, — „что государыня царица Прасковья Ѳеодоровна просила въ Сенатѣ, чтобъ на комнату ея величества съ царевнами учинить окладъ противу окладу, каковъ учиненъ былъ къ комнатѣ царевны Наталіи Алексѣевны. Въ Сенатѣ безъ именного ея величества указу того не учинили. А чрезъ прошеніе ея величества такую, вышеобъявленную, дачу учинилъ ей Василій Ершовъ обще съ дьякомъ Тихменевымъ, и за то взялъ себѣ деньгами и прочимъ не меньше 7,000 руб. Все это явно, продолжалъ Терскій, по записнымъ книгамъ, которыя оный Тихменевъ взялъ къ себѣ будто для счету, а тѣ книги скрылъ, о чемъ я и доношеніе на него, Тихменева, въ надворный судъ подалъ и въ ономъ будутъ его, Тихменева, обличать я, Терскій, Деревнинъ, да купчина Антинъ Моисѣевъ“¹⁾..

Доношеніе Терскаго немножко освѣщаетъ ту безурядицу, которая царила въ хозяйскихъ дѣлахъ Прасковьи. Чтобъ познакомиться съ ними поближе и тѣмъ получить еще разъ воз-

¹⁾ Вершинина дѣла розмѣстныхъ дѣлъ тайной канцеляріи, cartonъ XV.

возможность прослѣдить то значеніе, какое старушка имѣла при дворѣ, ея силу, любовь и вниманіе къ ней государя и государыни, позволяемъ себѣ сдѣлать небольшое отступленіе.

Прасковья, какъ мы уже знаемъ, вела себя относительно Петра и всѣхъ придворныхъ, по своему времени, съ большимъ тактомъ и умѣньемъ. Самыя противорѣчающіе другъ другу поступки совершенно спокойно улаживались въ ея поведеніи. Женщина, по своему, религіозная, преданная стариннымъ обычаямъ и обрядности, она въ то же время, по первому царскому зову, облакалась въ шутовской костюмъ и выступала съ своими фрейлицами „въ смѣхотворной процессіи свадьбы князь-паны“¹⁾. Нельзя сказать, чтобъ это дѣлала она изъ страха, по принужденію; нѣтъ! по крайней мѣрѣ этого не видно ни въ ея „шутливомъ обхожденіи“ съ Петромъ, ни въ ея обращеніи съ толпой его деньщиковъ и прочихъ приближенныхъ, за которыми она ухаживала, зная ихъ силу и вліяніе на дѣла... Составилась-ли какая-нибудь ассамблея, пиръ на чистомъ воздухѣ въ лѣтнемъ саду, попойка, ради какого-нибудь торжества, въ правительствующемъ сенатѣ, публичный маскарадъ, свадьба, именины-ли чьи праздновались дворомъ — въ кругу гостей неотмѣнно присутствовала старушка Прасковья. Зная, что присутствіе ея будетъ пріятно Петру, она не обращала вниманія на недуги, плелась въ своей колымагѣ на ирунку и здѣсь съ участіемъ слѣдила за прыганьемъ молодежи и съ большимъ усердіемъ осушала бокалы. Въ черномъ платьѣ, въ шапкѣ стариннаго русскаго покроя, она рѣзко выдѣлялась въ облакахъ табачнаго дыма, среди пудреной и расфранченной на пѣмецко-голландскій манеръ толпы придворныхъ²⁾. Ея родная сестра Настасья, княгиня-кесарина Ромодановская, одарена была не меньшею услужливостью: по желанію царскому, она постоянно разыгрывала роль древней русскаго царицы, облакалась въ костюмъ стариннаго покроя, принимала съ достоюжною важностью всѣ смѣшныя почести, ей воздаваемая, и проч. Однимъ словомъ, въ ней олицетворялась довольно злая пародія императора Петра надъ старинною.

¹⁾ Голицыны, томъ VI, стр. 285—286.

²⁾ Берхгольдъ, I, 55, 166—176, 195—200, 232—233, томъ II, стр. 69—77. Хапенко, его дѣянія. Чтенія Общ. Истор. 1858 г., томъ I, смѣсь, стр. 20—23.

И та, и другая сестра — частыя посѣтительницы монастырей, вкладчицы многихъ изъ нихъ, жаркія поклонницы разныхъ митрополитовъ, архіереевъ и другихъ духовныхъ сановниковъ — не только безъ негодованія смотрѣли на пьяный соборъ, учрежденный великимъ Петромъ: „соборъ всешутѣйшій и всепьянѣйшій князь-папы“¹⁾, — но присутствовали и, мало того, зачастую принимали участіе съ государемъ и дворомъ въ ихъ оргіяхъ.

Всѣ капризные требованія Петра на пирахъ, слѣпо выполняемыя дворомъ, выполнялись безусловно и Прасковьей: опять государь дорогихъ собутельниковъ и собутельницъ, уйдетъ со сна часа на два и велитъ часовымъ никого не выпускать изъ комнаты. Душно, смрадно, пахнетъ водкой, виномъ, отзывается послѣдствіями излишняго угощенія, по угламъ храпятъ пьяные, а Прасковья сидитъ подлѣ императрицы, ждетъ выхода царскаго и, скучая сама, старается однако занять бесѣдой „дорогую невѣстушку“. Пришелъ государь, начались танцы; пожелалъ Петръ, чтобъ танцевала царевна Прасковья Ивановна и старушка посылаетъ хворую, худую и вѣчно страдающую ногой дочку Параску протанцевать, потѣшить „дяденьку съ тетенькой“.

Было бы странно, еслибъ мы стали увѣрять, что всѣ эти пиры и попойки, съ ихъ обстановкою, производили тяжелое впечатлѣніе на Прасковью и будто бы только нужда заставляла ее угождать требованіямъ и капризамъ Петра... Такъ думать значило бы находить Прасковью выше своего времени, выше своего общества... Напротивъ! Если кто есть полнѣйшее воспроизведеніе своего времени, типъ петровскаго общества со всѣми его особенностями, такъ это именно царица Прасковья. Если мы и говоримъ о пирахъ, маскарадахъ и ассамблеяхъ, ею посѣщаемыхъ, такъ только для того, чтобъ показать, какъ умѣла она примирить въ себѣ вѣрованіе и предразсудки, завѣщанныя стариной, съ возрѣніями новой, переходной, эпохи.

Теперь вспомнимъ, какъ неліцензіально вѣровала Прасковья въ авторитетъ свояка-государя; его слово — законъ, его мнѣніе — свято. Съ какою довѣренностью предоставила она ему распоря-

¹⁾ Членіи его кардиналы, равно и глава собора, какъ извѣстно (по Голікову и др.), носили костюмы русско-стариннаго духовенства, патріарха, архіереевъ и проч. чиновъ. См. „Русскую Старину“ изд. 1872 г., книга VI: шутки и забавы при дворѣ Петра Великаго.

жаться судьбой ея дочерей, и онъ распорядился ими такъ, какъ этого требовали его планы и расчеты; какъ стѣно вѣровала она въ спасительность его медицинскихъ совѣтовъ и какъ часто посѣщала его любимыя минеральныя воды, въ полной увѣренности, что вода можетъ спасти ее отъ водки и вина, повергнувшихъ ее въ преждевременныя и тяжкіе недуги!

Такую преданность, такое уваженіе къ своей особѣ, такое почитаніе, Петръ находилъ въ весьма немногихъ изъ своихъ тетокъ, сестеръ и другихъ женскихъ лицъ царственной семьи. И такъ мудро-ли, что въ признательность онъ былъ внимателенъ, любилъ и уважалъ Прасковью. Петръ зачастую посѣщала невѣстку, отдыхалъ у ней съ своею свитою, пировалъ въ ея теремахъ, шутилъ и балагурилъ ¹⁾.

Вниманіе, даже уваженіе его къ невѣсткѣ было такъ велико, что сама императрица иногда прибѣгала къ посредству Прасковьи, чтобъ устроить какое-нибудь щекотливое дѣло. Такъ напр. въ извѣстномъ кровавомъ эпизодѣ—дѣло фрейлины Гамильтонъ—императрица и министры, не успѣвъ въ своихъ просьбахъ о помилованіи несчастной дѣвушки, „разсудили,—такъ пишетъ Татищевъ,—склонить къ просьбѣ царицу Прасковью Федоровну, вѣдая, что государь ея совѣты почиталъ и ея просьбы не презиралъ“. Извѣстно какой отвѣтъ вызвали у Петра „пространное разсужденіе Прасковьи и милости къ виновнымъ выхваленіе“. Онъ предоставилъ судьбу фрейлины всей строгости законовъ, иначе сказать, обрекъ ее на смерть. Увидавъ неуспѣхъ своего ходатайства, старушка не потерялась и, „шуточнымъ прикладомъ рѣчь Петра пресѣкла“ ²⁾.

Такимъ образомъ и тутъ, при ходатайствѣ въ дѣлахъ щекотливыхъ, — царица дѣйствовала осторожно, чтобъ не разсердить державнаго свояка. И своякъ умѣлъ это цѣнить: два-три факта достаточно знакомятъ съ его отношеніями къ Прасковѣ. Такъ напр. при отводѣ (въ 1716 г.) въ новой столицѣ мѣсть подъ дома своимъ приближеннымъ, государь предоставилъ невѣсткѣ самой выбрать мѣсто; затѣмъ подарилъ ей мызу въ Петергофѣ,

¹⁾ Походный журналъ 1715 г. Сиб. 1855 г. Голиковъ, томъ VII, стр. 633, 635, 369, 444—446, 436 и проч.

²⁾ Татищевъ: Судебникъ Ивана III, изд. 1786 г. съ примѣчаніями. Стр. 87—88.

оказалъ ей содѣйствіе (въ 1720 г.) при постройкѣ дворца на Васильевскомъ острову, подарилъ въ 1716 г. Крестовскій островъ и проч. ¹⁾).

По вѣдомости, напечатанной у Голикова, окладъ содержащій на дворецъ ц. Прасковьи и ея дочерей былъ весьма незначительный, но однако не меньше другихъ членовъ царской фамилии. По Голикову на дворцовые расходы Прасковьи въ 1699 году отпускалось 4,378 руб. 24¹/₄ коп., между тѣмъ какъ на содержание наследника престола шло только 3,932 руб. Въсѣмъ тремъ дочерямъ царицы на дворцовые ихъ расходы шло 2,978 руб. ²⁾).

Въ послѣдующіе годы окладъ и матери, и дочкамъ значительно увеличенъ; изъ имѣющагося у насъ „вѣдѣнія“ видно, что всѣмъ имъ денегъ отпускалось 18,000 руб., на починку каретъ 40 р., дровъ 410 саж. Лошадей чрезъ два года вмѣсто упалыхъ стоялыхъ по 12, подъемныхъ—по 28, итого 40 лошадей. Затѣмъ сѣно, овесъ, солома—въ соразмѣрномъ количествѣ. Винъ краснаго и бѣлаго въ годъ по 14 бочекъ. Все это иногда замѣнялось, по требованію царицы, выдачею денегъ,—по соотвѣтствующимъ цѣнамъ ³⁾). На служителей шла особенная денеж-

¹⁾ Рубанъ, стр. 61. Домъ Прасковьи на Васильевскомъ острову отошелъ въ 1725 г. подъ Академію. Голиковъ, т. XIII, стр. 397, т. VI, стр. 371, 635 и проч. Дома нѣкоторыхъ изъ придворныхъ царицы были на большой Морской улицѣ, такъ напръ конюшаго Нв. Кормакова и др. Каб. дѣл. II пол., т. XLVII, лл. 23—89. Въ ея владѣніе поступилъ—взатѣмъ Крестовскаго—Петровскій островъ, что видно изъ слѣдующаго письма: „Государыня моя невѣстунка царица Прасковья Федоровна и пр., пишетъ секретарь отъ имени Екатерины, прежде сего (10 окт 1716 г.) писала я къ вамъ в—ву, чтобъ вы изволили взять себѣ Крестовскій островъ; но понеже я тогда не вѣдала, что оный островъ, еще когда здравствовала ея в-ство блаженныя памяти царевна Наталья Алексѣевна, изволили уступить вмѣсто Петровскаго острова свѣтлѣйшему князю А. Д. Меншикову, на которомъ у него уже многое строеніе заведено,—того для, прошу ваше в—ство, чтобъ вмѣсто онаго Крестовскаго острова, изволили взять себѣ Петровскій островъ“, и проч. Каб. дѣл. I пол., LXIV т., л. 719. О томъ же объѣздѣ Крестовскаго острова на Петровскій—просилъ царицу Прасковью самъ кн. А. Д. Меншиковъ—4 генв и 1 февр. 1717 г.—на томъ основаніи, что у него, князя, „изъ томъ Крестовскомъ острову не малое строеніе заведено“. См. „Письма русскихъ государей и другихъ особъ царскаго семейства“. М. 1861 г. часть II, стр. 8—10.

²⁾ Дѣлнія Петра Великаго, т. XIII, стр. 707—708.

³⁾ Для любопытныхъ приводимъ тогдашнюю такеу: сажень дровъ обходилась по „вѣдѣнію“, 2 р. 20 алт.; мѣрная конна сѣна 4 р. 16 алт. 4 д.; воль соломы 2 р. 2 алт. Стоялая лошадь цѣнилась въ 15 р., подъемная 7 р. 16 алт. 4 д. Каб. дѣла, II пол., т. XCI, л. 430.

ная и хлѣбная дача: денегъ 1760 руб., да въ соразмѣрномъ количествѣ овесъ и рожь.

Кромѣ окладовъ царскихъ Прасковья получала изрядные доходы съ своихъ вотчинъ. А ихъ было не мало: такъ, напримѣръ, въ 1721 году въ разныхъ волостяхъ въ Новгородскомъ, Псковскомъ и Копорскомъ уѣздахъ, также въ Старопольской сотнѣ состояло въ ея владѣнн 2,477 посадскихъ и крестьянскихъ дворовъ ¹⁾. Нѣтъ сомнѣнн, что эта цифра еще не выражаетъ полнаго числа владѣнн царицы: владѣла она дворами и душами и въ другихъ уѣздахъ, но только намъ не попадались о нихъ „вѣдѣнн“ въ массѣ просмотрѣнныхъ бумагъ. Нельзя, между тѣмъ, не замѣтить, что достатокъ старушки иногда увеличивался довольно оригинальными способами; Василій Оедоровичъ Салтыковъ, ея нѣжннй братецъ ²⁾, и нашъ добрый знакомый, въ 1705 году помѣнялся пустыми помѣстными землями съ жильцомъ Климонтовымъ и вымѣнялъ у него въ Кромскомъ уѣздѣ пустошь Курбакину ³⁾. При отказѣ однако пустоши за Салтыковымъ оказалось, что земля была не пустая, на пей явилось нѣсколько жилыхъ крестьянскихъ дворовъ. Это обстоятельство не согласовалось съ мѣновыми книгами, въ которыхъ было писано, что мѣна проеходила пусто на пусто; однако же откащикъ записалъ за Салтыковымъ пустошь Курбакину деревней, а чьи крестьяне и кто ихъ на той землѣ поселилъ, того въ отказныхъ книгахъ не означилъ. Съ тѣхъ поръ крестьянами сталъ владѣть Салтыковъ.

Между тѣмъ, сыскался законный владѣлецъ. Салтыковскіе крестьяне оказались бѣглыми холопами стольника Засѣцкаго. Лѣтъ десять передъ тѣмъ ихъ, „завѣдомо бѣглыхъ“, принялъ Салтыковъ и поселилъ на новой землѣ своей; а Засѣцкій въ то же время долженъ былъ за нихъ вносить въ казну подати, по переписнымъ книгамъ.

Въ то время помѣстья и вотчины богатыхъ и знатныхъ людей

¹⁾ Каб. II пол., т. ХСII, стр. 431—432.

²⁾ По свидѣтельству Берхгольца, Салтыковъ не служилъ въ государственной службѣ, но состоялъ въ числѣ кавалеровъ сестры и имѣлъ польскій орденъ. Дневникъ, томъ I, стр. 195.

³⁾ Подробности возникшаго по сему дѣлу процесса изложены К. П. Побѣдоносцевымъ въ интересной статьѣ въ „Архивѣ историч. и практич. свѣдѣннй, относ. до Россіи“, изд. 1859. кн. IV. смѣсь.

зачастую наполнялись бѣглыми крестьянами на счетъ бѣднѣйшихъ владѣльцевъ. Только въ 1712 году, собравъ всѣ надлежащія свѣдѣнія объ укрываніи бѣглыхъ Салтыковымъ, Засѣцкій началъ съ нимъ искъ въ московскомъ приказѣ земскихъ дѣлъ. Избѣгая отвѣтственности, Василій Ѳедоровичъ Салтыковъ поспѣшилъ..... возвратити незаконно захваченныхъ холопей? — пѣтъ, ударить челомъ, ихъ дворами и животами, словомъ всѣмъ помѣстемъ, сестрицѣ своей, царицѣ Прасковьѣ. Водворивъ, такимъ образомъ, новую владѣлицу, „персоу знатную и сильную“, бояринъ успокоился за ней, какъ за каменной стѣной. Въ самомъ дѣлѣ, Прасковью не осилили двѣнадцатилѣтнія хожденія по судамъ Засѣцкаго. Всѣ его челобитныя, жалобы, протесты, волокиты по приказамъ разныхъ вѣдомствъ не привели ни къ чему. Салтыковъ положительно уклонился отъ отвѣтовъ судьямъ; тѣ же съ своей стороны вели себя крайне осторожно, страшась озлобить именитаго человѣка. Благодаря ихъ угодливости, просьбы злополучнаго истца повторились и въ 1725 году, то есть два года спустя послѣ смерти помѣщицы-царицы, и только смолкли совершенно въ 1730 годахъ, когда на престолъ взошла родная племянница Салтыкова—Анна Ивановна; тогда уже о правомъ рѣшеніи дѣла печего было и думать.

Старушка Прасковья неслась, насколько позволяли ей досугъ и здоровье, о своихъ животахъ и дворахъ, и эти заботы для нея были тѣмъ легче, что она могла постоянно обращаться за покровительствомъ, либо къ дорогой невѣстухѣ-государынѣ, либо къ разнымъ милостивцамъ второй руки.

Вотъ, напримѣръ, съ какими грамотками относилась она къ кабинетъ-секретарю Алексѣю Васильевичу Макарову, человѣку мочному при дворѣ царя, потомъ императора Петра Алексѣевича:

„11 февраля 1714 г. С. Измайлово. Алексѣю Васильевичу здравія твоего желаю! Прощу у тебя, пожалуй, покажи всякую милость надъ Пестедомъ Кармилицынымъ. А мнѣ есть причина объ немъ просить, что мать его была въ кормилицахъ у государя моего, царя Ивана Алексѣевича. И чтобы ему не быть задержану о вышесказанномъ съ прощеніемъ прошу. За симъ остаюся, царица Прасковья, кланяюсь“.

„Алексѣй Васильевичъ, здравствуй на множество лѣтъ! Пожалуй, пиши къ намъ о своемъ здоровьѣ, а я жива до воли

Божіей и съ дѣтьми. Пожалуй, по твоей ко мнѣ любви, покажи милость о моихъ дѣлахъ, въ которыхъ станеть доносить чело- вѣкъ мой. И поговори Якову Никитичу (Шаховскому¹⁾), чтобъ изъ моихъ деревень, изъ Осѣчинскихъ волостей¹⁾, также изъ другихъ вывелъ (бы) драгунъ и солдатъ, и лошадей. А ежели онъ въ семь дѣлъ милости не покажетъ, и ты, пожалуй, дове- си и побей челомъ государынѣ, моей невѣстункѣ, царицѣ Ека- теринѣ Алексѣевнѣ за меня съ прилежаніемъ: чтобъ она въ моихъ дѣлахъ милость показала, также въ мызахъ и мѣстахъ, которыя раздавать Шаховской. А я во всемъ на тебя надежна. И мнѣ тѣ мѣста противъ иныхъ не веѣ даны. Пожалуй, Але- ксѣй Васильевичъ, особо доведи о мызахъ и о мѣстахъ невѣ- стункѣ, и побей челомъ; а я на твое жалованье надежна и буду твоей милости платить. При семь писавши, кланяюся царица Прасковья, о вышеписанномъ съ прощеніемъ прошу“²⁾.

Для Макарова едва-ли и нужны были обѣщанія подар- ковъ; для него уже было достаточно знать благосклонность и пріязнь къ Прасковѣ государя и государыни, и онъ спѣшилъ сдѣлать „все отъ него зависящее“... Государыня была особенно любезна къ старушкѣ. Секретарь Екатерины въ отвѣтныхъ рес- криптахъ къ Прасковѣ старательно выводилъ отъ имени госу- дарыни самыя родственныя фразы: «Государыня моя невѣстунка, царица Прасковья Ѳеодоровна, здравствуй па множество лѣтъ! Письма ваши, моей государыни, я получила, и за оныя зѣло благо- дарствую... Прошу только, дабы впредь почаще изволили ко мнѣ писать о своемъ здравіи, ибо я того усердно желаю и проч.“³⁾.

Въ благодарность за ласки и вниманье, Прасковья излива- лась предъ государыней въ самыхъ пѣжныхъ эпитетахъ, между прочими именовала ее: «добродѣтельною миротворительницею фамиліи царской и т. п.»⁴⁾.

1) Въ Новгородскомъ уѣздѣ.

2) Каб., II пол., т. XXI, лл. 1038—1039. Мы не сохраняемъ орфографію под- личниковъ, такъ какъ въ изданіи „Писемъ русскихъ государей и другихъ особъ царскаго семейства“, Москва, 1861 г., томъ II, переписка царицы Прасковьи Ѳеодоровны воспроизведена съ буквальной точностью.

3) Каб. I. пол., т. LXIV, л. 727.

4) На этомъ эпитетѣ Голицковъ строить цѣлое разсужденіе о томъ, что сердце ея величества Екатерины Алексѣевны было не токмо не злобное, но самое добродѣтельное. Дѣянія Петра Великаго, томъ VII, стр. 16.

Какъ бы то ни было, однако, но ни услужливость Макарова, ни покровительство государыни не могло водворить въ административномъ и домашнемъ быту Прасковьи какой-либо порядокъ... Удаленіе отъ дѣлъ ея казначея Деревнина, затѣмъ октябрьское донесеніе Терскаго, въ 1722 г. уже указали намъ безурядицу, царившую въ дѣлахъ старушки.

Быль-ли виновенъ Деревнинъ въ похищеніи ея казны—рѣшить трудно, тѣмъ болѣе, что при дѣлахъ сохранилось „извѣстіе“, составленное Терскимъ въ защиту Деревнина.

Въ этомъ извѣстїи, ловко составленномъ, выведена слѣдующая смѣта: „въ приходѣ, взято изъ большой казны окладныхъ на 1715 г. 18,320 руб.; на 1716 г. 24,066 руб. 9 алт. 4 ден. На 1717 г. 12,600 руб. На 1718 г. 32,915 руб. Итого въ приходѣ 95,055 руб. 2 алт. 4 ден. И изъ того числа на разныя дачи въ расходѣ 95,055 руб. 2 алт. 2 ден.“¹⁾

Такимъ образомъ, оказывалось, что Деревнинъ былъ чистъ—едва ли не какъ агнецъ: на немъ оставалось долгу всего 2 деньги! Насколько вѣренъ расчетъ его тестя, повторяемъ, рѣшить трудно, такъ какъ дѣло, по самой сущности, выходило изъ вѣдомства тайной канцеляріи, и въ картонахъ дѣлъ, ею вершонныхъ, мы не находимъ данныхъ ни за, ни противъ Деревнина.

За то несомнѣнно, что воровали другіе ея управляющіе; изъ нихъ мы уже называли Аргамакова. На немъ и его сынѣ лежала обязанность собирать доходы съ нижегородскихъ имѣній царицы и вести приходо-расходныя книги. Послѣ нѣсколькихъ лѣтъ ихъ управленія, въ книгахъ замѣчено было до 300 подчистокъ: убавлены въ чистовыхъ книгахъ приходы денегъ и хлѣба, также и въ черновыхъ книгахъ многія статьи вычерчены, денегъ и хлѣба убавлено; въ среднемъ числѣ, какъ калялись сами Аргамаковы, они клали въ свой карманъ изъ сотни—по рублю и болѣе²⁾.

Не смотря на крупныхъ и мелкихъ ворюшекъ, въ приходѣ все-таки были большія суммы, и если бы старушка умѣла заправлять хозяйствомъ, оно бы шло прекрасно; а, между тѣмъ,

¹⁾ Дѣло Деревнина, лл. 12—14, 39—40. Вѣдѣніе о приходѣ и расходѣ подано Терскимъ 22 октября 1722 г.

²⁾ Каб. дѣла II полов., томъ LXV, л. 478.

за ея бѣдностью, да за недосмотрами возлюбленнаго Юшкова, на домѣ царицы были постоянныя недочеты, такъ что зачастую обращалась Прасковья въ кабинетъ его и ея величествъ, еще чаще занимала у частныхъ лицъ... Кредиторы, не получая уплаты, входили съ просьбами объ удовлетвореніи въ тотъ же государевъ кабинетъ ¹⁾

1722-й годъ нашелъ Прасковью и ея дочерей въ родимомъ селѣ Измайловѣ. Жизнь ихъ текла обычной колеей; русскіе савонники и иноземцы пріѣзжали сюда съ визитами, развлекали хворую старушку, слушали болтовню царевны Катерины, радовали всѣхъ ихъ вѣстями „съ персидскаго похода“, о царѣ-государѣ, государынь и ихъ войскѣ, о взятіи ими городовъ да крѣпостей, о покореніи цѣлыхъ племенъ. Царскіе курьеры сообщали интересныя подробности о всѣхъ трудностяхъ похода, о большой смертности, о невыносимой жарѣ, о томъ, что императрица, чтобы хоть нѣсколько облегчить себя, должна была остричь свои волосы, и проч. и проч.

Не малое развлеченіе измайловскимъ обитательницамъ должны были доставлять вѣсти изъ Москвы: о торжественныхъ шарахъ, по случаю радостныхъ извѣстій съ театра войны; не менѣе любопытны были подробности о другихъ московскихъ диковинкахъ, какъ напр. о публичныхъ казняхъ—политическихъ и другихъ „злодѣевъ государственныхъ“. Нѣкоторыя изъ этихъ казней, дѣйствительно, были особенно ужасны. Такъ напр. въ августѣ 1722 г., въ Москвѣ, на болотѣ, казненъ старецъ безумный Левинъ за то, что находилъ въ Петрѣ олицетвореніе Антихриста. Послѣ длиннаго ряда арестовъ лицъ разныхъ сословій по этому дѣлу, послѣ лютыхъ пытокъ, старецъ Левинъ казненъ по приговору правительствующаго сената: отрубленная голова отиравлена въ Пензу, мѣсто его родины, на выставку на столбъ, а тѣло сожжено ²⁾.

¹⁾ Смотр. въ дѣл. Каб. II пол., т. LVI, л. 454, о выплатѣ с.-петербургскимъ купцамъ 10,000 руб., занятыхъ на пять дней царицею Прасковьей. письмо Ю. Нелидинскаго 1721 г. августа 3. Т. LXI, лл. 876—877; письмо Ягузинскаго объ удовлетвореніи изъ кабинета княгини Настасьи Голицыной, по указу государя, 2000 руб., занятыхъ у нея царицей Прасковьей, 12 іюня 1722 г., и проч.

²⁾ Государь писалъ, чтобы старца казнить въ Пензѣ: Андрей Ив. Ушаковъ нашелъ это неудобнымъ, распорядился казнить въ Москвѣ, послѣ чего оправдывался слѣдующимъ паничтительнѣйшимъ письмомъ: „Москва, 2 августа 1722 г.

Изъ всѣхъ вѣстниковъ—какъ мѣстныхъ, такъ и „изъ походу“, для измайловской старушки, безъ сомнѣнія, наиблаготѣйшими были тѣ, которые привозили грамотки отъ царя-батюшки, либо отъ государыни-невѣстушки. Последняя нѣсколько разъ въ теченіе похода 1722 г. приказывала писать отъ своего имени къ царицѣ, и чтобъ потѣшить послѣднюю секретарь писаль о событіяхъ въ шутиловой формѣ.

„Государыня моя невѣстунка, царица Прасковья Федоровна, здравствуй на множество лѣтъ! Объявляю вамъ, — пишетъ секретарь въ одномъ изъ посланій отъ лица императрицы Екатерины I-й, — что мы отъ Астрахани шли моремъ... а выбрався на землю, дожидались долго кавалеріи. И потомъ дошли во владѣнне салтана Мамута темышскаго; оный ни чѣмъ къ намъ не отозвался; того ради, августа 19 числа, поутру, послали къ нему съ письмомъ трехъ человекъ донскихъ казаковъ. И того жъ дня, въ три часа пополудни, сей господинъ нечаянно нашихъ атаковалъ; которому гостю зѣло были рады и, принявъ, проводили его наши до его жилища, отдавая контра-визитъ. и, побывъ тамъ, сдѣлали изъ всего его владѣнія фейерверкъ для утѣхи имъ. — Какъ взятые ихъ, такъ и другіе владѣльцы сказываютъ, что ихъ было съ 10,000 человекъ, и едва не половина пѣхоты, изъ которой около 600 человекъ отъ нашихъ побито, да взято въ полонъ 30 человекъ. Съ нашей стороны убито 5 драгуновъ, да 7 казаковъ. Сего города (Дербента) наибъ (наместникъ) встрѣтилъ насъ и ключъ серебряный его величеству поднесъ у воротъ: правда, что люди съ пеллицемѣрною лю-

„Какъ Левина не учинена въ Пензѣ для того, что помянутый идетъ въ винѣ своей прежде принесъ покаяніе, но потомъ пакн на прежнюю свою злобу обратился. И при сенаторахъ, будучи на снпцахъ, съ великою жесточью тѣ свои злыя слова гонорилъ и объявилъ, что онъ прежде покаяніе приносилъ для того, чтобы ему освободиться отъ смерти и отпущени бы его въ монастырь. И ежели бы де оное учинили, то имѣлъ онъ намѣреніе, чтобы въ градѣхъ и на путѣхъ прежніи злыя слова (Петръ де — антихристъ) народу разглашать. А потомъ, хотя онъ и принесъ чистое покаяніе, написавъ своеручно, однакожь опасивъ вышепоказаннаго его къ злобѣ обращенія, чтобы онъ въ пути какимъ-нибудь образомъ тѣхъ злыхъ словъ народу не разсѣивать... Ушаковъ распорядилъ его казнить въ Москвѣ, да и тутъ еще, изъ того же опасенія, велѣлъ предварительно, какъ самъ пишетъ, вырѣзать Левину на генеральномъ дворѣ языкъ. Въместѣ съ Левинымъ, по его дѣлу, казнено 6 человекъ духовныхъ лицъ. Годовы ихъ выставлены были на болахъ. Каб. П. под., т. I, XI, лл. 544—545.

бовью (насъ) приняли и такъ ради, какъ бы своихъ изъ осады выручили. Сей городъ, Дербень, по всему видно, что старинный и великое каменное зданіе имѣеть, о которомъ заподлинно повѣствуютъ, что строить его Александръ Великій. Маршъ сей, хотя недалекъ, только зѣло трудень отъ безкормицы лошадямъ и великихъ жаровъ¹⁾).

Подобныя грамотки дороги были Прасковѣ, онѣ напоминали ей о милости и расположеніи къ ней ея „благодѣтеля и благодѣтельница“. Онѣ веселили, успокоивали ее... Спокойствіе и веселье было возмущено неудачной прогулкой старушки въ подвалы тайной канцеляріи...

Возвратясь къ этому кровавому эпизоду, мы—послѣ столь длиннаго отступленія—перейдемъ къ послѣдующимъ событіямъ. Въ ожиданіи царскаго пріѣзда, намъ остается узнать: чтѣ сдѣлано было „инквизиторами“ -- по дѣлу Деревниина, чтѣ говорили и какъ вели себя вельможи и придворные послѣ жженія стряпчаго, на сколько интересовались они этимъ эпизодомъ, чтѣмъ и какъ развлекались. о чемъ вели бесѣду, наконецъ, что подѣлывали измайловскія обитательницы послѣ ночи 2 октября; измѣнили-ли онѣ въ чемъ-нибудь свою жизнь, насколько беспокоилась старушка по поводу своей всышки? и проч.

На другой же день послѣ освобожденія Деревниша изъ рукъ доморощенныхъ палачей царicy Прасковьи, Павелъ Ивановичъ Ягужинскій весело проводилъ время у тайнаго совѣтника Басевича. Здѣсь собралась большая компанія русскихъ и голштинцевъ, съ своимъ герцогомъ, послушать музыку; но не она была на первомъ планѣ у веселыхъ собесѣдниковъ: бокалы не выходили изъ рукъ собесѣдниковъ, пили за обѣдомъ, пили во время концерта: пили во весь вечеръ, пили—стоя, сидя, наконецъ на колѣнкахъ. Генераль-прокуроръ былъ однимъ изъ главнѣйшихъ питуховъ въ водкопитіи: онъ провозглашалъ тостъ за тостомъ и когда поднять былъ бокалъ за здоровье сильно подгуляващаго герцога, нѣкоторые изъ его совѣтниковъ—въ избыткѣ преданности—попѣзли къ нему на колѣнкахъ и съ умиленіемъ лобызали ручку его герцогскаго высочества.

¹⁾ Письма отъ имени Екатерины I, 1722 г. августа 30. Дербень.

Вельможи вообще продолжали неустанно съѣзжаться на пиры и попойки: каждая вѣсть съ театра войны, мало-мальски пріятная, служила поводомъ къ немедленному сбору на официальный, торжественный обѣдъ. За отсутствіемъ государя—обѣдами этими бѣльшую частью щеголяли князь А. Д. Меншиковъ, П. И. Ягужинскій, герцогъ голштинскій, его тайный совѣтникъ Басевичъ и друг. Съ этихъ пирушекъ, благодаря его высочеству и другимъ питухамъ, которые пили съ замѣчательною энергіею и всячески старались напоить другъ друга, многіе сановники, по свидѣтельству одного изъ участниковъ пировъ, рѣдко пріѣзжали домой здоровыми. Вино занимало сановниковъ, танцы—развлекали дамъ, которыя прыгали тутъ же въ душныхъ и смрадныхъ палатахъ, на мѣстѣ вынесенныхъ столовъ. Особенно нескончаемы были танцы, когда являлся среди танцующихъ подгулявшій генераль-прокуроръ. Онъ требовалъ, чтобъ танцовали больше и больше, подгонялъ танцовать кавалеровъ, кружился самъ, требовалъ, чтобъ не отпускали дамъ—и балъ тянулся до тѣхъ поръ, пока всѣ не отбивались отъ ногъ. Ягужинскому никто не смѣлъ отказать; „и ужъ чего онъ захочетъ“, замѣчаетъ Берхгольцъ, „то непременно надо исполнить“. Петра не было, меньше въ ходу были штрафные кубки, — было свободнѣе — и веселились на-распашку: не только Ягужинскій, свѣтлѣйшій Меншиковъ, канцлеръ Головкинъ и другіе министры, но даже самъ Скорняковъ-Писаревъ, жолчный, злой — членъ страшнаго судилища—и тотъ, отуманенный и увлеченный „пынственнымъ весельемъ“ — пускался иногда въ илясъ, вечеромъ, старательно выдѣлывалъ на въ минуэтъ—выхаживалъ въ польскомъ, а утромъ—шоль въ застѣнокъ и ставилъ допрашиваемыхъ въ хомуть, танцилъ на виску, либо укладывалъ „персты“ въ тиски, голову въ станокъ...

Герцогиня Катерина Ивановна не сидѣлось въ Измайловѣ съ больной маменькой-ворчуньей; ей скучно было слушать ея воркотню, скучно глядѣть на изможденную старуху, перевозимую изъ комнаты въ комнату въ креслѣ на колесахъ, и вотъ она не упускала случая посѣщать пиры и ассамблеи боярскія. Катерину Ивановну не останавливала даже непрѣздная московская мостовая.

Въ концѣ октября 1722 года сдѣлалась оттепель, пошли

дожди и чуть не съ первой его капли на улицахъ столицы сдѣлалась такая грязь, что балки деревянныхъ мостовыхъ почти плавали... По этому океану грязи, тѣмъ свободнѣе скоплявшейся на улицахъ, что ее не пускала въ канаву вынутая изъ нихъ земля,—пески изъ нея были выше уровня середины улицъ,—по этому океану смѣло плавала въ колымагѣ-коляскѣ герцогиня Катерина Ивановна.

Еслибъ мы могли перенестись на то время въ Москву, мы бы увидѣли любимицу царицы Прасковьи и Меншикова у Ягужинскаго, у Головкина, у Бассевича и у другихъ вельможъ на свадьбахъ, именинныхъ широгахъ, „викторіальныхъ“ пирахъ, танцевальныхъ собраніяхъ и проч. Герцогиня особенно много любезничала съ герцогомъ голштинскимъ и кавалерами его свиты: какъ не было кратковременно ея пребыванье въ Германіи, по этого времени было достаточно, не настолько, чтобъ выучиться говорить, но чтобы полюбить нѣмцевъ... Катерина Ивановна вела себя на ассамблеяхъ совершенно непринужденно, отказывала однимъ, немедленно затѣмъ шла танцовать съ другимъ ¹⁾, болтала со всѣми и убѣдительно просила голштинцевъ навѣщать ее въ Измайловѣ. Въ 9, много въ 10 часовъ вечера, она всегда уже спѣшила туда, къ маменькѣ.

24 ноября 1722 года, день ангела императрицы, также и герцогини Катерины Ивановны, вся знать пировала въ зданіи сената. Между именитыми дамами присутствовала за обѣдомъ сама герцогиня. Замѣнявшій генераль-прокурора—оберъ-прокуроръ Скорняковъ-Шисаревъ (Ягужинскій уѣзжалъ въ это время, по царскому указу, въ Петербургъ), былъ хозяиномъ пира, и дѣятельно угощалъ рядомъ кушаньями, приготовленными въ русскомъ вкусѣ съ лукомъ и чеснокомъ,—для русскихъ прекрасно, для пріѣзжихъ иноземцевъ (шведскаго посланника, его секретаря и другихъ)—отвратительно. Пили много, обѣдъ сопровождался обычными явленіями, характеризующими тогдашнее общество: такъ, напр., одинъ весьма сановитый гость преспокойно перелѣзъ, въ сапогахъ, черезъ столъ, причемъ не обратил ни малѣйшаго вниманія на то, что при этомъ наступилъ прямо въ средину какого-то блюда...

¹⁾ Катерина Ивановна больше всего любила польскій: въ минуэтахъ и прочихъ танцахъ она была вообще неискусна.

Съ сепатскаго обѣда отправимтесь въ Измайлово. Здѣсь мы найдемъ обычныхъ его посѣтителей — Головкиныхъ и Ромодановскихъ (обѣ родственныя между собой фамиліи были въ родствѣ съ домою Салтыковыхъ); Катерина Иваповна также уже здѣсь; она съ нетерпѣніемъ ждетъ герцога голштинскаго, которому обѣщала даже, если онъ ее посѣтитъ, сдѣлать подарокъ.

Герцогъ исполнилъ свое обѣщаніе и радостная Катерина немедленно приказала фрейлинѣ принести изъ спальни прекрасно-сдѣланныя четки, подарокъ дорогому гостю.

Мы уже были въ измайловскихъ комнаткахъ ¹⁾; всѣ онѣ убраны плохо, расположены неудобно, почти всѣ спальни проходныя. Прасковья-старушка, больная, лежала въ кровати, тѣмъ не менѣе она приняла гостей. Гости пили и говорили въ ея маленькой спальнѣ, пили и въ спальнѣ герцогини, наконецъ, по ея приглашенію, усѣлись ужинать за длинный узкій столъ. Ужищъ былъ приготовленъ на-скоро; кавалерамъ герцога ничего не досталось; за то послѣ стола, по желанію Катерины Ивановны, всѣ они должны были танцовать и волею-неволею прыгать съ нею; импровизированная вечеринка затуманилась было горячимъ споромъ герцогини съ Бассевичемъ за герцога мекленбургскаго и его дѣло; вѣроятно Бассевичъ обвинялъ его за сумасбродство, а преданная сунруга горячо за него заступалась, но послѣ ужина миръ возстановился и гости, частью съ пустыми желудками, прыгали до 11 часовъ вечера. Пили впрочемъ не мало, что видно ужъ изъ того, что на другой день у дорогого гостя (герцога голштинскаго) сильно болѣла голова.

Дня три спустя, Катерина Ивановна имѣла вновь удовольствіе видѣться съ герцогомъ на званномъ обѣдѣ у своего дядюшки Василя Федоровича Салтыкова. Обѣдъ былъ въ одномъ изъ его домовъ, подлѣ нѣмецкой слободы. Въ деревянномъ, ветхомъ, весьма плохомъ домѣ Василя Федоровича, собралось большое общество, частью изъ родственниковъ, частью изъ близкихъ почему бы то ни было къ царицѣ: Ромодановскіе, Головкины, Татищевы, Матвѣевы, молодой Салтыковъ и другіе. Сама старушка, по нездоровью, быть не могла, да и младшая царевна Прасковья не могла высидѣть за столомъ: у нея раз-

¹⁾ См. главу VI

болѣлась нога. Несмотря на постъ, подавались для мужчинъ скромныя блюда: обстоятельство интересное, если вспомнить, что обѣдъ былъ у родного брата пажобной до ханжества Прасковьи.

Въ день рожденія четырехлѣтней малютки Анны, дочери герцогини мекленбургской (7 декабря), то же общество соединилось въ Измайловѣ. Вѣтхій, громадный домъ царицы представлялъ какъ-бы лазаретъ хворыхъ женщинъ: въ одной спальнѣ сидѣла на постели больная ногой царица Прасковья Ивановна, въ другой лежала царица Прасковья Оедоровна. Впрочемъ, герцогиня была весела и въ 12 часовъ усадила всѣхъ именитыхъ гостей обѣдать. Она хлопотливо всѣхъ угощала, но все приготовлено было плохо, крайне неаппетитно, вина скверныя... Всѣ эти мелочныя замѣтки одного изъ гостей (Берхгольца) интересны въ томъ отношеніи, что онѣ показываютъ какъ плохо шло съ болѣзнию царицы Прасковьи ея хозяйство, какъ грязнѣе дѣлалась съ каждымъ годомъ ея обстановка...

За обѣдомъ неминуемо послѣдовали танцы; герцогиня у себя дома прыгала и вертѣлась гораздо охотнѣе, нежели на ассамблеяхъ; ради дня рожденія ея дочери, танцовали до того, что въ комнатахъ стало такъ жарко, какъ въ банѣ; перенли въ спальню царицы Прасковьи. И здѣсь вертѣлись болъшую часть вечера, чтобъ повеселить себя, да притомъ разсѣять больную. Катерина была въ восторгѣ отъ герцога, который неустанно танцовалъ съ ней и придворными дамами ея матушки. Четырехлѣтняя Анна Карловна (Леопольдовна) также принимала участие въ танцахъ; малютка такъ растанцовалась, что герцогиня на другой день посылала просить къ себѣ герцогскаго камеръ-юнкера пріѣхать къ ней еще потанцовать...

Старушка Прасковья не пренятствовала забавляться ненаглядной „свѣтъ-Катюшкѣ“, и Катерина Ивановна являлась то развязной, бойкой дамой на вечерахъ, то наѣздицей на затѣваемыхъ ею катаньяхъ съ своими дамами; она смѣло и съ большымъ искусствомъ правила лошадьми...

Затѣмъ ни изъ чего не видно, чтобъ странная сцена пытки Деревнииа, видѣнная ею въ подвалѣ тайной канцеляріи, оставила бы тяжелое впечатлѣніе на Катерину. Легкомысленная женщина, она, какъ кажется, смотрѣла на это событіе, какъ на нѣчто обыденное, на простую расправу барыни, ея маменьки, съ

провинившимся слугой; можетъ быть подобныя сцены видимы были ею и не разъ... Наше предположеніе подтверждается еще болѣе тѣмъ, что дня четыре спустя, эта добрая и милостивая женщина, такъ называетъ Берхгольцъ герцогиню Катерину, посѣтила съ сестрой бывшаго своего наставника Остермана старшаго, и здѣсь, будучи особенно весела, добра и милостива, соизволила изъ своихъ ручекъ такъ папонтъ (умышленно) стараго своего знакомаго графа Бонде, что тотъ не помнилъ, какъ воротился домой.

Изъ всѣхъ невинныхъ забавъ хохотуньи „Катюшки“, самая оригинальная, самая характеристическая была страсть ея къ театру. Нѣтъ сомнѣній, что эту страсть царица вывезла изъ Германіи и по своему, какъ умѣла, старалась пересадить видѣнное и слышанное въ измайловскія свѣтелки. Актрисы набирались изъ придворныхъ дамъ и фрейлинь, актеры изъ крѣпостныхъ, доморожденныхъ артистовъ, парики брали у голштинцевъ, костюмы строились домашними средствами. Къ сожалѣнію, мы не знаемъ чѣмъ за пьесы разыгрывались на измайловской импровизированной сценѣ; за то, благодаря дневнику наблюдательнаго пѣвца-современника, мы живо можемъ представить всю обстановку, среди которой давались эти своеобразные спектакли.

Отправимтесь на одинъ изъ нихъ. Въ теченіе нѣсколькихъ дней до спектакля, герцогиня въ страннѣхъ хлопотахъ... Она присутствуетъ на репетиціяхъ, устраиваетъ сцену, прилаживаетъ занавѣсъ, пригоняетъ костюмы актрисамъ, распекаетъ и наказываетъ актеровъ, набранныхъ изъ многочислѣннѣйшей ватаги праздныхъ, развратныхъ, вороватыхъ челядинцевъ царицы. Въ самый день спектакля хлопотъ еще больше: Катерина Ивановна суетится въ комнатѣ, отведенной подъ театръ, а въ спальнѣ сидитъ въ креслѣ отбившаяся отъ ногъ больная маменька и коротаетъ время въ душевнеспасительной бесѣдѣ съ архіепископомъ повгородскимъ, епископомъ троцкимъ и другими членами свѣтѣйшаго синода. Петровскимъ царствованіемъ эти духовныя іерархіи уже приучены смотрѣть на театральное позорище самымъ снисходительнымъ образомъ; сама Прасковья не раздѣляетъ уже взгляда своихъ предковъ на эту забаву и не мѣшаетъ тѣшиться милой Катюшкѣ.

Все готово, зрители собрались, пріѣхали между прочимъ два

кавалера изъ свиты герцога голштинскаго. Младшая царица извѣстила маменьку, что представленіе начинается. Толпа горничныхъ и слугъ покатила старушку на креслѣ съ колесами. Въ 5 часовъ поднялся занавѣсъ; устройство сцены поправилось нѣмцамъ, но костюмы актеровъ, по ихъ замѣчанію, не отличались изяществомъ. Не зная русскаго языка, нѣмцы не поняли содержанія разыгрывавшихся фарсовъ, и тѣмъ лишили насъ возможности поближе познакомиться съ измайловскимъ театромъ. Впрочемъ, Берхгольцъ заключилъ по догадкѣ, что играли совершенные пустяки, причеиъ и заплатился за спектакль табакеркой: кто-то не изъ артистовъ, а изъ зрителей, въ своемъ родѣ артистъ, весьма искусно вытанилъ ее изъ кармана зазѣваивагося нѣмца. Немудрено послѣ этого, что Берхгольцъ вынесъ о театрѣ самое невыгодное впечатлѣніе ¹⁾.

Артисты измайловской труппы вообще, кажется, оказывали болѣе способностей къ разнымъ „художествамъ“, къ которымъ прибѣгали для добыванія денегъ на свою нищенствующую брѣтню, нежели къ театру. Наканунѣ второго спектакля, главный актеръ, съ другимъ артистомъ, талантъ второстепенный, стали разносить по городу афишки и тѣмъ собирать для себя милостыню. Огорченная герцогиня велѣла дать каждому изъ нихъ около 200 батоговъ; затѣмъ второстепенный актеръ былъ прогнанъ со сцены, а другой на другой же день явился на сценѣ предъ именитой публикой, въ роли короля; роль супруги батогированнаго короля играла дочь маршала царицы Прасковьи.

¹⁾ Вообще говоря, театръ на Руси въ царствованіе Петра, находился въ самомъ младенческомъ состояніи. Непонятно, какъ великій монархъ упустилъ изъ виду столь важное средство къ народному просвѣщенію. Къ числу немногихъ извѣстныхъ документовъ, относящихся до исторіи русскаго театра при Петрѣ, укажемъ на челобитную: „всеподданнѣйшаго раба Югана Карла Эренберга“, изъ Гамбурга, 11 іюля 1721 года. Въ этомъ документѣ челобитчикъ говоритъ, что государь въ прошломъ (1720 году) повелѣлъ привезти въ Россію компанію комедіантовъ и мастеровъ, которые по „веревкѣ танцуютъ“. Эренбергъ повелѣніе исполнилъ, но не нашолъ средствъ для отправленія этихъ людей и ихъ багажа въ Россію, почему и проситъ государя, буде онъ прежнее намѣреніе не измѣнилъ, указать бы выдать чрезъ гамбургскаго своего резидента Бетгера ему, Эренбергу, 2,000 талеровъ. „Съ этими деньгами, заключаешь челобитчикъ, я съ помянутою при мнѣ компаніей и съ тѣми, которыхъ я уже во Гданскѣ отправилъ, съ Божією помощію къ Покрову дню, могъ бы пригнать въ Россію“. Государ. архивъ. Каб. II пол., т. LIV, л. 1272.

„Превеселая эта женщина, герцогиня мекленбургская, — восклицаетъ по этому поводу Берхгольцъ, — у нея никакъ не обойдется дѣло безъ множества презабавныхъ приключеній!“ Катерина Ивановна сама рассказала о штрафованіи своего перваго артиста герцогу голштинскому, посѣтившему спектакль. На этотъ разъ нѣкоторые изъ его свиты заплатились шолковыми платками: ихъ вытанили, съ искусствомъ, дѣлавшимъ честь измайловскимъ „художникамъ“.

Въ то время, когда шумно и весело проводили сановники досужее время въ пирахъ и сходкахъ, когда коротала время въ разнообразныхъ развлеченіяхъ царевна Катерина, а охала и стонала отъ недуга ея маменька, — въ какомъ же положеніи находилось забытое нами дѣло Василя Деревнина?

Въ ожиданіи царскаго пріѣзда, оно нисколько не подвижилось впередъ. Арестанта держали въ тюрьмѣ, и худо или хорошо, но какъ важнаго секретнаго преступника, лечили казенными средствами. Между тѣмъ, 8 октября, Скорняковъ-Писаревъ и Бутурлинъ составили обо всемъ случившемся обстоятельный докладъ и отправили его въ Астрахань, на имя П. А. Толстого, главы тайной канцеляріи; при докладѣ приложена была копія съ цифирнаго письма царицы къ Юшкову. Инквизиторы испрашивали разрѣшенія: „слѣдовать ли о пріѣздѣ царицы, о боѣ и о жженіи Деревнина ея служителями? Также брать ли подъ караулъ Юшкова? подвергать ли его и служителей царицы пыткѣ? а безъ указа того чинить не смѣемъ“¹⁾.

Въ тотъ же день Тайная Канцелярія, по доношенію Терскаго на Ершова и Тихменева, въ дѣлѣ о учиненіи царицѣ великаго оклада изъ-за немалой взятки, отнеслась въ правительствующій сенатъ доношеніемъ съ запросомъ: гдѣ о томъ дѣлѣ слѣдовать? А между тѣмъ отъ оберъ-полиціймейстера вытребованы были въ тайную все документы, относящіеся къ первымъ слѣдствіямъ по

¹⁾ Вершенныя дѣла розыскныхъ дѣлъ тайной канцеляріи, Государ. архивъ, картонъ XV, лл. 28—32 12 октября 1722 г. отправлены были два курьера съ этими нужнѣйшими о тайныхъ государевыхъ дѣлахъ бумагами. „Тутъ же приложено было письмо Писарева къ А. П. Волынскому, чтобы онъ огнюдь не задержалъ посланныхъ въ Астрахань, а препроводилъ бы ихъ туда, гдѣ обрѣтается государь. Прогоновъ выдано по 1 деньгѣ на версту, на 2050 вереть — 37 руб. 16 ал. 4 д., да на прокормъ — 15 руб. на человека — всего 67 руб. двумя.“

дѣлу Деревнина ¹⁾, и на повторительную просьбу Терскаго о распечатаніи его пожитковъ послѣдовало разрѣшеніе.

Но провинціаль-фискаль уже не довольствовался этой уступкой; онъ жаждаль мщенія, и 22-го октября выступилъ съ рѣзкимъ протестомъ противъ самоуправства главы московской полиціи и съ подвижниковъ. Въ длинномъ доношеніи онъ передалъ членамъ Тайной Канцеляріи все подробности напествія полицейскаго партизана Пазухина на дома его и Юрьева; подробности эти изложены нами въ своемъ мѣстѣ. Изъ дѣла не видно, чтобы протестъ Терскаго навлекъ грозу начальства на оберъ-полиціймейстера: его дѣянья, какъ явленія, не выходившія изъ обыденной колеи, не вызвали даже ни одного замѣчанія; зато Терскій выигралъ хоть тѣмъ, что въ тотъ же день, по подачѣ доношенія, остальные его люди были освобождены: самъ онъ былъ освобожденъ еще 8 октября, разумѣется на поруки, съ строжайшимъ наказомъ явиться въ судилище по первому востребованію; дворы и пожитки его и Юрьева распечатаны и отданы имъ до указа съ роспискою, впрочемъ не раньше, какъ 5 ноября; при сдачѣ домовъ и пожитковъ сдѣлана была опись всего разбитаго и разломаннаго во время набѣга Пазухина. Последнимъ дѣйствіемъ членовъ тайной канцеляріи, по дѣлу Деревнина и Терскаго, въ ожиданіи царскаго пріѣзда, была отписка о вершеніи дѣла провинціаль-фискала Терскаго съ Тихменевымъ, въ надворномъ судѣ.

Отвѣта царскаго на доношеніе о жженіи Деревнина не послѣдовало, и арестантъ былъ пока забытъ съ своими увѣчьями; Писареву, Бутурлину и другимъ сановникамъ, въ самомъ дѣлѣ, не до того было въ это время, чтобы интересоваться человѣкомъ, навлекшимъ на себя гнѣвъ Ирасковьи: въ средѣ ихъ самихъ совершился скандалъ первостепенной важности. скандалъ, не перестававшій вызывать ежедневные толки вельможъ и большія опасенія о его послѣдствіяхъ: то была крупная ссора въ сенатѣ Меншикова съ Шафировымъ. Сторону перваго принялъ великій канцлеръ Головкинъ, и оба врага послали курьеровъ съ жалобами къ царю ²⁾. Все были увѣрены, что по возвращеніи госу-

¹⁾ 16 октября 1722 г., лл. 1—5, 33—38.

²⁾ Государ. Архивъ. Каб. II пол., т. LX, л. 592, и проч. Мы не приводимъ этихъ жалобъ, такъ какъ онѣ не имѣютъ отношенія къ настоящему очерку.

дара, грянетъ надъ обоими гроза неминуемая и страшная. Саповники раздѣлились на два лагеря; громадное большинство пристало, разумѣется, къ сторопѣ Меншикова, въ силу и значеніе котораго было больше вѣры; отъ Шафировыхъ почти все общество отшатнулось. Шафировыхъ не приглашали въ собранія, даже на официальныхъ обѣдахъ ихъ не было видно... Среди встревоженнаго общества ходили разные толки, между прочимъ говорили объ объявленіи, прибитомъ на фонарномъ столбѣ, на Красной площади. Въ фонарѣ положено было 10 мѣшковъ, каждый будто бы со 100 рублими, а объявленіе гласило, что въ Кремлѣ найдено весьма важное письмо, и тому, кто назоветъ его составителя, обѣщана выложенная награда... Къ Шафировымъ ѣздили только иностранные послы, изъ русскихъ же весьма немногіе. Такъ напр. на одномъ изъ званыхъ обѣдовъ у вице-канцлера Шафирова, изъ 18 гостей былъ только одинъ русскій — старикъ князь Долгоруковъ, сынъ котораго женатъ былъ на Шафириной. Старикъ-хозяинъ спрашивалъ гостей: „правда-ли, что Меншиковъ меня всячески бранить и твердить, что, по приѣздѣ императора, меня закуютъ въ желѣза? Не знаю, продолжалъ Шафировъ, кто изъ насъ больше заслужилъ оковы? Хотя Меншиковъ и имперскій князь, а коли вздумаетъ государь, такъ и ему срубить голову, не ожидая на то позволенія отъ германской имперіи“...

Вообще претенды Петра Перваго, смиренныя, ручныя при немъ, съ яростью клевали другъ друга, лишь только орелъ слеталъ съ своего гнѣзда и оставлялъ ихъ, съ общаго согласія, вѣдать и вершить дѣла имперіи. Общаго согласія не было, да и быть не могло. Въ обществѣ грубомъ, чуждомъ всякаго образованія, въ пошлыя страсти, сдерживаемыя единымъ страхомъ, быстро

Особенно интересна жалоба Меншикова; читая ее, можно подумать, что онъ чистъ, яко агнецъ, во всемъ же виноватъ Шафировъ. Если вѣрить свѣдѣнію, вице-канцлеръ безъ всякаго повода бранилъ оберъ-прокурора Скорнякова-Нисарева воромъ, обидываясь съ великимъ крикомъ, что гр. Головкинъ ему главный непріятель, затѣмъ съ такимъ же крикомъ называлъ его самого, князя Меншикова, великимъ злодѣемъ „не хочу-де за твои дѣла головы своей потерять, такъ какъ князь Матвей Гагаринъ и князь Григорій Волконскій, ты можешь всѣхъ побить“ и проч.

Подробности этой великой ссоры между сенаторами-претендами Петра Великаго, см. въ „Исторіи Россіи“ С. М. Соловьева, томъ XVIII, стр. 142—143.

развиваются лишь только падаютъ съ нихъ узда; птенцы Петра Великаго какъ бы щеголяли другъ передъ другомъ завистью, тщеславіемъ, властолюбіемъ и искусствомъ вести безкопечныя, самыя каверзные интриги. Это искусство, какъ извѣстно, завѣщано было петровскими птенцами ненапамъ новыхъ поколѣній, новымъ временникамъ, новымъ придворнымъ и долго-долго еще страдала Русь отъ этихъ страшныхъ враговъ ея силы и могущества.

Петръ, зная слабости „птенцовъ“, предъ отъѣздомъ въ персидскій походъ, приставилъ къ нимъ дядьку: то было его „око“, Павелъ Ивановичъ Ягужинскій. Государь пожаловалъ его генераль-прокуроромъ и, представляя его сенаторамъ, въ маѣ 1722 г., сказалъ:

— „Вотъ мое око, имъ я буду все видѣть. Онъ знаетъ мои намѣренія и желанія; что онъ заблагоразсудитъ, то вы дѣлайте; а хотя бы вамъ показалось, что онъ поступаетъ противно моимъ и государственнымъ выгодамъ, вы однакожь то исполняйте, и увѣдомивъ меня о томъ, ожидайте моего повелѣнія“.

Подчинивъ высшее правительственное мѣсто воли одного человека, бывшаго своего деньщика, Петръ возложилъ на этого деньщика должность крайне трудную. Павлу Ивановичу рѣшительно было не по силамъ смирять птенцовъ великаго монарха. Какъ трудна была для него постоянная борьба съ „страстями вельможъ російскихъ“, видно изъ его исповѣди, посланной къ Петру предъ отъѣздомъ въ Петербургъ 16 октября 1722 года. Въ этомъ интересномъ посланіи Ягужинскій сознается: „что сенатское за обычное несогласіе не токмо мною мало могло удержано быть, но наипаче нынѣ ссоры и брани стали быть и во истину не мало остановки тѣмъ бываетъ; и нынѣ нѣкоторые партикулярныя ссоры и брани не токмо словесно, но и письменно произошли между оберъ-прокуроромъ (Шсаревымъ) и барономъ Шафировымъ“... Генераль-прокуроръ въ особенности опасался, что во время его отлучки: „не безопасно, чтобы тѣ партіи, какъ писалъ онъ, страсти своей не продолжали“. Вслѣдствіе чего, онъ нашолъ нужнымъ предъявить письменное предложеніе: „дабы такія партикулярныя ссоры и брани весьма удержаны были, и тѣмъ въ нужныхъ дѣлахъ помѣшательства никакого не чинилось, а которыя ссоры и несогласія нынѣ между

ними, чтобъ до возвращенія вашего величества оставлены были, и притомъ въ тѣхъ своихъ предложеніяхъ изобразилъ, что ежели въ моемъ отсутствіи такія ссоры и явныя брани, отъ кого вновь будутъ происходить, чтобъ съ начинателемъ такъ поступали, какъ указы и регламенты повелѣваютъ. Всемилостивѣйшій государь, заключалъ Ягужинскій, я совѣстью своею и всѣми сенаторами засвидѣтельствую, сколько въ томъ моей вѣрности и старанія ни было, однакоже съ превеликою трудностью при такихъ страстяхъ, дѣла въ порядкѣ содержать было можно "... 1).

Въ такомъ состояніи находилась высшая московская аристократія, когда стали ходить слухи о скоромъ пріѣздѣ грознаго царя-батюшки. Еще въ октябрѣ прибыли изъ Астрахани пѣвчіе императрицы; увѣряли по этому случаю, что императрица сама скоро будетъ, но что императоръ сперва поѣдетъ въ Казань; этимъ извѣстіямъ еще мало вѣрили. Велѣдъ затѣмъ пошла молва, что такъ какъ въ Персіи почти все уже приведено въ исполненіе, то государь не замедлитъ пріѣздомъ, канцелярія моль его ѣдетъ уже назадъ, а въ Преображенскомъ дѣлаются большіе запасы дровъ и сѣстныхъ припасовъ. Письма придворныхъ изъ Астрахани подтверждали эти слухи, но только въ началѣ декабря 1722 г. стали являться въ Москву нѣкоторые изъ спутниковъ и спутницъ государя. Велѣдъ за ними (11 декабря) прискакали курьеры съ извѣстіемъ, что императоръ, если только не остановится въ Воронежѣ, завтра же будетъ въ Москвѣ, потому что ѣдетъ весьма скоро...

Многіе, чувствовавшіе какіе-либо за собой грѣшки, съ безпокойствомъ ждали Петра. Оберъ-полиціймейстеръ Грековъ съ какимъ-то особеннымъ рвеніемъ старался заявить свою дѣятельность, между прочимъ, для вянцаго порядка, онъ запретилъ разнощикамъ кричать и даже ходить по улицамъ.

Надемотричики за дворцовыми постройками просто потеряли голову отъ страха, потому что пропустили лучшее время лѣта и не сдѣлали рѣшительно ничего, воображая, что императоръ еще не такъ скоро воротится.

Поздно вечеромъ 11-го декабря пришло извѣстіе, что государь всего въ 15 перстахъ отъ Москвы. У Меншикова отъ

1) Госуд. Архивъ, Каб. I пол., т. LVIII, лл. 131—132.

страху открылось сильное кровотечеіе горломъ; можно себѣ представить какъ трепетали остальные государственные люди всероссійской имперіи.

Какъ приняли извѣстіе о царскомъ пріѣздѣ измайловскія обитательницы?

Поздно вечеромъ. 11 декабря, прискакавъ въ Измайлово камеръ-юнкеръ Берхгольдъ. Онъ былъ первый вѣстникъ о пріѣздѣ императора; эта вѣсть была неожиданна; герцогиня увѣрена была, что государь пріѣдетъ не раньше, какъ дня черезъ три. Какъ приняла эту новость старушка Прасковья — неизвѣстно; надо думать, что безъ боязни, такъ какъ она увѣрена была въ любви и уваженіи къ ней Петра и дорогой невѣстухи; что же касается до Катерины Ивановны, то она такъ обрадовалась, что запросто повела вѣстника къ матери, къ сестрѣ, наконецъ къ фрейлинамъ, не смотря на то, что все онѣ были раздѣты и лежали уже въ постеляхъ. Шутливая и разбитная хозяйка, вѣроятно имѣя въ виду доставить камеръ-юнкеру нѣсколько пріятныхъ минутъ, подводила его, по очереди, къ каждой фрейлинѣ, никакъ не подозрѣвая, что это зрѣлище ни мало не доставляло удовольствія чопорному нѣмцу. Фрейлины лежали, какъ бѣдныя дѣвки, одна подлѣ другой, почти полунагія... Грязная и бѣдная обстановка вызвала съ его стороны въ дневникѣ слѣдующую замѣтку: „вообще все это ночное посѣщеніе не сдѣлало на меня выгоднаго впечатлѣнія, хоть мнѣ и пришлось видѣть много голыхъ шей и грудей“.

На другой день государь принималъ уже въ Новопрображенскомъ поздравленія съ пріѣздомъ, а съ 13-го декабря начались крутыя „вершенія по дѣламъ“: въ этотъ день казнены два фальшивыхъ монетчика; имъ влили въ горло растопленное олово и потомъ навязали ихъ на колеса. Одинъ изъ нихъ, которому олово прожгло на сквозь шею, былъ на слѣдующій день еще живъ; а другой, будучи на колесахъ, поставленномъ надъ землею немного выше человѣческаго роста, хваталъ еще рукою монету, привѣщенную снизу къ этому колесу...

IX.

Судъ и расправа.

Старушка Прасковья по болѣзни не могла явиться съ поклономъ и поздравленіемъ о прїѣздѣ къ государю и государынѣ; вмѣсто себя она послала „свѣтъ Катюшку“, и та приняла участіе во всѣхъ торжествахъ столицы, по случаю благополучнаго прибытія отца отечества. Парадный вѣздъ въ Москву Петра и Екатерины былъ совершенъ съ громаднымъ триумфомъ. Колокола, пушки и народныя клики долго не умолкали; у каждаго триумфальныхъ воротъ, воздвигнутыхъ еще въ прошломъ году, чинились торжественныя встрѣчи, при чемъ тутъ же въ воротахъ шло угощеніе. Государь и вся его свита, какъ духовные, такъ и свѣтскіе сановники, ни мало не церемонились — и ѣли, и пили такъ, какъ бы дня три лишены были стола. Достопамятный день заключился общимъ пиромъ всей аристократіи въ Преображенской стѣзкей избѣ у князя Ромодановскаго, въ присутствіи императора. Уѣзжая оттуда, государь просилъ хозяина продолжать угощеніе сколь возможно усердіе, не смотря на то, что всѣ уже были презрядно пьяны.

Хмѣльные головы шумѣли, кричали, спорили, ссорились, и „мало помѣшкавъ“, отъ ссоры дѣло дошло и до драки... Вой всныхнулъ между двумя именитѣйшими представителями петровской знати; то были князь-кесарь Иванъ Федоровичъ Ромодановскій и князь Григорій Федоровичъ Долгоруковъ. Два лютыхъ супротивника издавна враждовали другъ съ другомъ, издавна

подымали другъ на друга „всякую скверну“, но оба, сильныя любовью и довѣріемъ государя и государыни, постоянно разлученныя мѣстами своей служебной дѣятельности (Москва и Варшава), они не могли повалить другъ друга, мало имѣли случая дойти и до ручного объясненія.

Одна изъ главнѣйшихъ причинъ ихъ непримиримой ненависти скрывалась въ семейныхъ распряхъ: отецъ нынѣшняго (въ 1722 году) князя-кесаря, покойный князь-кесарь Оедоръ Юрьевичъ Ромодановскій, какъ извѣстно, былъ женатъ на Настасѣѣ Оедоровѣ Салтыковой, а дочь Долгорукова была замужемъ за роднымъ братомъ княгини-кесарини Настасьи и царицы Прасковьи. Читатели наши, безъ сомнѣнія, помнятъ, какъ не деликатно обращался нѣжнѣйшій братецъ двухъ старушекъ съ своей злополучной супругой и какъ тщетно и упорно жаждалъ мести ей отецъ, уполномоченный посоль и министръ царя русскаго. Нѣтъ сомнѣнія, что князь-кесарь въ процессѣ князя Долгорукова не мало помогъ своему родичу Салтыкову, и не мудрено, что князю Григорію Оедоровичу не удалось одолѣть противника.

Теперь за торжественнымъ широмъ, въ одной и той же избѣ, сошлись два врага-старца. И тотъ, и другой были весьма шумны, и тотъ, и другой не умѣли схватиться. Объясненіе началось съ какого-то тоста, предложеннаго хозяиномъ. Князь Долгоруковъ не хотѣлъ его выпить; тогда князь-кесарь сталъ его „всякими скверными лаями лаять“... „Ты воръ!“ кричалъ между прочимъ совѣмъ опьянѣвшій кесарь, „ты предатель государства! Его величество не токмо тебя кнутомъ наказать, но и голову твою отсѣчь намѣреніе имѣть изволить“... Противникъ не уступалъ въ подборѣ сильныхъ выраженій и пряность ихъ довела до болѣе рѣзкихъ объясненій. Оба старца схватили другъ друга за волосы и съ полчаса неустанно били другъ друга кулаками... Зрители очистили арену и, изъ уваженія-ли, или изъ боязни къ двумъ государственнымъ дѣятелямъ, не мѣшали имъ убѣждать другъ друга „словесно и ручно“; никто не смѣлъ разнять сановниковъ. Князь Ромодановскій, какъ рассказывали тогда, оказался слабѣйшимъ.

Князь гнѣвомъ, велемочный кесарь повелѣлъ караульнымъ арестовать посла-министра, отнять у него шпагу и запереть въ особую комнату. Приказъ былъ выполненъ, и князь Григорій

Федоровичъ отсыпался въ теченіе сутокъ подъ стражею своего врага. Освобожденный, по вмѣшательству въ дѣло Екатерины, онъ не хотѣлъ ѣхать домой и говорилъ, что будетъ просить удовлетворенія у императора. Дѣйствительно, князь Долгоруковъ посиѣвши къ государю съ мольбой о сатисфакціи, и не довольствуясь этимъ, нашолъ нужнымъ ударить челобитной.

„...Князь Иванъ Ромодановскій, — писалъ его противникъ, — умысля за партикулярную свою злобу по факціямъ моихъ злохотящихъ, билъ меня и всякими скверными лаями лаялъ“... Если только судить дѣло по этому документу, то самъ Долгоруковъ вель себя какъ нельзя болѣе кротко; въ его челобитной мы все не видимъ старика, который послѣ потока самыхъ грязныхъ ругательствъ осилилъ кесаря въ кулачной перепалкѣ. Послушайте, что онъ пишетъ: „Я, опасаясь вашего величества гнѣву, во всемъ ему, Ромодановскому уступалъ, и просилъ Гаврилу Ивановича (Головнича) и другихъ, дабы его отъ того удержали; но онъ, выпустя другихъ, велѣлъ снять съ меня шпагу и взять за арестъ, какъ суцаго вора; гдѣ мало не сутки былъ держанъ и потомъ указомъ всемилостивѣйшей государыни свободился, и у вашего величества за учиненную мнѣ смертную обиду сатисфакцію просилъ, о чемъ и нынѣ слезно прошу: сотворить со мною милость, дабы мнѣ не остаться на вѣки въ нестерпимомъ ругательствѣ“. Долгоруковъ тѣмъ болѣе къ сердцу принималъ учиненный афронтъ, что онъ видѣлъ въ себѣ оскорбленнымъ великій санъ посла-министра, почему и настоятельно просилъ государя: „такожъ противъ всепародныхъ правъ учиненный публичный афронтъ характеру тайнаго дѣйствительнаго совѣтника и вашего величества кавалера безъ отмщенія отпустить не изволили. Помилуй, государь! — дѣйств. восклицалъ тайный совѣтникъ, — не дай мнѣ безпорочный вѣкъ мой нынѣ при старости безвременно окончить въ безчестіи“¹⁾.

Въ мольбахъ „всенижайшаго раба“, птеща Петра Великаго, такъ и слышится бояринъ стараго добраго времени, съ прежними возрѣніями на житейскія отношенія, способнаго дойти до ручного объясненія; но ужъ этотъ бояринъ стараго закала — въ иноземномъ кафтанѣ, съ устъ его слышатся клятвы и завѣренія объ

¹⁾ Кабинъ дѣла, полков. II, кн. LVIII, л. 575.

оскорбленіи въ лицѣ его достоинства сановника, кавалера... и какъ безстыдно лжетъ этотъ кавалеръ, чтобъ только досадить своему врагу.

Дѣло кончилось ни чѣмъ, такъ какъ кулачныя схватки государственныхъ людей того времени были явленіями довольно обыденными, и постоянно переходились молчаніемъ.

Не прошла только молчаніемъ сенатская схватка Шафирова, Писарева и Меншикова. Первые два особенно должны были пострадать: надъ ними паряжена (9 янв. 1723 г.) слѣдственная коммисія, которая повела дѣло строго. Съ Шафирова скоро сняли знаки отличія, а за Писарева сильно начали опасаться его родные и друзья, такъ какъ на него поступило къ слѣдователямъ множество жалобъ.

Впрочемъ государь, карая драчливыхъ штенцовъ своихъ, былъ это время постоянно веселъ и между государственными дѣлами посвящалъ свои досуги на разнообразнѣйшія увеселенія. Съ свитою деньщиковъ, зачастую окруженный „безпокойною братією“, т. е. „сумазброднѣйшимъ и всепьянѣйшимъ соборомъ князь-паши“, онъ разѣзжалъ то въ театръ, устроившійся, по примѣру Измайловскаго, въ госпиталѣ, то на свадьбы, на публичныя маскарады, то наконецъ на ассамблеи, на которыя барабанный бой неустанно сзывалъ гостей; всѣ дамы и дѣвицы старше 10 лѣтъ непременно должны были являться въ танцевальныя собранія. Толстенькая герцогиня, „свѣтъ-Катюшка“, вновь запорхала въ этихъ собраніяхъ... Она беззаботно любезничала съ милыми кавалерами герцога Карла; то посылала имъ вафель съ своего стола, то зазывала къ себѣ и щедро угощала виномъ... Мать-старушка не вставала съ постели, тѣмъ не менѣе не лишала себя удовольствія принимать въ спальнѣ гостей и угощать ихъ настойками.

Государь, по пріѣздѣ, посѣтилъ большую царицу Прасковью, обошелся съ ней какъ пельзя ласковѣе, и не остановившись на одномъ визитѣ, вскорѣ (20 января 1723 г.), послѣ пира у ея брата, пріѣхалъ къ ней въ Измайлово и тамъ веселился со свитою. Ничто не показывало, чтобъ государь гнѣвался на невѣстухку; самое дѣло Деревнина, казалось, его мало интересовало; онъ не спѣшилъ судомъ и расправой. За то не мѣшкала старушка и, не смотря на то, что не оставляла по болѣзни по-

стели, не переставала занскивать и задобривать окружающих царя, его любимцевъ-деньщиковъ... Почасту приглашаемые въ Измайлово, они находили тамъ самый радушный приѣмъ. Имъ особенно бывалъ доволенъ любимѣйшій деньщикъ Петра — Василій Петровичъ. Еслибъ мы заѣхали въ Измайлово нѣсколько дней спустя послѣ царскаго наѣзда, мы бы застали здѣсь Василю, осушающаго стаканъ за стаканомъ. Съ нимъ бражничаютъ братецъ царицы, сильно угощаются дамы, пьеть, какъ деньщикъ, сама кесарша Настасья Ромодановская, обыкновенная посѣтительница больной сестры своей — царицы... Больна вертушка Катерина Ивановна; она въ кровати, сильно оспла, но болтаетъ съ стоящимъ подлѣ нея камеръ-юнкеромъ, дразнить гулякъ и хохочетъ надъ ними.

Что до государя, то конецъ января и половину февраля 1723 г. онъ былъ сильно занятъ процессомъ о поссорившихся сенаторахъ. 14-го февраля дѣло было кончено.

Москва огласилась барабаннымъ боемъ, возвѣстившимъ, что завтра послѣдуетъ въ Кремль казнь бывшаго государственнаго министра и вице-канцлера, барона Шафирова. На другой день, въ 7 часовъ утра, вокругъ высокаго помоста стояло безчисленное множество народа, солдаты оцѣпляли мѣсто казни. Осужденнаго привезли на простыхъ санихъ, подъ карауломъ изъ преображенскаго приказа. Въ прочитанномъ приговорѣ возглашались разныя злоупотребленія его по дѣламъ, за которыя виновный обрекался на смертную казнь отсѣченіемъ головы. Съ него сняли парикъ, старую шубу и подвели къ плахѣ. Вице-канцлеръ оборотился къ церкви, отсѣнилъ себя крестнымъ знаменіемъ и, ставъ на колѣни, положилъ голову на плаху. Но прислужники палача, имѣяли на то особое приказаніе государя, либо изъ усердія къ дѣлу, не оставили государственнаго министра въ этомъ положеніи: они вытянули за ноги и растянули его на помостѣ, такъ что Шафирову пришлось лежать на толстомъ своемъ брюхѣ. Затѣмъ палачъ взмахнулъ вверхъ большимъ топоромъ, и онъ упалъ — на скамью. Голова была пощажена государемъ. Смерть замѣнили ссылкою. Шафировъ поднялся на ноги и со слезами на глазахъ сошелъ съ помоста. Его повели въ зданіе сената, гдѣ сенаторы подавали ему руки и поздравляли его съ помилованіемъ. Когда тамъ же императорскій лейбъ-хирургъ пустилъ

ему кровь, во избѣжаніе дурныхъ послѣдствій отъ сильнаго потрясенія, Шафировъ сказалъ: „лучше бы открыли мнѣ большую жилу, чтобъ разомъ прекратить мои мученія“...

Между тѣмъ у эшафота чинилась экзекуція: сенатскому секретарю Кирѣеву, по шафирскому дѣлу, дано 14 ударовъ кнутомъ; на его же долю выпала двукратная пытка при производствѣ слѣдствія; оберъ-прокуроръ и гвардіи маіоръ Писаревъ, грозный членъ тайнаго трибунала, разжалованъ въ солдаты, а оберъ-секретарь сената Позняковъ въ писаря. Между другими лицами пострадалъ и нашъ знакомый, князь Григорій Ѳеодоровичъ Долгоруковъ; за пристрастіе къ Шафирову онъ лишень былъ чиновъ, посаженъ на дому подъ арестъ и присужденъ къ денежному штрафу. Впрочемъ, государь скоро его простилъ¹⁾. Равнымъ образомъ скорѣе употребилъ къ дѣламъ Скорнякова-Писарева: бывший оберъ-прокуроръ посланъ надматривать за работами на Ладожскомъ каналѣ. Точно также не захотѣлъ царь потерять Меншикова, ни разстаться съ нимъ. Въ добавокъ, за Меншикова, по обыкновенію, ходатайствовала государыня Екатерина. Петръ простилъ своего любимца (хотя слѣдствіе по одному изъ дѣлъ князя продолжалось), но сказалъ своей женѣ:

— „Меншиковъ въ беззаконіи зачатъ, во грѣсѣхъ родила мать его, и въ плутовствѣ скончаетъ животъ свой и если онъ не исправится, то быть ему безъ головы“.

Въ это время князь Александръ Данилычъ сильно заболѣлъ, и Петръ не утерилъ, —написалъ ему ласковое письмо. Меншиковъ ожилъ и отвѣчалъ: „Вашего императорскаго величества всемилостивѣйшее писаніе, со всякимъ моимъ рабскимъ почтеніемъ и радостію я получилъ, за которое и за всемилостивѣйшее ваше о приключившейся мнѣ болѣзни сожалѣніе вашему величеству всеижайшее мое рабское приношу благодареніе, и не малое имѣю, получа оное всемилостивѣйшее писаніе, порадованіе и отъ болѣзни моей паче докторскихъ пользованій свободу. Всеижайшее благодарствую, что ваше величество, по

¹⁾ См. «Судное дѣло» Шафирова въ Журн. Министерства Юстиціи, изд. 1859 г., стр. 49—55. См. также у Соловьева т. XVIII, стр. 150, 156—157. Князь Григорій Ѳеодоровичъ Долгоруковъ скончался въ Крошштадтѣ, 15 августа 1723 г. и погребенъ въ Петербургѣ.

превысокой своей отеческой ко мнѣ милости, изволилъ пожаловать въ Городню въ новопостроенный домъ мой и за мое здорově кушать. Истину вашему величеству доношу, что оный домъ я построилъ для шествія вашего величества, дабы вашему величеству отъ таракановъ не было опасенія“.

Въ первый же день по окончаніи дѣла Шафирова, государь, какъ бы въ видѣ отдыха, перешолъ къ Терско-Деревнинскому дѣлу и велѣлъ представить его къ себѣ на разсмотрѣніе. Кабинетъ-секретарь Макаровъ поспѣшилъ увѣдомить Бутурлина о высочайшей волѣ: „Государь мой милостивый Иванъ Ивановичъ!— писалъ Макаровъ,— дѣло Деревнина съ Терскимъ и по тому дѣлу колодниковъ извольте прислать на генеральный дворъ (въ Преображенское) съ дьякомъ или съ старымъ подьячимъ, у которыхъ то дѣло слѣдуется“.

Ни въ названіи дѣла, ни въ дальнѣйшихъ слѣдованіяхъ по немъ, о царицѣ Прасковьѣ либо вовсе не упоминается, либо упоминается вскользь, въ самыхъ почтительныхъ выраженіяхъ, съ прописаніемъ титула: „благовѣрнѣйшая государыня царица“ и проч.

Тайная канцелярія представила новый экстрактъ изъ всего дѣла и препроводила арестанта-стрипчаго по востребованію.

14-го февраля 1723 г. Василій Деревнинъ былъ приведенъ на генеральный дворъ къ допросу. Генеральный судъ, наряженный надъ Шафировымъ изъ сенаторовъ и генералитета, не былъ еще распущенъ, и вотъ, по его приказу, приступлено было къ допросу стрпчаго.

— Знаешь-ли ты тѣхъ людей, которые въ пришествіи царицы Прасковьи Оедоровны въ тайную канцелярію тебя водкою обливали и жгли?

Деревнинъ, хорошо знавшій по прежней службѣ своей при царицѣ весь ея придворный штатъ, безъ труда вспомнилъ шесть обжигальщиковъ, но замѣтилъ, что чьи они дѣти и прозваніемъ, того онъ не знаетъ; „а и другіе дому царицы, продолжалъ стряпчій, многіе служители при томъ были-жъ, а кто по имени, того не упомяну“¹⁾.

Для напamятованія на другой день признаны были кавтен-

¹⁾ Вер. дѣл. Розыскныхъ дѣлъ тайной канцеляріи карт. XV, лл. 50—89.

армусъ Бобровскій, да бутырскаго полка капраль Красновъ, бывшіе въ роковой вечеръ „жженія“ въ казенкахъ тайлой канцеляріи.

— Знаете-ли вы, кто изъ служителей ея величества царицы приходили съ ней въ тайную и кто изъ нихъ оторвалъ силою дверь казенки Деревинской; о томъ знаете-ли?

— Не усмотрѣлъ я, отвѣчалъ Бобровскій,—кто изъ служителей былъ, за многолюдствомъ; только де суща, какъ сталъ я въ дверяхъ и не сталъ Деревинна давать вести изъ канцеляріи, и изъ тѣхъ служителей одинъ ударилъ меня подъ бокъ, а присмотрѣть его, за онымъ многолюдствомъ, я не могъ.

— Не усмотрѣлъ и я,—говорилъ капраль Красновъ,—кто оторвалъ дверь, понеже оныхъ служителей вошло въ казенку многолюдно; не сталъ было я ихъ пускать и они меня отъ двери оттиснули.

Посланная команда въ Измайлово привела служителей царицы; ихъ размѣстили по преображенскимъ кельямъ, затѣмъ генеральные судьи сняли допросъ съ каждаго порознь.

И вотъ одинъ за другимъ повѣдали водкообливатели и свѣчеобжигатели страшную повѣсть о прогулкѣ „всемилоствѣйшей и благовѣрнѣйшей государыни-царицы“ въ Тайную канцелярію на Лубянскую площадь; повѣдали о томъ, какъ соизволила „ея царское величество“ утруждать себя гнѣвомъ не малымъ на недостойнаго служителя. Забытое, либо пропущенное однимъ, вспоминалось и пополнялось другимъ и такимъ образомъ все подробности картины „мщенія царицы-старушки“ обнажились во всей красотѣ.

Любопытно, что каждый изъ допрашиваемыхъ излагалъ событія такимъ образомъ, чтобъ представить себя сколь возможно незначительнѣйшимъ подвижникомъ сего дѣла. Прослушавши каждаго отдѣльно, можно было подумать, что служители царицы, все безъ исключенія, были не болѣе, не менѣе, какъ простыми зрителями.

Стряпчій Кодратъ Маскинъ первый разсказалъ все дѣло, какъ можно обстоятельнѣе, и первый же почелъ долгомъ смягчить свое участіе въ дѣлѣ: „каптенармуса я, Маскинъ, не билъ; дверей отъ казенки Деревинна не отрывалъ; караульнаго капрала отъ нихъ не отпихивалъ; да и чинить мнѣ, добавилъ

Кондрать, всего этого было невозможно, понеже несь я царицу на скамьѣ, а кто изъ служителей били дежурныхъ и отрывали дверь, того не вѣдаю“. Стряпчій перечислилъ затѣмъ главѣйшихъ участниковъ и подмахнулъ свое имя съ обычной оговоркой: „буде сказалъ что ложно и за то указалъ бы его императорское величество учинить со мною чего достоинъ“.

Въ самыхъ почтительныхъ выраженіяхъ относительно своей госпожи царицы показавъ о дѣлѣ стремянной ея, коноухъ Никита Іевлевъ; онъ поставилъ на видъ свои напоминанія царицѣ о необычности ея гнѣва и нашелъ нужнымъ замѣтить: „о какомъ де письмѣ допрашивала царица, того я не знаю“. Эта оговорка именно обнаруживала, что довѣренный стремянной, самъ же хлопотавшій въ полицейскомъ розыскѣ о письмѣ, очень хорошо, если не зналъ, то догадывался о его содержаніи. На счетъ побоевъ и толчковъ дежурнымъ, также объ отрываніи дверей, стремянной показавъ, что во всемъ этомъ невиненъ, а виноватыхъ не усмотрѣлъ. Чистосердечіе былъ братъ его, задворный коноухъ Оеоктистъ Іевлевъ: онъ повишился, что оттолкнулъ, по приказу царицы, подъячаго Павлова, когда тотъ сунулся съ мольбой прекратить жжепіе Деревинна; но въ видѣ оправданія Оеоктистъ замѣтилъ, что Павловъ его самого толкалъ.

— Дверь никто не отрывалъ силою,—говорилъ между прочимъ другой стремянной коноухъ Карлусъ Орихтъ; —подъячій Моломаховъ, идя со свѣчей впереди посилокъ, только постучалъ въ нее, и ее отворили. А кто толкалъ потомъ кантенармуса, того я не усмотрѣлъ... Деревинна же, по приказу государыни-царицы, я жегъ подъ бороду, токмо до этого уже у него былъ обожжонъ носъ презрядно. Водки я вылилъ на Деревинна только полбутылки...

Показанія главѣйшихъ участниковъ были очень длинны; ихъ записали, скрѣпили по формѣ подписями допрошенныхъ служителей (всѣ они оказались грамотными) и затѣмъ продолжали опросы на другой день, 16-го февраля 1723 г.

— Несь я государыню на скамейкѣ,—показывалъ о своемъ участіи въ дѣлѣ сторожъ и истопникъ Степанъ Пятилѣтъ; —кто силою отворилъ дверь въ казенку, того я не усмотрѣлъ; когда же Бобровскій сталъ не пускать Деревинна изъ казенки, въ то число Маскинъ. Никита Іевлевъ и Тихменевъ провели Дерев-

нина въ дверь сильно, а били ль они урядника, того я не усмотрѣлъ, понеже не съ государыню. Жегъ я Деревинна опосля какъ обжигали его Моломаховъ, а по немъ шведъ Карлусъ; во время жъ жженія ихъ я съ другими служителями держалъ его, стряпчаго. А какъ государыня соизволила приказать миѣ зажечь голову Деревинна и я ту голову своєю свѣчою жечь поопасался — государыня толкнула мою руку со свѣчою, и я зажегъ, и водка на головѣ Деревинна всыхнула.

Въ показаніяхъ Пятилѣта оказались нѣкоторыя противорѣчія съ словами Никиты Іевлева и Маскипа. Всѣхъ трехъ немедленно свели на очную ставку.

— Предъ государыней я не шелъ въ казенку Деревинна, — утверждалъ Никита Іевлевъ, — а взшелъ туда послѣ, да и изъ казенки-то шелъ пазади посллокъ ся величества; а кто шелъ впереди и велъ Деревинна, того я не усмотрѣлъ.

— Никиту Іевлева, — повипился Пятилѣтъ, — оговорилъ я, не опамятовавшись, кто же шелъ впереди или сзади и кто велъ Деревинна — не запомню: служителя въ ту казенку входили и выходили многократно.

— Да и Маскипъ показываетъ на меня напрасно, — стоялъ на своемъ Никита Іевлевъ, — впереди я не шелъ, и на казенку, гдѣ сидитъ Деревинъ, царицѣ я не указывалъ.

— Гдѣ шелъ Іевлевъ и кто былъ укащикомъ государынѣ-царицѣ, вибился Маскипъ, того я не упомяну, для того что имѣю на себѣ падучую болѣзнь отъ 15-ти лѣтъ.

За очной ставкой, онять потянулись допросы.

— Я несъ государыню, — показывалъ задворный конюхъ Моломаховъ, — на скамьѣ вмѣстѣ съ другими служителями; кто отворилъ казенку, не вѣдаю. А какъ въ передней палатѣ изволила государыня гнѣваться и бить тростью Деревинна по лицу и по плоти многократно, а шведъ Карлусъ и Пятилѣтъ жгли его свѣчами, и въ то число держалъ я Деревинна съ прочими служителями; самъ же свѣчою не жогъ.

Новая очная ставка.

— Какъ же ты показалъ, — спрашивали Пятилѣта, — что Моломаховъ жогъ Деревинна?

— Моломаховъ Деревинна суща свѣчою жогъ подъ носъ, — стоялъ на прежнемъ Пятилѣтъ, — и Деревинъ ту свѣчу задулъ.

— Нѣтъ! свѣчою я Деревнина не жогъ, — упирался Моломаховъ, — Деревнинъ ее не задувалъ; а какъ жгли его Пятилѣтъ да Карлусъ и я держалъ его за волосы, по указу царицы.

Пажъ Тимофѣй Воейковъ разсказалъ о своихъ разбѣздахъ за царевной Катериной Ивановной, объявилъ себя непричастнымъ ни въ жжени арестанта, ни въ битіи дежурныхъ; братъ его, пажъ Осдоръ Воейковъ, свидѣтельствовалъ, что онъ ничего не видѣлъ, не слыхалъ, никого не билъ, не жегъ, ни толкалъ. Юноша, какъ кажется, болѣе другихъ непривычный къ картинамъ истязаній, оставался все время на дворѣ, что впрочемъ не выгородило его изъ общей судьбы всѣхъ дѣятелей того вечера.

А приговоръ судьбы состоялся „пемѣикатно“; такъ что отвѣты свои Воейковы не успѣли еще скрѣпить подписями, а его величеству наскучили уже однообразныя показанія служителей царицы. Допрошено было всего семь; болѣе половины царицыной свиты оставалась еще недопрошена; не терпя проволочекъ, государь просмотрѣлъ экстрактъ изъ снятыхъ допросовъ Деревнина „и прочихъ о важныхъ рѣчахъ“ — и въ тотъ же день самъ явился на экзекуцію.

Она учинена 16-го февраля 1723 г. на генеральномъ дворѣ въ Преображенскомъ: Маскинъ, Никита Іевлевъ, Сеоктистъ Іевлевъ, Карлусъ Орихтъ, Пятилѣтъ, Тимофѣй Воейковъ, Осдоръ Воейковъ, Василій Моломаховъ, подъячій Михайло Крупениковъ, всѣ девять человекъ, опрошенные и неопрошенные, виновные и невинные, остававшіяся государыню царицу и работѣнно исполнившіе ея волю, всѣ безъ разбору — „биты батоги нещадно и потомъ освобождены“. Его величество самъ изволилъ присутствовать на штрафованіи ¹⁾.

Достойно замѣчанія, что Василій Алексѣевичъ Юшковъ не былъ призванъ къ допросу по поводу таинственнаго къ нему

¹⁾ Дѣятельный монархъ въ тотъ же день успѣлъ утвердить нѣсколько государственныхъ постановленій: въ силу одного изъ нихъ приказано было объявить архіереямъ и прочимъ духовнымъ властямъ, дабы они въ церквахъ во время служенія никакихъ челобитень не принимали, „кромя государственныхъ великихъ и косвенія не терпящихъ дѣлъ“, но уграживались бы тогда въ богословіи и въ молитвахъ и давался бы тѣмъ людямъ образъ благоговѣйнаго въ церквахъ стоянія. Въ тотъ же день государь удосуужился принять участіе въ публичномъ смѣхотворномъ маскарадѣ, устроенномъ на московскихъ улицахъ.

посланія старушки. Допросить-ли государь самъ, одинъ, секретно, или не хотѣлъ компрометировать невѣстку генеральнымъ опросомъ ея фаворита изъ боязни, чтобъ тотъ не повѣдалъ какихъ-нибудь сердечныхъ тайнъ старушки, какъ бы то ни было, только письменныхъ показаній съ Юшкова въ дѣлѣ не имѣется и предъ „генеральными судьями привождень онъ не былъ“. Но онъ не избѣгъ наказанія; на другой же день послѣ батожей расправы съ служителями невѣстки, государь повелѣлъ сослать Юшкова въ Нижній Новгородъ. Конвойный утеръ-офицеръ получилъ слѣдующій рескриптъ императора для передачи Нижегородскому начальнику.

„Господинъ вице-губернаторъ! (Ржевскій), — писалъ Петръ, — по нашему указу, посланъ въ Нижній Василій Алексѣичъ, сынъ Юшкова, съ ундеръ-офицеромъ отъ гвардіи Пикитою Ржевскимъ. И когда оный ундеръ-офицеръ съ нимъ въ Нижній пріѣдетъ, тогда Юшкова отъ него примите и до указа нашего велите ему жить въ Нижнемъ, не выѣзжая никуда“.

Кабинетъ-секретарь Макаровъ самъ выправилъ арестанта, причемъ далъ ундеръ-офицеру инструкцію, въ которой, вопреки обыкновенію, не было ни малѣйшаго напamятованія о строгомъ обращеніи съ арестантомъ; приказано было только взять у вице-губернатора росписку въ полученіи Юшкова, паки возвратиться къ Москвѣ и явиться на генеральный дворъ. Изъ этого можно видѣть, что если связи, сила и значеніе царственной старушки не могли спасти дорогого Юшкова, то все-таки наказаніе, его постигшее, ради ея вліянія, было весьма смягчено: Юшкова поддерживала и укрѣпляла благодѣтельная рука немощной тѣломъ, но бодрой духомъ Прасковьи. Съ Василіемъ Алексѣичемъ отняли у ней и исполнительныхъ наежъ: два брата Воейковы, по высочайшему повелѣнію, были записаны въ гвардію солдатами ¹⁾.

Нѣсколько дней спустя, государь съ государыней отправились въ Петербургъ, а двѣ педѣли спустя (15-го марта 1723) потянулась за ними изъ первопрестольной столицы партія „самонужнѣйшихъ колодниковъ“, подъ охраною конвоя. Въ числѣ ихъ отправленъ былъ и Василій Деревнинъ.

¹⁾ Письмо Алексея Васильевича Макарова къ Ивану Ивановичу Бутурлину 20-го февраля 1723 г. дѣл. л. 85. Одинъ изъ этихъ Воейковыхъ былъ въ 1739 году майоромъ.

„Дѣло о его битіи и жженіи, — писалъ Казариновъ, заправ-
лявшій дѣлами московско-тайной канцеляріи къ А. И. Ушакову,
петербургскому инквизитору, — дѣло Деревнина рѣшено на гене-
ральномъ дворѣ, но по письму (цыфирному) слѣдованія еще
не было. Сообщается оно при подлинномъ дѣлѣ и запечатано
въ особомъ пакетѣ, а на немъ надпись А. В. Макарова: „письмо,
которое подалъ И. П. Бутурлинъ“. И то подлинное дѣло и письмо,
по приказу кабинетъ-секретаря, препровождается къ вамъ“¹⁾.

Дѣло „по письму“ тянулось крайне медленно, либо оно ни-
кого не интересовало, либо, — и послѣднее вѣрнѣе, — щекотли-
вость содержанія письма относительно царицы заставляла судей
показывать къ нему какъ можно меньше вниманья. Только два
мѣсяца спустя (14-го мая) Ушаковъ извѣстилъ Казаринова о
полученіи колодника и его дѣла и затѣмъ тайная канцелярія въ
лицѣ Андрея Ивасовича немедленно постановила: препроводить
деревнинское дѣло о причинномъ письмѣ въ канцелярію
вышняго суда, понеже тамъ начало сего дѣла и слѣдованіе
было, „да и нельзя того, добавлялъ политичный Андрей Ива-
новичъ, чтобъ многіе канцелярскіе служителя—о важностяхъ
(сего дѣла) свѣдомы были“.

Такимъ образомъ Ушаковъ съ Толстымъ спустили Деревнина
съ причиннымъ письмомъ царицы въ вѣдѣніе вышняго суда. Но
и отъ него скорого и прямого рѣшенья ожидать было нечего,
такъ какъ члены суда большею частью были либо близкіе прія-
тели и знакомые царицы, либо даже свойственники; здѣсь за-
сѣдали: графъ Андрей Матвѣевъ, Иванъ Дмитріевъ Мамоновъ,
Семень Блеклый, Александръ Бредихинъ, Иванъ Бахметевъ, се-
кретаремъ былъ—Петръ Ижорскій.

Вотъ почему они не съ разу согласились даже принять
Деревнина, не вдругъ рѣшились взять на себя слѣдованіе и судъ
по цыфирному посланію; такъ что только послѣ двухдѣльной
переписки съ тайной канцеляріей, вышній судъ далъ свое со-
гласіе (27-го мая), чтобы „дѣло Деревнина къ намъ прислать,
но не иначе какъ съ подьячимъ, у котораго то дѣло было, по-
неже „къ тому важному дѣлу, отъ другихъ дѣлъ подьячаго
опредѣлять не надлежитъ“.

¹⁾ В. Д. Р. Д. Тайной Канцеляріи, карт. XV, ч. 3, дѣл. лл. 1—46.

Опять пошла переписка: подъячій тотъ въ Москвѣ, такъ на чей коштъ его выписать? Это затрудненіе дало вышнему суду предлогъ сдать дѣло (18-го іюня) въ кабинетъ. Но тамъ кабинетъ-секретарь его не принялъ, но приказалъ войти экстрактомъ для доклада его величества. И вотъ въ теченіе цѣлаго мѣсяца пишутся два экстракта. Только 19-го іюля явился съ ними въ кабинетъ секретарь тайной канцеляріи Тошильскій, который и представилъ тутъ же запечатанное въ пакетѣ цифрное посланіе — съ достойнымъ реннекомъ¹⁾.

Въ кабинетѣ дѣло засѣло. Надо думать, что обязательный Алексѣй Васильевичъ Макаровъ, которому такъ наивно писала царица: „что будетъ ему платить“, не смѣшилъ входить къ государю съ всеподданнѣйшимъ докладомъ. Резолюціи не было, а стряпчій продолжалъ томиться въ казематѣ. Такъ при дворѣ суроваго и повидимому столь ревниваго къ правдѣ монарха находили себѣ убожнице взяточничество и лицепріятіе; связи и протекція и здѣсь оказывали свое вліяніе; вся разнища съ слѣдующими царствованіями состояла только въ томъ, что при Петрѣ это дѣлалось несравненно скрытнѣе, „опасливѣе“.

Что же это было за письмо, отъ котораго такъ скоро отшатывались слѣдователи и судьи, къ которому такъ старательно не допускали канцелярскихъ служителей, наконецъ для сбереженія котораго даже тайная канцелярія не находила у себя тайнаго мѣста, чтобъ чины ея „важности сего письма свѣдомы не были“?

Что въ этомъ письмѣ не было ничего государственнаго, „противнаго“ въ смыслѣ политической тайны, въ этомъ нечего и сомнѣваться; въ противномъ случаѣ судьба Юшкова была бы рѣшена иначе, не избѣгла бы суда и осужденія сама Прасковья; но куда дѣлось таинственное посланіе послѣ долгихъ странствій изъ тайной въ кабинетъ, изъ кабинета въ тайную, оттуда въ вышній судъ, изъ суда въ кабинетъ, изъ кабинета опять въ тайную — неизвѣстно; только, ни при дѣлахъ послѣдней, ни въ бумагахъ кабинетскихъ — письма этого не сохранилось. Между тѣмъ уцѣлѣла слѣдующая пояснительная записка руки Прасковьи — записка азбуки:

¹⁾ Каб. дѣла II полов., т. LXIV, стр. 451.

о і w м w w 192

1 2 3 4,5 6,7 8 9 10.

а, б, в, г, д, е, ж, з, и, к, л, м, н, о, п, р, с, т, и т. д.
 0, 5, 3, 7, 6, і, а, 2, я, 8, и, ц, в, и, н, 9, п, з, и т. д.

Явно, что эта та цыфирная азбука, по которой написано было таинственное посланіе. Тутъ же сдѣланъ и переводъ — къ сожалѣнію только первой фразы: „радость мой светъ...“

Для кого и для чего приготовлена была эта записка? Весьма вѣроятно, что Петръ, еще въ бытность свою въ Астрахани, получивъ изъ тайной канцеляріи письмо, доставленное Деревнинымъ, потребовалъ отъ невѣстки ключа къ цыфири, и приведенная записка есть черновая подлинника.

Таинственное письмо старушки-царицы, безъ сомнѣнія, касалось либо ея сердечныхъ, интимныхъ отношеній къ своему главноуправляющему Юшкову, либо трактовало о семейныхъ, секретныхъ дѣлахъ, трактовало притомъ не совѣмъ скромно? Все это предположенія и догадки, которыя могутъ подтвердиться или опровергнуться открытіемъ интимной цыдулки.

Х.

СМЕРТЬ.

Мы оставили царицу въ родномъ Измайловѣ. Государь распорядился о дачѣ подводъ невѣсткѣ и ея дочерямъ отъ города до города; хворая старушка поднялась въ путь въ началѣ 1723 года. Собственныя тяжкіе недуги, болѣзнь младшей дочери, накопецъ скверныя дороги мѣшали ей ѣхать скоро, и дотавившись до Новгорода, старушка рѣшилась отдохнуть и оправиться.

Съ дороги она нѣсколько разъ посылала грамотки къ „государынѣ своей милостивой, дорогой невѣстункѣ и матункѣ, императрицѣ Екатеринѣ Алексѣевнѣ“, которой непрестанно желала „здравія свѣту моему, купно съ государемъ, нашимъ общимъ дорогимъ батюшникомъ, императоромъ великимъ, Петромъ Алексѣевичемъ и съ дорогими вапего величества дѣтками, съ государынями цесаревнами на множество лѣтъ!“

Несмотря на эти длинныя пожеланія, письма Прасковьи „къ свѣтамъ-благодѣтелямъ“ — были какъ-то суше, холоднѣе: можетъ быть ссылка бездѣннаго Юшкова потрясла старушку и она только по нуждѣ относилась къ невѣсткѣ.

А нужда настояла немалая. Дочка ея, Прасковья, „весьма расхворалась“:... „пожалуй, государыня моя невѣстунка и матушка,—диктовала старушка секретарю 4-го апрѣля 1723 г.,—прикажи увѣдомить насъ о общемъ здравіи в. н. в.,—чего отъ сердца слышать желаемъ; при семъ вашему величеству доношу:

дочь моя, царевна Прасковья, гораздо больна, и я прошу у вашего величества — пожалуй, государыня моя невѣстушка и матушка, прикажи прислать къ намъ доктора или лекаря съ лекарствомъ; а признаваемъ въ ней болѣзнь лихорадку съ горячкою“ ...

„Благодарствую, государыня моя милостивая невѣстушка, за милостивѣйшее вашего величества писаніе“ ... ¹⁾.

Вспомнила старушка, что скоро день рожденія императрицы, и спѣшитъ исполнить формальность: „5-го апрѣля 1723 г. Новгородъ.... Поздравляемъ вамъ государыне, дражайшимъ днемъ рожденія вашего величества и желаемъ отъ сердца нашего, дабы Всевышній благословилъ впредь вашему величеству достигнуть много такихъ дней во всякой радости и благополучіи, и за сямъ здравіе ваше предаю Всемогущему въ сохраненіе и остаюсь невѣстка ваша — Прасковья“.

Съ такими же поздравленіями привѣтствовала она государя и государыню по поводу наступающаго праздника Христова Воскресенія: „...желаемъ отъ сердца нашего вашему величеству оный препроводить во всякой радости, и въ предыдущихъ лѣтахъ да благословитъ Богъ много такихъ торжественныхъ дней достигнуть въ добромъ здравіи и во всякомъ благополучіи“ ...

Императрица съ своей стороны отвѣчала вниманіемъ на предупредительность и вѣжливость старушки. Екатерина послала въ Новгородъ доктора и письменно просила Прасковью обрадовать ее скорымъ пріѣздомъ.

„Благодарствую, государыня моя невѣстушка, — отвѣчала царица (11-го апрѣля, Новгородъ), — что изволили прислать къ намъ доктора. А дочери моей отъ болѣзни есть свободиѣе, только внучка (Аннушка) п....мъ не можетъ. А въ С.-Петербургѣ поѣдемъ на завтрее праздника, и какъ могу, такъ сгѣшитъ буду“.

Государь также показывалъ заботливость о Прасковьѣ Осдоровиѣ и ея семействѣ, разумѣется по своему, своеобразно. Онъ хлопоталъ объ окончательномъ, болѣе надежномъ закрѣпленіи Курляндіи за Россіей и всячески подыскивалъ жениха для

¹⁾ Адресъ: „Всемилостивѣйшей государыни моей невѣстушкѣ, императрицѣ Екатеринѣ Алексѣевнѣ“. Письмо изъ Новгорода.

вдовствующей, сѣтующей безъ мужа, Анны Ивановны. Государь писалъ по этому поводу въ Митаву къ Петру Бестужеву, приказывая ему стараться объ этомъ дѣлѣ, прочилъ Анну за герцога Вейсепфельскаго, но это сватовство почему-то не состоялось.

Царица прибыла между тѣмъ въ Петербургъ, въ началѣ мая 1723 г., совершивъ это путешествіе болѣе спокойно, водою на судахъ, присланныхъ въ Новгородъ по высочайшему повелѣнію.

Оставивъ хворыхъ маменьку и сестрицу въ постелѣ, „свѣтъ Катюшка“ вмѣсто ихъ объѣздила всѣхъ съ визитами и приняла участіе въ обычныхъ увеселеніяхъ двора. Мы не останавливаемся на нихъ потому, что онѣ очень хорошо извѣстны — по крайней мѣрѣ характеръ ихъ — изъ предыдущихъ главъ нашего историческаго и правоописательнаго очерка.

Нельзя не замѣтить однако, что отъ участія въ нѣкоторыхъ изъ потѣхъ сего года не рѣшалась отказываться сама царица Прасковья Федоровна, стоявшая одной изъ отявшихся у ней ногъ въ гробу.

Такъ на празднествахъ при спускѣ кораблей, празднествахъ, особенно любезныхъ монарху, старушка, изъ вниманія къ нему, подъѣзжала къ новорожденному кораблю на баркѣ; не будучи въ состояніи выйти изъ нея, больная обыкновенно оттуда поздравляла государя и всѣхъ пирующихъ. При спускѣ корабля „Михаилъ Архангелъ“, 26-го мая 1723 г., она отпустила съ своей барки на корабль „свѣтъ-Катюшку“ и ей поручила принять участіе въ пирѣ. Пиръ былъ на весь міръ! Гости и гостьи ѣли и пили съ четырехъ часовъ пополудни до двухъ часовъ утра; самъ государь, предупредивъ, что онъ въ этотъ день намѣренъ хорошенько наняться, выдержалъ свое обѣщанье настолько, что едва могъ стоять на ногахъ; герцогъ голштинскій доведенъ былъ угощеніемъ, по собственному выраженію Петра, до состоянія пьянаго пѣмца (*Kerel d'Allemagne*), то есть его высочество лежалъ въ безчувственномъ положеніи. Дамы, и нѣтъ сомнѣнія -- и наша герцогиня, были напосны настолько, что къ нимъ не пускали мушья...

Такой же характеръ имѣло пиришество при спускѣ другого корабля, „Крейсеръ“, 23 іюля 1723 г. И это торжество почтила своимъ присутствіемъ вдовствующая царица. Не смотря на всю свою немощь, она подъѣзжала съ маленькою внучкою

Аннушкою (впоследствии — Правительница Россійской Имперіи, въ 1740—1741 гг.) къ кораблю; по прежнему не выходила изъ барки, и высадивъ герцогиню Катерину Ивановну, отправилась домой, гдѣ оставалась ея царевна Прасковья въ постели, съ распухшими на обѣихъ рукахъ пальцами.

Государь былъ очень любезенъ и внимателенъ къ веселой Катюшкѣ и совѣтовалъ, между прочимъ, отъ слишкомъ большой полноты, которая ей не мало досаждала, меньше спать и меньше ѣсть. Слѣпо вѣруя, вслѣдъ за маменькой, въ медицинскія познанія дядюшки, „свѣтъ-Катюшка“ серьезно начала лечиться: цѣляя сутки не ѣла, не пила и не смыкала очей; затѣмъ — разрѣшила себѣ постный столъ. Но, разумѣется, всякій, знавшій Катерину Ивановну и ея страсть поспать хорошенько и поѣсть сколько можно положительнѣе, былъ напередъ убѣжденъ, что и постъ, и бденіе не долго продолжаться.

Весь іюль и начало августа 1723 г. старушка провела на яхтѣ, участвуя въ морскомъ путешествіи всего двора въ Ревель и Ригу; морское путешествіе не доставило ей удовольствія; здоровье ея нисколько не поправлялось; старушка видимо разрушалась и съ каждымъ днемъ быстро приближалась къ могилѣ; на яхтѣ ей сдѣлалось особенно дурно, такъ что нѣкоторое время царевна Катерина не отходила отъ постели матери; болѣзнь Прасковьи не мѣшала, впрочемъ, веселиться другимъ, — и въ день возвращенія въ столицу, — день, ознаменовавшійся встрѣчею знаменитаго ботика, — дѣдушки русскаго флота, — все отъ мала до велика, отъ послѣдняго деньщика до великаго монарха, шировали десять часовъ сряду. По свидѣтельству одного изъ участниковъ пира, императоръ былъ особенно расположенъ пить; нѣсколько разъ говорилъ, что тотъ бездѣльникъ, кто въ этотъ день не напьется съ нимъ пьяти, и все, соревнуя другъ передъ другомъ, такъ странно пили, какъ не запомнить ни одинъ забвзкій нѣмецъ — во все пребываніе свое въ Россіи. Не было пощадъ и дамамъ, т. е. императрицѣ, герцогинѣ Катеринѣ Ивановнѣ и прочимъ членамъ царскаго семейства съ ихъ свитами. Ихъ отпустили послѣ шестичасоваго угощенія. Оно особенно размягло сердце Петра. Съ нимъ случился рѣшительный припадокъ самой страстной, нѣжной чувствительности. Онъ безпрестанно цѣловалъ милаго герцога голштинскаго, оказавшаго це-

обыкновенные успѣхи въ российскомъ служеніи бахусу; государь, въ принадлежнѣ нѣжности, безпрестанно трепалъ его, цѣловало разь срывалъ съ головы парикъ, цѣловало то въ затылокъ, то въ маковку, то въ лобъ, даже оттягивало ему нижнюю губу и цѣловало въ ротъ между зубами и губами... То же сентиментальное чувство овладѣло многими знатными персонами: они плакали, цѣловались, обнимались, — за то другіе отъ нѣжныхъ поцѣлуевъ круто перешли къ рѣзкимъ объясненіямъ: такъ напр. адмиралъ Крюйсъ далъ контръ-адмиралу Зандеру такую затрецину, что контръ-адмиралъ покотился подь столъ, потерялъ парикъ и волею-неволею остался въ положеніи безчувственнаго нѣмца.

Достойно замѣчанія, что, говоря о подобныхъ пириествахъ, нельзя сказать, чтобы прекрасный полъ особенно тяготился усиленнымъ угощеніемъ. Привычка дѣлала чудеса, даже „небесно-прекрасныя царевны“, какъ называетъ Берхгольцъ Анну Петровну и Елисавету Петровну, съ поразительною привѣтливостію подносили пирующимъ стаканы крѣпчайшаго венгерскаго вина и съ неподражаемою граціею сами осушали стаканы. Толстенкья герцогиня Катерина Ивановна уступала имъ въ граціи, по по опытности своей и значительно бѣльшему возрасту превосходила въ искусствѣ самоугощенія. Но, кто знаетъ, бытъ можетъ именно на подобныхъ пирахъ цесаревна Елисавета Петровна усвоила себѣ ту несчастную привычку къ неумѣренному употребленію крѣпкихъ напитковъ, которая впоследствии низвела ее съ престола въ могилу (25 декабря 1761 г.).

Начало сентября 1723 г. ознаменовалось восьмидневнымъ маскарадомъ въ честь годовщины Ништадтскаго мира; всѣ были обязаны подпискою явиться на это празднество. Въ теченіе восьми дней по улицамъ Петербурга выдвигались торжественныя процессіи, были самыя разнообразныя костюмы — халдейскіе, аббатскіе; государь Петръ Алексѣевичъ являлся то католическимъ кардиналомъ, то матросомъ-барабанщикомъ; костюмы польскіе, старинно-нѣмецкіе, іезуитскіе, французскіе, итальянскіе, китайскіе, жидовскіе, капуцинскіе, индѣйскіе, японскіе, татарскіе и другіе пестрѣли на площадяхъ и улицахъ Петербурга. Тутъ же среди замаскированныхъ, какъ видно изъ печатной росписи, красовалась „несушаемая обитель“. Ее составляли: архимандритъ въ странномъ уборѣ, отъ гвардіи фендрихъ Афанасій Татищевъ, князь Яро-

славскій, отъ гвардіи фендрихъ Нелюбохтинъ съ своею княгинею и со всею своею фамиліею и синклитомъ; обитель сопровождала большая свита въ разныхъ духовныхъ, арлекинскихъ, нищенскихъ и прочихъ странныхъ уборахъ, — мушоны и женщины. Далѣе по машкарадной росписи ¹⁾ слѣдовали: извѣстный шутъ Семень Тургеневъ, въ ролѣ Нептуна, пропонца-пѣвчій Карповъ — бахусомъ; далѣе архіерей: Навикандръ... митрополитъ С.-Петербуржскій, Морай... митрополитъ Кроншлотскій и Котлинскій, Тарай... митрополитъ великаго Нова... и великихъ...; Никонъ Прыткой... митрополитъ Дербенской и Мидскій; Гниль... митрополитъ Сибирскій и Тобольскій, Бибабръ, митрополитъ рѣки Охтинской и Седмимелницкой, М..... митрополитъ Исковскій и Изборскій; Теофанъ Красной... митрополитъ Смоленскій и Дорогобужскій, архидьяконъ Иди на... Строевъ. Ключарь Оормосовъ... Протасьевъ. Всего 10 человекъ.

Государыня, вслѣдъ за кесарней Ромодановской, шла въ фрижланскомъ уборѣ; 55 отдѣленіе вела государыня царевна Катерина Ивановна; она, также княгиня Меншикова, дѣвица Юшкова и другія семь персонъ дамскихъ были въ испанскихъ костюмахъ. Въ слѣдующемъ отдѣленіи была царевна Прасковья Ивановна съ тринадцатью дамами и дѣвицами въ платьяхъ „шкармуцкихъ“.

Удовольствій была бездна. Такъ напр. какой-то толстякъ представлялъ солнце. Онъ несъ большую, сдѣланную изъ холста и раскрашенную машину, которая была такъ устроена, что лицо его какъ разъ приходилось въ самой срединѣ свѣтила, гдѣ прорѣзана была дыра. Безпокойная братія „соборъ всепьянѣйшаго и всешумнѣйшаго князь-цаны“ нѣсколько разъ съ пѣснями проходила съ свѣтиломъ по саду, а людъ конецъ шутникъ взлѣзъ на лѣстницу, обратился лицомъ къ солнцу и говорилъ ему длинное смѣхотворное слово. Для народа выкачены были бадья съ пивомъ и виномъ. Потѣхи прекращались по барабанному бою императора.

Только извѣстный уже намъ характеръ беззаботной, смѣшливой герцогини Мекленбургской давалъ ей возможность всецѣло

¹⁾ Роспись компаніи машкарада, бывшаго въ Сиб. 30 августа по 6 сентября 1723 г., напечатана въ приложеніи къ III ч. Дневника Берхгольца. М. 1860 г., стр. 269—288.

предаваться удовольствіямъ двора; въ сущности ей было о чемъ побезпокоиться, было о чемъ призадуматься: съ одной стороны должны были вызывать эти думы страданія больной, умирающей матери, съ другой — самыя безотрадныя вѣсти о благовѣрномъ супругѣ. Она жаловалась своимъ знакомымъ, что герцогъ рѣшительно не хочетъ пріѣхать въ Россію, а между тѣмъ доходили до нея слухи, что римскій императоръ намѣренъ поручить управленіе Мекленбургіи брату Карла-Леопольда, Христіану-Людвигу, если первый не угомонится и не изъяснитъ покорности.

Вмѣстѣ съ „свѣтъ-Катюшкой“ заявляла свое сожалѣніе объ упрямствѣ зятя царица Прасковья; она удивлялась, какъ герцогъ, хорошо знающій объ отличномъ обращеніи государя съ голштинскимъ и гессенъ-гомбургскими принцами, не внемлетъ неоднократно приглашеніямъ пріѣхать въ Россію. Такъ напр. въ маѣ 1723 года, Петръ, по просьбѣ племянницы и невѣстки, еще разъ сдѣлалъ попытку вызвать изъ Мекленбурга герцога Карла-Леопольда. Это порученіе возложено было на генерала Вонна, хорошаго знакомаго, даже пріятеля вѣзлмошнаго герцога. Не смотря на этотъ выборъ посланнаго, Катерина Ивановна очень опасалась, что супругъ ея все-таки не дастъ убѣдить себя, не смотря на то, что пріѣздъ въ Россію былъ единственнымъ исходомъ изъ плохого положенія. Но герцогъ ни мало о немъ не задумывался и, къ огорченію супруги своей, велѣлъ, между прочимъ, отрубить въ Демницѣ голову тайному совѣтнику Вольфрату. Сѣтованія на мужа не настолько были однако велики у герцогини Екатерины Ивановны, чтобъ мѣшать ей задушевнымъ бесѣдамъ съ камеръ-юнкеромъ герцога Голштинскаго. Она продолжала зазывать его къ себѣ, просиживала съ нимъ цѣлыя часы въ самой задушевной болтовнѣ о всевозможныхъ пустякахъ, дѣлала ему подарки, не пускала домой и проч.

Петербургская осень 1723 года была крайне непогодливая. 2 октября (годовщина мщенія старушки Прасковьи) случилось одно изъ сильнѣйшихъ наводненій: порывистый вѣтеръ съ моря дулъ долго, съ необыкновенной силой, и бурливая Нева, затопивъ ночью всѣ улицы, поднялась на 7 футовъ и 7 дюймовъ ¹⁾.

¹⁾ Аллерт: Описаніе наводненій, бывшихъ въ С.-Петербургѣ, изд. 1826 г., стр. 28.

Жители были въ страхѣ и ежеминутной опасности погибнуть въ водяной пучинѣ; но въ каменномъ, недавно отстроеномъ на Васильевскомъ островѣ, домѣ нашей старушки, гдѣ, по приѣздѣ изъ Москвы, она и водворилась съ дочерью, было и другое безпокойство, другія опасенія: приближался роковой часъ — вдова царя Ивана V Алексѣевича, царица Прасковья Феодоровна разставалась съ жизнью.

Еще 24 сентября она была настолько бодра, что принимала у себя императрицу, цесаревенъ и большое общество знати. Старушка въ послѣдній разъ въ жизни праздновала одинъ изъ праздниковъ своего семейства — день рожденія царевны Прасковьи Ивановны, которой пошелъ 30-й годъ.

Съ этого времени, съ каждыиъ днемъ царицѣ становилось хуже и хуже, съ часу на часъ ждали ея кончины. 8 октября навѣстилъ ее государь и пробылъ у невѣстунки болѣе двухъ часовъ. Въ палатахъ умирающей толпились челядинцы, рабы и рабыни царицы-помѣщицы; они тревожно ждали ея кончины въ невѣдѣніи, что послѣдуетъ съ ними послѣ ея смерти; тутъ же были высшіе духовные іерархи, робко тѣснилось и ниснее духовенство, попы, разные церковники, штатные и нештатные пророки, вѣщуньи, юродивые и другія темныя лица, призрѣаемыя милосердной монархиней. Но эти лица могли показываться не иначе, какъ съ большими опасеніями наткнуться на государя; а эта встрѣча значила просто на просто попасть подъ батоги; имъ извѣстно было, какъ безцеремонно поступилъ Петръ Алексѣевичъ съ ихней же братьей при кончинѣ царевны Маріи Алексѣевны 20 марта 1723 г. Онъ засталъ въ покояхъ умирающей цѣлую толпу поповъ, которые, по заведенному изстари обычаю, принесли ей яствъ, панциковъ, и спрашивали: не нужно-ли ей чего-нибудь, всего-ли она имѣла вдоволь? Его величество немедленно всѣхъ ихъ выгналъ вонъ и строго настрого наказалъ, чтобъ впредь не повторялись подобныя вещи. Слѣдовательно немудрено, что при настоящемъ случаѣ многое не повторилось изъ старинныхъ обычаевъ, сопровождавшихъ проводы на тотъ свѣтъ...

Въ домѣ умирающей распоряжалась герцогиня Катерина Ивановна. Императрица ободряла и утѣшала ее и часто проводывала больную. Между прочимъ, зная, что умирающая всегда

была крайне немилостива къ средней своей дочери, мало того — почти ее прокляла — Екатерина Алексѣевна напоминала о необходимости полнаго прощенья и примиренья. Старушка согласилась и закрѣпила это подписью на письмѣ къ государынѣ: въ этой грамотѣ она прощала нелюбезную ей Анну ¹⁾. Мало того, 11 октября 1723 г., для успокоенія дочери и въ угоду государыни-невѣстки, старушка продиктовала слѣдующее письмо:

„Любезнѣйшая моя царевна Анна Ивановна! Попеже нынѣ болѣзни во мнѣ отчасу умножились, и тако отъ оныхъ стражду, что уже весьма и жизнь свою отчаяла, того для, симъ моимъ письмомъ напоминаю вамъ, чтобы вы молились обо мнѣ Господу Богу, а ежели Его, Творца моего, воля придетъ, что я отъ сего свѣта отъиду, то не забывайте меня въ поминовеніи.

„Также слышала я отъ моей вселюбезнѣйшей невѣстунки, государыни императрицы Екатерины Алексѣевны, что ты въ великомъ сумнѣніи и яко бы подъ запрещеніемъ — или паче рещи, проклятіемъ — отъ меня пребываешь, и въ томъ нынѣ не сумнѣвайся; все вамъ для вышепомянутой ея величества, моей вселюбезнѣйшей государыни невѣстунки, отнускаю и прощаю васъ во всемъ, хотя въ чемъ вы предо мною и погрѣшили. Впрочемъ, предавъ васъ въ сохраненіе и милость Божию, остаюся мать ваша ц. Прасковья“ ²⁾.

На другой день въ городѣ пронесся слухъ, что царица не проживетъ и нѣсколькихъ часовъ; но она промучилась еще сутки. Государыня была у ней утромъ, и потомъ провела день въ большомъ обществѣ: во дворцѣ былъ большой обѣдъ съ пунечной пальбой съ певскихъ судовъ, съ танцами и проч. Императора

¹⁾ Письма этого, къ сожалѣнію, мы не нашли въ подлинныхъ бумагахъ, но о немъ свидѣтельствуетъ князь Мих. Мих. Щербатовъ: „Анна, по словамъ сего историка, съ природы была права грубаго, отчего и съ родительницею своею въ ссорѣ находилась и ею была проклята, какъ мнѣ извѣстно сіе по находящемуся въ архивѣ Петра I-го одному письму отъ ея матери, отвѣтственному на письмо императрицы Екатерины Алексѣевны, чрезъ которое она прощаетъ дочь свою сію Анну. Грубый ея природный обычай не смягченъ былъ ни воспитаніемъ, ни обычаями того вѣка“ и проч. См. „Русскую Старину“, изд. 1870 г. (третье изд.), томъ II. О поврежденіи правовъ въ Россіи, стр. 39—40.

²⁾ Письма Петра Великаго, хранящіяся въ Императорской публичной библіотекѣ, издалъ А. О. Вычковъ, стр. 119. Можно полагать, что это и есть послѣдствіе или приложеніе къ тому письму, о которомъ упоминаетъ кн. Щербатовъ.

не было: онъ еще нѣсколько дней тому назадъ уѣхалъ съ не-
большой свитой осматривать ладожскій каналъ, при прорытїи
котораго оказалось множество злоупотребленій.

Такимъ образомъ императоръ Петръ Алексѣевичъ, вокреки
Голикову ¹⁾, не присутствовалъ при послѣднихъ дняхъ жизни
Прасковьи.

На разсвѣтъ 13 октября 1723 года старушка, чувствуя при-
ближеніе кончины, поручила своихъ дочерей „Катюшку и боль-
ную Параску“ материнскому попеченію императрицы, настоя-
тельно просила, чтобъ съ ней въ гробъ положили портретъ ея
мужа; наконецъ потребовала зеркало, долго въ него смотрѣлась,
какъ бы прощаясь сама съ собой и испустила духъ.

Капитанъ Бергеръ извѣстилъ дворъ и объѣхалъ сановниковъ
съ вѣстью о кончинѣ благовѣрнѣйшей государыни-царицы Пра-
сковьи Феодоровны.

Немедленно дали знать государю; отмѣнили спектакль, имѣв-
ній быть въ тотъ день во вновь построенномъ для труппы домѣ.
и стали толковать о томъ, насколько времени будетъ нало-
женъ трауръ; думали, что онъ протянется не менѣе полугода;
на другой же день дворъ и весь почти городъ облекся въ
трауръ.

16 числа государь вернулся въ столицу и начались распо-
ряженія о пышныхъ похоронахъ. Онѣ были назначены 22 ок-
тября 1723 г. Наканунѣ, гвардіи маіоръ Александръ Пвановичъ Ру-
мянцевъ, въ качествѣ маршала погребенія, объѣхалъ имени-
тыхъ лицъ съ приглашеніями, отъ имени дочерей покойной, по-
жаловать на другой день къ двѣнадцати часамъ на похороны
царицы. Толковали (зная страсть государя къ катаньямъ), что
тѣло царицы повезуть водой въ Невскую Лавру, но что оно
останется тамъ только до тѣхъ поръ, пока въ Петропавловскомъ
крѣпостномъ соборѣ не отдѣлаютъ императорскій склепъ, и что
трауръ продолжится не болѣе шести недѣль.

Государь, страстный охотникъ до устройства всякаго рода
торжественныхъ и курьезныхъ зрѣлищъ, самъ озаботился объ
украшеніи и обстановкѣ смертнаго одра царицы, по проекту
графа Санти. Ему было очень пріятно любопытство многочи-

¹⁾ Голиковъ: Дѣянія Петра I-го, т. IX, стр. 529.

сленныхъ посѣтителей, приходившихъ не для одного поклона умершей, но и для того, чтобъ поглазѣть на убранство. Посѣтителей принимали генералы Алларъ и Ласси, первые маршалы погребенія. Велѣдъ за голштинскимъ герцогомъ протолкаемся и мы къ парадному гробу царицы Прасковьи.

Открытый гробъ съ ея тѣломъ стоялъ на катафалкѣ, устроенномъ какъ парадная постель. Надъ ней возвышался большой балдахинъ изъ фіолетоваго бархата, украшенный галунами и бахромой, а надъ гробомъ, на той части балдахина, которая спускается въ головахъ, вышитъ былъ золотой двуглавый орелъ на фонѣ, состоящемъ какъ бы изъ горностаеваго мѣха. На внутренней ея сторонѣ стоялъ вышитый же имяннѣйшій шифръ покойной съ императорскою короною, скипетромъ и державою на верху. Съ правой стороны, на красной бархатной подушкѣ, лежала царская корона, украшенная довольно богато драгоценными камнями и сдѣланная, сколько позволяла краткость времени, довольно изящно. Возлѣ нея стояло желтое государственное знамя. Гробъ былъ на возвышеніи о нѣсколькихъ ступеняхъ, обитъ фіолетовымъ бархатомъ и широкимъ галуномъ; крышка украшена крестомъ изъ бѣлой обьяри. Изъ той же обьяри было платье на Прасковѣ и покровъ, спускавшійся до катафалка, обтянутого бархатомъ. По обѣимъ сторонамъ гроба стояло двѣнадцать большихъ свѣчей; кромѣ того въ комнатѣ висѣли три люстры и множество стѣнныхъ подсвѣчниковъ; во всѣхъ горѣли восковыя свѣчи. Вся комната была обита кругомъ черной байкой, а вверху — по карнизу шла фалбала, эффектно собранная изъ бѣлаго и чернаго флера... По стѣнамъ висѣли разныя аллегоріи. Тѣло охраняло двѣнадцать капитановъ въ черныхъ кафтанахъ, длинныхъ мантияхъ, съ чернымъ флеромъ на шляпахъ и съ вызолоченными алебардами; на длинныхъ концахъ флера, обвязаннаго вокругъ нихъ, висѣли маленькіе щиты съ вензелемъ и гербомъ царицы. У дверей стояли гренадеры, со штыковъ ихъ ружей также спускался флеръ. Надъ тѣломъ поочередно отчитывали двое священниковъ... Все дѣлалось какъ нельзя болѣе чинно, стройно и хорошо. Порядокъ не былъ нарушенъ плакальщиками, стопами и воплями толпы челядинцевъ, приживалокъ покойной, такъ какъ подобныя завыванія и причитыванія надъ умершими строжайше были запрещены Петромъ въ 1716

году, при погребеніи царицы Марфы, вдовствовавшей супруги Оедора Алексѣевича ¹⁾.

Прежнее распоряженіе везти тѣло водой было почему-то отмѣнено государемъ въ самый день погребенія. Процессія пачалась въ три часа пополудни, 22 октября. Когда въ передней комнатѣ въ домѣ покойной собралась вся знать и приѣхала царская фамилія, разнесли всѣмъ глиндвейнъ; послѣ чего всѣ перешли въ большую траурную залу, гдѣ и отслушали панихиду; ее служило все знатнѣйшее духовенство. Было четыре часа, когда вынесли тѣло изъ дому и длинная процессія медленно потянулась по оледенѣвшей, до такой степени скользкой грязи, что всѣ съ трудомъ передвигали ноги, ежеминутно рискуя упасть и вывихнуть ногу, либо свернуть шею. Ни ружейной, ни пушечной пальбы не было, но колокола всѣхъ церквей столицы загудѣли по сигналу спущенныхъ ракетъ.

Шествіе открывалъ гвардіи поручикъ съ восемнадцатю унтеръ-офицерами; они держали на плечахъ тесаки, съ которыхъ спускался длинный флеръ. За ними шелъ первый маршалъ Румянцевъ въ главѣ всѣхъ гражданскихъ и военныхъ чиновниковъ; всѣ они шли по старшинству, по трое и четверо въ рядъ. За ними должны были идти иностранные министры, но они — во избѣжаніе споровъ о мѣстахъ, не явились; герцогъ голштинскій шелъ со всѣмъ своимъ дворомъ, принцами гессенъ-гомбургскими, съ двумя вице-адмиралами и генераль-лейтенантами Ягужинскимъ и Минихомъ. Далѣе двигался большой хоръ императорскихъ пѣвчихъ и духовенство съ зажженными свѣчами; за другимъ маршаломъ — Мамоновымъ, выступалъ Матвѣевъ съ царской короной на подушкѣ, — прочихъ регалій и знаковъ не было; двѣнадцать полковниковъ шли въ качествѣ посильщиковъ, однако тѣло не несли, а везли на открытой черной колесницѣ, на которой для бѣдшаго парада гробъ былъ поставленъ очень высоко; съ него спускался до земли черный бархатный покровъ, оббитый серебряными галунами. Въ колесницу впряжена была шестерка большихъ, какъ слѣдуетъ завѣшанныхъ лошадей; шесть маіоровъ несли фіолетовый, бархатный балдахинъ,

¹⁾ Веберъ: Das veränderte Russland. T. I, стр. 122—123. Берхгольцъ, ч. III, стр. 133—145. Голицковъ, т. IX, стр. 529—530.

вокругъ шло двѣнадцать капитановъ - аллебардистовъ и столько же поручиковъ съ большими свѣчами.

Маршалъ Алларъ съ громаднымъ жезломъ открывалъ третье отдѣленіе шествія: его составляли траурные. То были: императоръ, ведомый Апраксинымъ и Меншиковымъ, герцогиня мекленбургская Катерина Ивановна въ глубочайшемъ траурѣ, съ совершенно закрытымъ лицомъ; ее вели подъ руки оберъ-полиціймейстеръ и Андрей Ивановичъ Ушаковъ, шлейфъ несли четыре прапорщика гвардіи; въ такомъ же траурѣ шла Прасковья Ивановна, поддерживаемая контръ-адмираломъ Сепявинымъ и генераль-адъютантомъ Нарышкинымъ, шлейфъ несли унтеръ-офицеры. Императрица также была въ траурѣ, съ закрытымъ лицомъ, равно какъ и остальные дамы ея свиты. До полутораста унтеръ-офицеровъ и солдатъ съ зажженными факелами вытягивались по сторонамъ; воинская же команда замыкала шествіе.

Оно подвигалось крайне медленно. Царевна Прасковья, за ней императрица, герцогиня и всѣ дамы сѣли въ кареты; мужчины шли пѣшкомъ, скользили, выстунали какъ гуси по льду и страшно мерзли. Болѣе двухъ часовъ двигалась процессія. Ее встрѣтили у воротъ обители всѣ монахи и духовенство; полковники торжественно внесли гробъ въ церковь. Здѣсь молодой священникъ почти цѣлый часъ говорилъ проповѣдь; это вѣроятно былъ панегирикъ умершей царицѣ, и во всякомъ случаѣ, нельзя не пожалѣть, что интересное для біографіи царицы Прасковьи слово не сохранилось для потомства. По обыкновенномъ служеніи, архіепископъ новгородскій, а за нимъ и все духовенство облобызали руку покойной; къ ней же подвели царевенъ, онѣ громко рыдали; государыня поцѣловала невѣстунку въ губы; затѣмъ начались прощанія всѣхъ предстоявшихъ; за цѣлованіемъ государя, положили на лицо покойной портретъ ея супруга, зашитый въ бѣлую обьярь, заколотили гробъ и опустили его въ могилу предъ алтаремъ, въ Благовѣщенской церкви ¹⁾.

¹⁾ Описаніе С.-Петербурга Богданова, 1751 г., изд. 1779, стр. 374—375. Описаніе Невской Лавры Павлова, 1842 г., стр. 65. Описаніе Петербурга Пушкирева I, стр. 142. Царицѣ Прасковьѣ судьба привела почивать въ общемъ склепѣ съ „свѣтъ - Катюшкой“ (умерла 24 іюня 1733 г.) и неаглядной внучкой Линушкой, которой суждено было такъ много выстрадать въ злополучной и кратковременной жизни (погреб. 1 марта 1746 г.); въ той же церкви могила сестры царицы, княгини Настасьи Ромодановской (ум. 2 сент. 1736 г.).

Въ домѣ покойной совершены были по обычаю поминки; государь просидѣлъ за столомъ до 11 часовъ ночи. Дня два спустя была страшная попойка у герцога голштинскаго; на дворѣ императорскаго дома начались пытки, нѣсколько знатныхъ персонъ разсажены были подъ стражею за какія-то „государственныя противности“; ихъ ежедневно водили въ пѣсяхъ въ присутствіе сепата... все, однимъ словомъ, пошло обычной колесей.

„Свѣтъ-Катюшка“, какъ и падо было ожидать по ея характеру, скоро очень развеселилась; она увѣряла, что причина ея веселости заключается въ добрыхъ вѣстяхъ о благовѣрномъ супругѣ: дѣла его будто бы поправлялись, въ Данцигѣ съ нимъ вели переговоры уполномоченные австрійскаго императора и англійскаго двора; Петръ также отправилъ туда курьера.

Братецъ покойной, Василій Ѳеодоровичъ Салтыковъ, хлопоталъ о раздачѣ монастырямъ и шпцей брatin, на поминъ о душѣ Прасковьи, милостыни²⁾; а государь приказалъ всѣ дѣла царицы привести въ надлежащій порядокъ, представить смѣту долговъ, удовлетворить кредиторовъ, положить штаты царевнамъ, позаботиться объ оставшихся больныхъ, увѣчныхъ и престарѣлыхъ ея служителяхъ.

Долговъ у старушки оказалось немало. Прасковья до такой степени не умѣла заправлять своими достатками, что постоянно нуждаясь въ деньгахъ, закладывала даже вещи; императоръ приказалъ Ѳеодору Воейкову позаботиться о выкупѣ этихъ закладовъ. Выкупъ продолжался еще и въ 1724 году: такъ отъ 3 апрѣля сего года мы находимъ указъ государя Дмитріеву-Мамонову о заплатѣ денегъ строителю Бурнаеву за заложенные у него царицей каменья и жемчугъ.

На погребеніе царицы употреблено было 624 свѣчи, всего сожжено воску 6 пудовъ 11 фунтовъ, по разнымъ цѣнамъ на 73 руб. Бергъ-коллегія потребовала этихъ денегъ отъ наследницъ Прасковьи; но управитель ихъ отвѣчалъ: „что денежной казны въ присылкѣ изъ вотчинъ ихъ высочество не имѣется, а понеже тѣ восковыя заводы заведены изъ кабинета его величе-

²⁾ Госуд. Арх., Кабинетныя дѣла II-я полов., кн. LXIV, л. 147, вѣдѣніе Василія Ѳеодоровича Салтыкова.

ства, и чтобъ тѣхъ денегъ на компаніи ихъ высочествъ не спрашивать, ибо тѣ свѣчи употреблены на погребеніе ея величества государыни царицы“.

Государь повелѣлъ поставить свѣчи на кабинетскій счетъ ¹⁾. Въ кабинетъ его поступило, по случаю распорядка дѣлъ Прасковьи, много челобитень разныхъ лицъ объ удовлетвореніи ихъ слѣдуемыми имъ деньгами, полочки которыхъ они никакъ не могли добиться отъ царицы. Въ числѣ челобитчиковъ былъ и воспитатель дочерей Прасковьи, Стефанъ Рамбурхъ. „Въ прошломъ 1703 году, — писалъ между прочимъ французъ, — зачалъ я по указу со всякою прилежностью танць учить ихъ высочествамъ государынямъ царевнамъ, племянницамъ в. и. величества, которымъ служилъ до 1708 году и того пять лѣтъ. А за оныя мои труды обѣщано мнѣ жалованья по 300 рублей на годъ, къ чему представляю во свидѣтели господъ Гуйзена и Остермана, которые тогда ихъ высочествамъ и нѣмецкой языкъ учили. Однакожъ принужденъ послѣ десятилѣтнихъ моихъ докукъ въ Москвѣ, домъ мой оставить. И пріѣхавъ въ Петербургъ, непрестанно просилъ о выдачѣ моихъ денегъ ея величество блаженной памяти государыню царицу, которая изволила ото дня до дня отлагать. А послѣ смерти ея величества билъ я челомъ ея высочеству, государышѣ царевнѣ герцогинѣ Мекленбургской, которая не изволила жъ мнѣ никакое удовольствованіе учинить“...

Вслѣдствіе чего Рамбурхъ просилъ государя выдать заслуженные имъ 1500 рублей, чтобъ вѣрныя труды вотще не остались, и ему, Рамбурху, „при глубокой его старости, съ великою фамилією возможно было пропитаться, непрестанно Бога моли о здравіи государя и всего августѣйшаго дома“.

Государь внялъ мольбамъ. Французъ получилъ слѣдующія деньги, кромѣ того годовой окладъ, и, обрадованный милостями, не замедлилъ ударить новой челобитной. Какъ истый французъ, онъ жаждалъ — чина! Съ упрекомъ ставилъ онъ на видъ то обстоятельство, что „французанинъ не возмогъ отъ царевенъ никакой уплаты трудамъ своимъ получить“, а между тѣмъ ему принадлежитъ честь „обученія ихъ высочества зачалу или осно-

¹⁾ Госуд. Арх. Кабинетныя дѣла II-я полов., кн. LXVI, л. 888: въ кабинетъ Е. И. В. допосеніе.

ванію французскаго языка“. Учитель просилъ какого-нибудь чина, который, по его увѣренію, нуженъ былъ для упроченія и вѣдншаго обученія двухъ его сыновей во Франціи „такимъ наукамъ и художествамъ, какія его величество повелить, чтобы съ своимъ возвращеніемъ въ Россію возмogli бы достойно явиться въ службу и съ пользою могли бы быть употреблены“¹⁾.

Неизвѣстно получилъ-ли желаемый чинъ докучливый французъ, но во всякомъ случаѣ справедливый упрекъ его Катеринѣ Ивановнѣ теряетъ свою силу, когда знаешь разстроенное положеніе ея финансовъ. Она смѣнила казначея Тихменева, стариннаго врага Деревнина, но дѣла отъ этого не улучшились. Секретарь Арцыбашевъ, которому государь вмѣстѣ съ другими поручилъ разсмотрѣть приходо-расходныя смѣты комнаты ихъ высочествъ, никакъ не могъ добиться толку, куда дѣлась та или другая сумма, выданная покойной царицѣ изъ кабинета и не введенная въ расходъ²⁾.

Окладъ царевнѣ Катерины и Прасковьи въ 1723—1724 годахъ былъ слѣдующій: въ годъ на двѣ комнаты отпускалось 9,000 рубл.; на четыре комнаты, за конскіе кормы, за дрова и за починку каретъ — 3,203 руб. 84 к.; чиновнымъ боярынямъ, казначеямъ, постельницамъ, дѣвцамъ, истошникамъ, сторожамъ, крестовымъ дякамъ, портомоямъ и портомояннымъ сторожамъ — 953 р. 60 к. Дворовымъ, конюшенимъ и верховымъ людямъ — 1740 р. 73¹/₂ к., и того на оба двора царевнѣ въ годъ шло — 14,898 рубл. 17¹/₂ коп.

Въ смѣтѣ на 1725. годъ послѣдовали нѣкоторыя перемены, но не къ увеличенію, а напротивъ къ уменьшенію оклада: на двѣ комнаты царевнѣ отпущено было на годъ на конскіе кормы,

¹⁾ Челобитныя Рамбурха 1723—1724 гг. на французскомъ языкѣ и въ русскомъ переводѣ въ Кабин. дѣл. II полов. кн. LXV, л. 726, кн. LXIX лл. 118—119.

²⁾ Кабин. дѣла II пол. т. LXVIII, лл. 589—590. Оправдательное письмо Тихменева къ монарху о доходахъ и расходахъ царицы. 5-го дек. 1724 г. Справки о томъ же: Каб. дѣл. I пол. кн. LXIV л. 367 и проч. Указъ въ москов. надпори. судъ о высылкѣи съ служителей Аргамановыхъ начетныхъ 3000 руб., принадлежащихъ царицѣ Прасковьи. Голицковъ, т. IX, стр. 474. Тяжба Тихменева съ Терекимъ продолжалась долго. Государь между прочимъ повелѣлъ Тихменеву отвѣтствовать на своеручные его запросы. Въ чемъ они состояли и чѣмъ кончилось дѣло, мы не доискались.

на дрова и починку каретъ -- 1601 руб. 92 коп.; чиновнымъ служительницамъ и крестовымъ дякамъ -- 476 руб. 80 коп., дворовымъ и конюшеннаго чина людямъ -- 870 руб. 36³/₄ коп.; да на рожь и овесъ -- 3,380 руб., итого 6,329 руб. 8³/₄ коп. ¹⁾

Единственный и любимый братъ царицы, Василій Салтыковъ, не присутствовалъ на похоронахъ сестры, и, получивъ извѣстiе объ ея кончинѣ, сильно опечалился. Обѣ племянницы написали ему въ одинъ и тотъ же день -- 19 ноября 1723 г. -- утѣшительныя и буквально одинаковыя письма:

„Василій Оедоровичъ! Увѣдомились мы, что вы отъ болѣзни своей нетокмо (не) выздоровѣли, но и еще болѣзнь вамъ прибавилась; а къ тому-жъ зѣло печалитесь о кончинѣ государыни нашей матушки. Правда, что ея печаль зѣло чувственна намъ всемъ; однако-жъ тому уже помочь невозможно, только что здоровье свое можете повредить. Къ тому-жъ, какъ мы слышамъ, что вы намѣрены ѣхать сюда къ намъ, и то свое намѣренiе, конечно извольте отложить и сюда не ѣздите, ибо мы надѣемся, что сами въ Москвѣ будемъ. Пожалуй для Бога не печальтесь, хотя для насъ. Царевна Прасковья“.

Катерина Ивановна въ своемъ письмѣ нѣсколько измѣнила только послѣднюю фразу: „Пожалуй, дорогой мой, не печалься. Ц. Екатерина“ ²⁾.

Сама же герцогиня, хотя писала, что „сiя печаль зѣло чувственна намъ всемъ“, по по свидѣтельству ея любимца, камергера Берхгольца, скоро утѣшилась.

Все хлопоты по раздѣлу имущества и имѣнiй царицы Прасковьи пали на одну младшую дочь ея, Прасковью Ивановну. Царевна, какъ и все русскiе того времени, не представляла себѣ (и не безъ основанiя), что возможно хлопотать о какомъ либо дѣлѣ, не раздавая направо и палѣво взятокъ, начиная съ высшихъ лицъ и кончая послѣднимъ подъячимъ. Она прежде всего стала давать взятки приближеннымъ императрицы, какъ это оказалось впоследствии изъ ея собственныхъ показанiй въ процессѣ Вилима Монса. Сестру его, Матрену

¹⁾ Каб дѣла II полов. кн. LXV. л. 479, кн. XCVI. лл. 433--437.

²⁾ „Русская Старина“ изд. 1872 г. томъ VI, стр. 567.

Ивановну Балкъ, она жаловала полотномъ и запасами; Вилма Монсъ кромѣ посылки съѣстныхъ припасовъ, наградила псковскими деревнями „для тово—объясняла царевна—што все въ немъ искали штобы (былъ) добръ“... Награждала она и Столѣтова, секретаря Монса за то, „чтобъ онъ приводилъ Монса, а тотъ государыню императрицу, чтобъ та ее содержать въ милости своей изволила“ и домашнее бы имъ (царевнамъ) опредѣленіе учинила“. Просила также Прасковья Ивановна о себѣ и сестрѣ — князя Менишкова и его жену, писала почтительныя родственныя письма во дворецъ и т. п.

Что-то робкое и загнанное проявляется въ дѣйствіяхъ царевны Прасковьи и проглядываетъ въ ея письмахъ. Таковъ даже тонъ указовъ царевны управителю Осѣчепской волости Калмыкову и старостѣ ся новгородскихъ волостей Петру Фирсову о присылкѣ живности, припасовъ и денегъ. Во всемъ этомъ оказывался постоянный недочетъ. Никто не чувствовалъ почтенія къ бѣдной царевнѣ. Даже покойная царица Прасковья Оедоровна относилась съ пренебреженіемъ къ хворой безличной дочери и этимъ еще болѣе обезличивала ее. Оставаясь долгіе годы перазлучно при крутой и суровой матери, царевна мало по малу привыкла къ рабскому подчиненію ея волѣ и утратила всякую самостоятельность. Гнетъ прекратился со смертью матери; герцогиня мекленбургская не была способна притѣснять кого бы то ни было; теперь Прасковья Ивановна могла говорить и поступать, какъ угодно; по уже было слишкомъ поздно—царевнѣ пошелъ 30-й годъ; въ этомъ возрастѣ уже не измѣняются люди.

Мы видѣли какъ скоро утѣшилась Катерина Ивановна, не долго тосковала по матери и сестра ея, Прасковья. Иноземные писатели свидѣтельствуютъ, что она тайно обвинчалась съ Иваномъ Ильичемъ Дмитриевымъ-Мамоновымъ, генераломъ и сенаторомъ. Тайный супругъ царевны Прасковьи былъ однимъ изъ главныхъ дѣйствователей при составленіи того акта, которымъ герцогиня курляндская Анна Ивановна призывалась на всероссійскій престолъ съ ограниченіемъ самодержавной власти, но ради жены своей не только не подвергся оналѣ, но снискала милости новой государыни. Онъ не долго пользовался ими: Мамоновъ умеръ скоропостижно въ 1730 году. Прасковья

немногимъ пережила любезнаго ей супруга; она скончалась на рукахъ сестеръ въ 1731 году ¹⁾.

Нелюбимая дочь царицы Прасковьи Федоровны, Анна Ивановна въ 1723 году находилась въ Курляндіи. Ей не удалось проститься съ матерью; она даже не тотчасъ узнала объ ея смерти, потому что еще въ письмѣ своемъ отъ 18-го октября того же года просила императрицу о дозволеніи пріѣхать въ Петербургъ для свиданія съ матерью ²⁾, когда последней уже не было на свѣтѣ.

Анна Ивановна пріѣхала въ Россію съ небольшою свитой, въ мартѣ 1724 года, на коронацію императрицы Екатерины Алексѣевны и опять вернулась въ Курляндію въ концѣ августа. Но прошло еще шесть лѣтъ; много переменъ произошло въ Россіи: скончались Петръ Великій, Екатерина I, похоронили въ Московскомъ Архангельскомъ соборѣ Петра II, и герцогиня курляндская, помимо другихъ наслѣдниковъ, провозглашена была императрицей всероссійской.

15-го февраля 1730 года совершился торжественный въѣздъ императрицы Анны Ивановны въ Москву.

Прощаясь съ героями и героинями нашего разсказа, забудемъ ли Василія Федоровича Деревнина, благодаря жженію котораго мы познакомились съ нѣкоторыми особенностями характера благовѣрной старушки? Къ сожалѣнію, свѣдѣнія наши объ окончательной судьбѣ копченаго стряпчаго крайне неудовлетворительны; 24-го сентября 1724 года, т. е. два года спустя послѣ объясненія Прасковьи съ стряпчимъ-казначеемъ, государь, удосужившись прочесть экстрактъ его дѣла, приказалъ генеральному суду либо принять Деревнина подъ свой караулъ, либо отослать его въ юстицъ-коллегію. Надо думать, что въ октябрѣ того же года состоялось о чемъ какое-либо распоряженіе, такъ какъ дѣло сдано было (24-го октября) на храненіе въ тайную канцелярію, въ картонахъ которой оно находится и въ настоящее время.

¹⁾ Materialien zu der Russischen Geschichte seit dem Tode des Kaisers Peter des Grossen, соч. Шмита Фисельдека.

²⁾ Письма русскихъ государей, изд. 1862 г. М., ч. IV, стр. 106.

Получилъ-ли Деревининъ свободу, или отправленъ для от-
вращенія дальнѣйшихъ проволочекъ (что случалось зачастую)
въ Сибирь, „на государеву службу“ — неизвѣстно ¹⁾.

Въ заключеніе нашего историко-біографическаго очерка, вы-
скажемъ увѣренность, что личность блаженной памяти благовѣр-
пѣйшей государыни царицы Параскевы Θεодоровны обрисовалась
предъ нашими читателями. До сихъ поръ мы встрѣчали эту
женщину въ нашихъ печатныхъ источникахъ, въ спискахъ лицъ,
участвовавшихъ въ той, либо другой процессіи, либо читали два-
три слова о вниманіи и расположеніи къ ней Петра Великаго.
Затѣмъ она все-таки оставалась какимъ-то безплотнымъ, без-
цвѣтнымъ, существомъ, съ именемъ котораго мы не соединяли
ни малѣйшаго понятія: Прасковья представлялась намъ такою
же безличною тѣнью, какою до сихъ поръ остаются въ исторіи
Петра бблшая часть его сподвижниковъ и сподвижницъ.

Мы убѣждены, что для полной исторіи того времени, для
яснаго, отчетливаго знакомства съ обществомъ, съ духомъ той
эпохи, съ обстановкою Петра, необходимо болѣе или менѣе
близкое знакомство не только съ государственными дѣятелями,
сподручниками, птенцами Петра, но и съ тѣми, мужскими и
женскими, знатными и незнатными персонами, которымъ выда-
лась замѣтная роль въ общественной жизни, которая, наконецъ,
могутъ служить типическими представителями и представитель-
ницами своего времени и тогдашняго общества.

Царица Прасковья — именно одна изъ такихъ личностей.
Въ ней мы видимъ женщину до-петровскую, съ суевѣрїями,
предразсудками и ханжествомъ, и женщину петербургской пре-
образовательной эпохи, съ умѣньемъ примѣняться къ обстоятель-
ствамъ, къ характерамъ вліятельныхъ лицъ, съ извѣстными
уступками современному духу въ обученіи дѣтей, въ препро-

¹⁾ Последняя бумага, относящаяся къ сему дѣлу, есть представленіе тай-
ной канцеляріи, 9-го ноября 1724 г., въ кабинетъ его величества копїи съ
жалобы Терскаго (1722 г.) на московскую полицію и Стевана Тихменева,
„чтобъ была та просьба (а рѣшеніе по ней не положено) извѣстна въ кабинетѣ,
и къ тайной канцеляріи впродъ къ неисправленію чего не причлось бы, понеже
о деньгахъ (пачеты на Деревинина царицею) по оной канцеляріи не причле-
стнуютъ.“ Дѣла Ролькии. дѣла Тайной Канцеляріи. карт. XV. лл. 45—46.

вожденіи времени, въ забавахъ, развлеченіяхъ; наконецъ, — и это всего важнѣе, — личность царицы Прасковьи интересна для насъ уже потому, что она мать императрицы Анны Ивановны. Исторія Анны — въ связи съ подробностями всей ея жизни (если мы дождемся такового труда) — ни въ какомъ случаѣ не обойдетъ царицу Параскеву Осодоровну.

Прислушайтесь къ отзывамъ современниковъ объ Аннѣ Ивановнѣ. Анна, по свидѣтельству одного изъ нихъ, „не имѣла блистательнаго разума, но имѣла сей здравый разсудокъ, который тщетной блистательности въ разумѣ предпочтителенъ. Съ природы праву грубаго... грубый природный обычай не смягченъ былъ ни воспитаніемъ, ни обычаями того вѣка, ибо она родилась во время грубости Россіи, а воспитана была и жила тогда, какъ многія строгости были оказуемы; и сіе учинило, что она не щадила крови своихъ подданныхъ и смертную мучительную казнь безъ содроганія подписывала... Не имѣла жадности къ славѣ, и потому новыхъ узаконеній и учрежденій мало вымышляла, но старалась старое учрежденное въ порядкѣ содержать... Не можно оправдать ее въ любострастіи, ибо подлинно, что бывший у нея гофъ-мейстеромъ Петръ Михайловичъ Бестужевъ имѣлъ участіе въ ея милостяхъ, а потомъ Биропъ и явно любимцемъ ея былъ, но наконецъ при старости своихъ лѣтъ является, что она его болѣе, яко пужнаго друга себѣ имѣла, нежели какъ любовника“¹⁾.

Подобные отзывы объ Аннѣ Ивановнѣ, рассказы о ея суетвѣрїи и проч., живо представляютъ намъ средство ея характера, привычекъ, даже взглядовъ на вещи съ характеромъ, достоинствами и недостатками ея матушки. Вліяніе царицы Прасковьи Осодоровны не могло не отразиться на развитіи ея дочери, императрицы Анны Ивановны.

Намъ остается сказать нѣсколько словъ о портретѣ Прасковьи. Онъ помѣщенъ въ изданіи г. Фридебурга: „Царственный домъ Романовыхъ“, и какъ видно изъ подписи: „компонованъ съ портрета Московскаго Новоснасскаго монастыря“. Мы не видѣли

¹⁾ Кн. М. М. Щербатовъ: „О поврежденіи правовѣ“. „Русская Старина“, изд. 1870 г., томъ II (изд. третье), стр. 40.

оригинала; по словамъ г. Фридебурга—оригиналь рисованъ масляными красками и надпись его гласить такъ: „Царица Праскева Ѳедоровна“. Не смотря на надпись, мы однако сильно сомнѣваемся, чтобъ это былъ портретъ царицы. Въ сомнѣніе повергаетъ насъ костюмъ Прасковьи: царица изображена какъ въ кошин, такъ и на оригиналѣ (по свидѣтельствѣ г-на Фридебурга), съ открытою грудью, декольте, въ высокомъ корсажѣ, съ выдавшимся лифомъ, съ короткими рукавами, стянутыми брошками, въ богатой мѣховой мантии, небрежно накинутой на лѣвое плечо. Вообще костюмъ чисто иноземный, а извѣстно, что царица не любила и не носила его даже до старости, а тѣмъ болѣе не могла носить въ молодые годы: она представлена красавицей лѣтъ 25-ти. Наружность Прасковьи Ѳедоровны, если вѣрить этому, быть можетъ мнимому, портрету, была весьма привлекательна; она изображена здѣсь стройною, статною, съ высокою грудью, полнымъ лицомъ и прекрасно очерченными бровями; волосы, зачесанные маленькими завитками на лбу, безъ пробору, густыми, роскошными косами ниспадаютъ на плечи. Въ описаніяхъ Новоспасскаго монастыря, изд. 1802, 1821 и 1843 гг., ничего не говорится о хранящихся въ монастырѣ портретахъ.

Эта догадка наша о портретѣ царицы Прасковьи, напечатанная въ 1861 г., въ первомъ изданіи книги „Царица Прасковья“—вполнѣ оправдалась.

Портретъ, изданный Г. К. Фридебургомъ, исполненъ съ фантастическаго изображенія царицы. Подлинный портретъ царицы Прасковьи найденъ нами лично въ маѣ 1881 г. въ Троицко-Сергіевской лавры, близъ Москвы, въ залѣ келій митрополита, въ углу. Вполнѣ точная копія съ него, но въ уменьшенномъ размѣрѣ, снята для насъ заботливостью архимандрита лавры, высокочтимаго дѣятеля въ области историческихъ изслѣдованій—архимандрита Леонида.

Художникъ Н. К. Бреже вполнѣ искусно и старательно отпечаталъ этотъ портретъ хромолитографически и онъ приложенъ къ настоящей книгѣ.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

Переписка царицы Прасковьи Ѳедоровны.

1716—1723.

I.

Царица Прасковья — государыня Екатерина Алексѣевна.

1716 г. февраля 3-го. Изъ С.-Петербурга.

Государыня моя матушка и невѣстушка, царица Екатерина Алексѣевна!

Здравствуй, свѣтъ мой, на множество лѣтъ. Доношу милости твоей: Государь царевичъ Петръ Петровичъ и государыня царица Анна Петровна, и государыня царица Елисавета Петровна, слава Богу, въ добромъ здоровьи.

Пожалуй, государыня моя невѣстушка, прикажи насъ увѣдомить писаніемъ о вашемъ здравьи, чего мы отъ сердца слышать желаемъ. Прошу вашей милости: содержи, свѣтъ мой, въ своей милости мою дочку, какую я видѣла къ ней твою милость. также слышу и заочную твою милость къ ней.

А о себѣ доношу вашей милости: я съ дѣтьми своими до воли Божіей живы.

„Присемъ остаюсь — сноха ваша Прасковья кланяюсь“¹⁾.

Примѣчаніе. На оборотѣ адресъ: „Государыня моей невѣстукѣ царицѣ Екатерины Алексѣевны“.

¹⁾ Строки, отмѣченныя въ письмахъ царицы Прасковьи, а равно и въ письмахъ ея дочерей виосными знаками — написаны царицею и царицами собственноручно.

Многія изъ этихъ писемъ впервые явились въ печати въ первомъ изданіи нашей книги „Царица Прасковья“ въ 1861 г., затѣмъ тогда-же, т.-е. въ 1861-мъ году, это документы, хотя и не всѣ, но за то дополненные вновь отысканными письмами тѣхъ же лицъ явились въ изданіи Московскаго Архива Министерства Иностранныхъ дѣлъ: „Письма Русскихъ государей и прочихъ особъ царскаго семейства“, изд. 1861 г. томъ II.

Такъ какъ въ упомянутомъ изданіи документы напечатаны уже буквально, то мы здѣсь не считаемъ необходимымъ воспроизводить всю безграмотность переписки того времени, а довольствуемся дословной передачей писемъ.

II.

1716 г. февраля 9-го. Изъ С.-Петербурга.

Государыня моя матушка и невѣстушка, царица Екатерина Алексѣвна!

Здравствуй, свѣтъ мой, на множество лѣтъ. Прошу, государыня, прикажи насъ увѣдомить писаніемъ о здравіи государевомъ и о своемъ, чего мы отъ сердца слышать желаемъ. Доношу вашей милости: государь царевичъ Петръ Петровичъ, государыня царица Анна Петровна, государыня царица Лизавета Петровна, слава Богу, въ добромъ здоровьи.

Пожалуй, матушка моя невѣстушка, не оставь въ своей милости Катюшки.

А о себѣ доношу вашей милости: я съ дѣтьми своими до воли Божіей живы.

„Присемъ остаюсь—сноха ваша Прасковья кланяюсь“.

Примѣч. На оборотѣ письма адресъ: „Государынѣ моей невѣстушкѣ царицѣ Екатеринѣ Алексѣвнѣ“.

III.

Царица Прасковья — Петру I.

(Безъ означенія года). Февраля 14-го. Изъ С.-Петербурга.

„Батюшка мой, государь царь Петръ Алексѣвичъ! Здравія тебѣ, батюшка мой, и счастья добраго желаю отъ сердца своего на множество лѣтъ, и съ государынею моею матушкою невѣстушкою, царицею Екатериною Алексѣвною, и съ дѣтками вашими дорогими. Благодарствую, батюшка мой государь, за превысокую твою къ Катюшкѣ милость, и я всемъ сердцемъ слыша радуюсь и другія мои дѣти того же желаютъ; не оставь, мой батюшка, и тѣхъ. Пожалуй, мой батюшка, прикажи насъ увѣдомить о нашемъ здоровьи, чего всегда желаемъ.“

Присемъ остаюсь—II. кланяюся.

При этомъ — изъ грамотокъ герцогини Курляндской Анны Ивановны, герцогини Мекленбургской Екатерины Ивановны и царицы Прасковьи Ивановны помѣщаемъ здѣсь лишь нѣсколько наиболее характерныхъ писемъ.

М. С.

IV.

Царица Прасковья — Екатеринѣ Алексѣевнѣ.

(Безъ означенія года). Февраля 14-го. Изъ С.-Петербурга.

Матушка моя государыня невѣстунка, царица Екатерина Алексѣевна! Здравія вашего желаю и добраго счастья, и съ государемъ нашимъ батюшкою, царемъ Петромъ Алексѣевичемъ, и съ дорогими вашими дѣтками, на множество лѣтъ. И доношу: дорогія ваши дѣтки, за помощію Божіею, въ добромъ здоровьи. Благодарствую, матушка моя, за превысокую твою къ Катюшкѣ милость, и я всемъ сердцемъ слыша радуюсь; и впредь, матушка моя, имѣю на тебя и на твое милосердіе надежду.

„При семъ остаюсь Прасковья кланяюся“.

V.

1716 г. февраля 18. Изъ С.-Петербурга.

Государыня моя невѣстунка и матушка царица Екатерина Алексѣевна!

Здравствуй, свѣтъ мой, на множество лѣтъ, купно съ государемъ нашимъ общимъ батюшкою, царемъ Петромъ Алексѣевичемъ. Благодарствую, государыня моя, за писаніе ваше, и впредь о томъ-же прошу, дабы не оставлены были писаніемъ объ общемъ вашемъ здоровьи, чего мы отъ сердца слышать желаемъ.

Доношу вашей милости: дорогія ваши дѣтки, слава Богу, въ добромъ здоровьи. Прошу, да не оставлена будетъ Катюшка въ вашей милости.

„За симъ остаюсь — сноха ваша Прасковья кланяюся“.

Примѣч. На оборотѣ письма адресъ: „Государынѣ моей невѣстункѣ царицѣ Екатеринѣ Алексѣевнѣ“.

VI.

(Безъ означенія года, мѣсяца и числа). Изъ С.-Петербурга.

Государыня моя невѣстунка и матушка царица Екатерина Алексѣевна!

Здравствуй, свѣтъ мой, на множество дѣтъ, купно съ государемъ нашимъ общимъ батюшкою, съ царемъ Петромъ Алексѣвичемъ.

Доношу вашей милости: дорогія дѣтки ваши, слава Богу, въ добромъ здоровьи. Благодарствую, государыня моя, за писаніе ваше, чего и впредь желаю слышать чрезъ писаніе о вашемъ общемъ здравіи; а что изволишь писать, чтобъ взаимно не покинуть дорогихъ дѣтокъ вашихъ, и мы рады служить — лишь бы что вамъ угодно.

„О Катюшкѣ прошу, пожалуй, свѣтъ мой, содержать ее въ такой милости, какъ отовсюду слышу превеликую къ ней милость; о томъ, свѣтъ мой, еще прошу, что съ молодости, какая несправа — пожалуй, свѣтъ мой, поучи и покручинься и побей по такой твоей милости. Присемъ остаюся Прасковья“.

Примъч. На оборотѣ письма адресъ: „Государынь моей невѣстушкѣ царицѣ Екатеринѣ Алексѣевнѣ“.

VII.

1716 г. марта 10. Изъ С.-Петербурга.

Государыня моя невѣстушка и матушка царица Екатерина Алексѣевна!

Здравствуй, свѣтъ мой, на множество дѣтъ, купно съ государемъ нашимъ общимъ батюшкою, царемъ Петромъ Алексѣвичемъ.

Доношу вашей милости: дорогія дѣтки ваши, слава Богу, въ добромъ здоровьи. Благодарствую, государыня моя, за писаніе ваше, и впредь о томъ же прошу, дабы не оставлены были мы писаніемъ о состояніи общаго вашего здравія, чего отъ сердца слышать желаемъ. Пожалуй, матушка моя, не оставь въ своей милости дочери моей Катюшки.

Доношу вашей милости: я съ дѣтьми своими до воли Божіей живы.
„Присемъ остаюся — сноха ваша Прасковья кланяюся“.

Примъч. На оборотѣ письма адресъ: „Государынь моей невѣстушкѣ царицѣ Екатеринѣ Алексѣевнѣ“.

VIII.

1716 г. марта 16. Изъ С.-Петербурга.

Государыня моя невѣстушка и матушка царица Екатерина Алексѣевна!

Здравствуй, свѣтъ мой, на множество лѣтъ, купно съ государемъ нашимъ батюшкою, царемъ Петромъ Алексѣевичемъ.

Доношу вашей милости: дорогія дѣтки ваши, слава Богу, въ добромъ здоровьи. Благодарствую, государыня моя, за писаніе ваше, и виредь прошу, дабы не оставлены были писаніемъ о состояніи общаго вашего здравія, чего отъ сердца слышать желаемъ. Благодарствую, матушка моя, за милость вашу къ дочери моей Катюшкѣ, о которой пишешь о вашей милости непремѣнной къ ней; а о себѣ доношу вашей милости: я съ дѣтьми своими до воли Божіей живы.

„Присемъ остаюсь — слоха ваша Прасковья кланяюсь“.

IX.

Государыня Екатерина Алексѣевна — царицѣ Прасковѣ.

1716 г. октября 10. Изъ Копенгагена.

Государыня моя невѣстухка, царица Параскевія Θεодоровна! Здравствуй на множество лѣтъ, купно и съ любезными своими государынями царевнами.

Доношу вамъ, моей государынѣ, что его царское величество обрѣтается, слава Богу, въ добромъ здравіи, и надѣмся, что отсель путь свой воспримемъ вскорѣ, понеже десантъ въ Шону, за позднимъ временемъ, отложенъ. Прошу васъ, моей государыни, дабы въ писаніяхъ своихъ меня не оставили, чего я зѣло желаю.

Присемъ объявляю вамъ, что Крестовскій островъ, который прежде былъ блаженный памяти государыни царевны Наталіи Алексѣевны, царское величество изволить отдать вамъ, и онымъ островомъ извольте владѣть. За симъ здравіе ваше предавъ въ защищеніе Божіе, остаюсь Екатерина.

Примѣч. На оборотѣ нисѣма помѣта: „Противъ сего послана копія“.

X.

Царица Прасковья — кн. Меншикову.

1716 г. ноября 10. Изъ мѣстечка Никольскаго.

„Батюшка мой, свѣтлѣйшій князь Александръ Даниловичъ! Здравія вашего желаю на множество лѣтъ, и съ свѣтлѣйшею княгинею

Дарьею Михайловною, и съ прелюбезнѣйшими вашими дѣтками, и съ поворожденною вашею дочерью, съ своячиною вашею Варварою Михайловною“.

Пожалуй, свѣтъ мой, прикажи насъ по своей милости увѣдомить о вашемъ общемъ вашемъ здоровьи. Ей, ей, ей, желаю отъ всего моего добраго сердца слышать про твое здоровье. Доношу вашей свѣтлости, князь Александръ Даниловичъ, царское величество и государыня невѣстущка пожаловали мнѣ островъ Крестовскій блаженный памяти государыни царевны Наталіи Алексѣевны, и тотъ островъ отдать намъ прикажи по указу царскаго величества. Присемъ остаюсь ц. Прасковья.

Примѣч. На оборотѣ письма помѣта: „Отдано къ сноскѣ декабря въ 3 де(нь)“.

XI.

Кн. А. Д. Мейшиковъ — царицѣ Прасковьѣ.

1717 г. генваря 4.

Всемиловнѣйшая государыня царица! Не могъ не оставить по моей должности ваше величество), купно съ ихъ высочества, дражайшими дѣтми вашими, наставшимъ новымъ годомъ поздравить. Желаю, да сподобитъ васъ Всевышній и въ предъидущія времена многихъ такихъ новыхъ лѣтъ достигнуть при всякой совершенной цѣлости здравія вашего. О себѣ же отсюда много къ доношенію не имѣю, кромѣ того, что за помощью всемогущаго Бога во всемъ здѣсь благополучно. Ихъ высочества: какъ государь царевичъ, мой дражайшій хозяинъ, такъ и царевны государыни во всякомъ добромъ и здоровомъ обрѣтаются состояніи.

Наконецъ же рекомендую со всѣми моими въ вашу превысокую милость и остаюсь вашего величества низжайшій.

Въ цыдулѣ:

Напредъ сего изволила ко мнѣ въ писемѣ своемъ писать всемиловнѣйшая государыня царица объ отдачѣ мнѣ, вмѣсто Крестовскаго, Петровскаго острова, и понеже ея величество не изволила моего о томъ знать намѣренія, что я просилъ и царское величество пожаловать меня, вмѣсто онаго Петровскаго, Крестовскимъ островомъ, на которомъ я уже и матеріалы многіе надлежащія къ пильнымъ мельницамъ великимъ иждивеніемъ перевезъ и заводы завелъ: и того ради

просилъ ихъ величества, на которое мое прошеніе и отвѣтъ милостивый я получилъ, что изволили повелѣть миѣ Крестовскія владѣть, а Петровскій вашему величеству отдать. Того ради всенижайше прошу ваше в., дабы изволили явить ко миѣ вашу высокую милость, чтобъ мое издивеніе и прочіе заводы напрасно не пропали; а я надѣюсь, что вашему величеству угодише будетъ поминутый Петровскій, нежели оный Крестовскій островъ, понеже къ Васильевскому острову гораздо сподобенъ.

Примѣч. Вверху письма, напечатаннаго съ черноваго отпуска, помѣта: „Къ царидѣ Парасковѣ Ѳеодоровѣ“, внизу другая: „Послано чрезъ почту генваря 4 дня 1717 года“.

ХП.

1717 г. февраля 1.

Каковое на пришедшей сюда сегодня шѣмецкой почтѣ получилъ я письмо отъ ея величества всемилостивѣйшей государыни царицы Екатерины Алексѣевны, до вашего величества) надлежащее, за отворчестою печатью, оное при семъ прилагаю. И понеже содержаніе того не иное есть, токмо дабы ваше величество изволили взять Петровскій островъ, а Крестовскій за мною оставить, и хотя я, будучи въ надеждѣ на превысокую вашу ко миѣ милость, въ томъ никакого сумнѣнія не имѣю, но болѣе уноваю, что ваше величество тѣмъ Петровскимъ островомъ довольствоваться изволите; однакожъ приѣмлю смѣлость ваше в. всепокорно просить, дабы въ томъ не изволили чинить болѣе трудности, понеже уже у меня на томъ Крестовскомъ острову немалое строеніе заведено, и въ томъ я на ваше в. благонадеженъ. Впрочемъ о поведеніи здѣшнемъ всепокорно доношу, что за помощію всемогущаго Бога во всемъ здѣсь благополучно. Ихъ величества: какъ государь царевичъ, такъ и царевны государыни во всякомъ добромъ и здоровомъ обрѣтаются состояшии ¹⁾. Наконецъ ихъ высочествамъ, дражайшимъ дѣтямъ вашимъ, моимъ же премилостивѣйшимъ государынямъ, отдаю мой всенижайшій поклонъ, и рекомендуясь въ вашу превысокую милость, остаюсь вашего величества нижайшій.

Примѣч. Вверху письма, напечатаннаго съ черноваго отпуска, находится помѣта: „Къ царидѣ Параскевинѣ Ѳеодоровѣ“, внизу другая: „Чрезъ почту февраля 1-го дня“.

¹⁾ Затѣмъ зачеркнуто: „Я изъ Ревеля пріѣхалъ сюда вчерашняго дня“.

XIII.

Царица Прасковья — государыниъ Екатериниъ Алексѣевниъ.

1718 г. марта 7. Изъ С.-Петербурга.

Государыня моя невѣстущка матушка, царица Екатерина Алексѣевна!

Здравствуй, государыня моя, на множество дѣтъ, кунно съ государемъ нашимъ батюшкою, царемъ Петромъ Алексѣевичемъ. Доношу вашему величеству: дѣтки ваши дорогіе — государь царевичъ Петръ Петровичъ, государыня царевна Анна Петровна, государыня царевна Елизавета Петровна, слава Богу, въ добромъ здоровьи. Благодарствую, свѣтъ мой, за милостивое вашего величества писаніе, чего и виредь слышать желаю о здравіи вашего величества.

„Присемъ должный мой поклонъ отдаю Прасковья“.

XIV.

1719 г. генваря 20. Петровскіе заводы.

Государыня моя невѣстущка, матушка царица Екатерина Алексѣевна!

Здравствуй, государыня моя, на множество дѣтъ, кунно съ государемъ нашимъ батюшкою, царемъ Петромъ Алексѣевичемъ, и съ дѣтушками вашими дорогими: государемъ царевичемъ Петромъ Петровичемъ, и государынею царевною Анною Петровною, и государынею царевною Лизаветою Петровною, и государынею царевною Наталіею Петровною. Доношу вашему величеству: пріѣхали мы на Петровскіе заводы сего мѣсяца 17-го дня, и живемъ тутъ, дожидаемся ваше величество сюды, и прошу, свѣтъ мой, прикажите насъ увѣдомить о здравіи своемъ, также скоро-ли изволите быть къ намъ?

„Присемъ должный мой поклонъ отдаю Прасковья“.

„Присемъ племянница ваша Анна кланяюсь“.

„Присемъ племянница ваша Прасковья кланяюся“.

XV.

1719 г. сентября 17. Съ Петровскихъ заводовъ.

Государыня моя милостивая, матушка невѣстущка, царица Екатерина Алексѣевна!

Здравствуй, свѣтъ мой, купно съ государемъ нашимъ общимъ батюшкою, царемъ Петромъ Алексѣевичемъ, и съ дорогими дѣтками вашими, а моими государынями царевнами: съ государынею царевною Аппию Петровною, съ государынею царевною Лизаветою Петровною, съ государынею царевною Натальею Петровною, также и со внучатками.

Поздравляю вашему величеству (со) счастливымъ прибытіемъ его царскаго величества, и прошу, государыни, пожалуй, пощѣлуй за меня его величества ручку.

О себѣ вашему величеству доносимъ, что и съ дочерью моею до воли Божіей живы. И за сямъ здравіе ваше въ сохраненіе Божіе предаю и остаюсь „Прасковья“.

XVI.

(Безъ означенія года). Марта 3. Изъ марціальныхъ водъ.

„Государыни моя матушка невѣстунка, пресвѣтлѣйшая государыня царица Екатерина Алексѣевна! Желаю вамъ, свѣтъ мой, добраго здорovia и съ государемъ нашимъ батюшкою, царемъ Петромъ Алексѣевичемъ, и дѣтками вашими, отъ вышняго Бога на множество лѣтъ.

При семъ благодарствую за милостивое о миѣ сожалѣніе чрезъ писанія вашего величества и о томъ порадовалась отъ сердца; также слышу вану милость къ Аппушкѣ. При семъ остаюсь Прасковья“.

Примѣч. На оборотѣ адресъ: „Государинѣ моей невѣстункѣ пресвѣтлѣйшей царицѣ Екатеринѣ Алексѣевнѣ“.

XVII.

Государыня Екатерина Алексѣевна — царицѣ Прасковѣ.

1721 г. апрѣля 2.

Въ началѣ поздравляю васъ государыню (со) счастливымъ употребленіемъ марціальныхъ водъ, и желаю сердечно, дабы оныя вамъ, государынѣ, были отъ болѣзни дѣйствительны, что дай Боже! Объявляю, что его ц(арское) в(еличество), купно и я, при помощи Божіей ¹⁾,

¹⁾ Постѣ этого въ черномомъ отлукѣ, съ котораго напечатано это письмо, вычеркнуты слѣдующія слова: „также и дорогая ваша дщерь ц. А. И. пребываетъ здѣсь“.

прибыли сюды въ добромъ здравіи. Присемъ же поздравляю вамъ государынѣ ¹⁾ (съ) нынѣшнимъ торжествомъ ваи, и желаю ²⁾ отъ сердца, до подасть Всевышній во всякомъ благополучіи и радости достигнути свѣтоноснаго торжества спасительнаго Христова Воскресенія, кунно ³⁾ съ дражайшею вашею дочерью, а нашею любезною п. ц. П. П. ⁴⁾ (и) во всякомъ веселіи оный торжественный праздникъ препроводить.

PS. Объявляю, что любезнѣйшая наша пл(емянница), ваша драгая дочь царевна и герцогиня Анна Ив(ановна), слава Богу, обрѣтается здѣсь въ добромъ здравіи ⁵⁾.

Прошу васъ, государыню: извольте меня увѣдомить о состояніи вашего здравія, и хорошо-ли вамъ воды дѣйствовали?

Примѣч. На оборотѣ чернивого отпуски, съ котораго напечатано это письмо, находится замѣтка: „Въ 15 де(нь) апрѣля къ царицѣ Перасковѣ Федоровѣ поздравленіе настоящаго праздника Христова Воскресенія, благодарствіе за писаніе ея“.

XVIII.

Царица Прасковья — государынѣ Екатеринѣ Алексѣевнѣ.

1721 г. апрѣля 23. Изъ С.-Петербурга.

Государыня моя милостивая, матушка нечѣтушка, царица Екатерина Алексѣевна! Здравствуй, свѣтъ мой, кунно съ дорогимъ государемъ нашимъ батюшкою, царемъ Петромъ Алексѣевичемъ.

Благодарствую, государыня, за писаніе вашего величества, о чемъ и впрядь просимъ. Пожалуй, государыня, не оставь насъ писаніемъ объ общемъ здравіи вашего величества, что отъ сердца слышать желаемъ.

Доношу вамъ, государынѣ: дѣтки ваши, государыни мои царевны—государыня царевна Анна Петровна, государыня царевна Лизавета Петровна, государыня царевна Наталья Петровна, и со внучатки вашими, слава Богу, въ добромъ здравіи, и я съ Паранюшкою до воли Божіей жию.

Прошу у васъ, государыня, милости: побей челомъ царскому величеству о дочери моей Катюшкѣ, чтобъ въ печалѣхъ ее не оставилъ

¹⁾ Вычеркнуто: „моему свѣту, мимошедшимъ“.

²⁾ Вычеркнуто: „отъ пренекренія любви нашей вамъ“.

³⁾ Вычеркнуто: „и со всею васъ, моего свѣта фамилією“.

⁴⁾ Т. е. племянницею царвеною Прасковьею Ивановною.

⁵⁾ Затѣмъ вычеркнуто: „но ея къ намъ подобающемъ любленіи радуется“.

въ своей милости; также и ты, свѣтъ мой, матушка моя невѣстушка, пожалуй, не оставь въ такихъ ея несносныхъ печалѣхъ. Ежели велить Богъ видѣть ваше величество, и я сама донесу о печалѣхъ ея. И приказывала она ко мнѣ на словахъ, что и животу своему не рада, да просить милости слезно, чтобы ей быть съ княземъ въ Петербургъ и видѣть ваше величество: приказывала такъ, чтобы для ея бѣдства умилосердился царское величество и повелѣлъ бы быть къ себѣ. За симъ здравіе ваше предаю въ сохраненіе Божіе и остаюсь невѣстка ваша „Прасковья“.

XIX.

Государыня Екатерина Алексѣевна — царицѣ Прасковѣ.

1722 г. февраля „ 4.

Государыня моя невѣстушка, царица Прасковья Ѳеодоровна, здравствуй на множество лѣтъ.

Объявляю вамъ, что его императорское величество, такожь и я, прибыли сюда съ Петровскихъ заводовъ въ 15 де(нь) сего мѣсяца благополучно, и его величество изволилъ начать употреблять воды въ 18 де(нь) сего-жъ мѣсяца. Доносилъ намъ секретарь Алексѣй Макаровъ о посылкѣ одной женщины къ царицѣ Екатеринѣ Ивановнѣ въ Курляндію или въ Ригу; и ежели иного кого не сыщется ¹⁾, то извольте послать хотя Ѳедосью Грекову, о чемъ и къ князю Александру Даниловичу писано: что ежели (ве)лите, дабы и мужъ ея съ нею уволили ²⁾.

XX.

1722 г. марта 18.

Государыня моя невѣстушка, царица Парасковья Ѳеодоровна! Здравствуй на множество лѣтъ, купию съ любезнѣйшими своими дѣтками: государынями царевнами Екатериною Ивановною, Парасковьею Ивановною, и со внучкою.

Объявляемъ вамъ, что его императорское величество прибылъ сюда въ 3 день сего мѣсяца, а я въ 5 день прибыла сюда благополучно, и здѣсь обрѣтаемся въ добромъ здравіи.

¹⁾ Въ черновомъ отпускѣ, съ котораго напечатано это письмо, вычеркнуто: „ежели вамъ не противно“.

²⁾ Прежде было написано такъ: „А я о томъ и къ Александру Даниловичу писала, чтобы для той посылки и мужа ея, ежели онъ желаетъ туды ѣхать, уволить“.

XXI.

Царица Прасковья — герцогиня Екатерина Ивановна.

• (Въ началѣ 1722 г.).

„Катюшка, свѣтъ мой, будь на(дѣ) тобою милость Божія и пресвятая Богородицы милосердіе! Пиши, свѣтъ мой, про свое и про княжье и про дочкино здоровье, а я и сестра, до воли Божіей, живы. Да зови, Катюшка, князя къ намъ; дядюшка со мною изволилъ говорить, чтобы де пріѣхалъ ко мнѣ,—и ты, какъ можно, зови его къ намъ. Буде поѣдете, не покидайте дочки, не надсадите меня при моей старости“. И какъ вы поѣдете сюды, и дядюшка и тетюшка будутъ вамъ рады и ваше дѣло все лучше управятъ, какъ сами увидите съ ними. Нынѣ, Божією милостію, дядюшкино дѣло все хорошо и Господь Богъ къ нему милостивъ, можетъ онъ упросить у Бога и васъ утѣшить; также и отъ меня позови его къ намъ. Да послалъ къ тебѣ дядюшка десять косяковъ камокъ, да отъ меня тебѣ послано: мѣхъ лисій да пару соболей, да сестра тебѣ посылаетъ мѣхъ лисій, а горностаинный мѣхъ поднеси князю отъ Паранюшки, да семь брусковъ мыльца грецкаго, да три мѣха лисьихъ росхожихъ, на что сгодные, и тутъ же положены въ баулѣ гостинцы отъ другихъ. Да приказано тебѣ, царевна, больше Окуневу на словахъ: онъ о всемъ скажетъ. А что не своею рукою писала, право немогу головою и мало вижу; все сокрушили меня ваши печали! Всеконечно, Катюшка, дядюшка говорилъ, что какъ пріѣдутъ, всеконечно дѣло ихъ управлю; я не пишу никогда ложно. Да съ нимъ же Окуневымъ посланъ къ тебѣ священникъ, да съ нимъ дякоиъ Филиппъ и иѣвчій Филка: кажется, люди нарочиты; а буде плохо, я по зимѣ другого пришлю, и чаю—сама поѣду къ Москвѣ зимою, и тамъ выберу добрыхъ. А которая у меня дѣвушка грамотѣ умѣетъ, посылаетъ къ вамъ тетрадку; а я ее держу у себя, чтобы внучку учить русской грамотѣ.

„При семъ будь на(дѣ) тобою мое и отцово благословеніе. Мать ваша ц. П.“

XXII.

Царица Прасковья — внучка ея принцесса Анна.

(Въ началѣ 1722 г.).

Другъ мой сердечный внучка, здравствуй съ батюшкою и съ матушкою! Пиши ко мнѣ о своемъ здоровьи и про батюшкино, и про

матушкино здоровье своею ручкою; да поцѣлуй за меня батюшку и матушку: батюшку въ правый глазокъ, а матушку въ лѣвый. Да посылаю тебѣ, свѣтъ мой, гостинцы: кафтанецъ теплый, для того чтобъ тебѣ тепленько ко мнѣ ѣхать. Да послана къ тебѣ баулочка, а въ ней сто золотыхъ — и ты изволь ими тѣшиться, да досканца. Утѣшай, свѣтъ мой, батюшку и матушку, чтобъ они не наседажались въ своихъ печалихъ, и позови ихъ ко мнѣ въ гости, и сама съ ними пріѣзжай; и я чаю, что съ тобою увижусь, что ты у меня въ умѣ непрестанно. При семь отдай поклонъ отцу и матери отъ меня. „Да посылаю и тебѣ свои глаза ☺ ☺ старыя; уже чуть видятъ свѣтъ; бабушка твоя старенькая хочетъ тебя, внучку маленькую, видѣть. Царица Прасковья“.

XXIII.

(Въ началѣ 1722 г.).

„Внучка, свѣтъ мой! желаю я тебѣ, другъ мой сердечный, всякаго блага отъ всего моего сердца; да хочется, хочется, хочется тебя, другъ мой внучка, мнѣ бабушкѣ старенькой видѣть тебя, маленькую, и подружиться съ тобою: старый съ малымъ очень живутъ дружно. Да позови ко мнѣ батюшку и матушку въ гости, и поцѣлуй ихъ за меня, и чтобы они привезли и тебя, а мнѣ съ тобою о нѣкакихъ пуждахъ самыхъ тайныхъ подумать и переговорить. При семь еще здравствуй!“

„Бабушка твоя кланяюся—ц. П.“

XXIV.

Царица Прасковья — герцогинѣ Екатериинѣ Ивановнѣ.

1722 г. мая.

„Царевна Катерина Ивановна! Пишу я тебѣ, слыша про вась великую милость; изволилъ говорить дядюшка со мною: ежели де онъ ко мнѣ пріѣдетъ, я де все его дѣла управлю. И ты, Катюшка, не потеряйте своего дѣла, ме раскручипьте его, государя; и отъ Бога за него примете гнѣвъ, ежели не пріѣдете къ намъ, и меня на моей старости насадите: наложу клятву! И какъ возможно дѣлай, чтобы вамъ быть сюда. Мать ваша ц. П.“

XXV.

1722 г. мая.

„Царевна Екатерина Ивановна! Будь на(дѣ) тобою милость Божія и пресвятой Богородицы милосердіе и отцово и мое материно благословеніе“. Пиши ко мнѣ про свое здоровье и про мужнее и про дочкино почаше. Да пишу къ тебѣ, свѣтъ мой Катюшка, и подкрѣпляю тебя Богомъ въ твоихъ печаляхъ и болѣзняхъ: положи все свое упованіе на Господа Бога и на пресвятую Богородицу; можетъ Онъ все-милосердый Владыка и пресвятая Богородица несодѣланное сдѣлать здѣ(сь) и въ будущемъ. А печалью себя не убей, не погуби души, также и храни свой законъ, аки зеницу ока, чтобъ тебѣ стати въ будущемъ со Христомъ во единой вѣрѣ, хотя невѣдомо что постражди; не наведи на себя клятвы церковной и нашей. А о васъ государь соболѣзнуеть очень и всяко хочетъ помочь; только не выдавши(сь) съ вами, нельзя сего дѣла дѣлать; всеконечно надобно вамъ быть въ Ригу. А Окуневъ посланъ къ вамъ; держи, сколько надобно. Поклонись отъ меня мужу своему и внучкѣ моей. А о себѣ пишу тебѣ: лежу больна, словеть (совесѣмъ?) то въ разслабленіи; съ самаго Рождества ногами не владѣю, только что руками; и сестра также мало можетъ безпрестанно. А больше на словахъ приказало съ Окуневымъ.

Да послала я внучкѣ игрушки, отдай ей бочечку да тазикъ.

Да прости меня, царевна Катерина, ежели что Господь сотворить, помяни; я уже въ великихъ своихъ скорбѣхъ и несносныхъ печалѣхъ не чаю себѣ житія долгаго: еще-бъ жила, только убила себя печальми великими. А что пишешь себѣ про свое брюхо, и я по письму вашему не чаю, что ты брюхата: живутъ этакіе случаи, что не познается. И я при отцѣ такъ была ¹⁾, годъ чаяла — брюхата, да такъ изшло. Отпиши еще поподлиннѣе про свою болѣзнь и могутъ-ли доктора вылечить? А мы съ Москвы еще не слышимъ походу; только чаю, что скоро ѣхать; и я съ Москвы прямо къ водамъ профду. Да отпиши, пожалуй, подлинно: поѣдите-ль вы въ Ригу или нѣтъ? И ежели тебѣ возможно отъ него, буде не брюхата, — непрежнему у насъ побывать,

¹⁾ Въ первомъ изданіи книги: „Царица Прасковья“ совершенно вѣрно напечатано — „и при отцѣ такъ была годъ чаяла“, но въ изданіи „Письма русскихъ государей и другихъ особъ царскаго семейства“, М., 1861 г., томъ II стр. 22—ошибочно напечатано: „и при отъѣздѣ такъ была годъ чаяла“ и проч. Ошибку этого изданія и мы повторили изъ текста второго изд. книги „Царица Прасковья“, см. выше стр. 111.

Здѣсь, въ приложеніяхъ мы исправили эту ошибку, т. е. не „при отъѣздѣ“, — а „при отцѣ“.

какъ вылечинься; буде мнѣ возможно будетъ ѣхать, для моей старости и для моей болѣзни; и ежели не брюхата, и тебѣ всеконечно и адобно быть на Олонецѣ у марціальныхъ водъ для этакой болѣзни, что нишени есть опухоль, и отъ такихъ болѣзней и поврежденія женскихъ немощей вода зѣло пользуется и вылечиваетъ. Сестра княгини Настасья у водъ вылечилась отъ такихъ болѣзней, и не пухнетъ, и бокъ не болитъ, и немощи усталились помѣсячно порядкомъ. Если не послужатъ докторскія лекарства, всеконечно надобно тебѣ къ водамъ ѣхать на Олонецъ. Писавый мать ваша посылаю благословеніе.

„О чемъ, свѣтъ мой Катюшка, писано, содержи мой приказъ. Ц. Прасковья“.

„Внучка, (свѣтъ) м(ой), утѣшай батюшку и матушку, не давай имъ кручиться. При семъ писавый бабушка твоя старушка кланяюсь—ц. Прасковья“.

XXVI.

1722 г. мая.

„Царевна Катерина Ивановна, здравствуй и съ мужемъ и съ дочкою! а я еще жива и сестра. Пиши ко мнѣ почаще, не крутите меня; также и большей не едѣлай печали; не пади въ законъ другой, не оставь въ Божіей клятвѣ и нашей; а тебя подтверждаю Богомъ и пресвятою Богородицею: изволь держать Окупева долго, чтобы мнѣ побольше про васъ сказывалъ. А ѣду въ Москву повидаться съ вашимъ батюшкой у Архангела ¹⁾. А я и сестра еще живы въ печалѣхъ своихъ, а большая мнѣ печаль о тебѣ; а я очень больна, помолись за меня. При семъ посылаю тебѣ отцово и мое благословеніе. Внучка, дружечекъ мой, поцалуй батюшку за меня и матушку. Еще, другъ мой, здравствуй! Больше стану писать съ маіоромъ Салтыковымъ. Мать ваша ц. П.“

XXVII.

1722 г. мая 15. Изъ Москвы.

Катюшка, свѣтъ мой, здравствуй! Пиши ко мнѣ о твоёмъ здоровьи и о мужнемъ и о дочкѣ, какъ вы въ своихъ печалѣхъ живете? Пишешь ты, чтобъ я къ тебѣ писала, и теперь пишу: дядюшка и тетюшка и сестрицы твои и Паранюшка все въ добромъ здравіи. А о себѣ пишу: всеконечно больна и лежу въ разслабленіи, и тебѣ, Ка-

¹⁾ Царь Иванъ Алексѣевичъ погребень въ Архангельскомъ соборѣ.

тюшка, всеконечно, надобно ко мнѣ пріѣхать для благословенія и для утѣшенія мнѣ; также чтобъ мнѣ видѣть твою дочку — безмѣрно желаю: тѣмъ бы я утѣшилась, чтобъ ее увидѣла. О пріѣздѣ вашемъ доношу, что многое получите отъ дядюшки, чего желаетъ твой супругъ. Всеконечно упрасивай у мужа, чтобъ былъ въ Ригу; лучше быть въ Ригѣ, нежели во Гданскѣ, для самой вашей пользы; и дядюшка мнѣ самъ изволилъ, пріѣзжая, говорить, чтобъ писать вамъ, чтобъ вы были. По нуждѣ хоть бы одну тебя отпустилъ поскорѣе съ дочкою; а о болѣзни своей, что ты ко мнѣ писала, я удивляюсь тому, что какое твое брюхо: надобно гораздо пользоваться, и зѣло сокрушаюсь. Ежели были вмѣстѣ, могли-бъ всякую пользу сдѣлать; по письму вашему, всеконечно, будутъ вамъ воды дѣйствовать въ вашей болѣзни; также и дядюшка изволилъ разсуждать про болѣзнь твою, какъ чоль письмо то, которое ко мнѣ пишешь, чтобъ конечно вамъ ѣхать къ водамъ, какъ въ Ригѣ будете, для того, что отъ Риги недалеко. Сестра моя, княгиня Настасья, больше 15 лѣтъ все чаяла брюхата и великую скорбь имѣла, пожелтѣла и распухла, и въ болѣзни ея и доктора все отказали(сь); и ее государь изволилъ послать къ водамъ, пока отъ тѣхъ водъ выздоровѣла: какъ не бывало болѣзни, и все стало быть временно. Какъ можно, царица Екатерина, такъ дѣлай, чтобы вамъ здѣсь быть, для ради моего утѣшенія и для своего дѣла; а больше дядюшку не раскручиньте—что не быть, потому что время есть такое, что можно вамъ быть. А ежели за чѣмъ отложите, то дядюшку раскручините и меня опечалите, и отъ Бога грѣхъ будетъ, и у дядюшки всю свою пользу потеряете; всеконечно быть надобно любезному супругу вашему, а по нуждѣ хотя бъ тебя прислать съ дочеркою. Пожалуй, дай мнѣ видѣть для самаго Бога и пресвятой Богородицы дочку свою хоть на часъ: а мнѣ недолго жить! Болѣзни у меня поднялись великія: мокротная, каменная, подагра, и моею натурѣ такихъ болѣзней долго не спестъ. А по прибытіи своемъ въ Ригу, ко мнѣ отпавъ тотчасъ и сестринныхъ служителей. Да отищи противъ сего письма, какъ можно поскорѣе, хотя къ сестрѣ въ Митаву, а она бы ко мнѣ тотчасъ прислала; а письма твои, Катюшка, чту и всегда плачу, на ихъ смотри. Очень нужно намъ видѣться; отъ меня проси зятя, своего любезнаго супруга, чтобы пожаловалъ меня, послушалъ: пріѣхать для самой своей лучшей пользы; и убытку вамъ здѣсь никакого не будетъ: все будетъ государево. При семъ буди надъ тобою милость Божія и пресвятой Богородицы милосердіе, отца твоего и мое благословеніе.

„Мать ваша ц. П.“

Василій Алексѣевичъ и все домашніе поклонъ отдають.

А Окунева, Катюшка, будетъ надобно — держи: буде есть нужда какая приказать — и ты ко мнѣ его пришли, а я тотчасъ къ вамъ пошлю. А что нищешь, чтобъ не присылать женскаго роду въ Ригу, — и я вамъ пришлю не на твоёмъ коштѣ; хотя не годны будутъ вамъ пошлѣ, назадъ прѣдутъ; и ѿ томъ отищи: присылать или нѣтъ?

(Внизу письма приписка):

Матушка моя государыни! Здравствуй, кунно и съ супругомъ своимъ, государемъ моимъ, и съ дорогою дочерью, моею государынею.

Рабъ вашъ Василій Салтыковъ ¹⁾ подвергаю(сь).

XXVIII.

Государыня Екатерина — царицѣ Прасковѣ.

1722 г. мая 30.

Государыня) моя невѣтушка ц. П. О., здравствуй на множество лѣтъ!

Объявляю вамъ, государыня невѣтушка, что мы ²⁾ прибыли сюда 26 числа благополучно и обрѣтаемъ, слава Богу, въ добромъ здравіи. Поздравляю васъ съ именинникомъ — днемъ рожденія дражайшаго нашего государя батюшки, и желаю отъ сердца моего, дабы Вышній благословилъ вамъ достигнуть великой радости и благополучія и предгрядущій день тезоименитства его. Прошу васъ, государыня моя невѣтушка, увѣдомлять меня о вашемъ дражайшемъ здравіи, чего отъ сердца слышать желаю; прошу же не оставить нашихъ дѣтей, своихъ любезныхъ племянницъ ³⁾. При семъ объявляю вамъ, государыня моя невѣтушка, что мы здѣсь за ваше здоровье пили, на воспоминаніе того, что здѣшнее мѣсто есть вашего рожденія есть (sic). Впрочемъ пребываю вамъ благожелательная невѣтка Екатерина.

XXIX.

1722 г. іюня 6. Отъ Казани.

Государыня моя невѣтушка, царица Прасковья Федоровна, здравствуй на множество лѣтъ!

¹⁾ Слѣдующія затѣмъ два слова не разобраны.

²⁾ Въѣето этого слова въ черновомъ отпускѣ, съ котораго напечатано это письмо, было написано и потомъ зачеркнуто: „я съ дорогимъ нашимъ государемъ батюшкой“.

³⁾ Зачеркнуто: „и внучать“.

Объявляю вамъ, что всемилостивѣйшій государь, такожь и я въ добромъ обрѣтаемся здравіи, и сего мѣсяца во 2 де(нь) прибыли сюды благополучно, и побывъ здѣсь нѣсколько времени, возьмемъ путь свой наки къ Астрахани водою. Впрочемъ пребываю невѣстка ваша императрица Екатерина.

Примъч. Внизу письма помѣта: „Послано съ Аѳанасьемъ Грузинцовымъ; таковыя же письма посланы съ нимъ же и того жъ числа къ цесаревнамъ: Аннѣ Петровнѣ, Елисаветѣ Петровнѣ, Натальѣ Петровнѣ, къ великому князю и княжиѣ“.

XXX.

Царица Прасковья — герцогинѣ Екатеринѣ Иваловнѣ.

1722 г.

„Царевна Катерина Ивановна, здравствуй! Внушка, свѣтъ мой, здравствуй! Я васъ, свѣтовъ своихъ, дожидаю въ радости, а больше вѣры нейму, что будете; кажется, не будете? Ежели можно, поспѣшите поскорѣе, для того, что дитяти долго въ дорогѣ быть трудно. и для моей болѣзни; а я васъ послала встрѣтить Татьяну съ товарищи, и какъ встрѣтитъ тебя, изволь ко мнѣ прислать Топоркова поскорѣе. Ежели мнѣ будетъ возможно, я сама выѣду васъ встрѣтить, или сестру вышлю. У меня, свѣтъ мой, вамъ и хоромы вычищены для вашего покою. Чаю, вамъ ѣхать трудно въ дорогѣ, а больше того дитяти великій трудъ. А я думаю, никакъ васъ не дождусь по своей болѣзни; однако же отъ лому есть полегче, только не хожу; хотя бы взглянуть на внучку.

При семъ буди съ нами милость Божія и пресвятой Богородицы и мое благословеніе: а у меня въ домѣ, свѣтъ мой, всѣ радуются твоему приѣзду, а наипаче дочки вашей. Я вамъ, с(вѣтъ) м(ой) внучка, игрушечки готовлю. Мать ваша ц. П.“

XXXI.

1722 г.

„Катюшка, свѣтъ мой, здравствуй! Послала я къ тебѣ Алексея Татищева для того, что нишени: немогла твоя дочка, а моя внучка; и я думаю, что вы долго не будете. Пришлите вѣдомость, гдѣ вы теперь, чтобы вѣдать мнѣ; и я или сестра выѣдемъ васъ встрѣтить.

Нуце тошво: ждемъ, да не дождемся! Алексѣи къ вамъ наскоро по-
слашь; и если теби Алексѣй Татищевъ встрѣтитъ на дорогѣ, и ты,
с. м., возьми отъ него сестрины письма, и буде будетъ съ кѣмъ по-
слать, и ты пошли къ ней; а ему не велѣла я ѣхать въ Митаву.

Писавый мать ваша ц. П.

А сестрино письмо своею печатью запечатай и отошли.

Внучка, с. м., здравствуй! пріѣзжай, с. м., поскорѣе; не могу я
васъ дожждаться, и Богъ вѣсть: дождусь-ли я или нѣтъ, по своей бо-
лѣзни!“

XXXII.

1722 г.

Катюшка, свѣтъ мой, здравствуй! Послала я къ тебѣ Василя
Алексѣевича, вмѣсто себя; и ты, Катюшка, поддержи его у себя день,
до ко миѣ пришли поскорѣе, чтобы я теби встрѣтила сама, ежели
помогу. Внучка, свѣтъ мой, поскорѣй ко миѣ пріѣзжай, а я тебя не
могу дожждаться. „При семъ будь надъ вами милость Божія и пре-
святыя Богородицы милосердіе и мое благословеніе. Мать ваша ц. П.“

(Затѣмъ слѣдуетъ собственноручная приписка царевны Прасковьи
Ивановны):

„Сестрица, свѣтъ мой ц. Е. П.! Здравствуй, мой свѣтъ, на дѣта
многія. Пожалуй, свѣтъ мой сестрица, изволь пріѣзжать поскорѣй къ
намъ и съ принцессою съ дорогою нашею. Сестра т(воя) Прасковья.
Другъ мой, племянница, здравствуй! Тетка т(воя)“.

Примѣч. На оборотѣ письма находятся слѣдующія при-
писки: 1) царицы Прасковьи Ѳеодоровны: „Послала я, с. м.
внучка, сережки маленькія: поси на здоровье“. 2) Царевни
Прасковьи Ивановны: „И я посылаю тебѣ, свѣтъ мой племян-
ница, коробочку вологодскаго гостинца. Тетка т. П. — И еще
посылаю кошенку серебряную“.

XXXIII.

Государыня Екатерина Ивановна — царицѣ Прасковѣ.

1722 г.

Письмо вашего величества августа отъ 27 числа я получила, за
которое благодарствую. Поздравляю ваше величество) съ симъ днемъ

тезоименитства вашего и желаю да сподобитъ Богъ в. в. въ пред-
грядущія многія лѣта оное уотреблять благополучно ¹⁾).

Поздравляю ваше величество съ прибытіемъ вашей любезнѣйшей
дочери, а моей дорогой племянницы, и съ ея дочерью.

Примѣч. На черномомъ отпускѣ, съ котораго напечатано
это письмо, находятся слѣдующія замѣтки о письмахъ, отпра-
вленныхъ отъ Екатерины Алексѣевны къ царевнамъ:

1) Къ царевнѣ Прасковѣ Ивановнѣ.

Противъ цесаревнѣ, а письмо отъ 27 августа.

Поздравляю вашему высочеству симъ днемъ тезоименитства
вашего, такожь и любезнѣйшей матушки вашей государыни ца-
рицы, и желаю.

2) Къ царевнѣ Екатеринѣ Ивановнѣ.

Письмо вашего высочества отъ 23 числа августа я получила,
по которому увѣдомилась о вашемъ благополучномъ прибытіи въ
Москву, чѣмъ вамъ поздравляемъ; а о себѣ доношу.

Поздравляю вашему высочеству со днемъ тезоименитства ва-
шенъ любезнѣйшей матушки и желаю.

3) Къ царевнѣ Аннѣ Ивановнѣ.

Противъ царевны Екатерины Ивановны.

Письма вашего высочества іюля отъ 17, отъ 28 и августа
отъ 4 чиселъ мы получили, за которыхъ благодарствуемъ.

XXXIV.

Царица Прасковья — Макару Абросимовичу Половинкину.

1722 г. ноября 15. Изъ Измайлова.

Господниъ Половинкинъ! Благодарствуемъ за радѣніе ваше, кото-
рое имѣете о строеніи дома нашего. И противъ письма, что вы къ
намъ писали о строеніи дому, что надлежитъ, — пожалуй, въ томъ
строеніи послужи намъ и исправь, что надлежитъ, по разсмотрѣнію
своему; и для расхода на вышенисанное денегъ извольте взять у слу-
жителя нашего Багрѣва сто рублевъ. Ц. Ц.

Примѣч. Внизу письма помѣта: „Получено полбрія 25 дня
1722“; на оборотѣ другая: „Государыни царицы Перасковьи
Феодоровны о строеніи дому“.

¹⁾ Фрала эта потому измѣнена такимъ образомъ: лѣта многи та-
кія-жъ торжества достигнуть.

XXXV.

1722 г. декабря 28. Изъ Измайлова.

Господинъ Половинкинъ. Благодарна я за радѣніе ваше, и прошу не оставить въ строеніи дому нашего; а для того строенія писано къ Багрѣву отдать вамъ денегъ сто рублевъ. И я на васъ въ томъ надѣюсь, и ежели есть вамъ въ чемъ нужда, нишите къ намъ; мы вамъ готовы помогать. Изволь къ намъ писать надежно Ц. Прасковья.

Примъч. Внизу письма помѣта: „Получено гевваря 20 дня 1723 г.“; на оборотѣ другая: „Письмо государыни царицы Прасковьи Осодоровны“. Адресъ: „Макару Обросимовичу Половинкину“.

XXXVI.

1723 г. гевваря 8. Изъ Измайлова.

Господинъ Половинкинъ, здравія вамъ желаю! Пожалуй, послужи намъ съ радѣніемъ въ строеніи дому нашего противъ чертежа, каковъ посланъ къ вамъ съ служителемъ Андреемъ Семеновымъ, чтобъ построить хоромцы небольшіе безъубыточно, въ которомъ строеніи немалую я имѣю нужду. А какъ тѣ хоромы по вышенисанному чертежу строить, и о томъ приказано съ нимъ, Андреемъ, къ вамъ на словахъ. И посмотри, пожалуй, за служителями нашими, чтобъ при ономъ дѣлѣ не было отъ нихъ какой кражи; въ томъ мы на васъ имѣемъ во всемъ надѣяніе, и за трудъ вашъ благодарить васъ будемъ. А деньги на вышенисанное строеніе изволь брать, что понадобится, у Багрѣва. Царица Прасковья.

Примъч. Внизу помѣта: „Получено гевваря 20 дня 1723 г.“; на оборотѣ другая: „Письмо государыни царицы Прасковьи Осодоровны“, и адресъ: „Макару Обросимовичу Половинкину“.

XXXVII.

Царица Прасковья — государыниѣ Екатеринѣ.

1723 г. апрѣля 4. Изъ Новгорода.

Государыня моя милостивая, дорогая невѣстунка и матушка императрица Екатерина Алексѣевна! здравствуй, свѣтъ мой, куню съ государемъ, нашимъ общимъ дорогимъ батюшкой, императоромъ Вели-

кимъ Петромъ Алексѣвичемъ и съ дорогими вашего величества дѣтками, съ моими государынями цесаревнами, на множество лѣтъ.

Пожалуй, государыня моя невѣстушка и матушка, прикажи увѣдомить насъ объ общемъ здоровіи вашего императорскаго величества, чего отъ сердца слышать желаемъ. При семъ вашему величеству доношу: дочь моя царевна Прасковья гораздо больна: и я прошу у вашего величества—пожалуй, государыня моя невѣстушка и матушка, прикажи прислать къ намъ доктора или лекаря съ лекарствомъ; а признаваемъ въ ней болѣзнь лихорадку съ горячкою. Засимъ здоровіе ваше предаю Всемогущему въ сохраненіе и остаюсь невѣстка ваша Прасковья.

Благодарствую, государыня моя милостивая невѣстушка, за милостивѣйшее вашего величества писаніе.

Примѣч. На оборотѣ адресъ: „Всемиловѣйшей государынѣ моей невѣстукѣ императрицѣ Екатеринѣ Алексѣевнѣ“. На первой страницѣ письма помѣта: „Въ 6 де(нь) апрѣля, писано противъ онаго въ 7 де(нь)“.

XXXVIII.

1723 г. апрѣля 5. Изъ Новгорода.

Государыня моя милостивая, дорогая невѣстушка и матушка императрица Екатерина Алексѣевна! Здравствуй, свѣтъ мой, кунно съ государемъ, нашимъ общимъ дорогимъ батюшкой, императоромъ Великимъ Петромъ Алексѣвичемъ и съ дорогими вашего величества дѣтками, съ моими государынями цесаревнами, на множество лѣтъ.

Поздравляемъ вамъ, государынѣ, (съ) дражайшимъ днемъ рожденія вашего величества и желаемъ отъ сердца нашего, дабы Всевышній благословилъ шредь вашему величеству достигнуть много такихъ дней во всякой радости и благополучіи; а засимъ здоровіе ваше предаю Всемогущему въ сохраненіе и остаюсь невѣстка ваша Прасковья.

Примѣч. Въ концѣ письма помѣта: „Отдано въ 17 день апрѣля 1723 г., принесъ Мячковъ“; на оборотѣ адресъ: „Всемиловѣйшей государынѣ моей невѣстукѣ императрицѣ Екатеринѣ Алексѣевнѣ“.

XXXIX.

1723 г. апрѣля 11. Изъ Новгорода.

Государыня моя милостивая, дорогая невѣстушка и матушка императрица Екатерина Алексѣевна! Здравствуй, свѣтъ мой, кунно съ

государемъ, нашимъ общимъ дорогимъ батюшкой, императоромъ Великимъ Петромъ Алексѣевичемъ и съ дорогими вашего величества дѣтками, съ моими государынями цесаревнами, на множество лѣтъ.

Поздравляемъ вамъ, государынѣ, (съ) торжественнымъ днемъ наступающаго праздника Христова Воскресенія, кунно съ его императорскимъ величествомъ, всемилостивѣйшимъ государемъ, нашимъ дорогимъ батюшкой, и желаю отъ сердца нашего вашему величеству оныи препроводить во всякой радости, и въ предъидущихъ лѣтахъ да благословитъ Богъ много такихъ торжественныхъ дней достигнуть въ добромъ здравіи и во всякомъ благополучіи. Засимъ здравіе ваше предавъ въ Божіе сохраненіе, остаюся невѣстка ваша Прасковья.

Благодарствую, государыня моя невѣтушка, что изволили прислать къ намъ доктора; а дочери моей отъ болѣзни есть свобода, только внучка поносомъ неможетъ. А въ С.-Петербургъ поѣдемъ на завтра празднака, и какъ могу, такъ снѣшнть буду.

Примѣч. Въ концѣ первой страницы письма помѣта: „Отдано въ 17 день апрѣля 1723 г., принесъ Гаврило Мячковъ“; на оборотѣ адресъ: „Всемилоствѣйшей государынѣ моей невѣстукѣ императрицѣ Екатерицѣ Алексѣевнѣ“.

XL.

(Безъ означенія года, мѣсяца и числа).

„Государыня моя невѣтушка и матушка, царица Екатерина Алексѣевна! Здравія твоего желаю на множество лѣтъ. За милость твою, свѣтъ мой, за прывысокую, что жадуешь ипнешь о здравіи общаго нашего батюшки царя Петра Алексѣевича, также и своемъ здравіи, чего мы всегда желаю слышать радостною душею, премного благодарствуемъ. О Аннушкѣ, свѣтъ мой невѣтушка, допому, что подлинно не брюхата, почала носить порядочно не время (sic), и намъ о томъ великая печаль: истинно, я и она чуть живы, также и другія дѣти мои въ печали той-же сокрушились. При семъ писавый Прасковья, Катерина, Анна, Прасковья стократный поклонъ отдаемъ.“

XII.

Царица Прасковья—Артемію Петровичу Волыпскому.

(Буквально, собственноручно).

(Годъ неизвѣстенъ).

Господинъ губернаторъ Артемію Петровичъ. Желаю вамъ всякава блага, также и прошу васъ, пожалуй, ради моего прошения, отпостъ Гаврила Михайловича Ваейкава к Москвѣ на время дле моеі нужды и дле ево. Не оставь моего прошения; я и сама вамъ отслужу. Также на мельница(хъ) Сызранскихъ и о рыбныхъ ловлехъ, пожалуй, порадеи миѣ с повава году. И прошу противъ сево нисма отвѣтствія. А гаспади(иъ) Вае(и)кавѣ намъ ближней свойствѣникъ.

(Царица Прасковья).

Примѣчаніе. За сообщеніе копіи съ сего послѣдняго письма, подлинникъ котораго хранится въ Императорской Публичной Библиотекѣ, приносимъ глубочайшую благодарность директору библиотеки, высокоуважаемому Афанасію Федоровичу Бычкову.

М. С.

Переписка герцогини Мекленбургской Екатерины Ивановны.

I.

**Герцогиня Мекленбургская Екатерина Ивановна — государынь
Екатеринь Алексеевнѣ.**

Ростокъ, du 10-ten juliі 1718.

„Милостивая моя государыня тетушка и матушка, царица Екатерина Алексеевна, здравствуй на множество лѣтъ!

Сиямъ низжайше прошу вашего величества, мою государыню, приказать меня чрезъ ваши милостивыя писанія увѣдомить о состояніи дражайшаго здравія государя моего дядюшки, и вашего величества, такоже государя моего брата и сестрицъ, о чемъ сердечно желаю вѣдать.

О себѣ вашему величеству доношу: за помощью Божіею, съ любезнымъ моимъ сожителемъ обрѣтаюсь въ добромъ здравіи.

Приказалъ мнѣ мой супругъ вашему величеству донести: слышалъ онъ изъ Брауншвейга отъ двора князя Вольфенбительскаго, что королевское величество прусской обѣщается недобръ быть до моего супруга, ежели у насъ будутъ дѣти, и они слышали отъ прилежнаго прусскаго министра.

Впрочемъ предавъ вашего величества здравіе въ сохраненіе Божіе, а себя рекомендовавъ въ вашу особливую милость, сокративъ сіе, пребываю со всякимъ почтеніемъ вашего величества покорная услужница и племянница Екатерина“.

Примѣч. На оборотѣ адресъ: „Ея Величеству государынь моей тетушкѣ и матушкѣ Екатеринѣ Алексеевнѣ“.

II.

Петръ I — герцогинѣ Екатеринѣ Ивановнѣ.

1720 г., августа 8. Изъ Петербурга.

„Любезная государыня племянница!“ Объявляемъ вамъ, что предъ нѣсколькимъ временемъ услышали мы, что непріятельскіе корабли и галеры явились въ Ламеланской гавани, по которымъ вѣдомостямъ

писали, дабы генераль князь Голицынъ, взявъ добрую часть галеръ, или самъ шель, или послалъ для поиску надъ оными. И сего мѣсяца въ 6 день получили отъ него чрезъ маіора Шипова зѣло радостную вѣдомость, что онъ непрітелей въ вышерѣченномъ мѣстѣ засталъ и далъ съ ними бой, и съ помощью Божіею четыре фрегата отъ нихъ взялъ, изъ которыхъ два взяты абордажемъ на полномъ ходу; и сею нечаянною викторіею вамъ поздравляемъ. А какимъ порядкомъ то дѣлалось и что чего взято, тому прилагается печатная вѣдомості. „Петръ“.

„Въ 8 день августа 1720 г. изъ Санктъ-Петербурга“.

„А что требовали вы о твоей нуждѣ, то исполнимъ вскорѣ. Такожъ не извольте думать, чтобъ мы васъ позабыли; но летать не умѣемъ, а идемъ хотя тихо, только слава Богу не остаемся; а когда въ нашихъ дѣлахъ добро совершится, то и вамъ безъ труда добро послѣдовать будетъ“.

III.

Герцогиня Екатерина Ивановна — Петру I.

Изъ Вѣны. 10 сентября 1720 года.

„Всемиловѣйшій государь дядюшка и батюшка, царь Петръ Алексѣевичъ!

Поздравляю ваше величество отъ сердца дарованною отъ Бога побѣдою надъ непрітелемъ, и желаю, чтобъ всемогущій Богъ вашего величества праведному намѣренію всегда счастливо помогалъ, отчего и мы себѣ по Бозѣ отъ вашего величества милостиваго и сильнаго вспоможенія надѣмся. Всемиловѣйшій государь дядюшка, приписаніе собственной вашей дорогой ручки, которымъ насъ въ своей милости не оставитъ обѣщать изволите, зѣло насъ порадовало; и во истинну только нашего и надѣянія, что ваше величество. Еще всепокорно благодарствую за милостивое вспоможеніе деньгами, о чемъ миѣ объявилъ Павелъ Ягужинскій; я бы желала, чтобъ не утруждать ваше величество такими дѣлами; но нужда повелѣваетъ. Просимъ накі покорно въ милости своей насъ не оставить. При семъ остаюсь покорная услужница и племянница Екатерина“.

IV.

Герцогиня Екатерина Ивановна — государынѣ Екатеринѣ.

1720 г. сентября 10. Изъ Вѣны.

„Всемиловѣйшая государыня тетюшка и матушка, царица Екатерина Алексѣевна!

Поздравляю ваше величество отъ сердца дарованною отъ Бога поспѣдою надъ неприятелемъ, и желаю, чтобы всемогущій Богъ и впредь ваше величество многимъ счастьемъ обрадовалъ. Еще всенкорно благодарствую за милостивое вспоможеніе деньгами, о чемъ мнѣ объявилъ Павелъ Ягужинскій. Также и матушка ко мнѣ изволила писать, что ваше величество меня изволите содержать въ непремѣнной милости, за что я униженно благодарствую, и впредь прошу ваше величество меня не оставить въ своей непремѣнной милости. При семъ остаюсь покорная услужница и племянница. Екатерина“.

V.

Петръ I — герцогинѣ Екатеринѣ Ивановнѣ.

1720 г. декабря 14. Изъ Петербурга.

„Любезнѣйшая государыня племянница! Письмо ваше изъ Демнида отъ 23 дня ноября я получилъ, въ которомъ пишешь еще о прежнихъ вамъ и нынѣ продолжающихся обидахъ, чтобъ вамъ вспомочь, въ чемъ вонстинно и мы часть досады тернимъ, и сколько мочно — при дворѣ цесарскомъ трудимся о вашей пользѣ. Ибо нынѣ инаго способу не видимъ и вамъ инако совѣтовать не можемъ по нынѣшнимъ канъюктурамъ, по только чтобъ у цесарскаго двора того искать и оному склонитѣ поступать: понеже я многократно не точію писалъ, но и изустно говаривалъ супругу вашему, чтобъ не все такъ дѣлалъ, чего хочеть, но смотря по времени и случаяю. Петръ“.

VI.

1721 г. сентября 8. Изъ Петербурга.

„Любезнѣйшая государыня племянница!“

Объявляемъ вамъ, что всемилостивый Богъ двадцатиднолѣтною войну благимъ и пожедаемымъ миромъ благословить изволилъ, который миръ заключенъ августа въ 30 день въ Нейштатѣ, и онымъ вамъ поздравляемъ. „И нынѣ свободитѣ можемъ въ вашемъ дѣлѣ вамъ вспомогать, лишь бы супругъ вашъ помягче поступалъ. Петръ“.

VII.

1722 г. мая 8. Изъ Москвы.

Любезнѣйшая племянница наша! Ваше писаніе чрезъ капитана Бибикова мы исправно получили, и обнадеживаемъ васъ, что мы его свѣтлости герцогу, супругу вашему, въ дѣлѣ его вспоможенія чинить не оставимъ. Но понеже потребно о такъ важномъ семъ дѣлѣ намъ съ его свѣтлостію самимъ разсужденіе имѣть и о мѣрахъ къ поправленію того согласиться, того ради мы къ нему нынѣ наки отправили помянутаго капитана Бибикова съ грамотою нашею, требуя, дабы его свѣтлость купно съ вами въ Ригу пріѣхали, и уповаемъ, что его свѣтлость оное ради своей собственной пользы учинить не отречется. А ежели паче чаянія его свѣтлость для какихъ причинъ въ Ригу не поѣдетъ, то въ такомъ случаѣ желаемъ мы, понеже невѣстка наша, а ваша мать, въ болѣзни обрѣтается и васъ видѣть желаетъ, дабы вы для посѣщенія оной пріѣхали сюда, гдѣ мы съ вами и о дѣлахъ его свѣтлости переговорить и потребное объ оныхъ опредѣлить можемъ. „Наки подтверждаемъ, чтобъ вы пріѣхали, понеже мать того необходимо желаетъ для своей великой болѣзни. Петръ“.

VIII.

1722 г., мая 11. Изъ Москвы.

„Любезная племянница!

Письмо я отвѣтное къ тебѣ писалъ, а нанначе словами съ симъ доносителемъ приказалъ, и что онъ будетъ тебѣ говорить — вѣрь ему во всемъ. Мать твоя зѣло тебя видѣть въ своей болѣзни желаетъ и писала къ тебѣ сама, и ежели не пріѣдешь, хочеть клясть. Сіе письмо нарочно не запечатавъ далъ сему доносителю, дабы ты вѣрила. Петръ“.

IX.

Государыни Екатерина Алексѣевна — герцогинѣ Екатериѣ Ивановнѣ.

1722 г., мая 12.

Государыни царица и герцогиня Екатерина Ивановна.

Объявляемъ вамъ, что я съ дражайшимъ вашимъ дядюшкой и съ дѣтьми нашими, слава Богу, въ добромъ здравіи обрѣтаемся.

Благодарствуемъ васъ за ваши писанія, которыя получили мы чрезъ капитана нашего Бибикова; чтоже въ оныхъ объявляете о случившемся вамъ несчастіи, и для того прошу не вдавать себя въ печаль, поспеже въ томъ воли Божія. Желая же отъ сердца моего, дабы Вышній отъ вашего пылѣшняго бремени во всякой радости разрѣшить изволить, и чтобъ намъ получить о семъ слышать радостную вѣдомость: впрочемъ же на обстоятельное увѣдомленіе ссылаемся на сего нашего посланнаго. Нампаче же желаемъ, дабы по счастливомъ вашемъ разрѣшеніи отъ бремени быть вамъ въ Ригу и съ любезнѣйшимъ вашимъ сожителемъ и съ дорогою дочкою, о чемъ прилежно васъ просимъ, какъ о томъ и дорогой вашъ дядюшка писалъ. Будеже, наче чаянія, супругу вашему ѣхать какой случай до того не допустить, то попроситесь хотя одиѣ съ дорогою вашею дочкою, дабы вамъ съ любезною вашею матушкою быть для свиданія въ Москвѣ.

Переписка герцогини Курляндской Анны Ивановны ¹⁾).

I.

Герцогиня Анна Ивановна — государыниъ Екатериныъ Алексѣевныъ.

Изъ Митавы. 26 февраля 1720 года.

„Государыня моя тетунка и матушка, царица Екатерина Алексѣевна! Здравствуй, государыня моя, на многія дѣта съ государемъ моимъ дядошкой и батюшкой и государынями моими сестрицами.

Сего числа прѣхалъ сюда изъ Петербурга посланный человекъ отъ камердинера моего Питера, который не малое время былъ въ Петербургѣ, а письма ко мнѣ отъ государыни моей матушки не привезъ никакого, да и отъ почты уже я давно писемъ не вижу; но только изволила съ нимъ со многимъ гнѣвомъ ко мнѣ приказывать: для чего я въ Петербургъ не прошусь, или для чего я матушку къ себѣ не зову? Также и многія смутки, какъ я слышала, и всякими образами матушку на гнѣвъ приводятъ: Василій Салтыковъ, Василій Юшковъ и жена его Татьяна, и кривая Воейкова и Василій Ерошкинъ, которыхъ поступками, какъ я, такъ и сестрица моя — весьма сокрушены. А для чего я въ Петербургъ не прошусь, о томъ, матушка моя, давно ваше величество извѣстны: не токмо тамъ, и здѣсь заочно отъ противниковъ моихъ сокрушена. Хотя къ матушкѣ своей о томъ писать я стану и проситься къ нимъ, однакожь, матушка моя, дорогая тетунка, по прежнему моему прошенію до времени меня здѣсь додержатъ соизволите. А другого я, свѣтъ мой тетунка, писать описуюсь; а ежели возможно вашему величеству, матушка моя, Маврина прислать на часъ въ Ригу, чрезъ котораго бы я могла словами къ вашему величеству донести. А я, свѣтъ мой, дорогая тетунка, слышала, что Василію Салтыкову при поелѣ польскомъ быть; и я чаю: и тамъ

¹⁾ Печатаемъ здѣсь дословно, но не буквально, т. е. безъ сохраненія грамматическихъ погрѣшностей, нѣсколько писемъ Анны Ивановны преимущественно за время до кончины ея матери, царицы Прасковьи. См. сборникъ „Письма русскихъ государей и друг. особъ царскаго семейства“. М., 1862 г., часть IV.

миѢ тайно пакости дѣлать въ моемъ дѣлѣ ставеть. Прошу, матушка моя, на меня не прогнѣваться, что я ваше величество утруждаю моими письмами. Ей, ей, матушка мой, дорогая тетунка! кромѣ Бога и дядюшки и тебя, свѣтъ мой, не имѣю на свѣтѣ радости въ моихъ печалихъ.

При семъ племянница ваша Анна кланяюсь^а.

II.

Изъ Митавы. 30 апрѣля 1720 года.

„Государыня моя тетунка и матушка, царица Екатерина Алексѣевна! Здравствуй, матушка моя, на многія лѣта, вкупе съ государемъ моимъ дядюшкой-батюшкой и съ государынями моими сестрицами. Вашего величества за милостивое писаніе, свѣтъ мой, государыни тетунка, всенкорно благодарствую, въ которомъ изволили меня милостиво обнадежить—противностей нашихъ къ намъ не доуститъ, и о болѣзни сестрицы моеѣ меня увѣдомить приказала: поспеже я о томъ ни о чемъ здѣсь не вѣдаю и ко миѢ уже великое время отъ государыни моеѣ матушки писемъ нѣтъ. А какъ я слышу, что государыня матушка на меня больше гнѣвается по напошенію Василья Салтыкова и непрестанно на гнѣвъ приводитъ. Петичю, государыня матушка-тетунка! что я животу своему не рада и себя сокрушила; лучше бъ я на свѣтѣ не была, пли бъ услышала, что его, Василья Салтыкова, при матушкѣ не было. Во всемъ отдаю себя въ милостивую вашу, государыни матушка-тетунка, волю, чтобъ больше отъ нихъ не была онечалена, и всенкорно прошу, матушка мой, дорогая тетунка, насъ сырыхъ содержать не въ отчѣнной вашей милостивой материнской протекціи; а у насъ, свѣтъ мой, по Бозѣ только надежды, что на вашу высокую милость: тѣмъ и веселимся.

При семъ племянница ваша Анна кланяюсь^а.

III.

Изъ Митавы. 21 іюня 1720 года.

Государыня моя тетунка, матушка царица Екатерина Алексѣевна! Здравствуй, матушка мой, на многія лѣта, вкупе съ государемъ моимъ дядюшкой-батюшкой и съ государынями моими сестрицами. Предъ

симъ просила я у вашего величества, государыня тетушка-матушка, что посоль польскій ищетъ у министровъ вашего величества, чтобъ меня отседя отозвать и впрередъ сюда не ѣздить. Того ради паки прошу у вашего величества, государыня матушка-тетушка, показать ко мнѣ вашего величества высокую милость и попросить милости милостиваго государя дядюшки и батюшки, чтобъ до такой печали меня допустить не приказалъ. А я здѣсь больше ни отъ кого ничего не требовала и не требую, какъ питаюсь по вашей милости отъ данныхъ мнѣ деревень; и драгутъ больше роты я здѣсь не требую, которыхъ на своемъ провіантѣ держать буду. Вашему величеству, государыня тетушка-матушка, извѣстно, какіе мнѣ тамъ есть злодѣи, которые меня до смерти сокрушить могутъ. Прошу, матушка моя, слезно милости до того меня бѣдную не допустить. Также я велѣла другое вашему величеству словами доносить къ моей пользѣ Вестужеву сыну; извольши, матушка моя государыня тетушка, у него выслушать. Не погнѣвайся, матушка моя, дорогая тетушка, на меня, что утруждаю ваше величество моею доукою; кромѣ Бога и вашего величества, надежды не имѣю въ моихъ печаляхъ.

При семъ племянница ваша Анна кланяюсь^а.

IV.

Петръ I — герцогинѣ Аннѣ Ивановнѣ.

1720 г. августа 5.

Любезнѣйшая племянница! Понеже посоль польскій уже отседя поѣхалъ, того для надобно вамъ ѣхать немедленно въ Ригу и тутъ побыть до времени, пока мы къ тебѣ отищемъ. Того для инаги мы къ генералу-губернатору князю Ренину, дабы онъ заранѣе приготовилъ вамъ въ Ригѣ квартиру.

V.

Петръ I — князю Ренину.

1720 г. августа 5.

Инаги мы къ племянницѣ нашей царевнѣ Аннѣ, чтобъ она приѣхала въ Ригу и была-бы тутъ до нѣкотораго времени, пока мы къ ней отищемъ. Того для заранѣе приготовь ей въ Ригѣ квартиру и вели скорѣи собрать подводы, на чемъ ей отъ Митавы до Риги ѣхать.

VI.

Герцогиня Анна Ивановна — государ. Екатеринѣ Алексѣевнѣ.

Изъ Риги. 20 августа 1720 года.

„Государыня моя тетушка, матушка царица Екатерина Алексѣевна! Вашего величества, матушка моя тетушка, за милостивое писаніе, пущенное іюля 29 дня, и за показанную вашего величества милость, что не изволили допустить меня до дальней печали и впродъ милостиво обѣщать изволили до того не допускать, всепокорно, дорогая тетушка-матушка, благодарствую и прошу вашего величества, свѣтъ мой, милости и впродъ меня не допустить моимъ злодѣямъ въ поруганіе, о которыхъ ваше величество извѣстно. И ежели-бъ прошеніе отъ государыни моей матушки, или бѣ по указу ея, государыни, и я просилась, чтобъ миѣ отселя ѣхать, до того меня допустить не изволь. матушка моя государыня тетушка дорогая, дабы мои непріятели, о которыхъ вашему величеству извѣстно, моей печали не порадовались. Да и по здѣшнему состоянію и нынѣ все курляндцы вашего величества доброжелатели; при отѣздѣ моемъ изъ Митавы въ Ригу слезно меня просили, дабы я у вашего величества просила, чтобъ миѣ далѣе не отлучаться и въ удобное время опять въ Курляндію на мои мастиности въѣхать. А понеже противныя великіе слухи разглашаютъ, яко-бъ мое дѣло все и вовсе изпровергнуть въ Польнѣ хотятъ, повторно прошу, матушка моя государыня тетушка дорогая, попросить милости милостиваго государя батюшки-дядюшки, чтобъ показалъ ко миѣ отеческую милость и до такого моего великаго несчастія допустить не изволилъ, дабы я вовсе въ несчастіе не пришла. Истинно, свѣтъ мой тетушка-матушка! не жалѣя себя о томъ сокрушаюсь, и о чемъ вашему величеству станеть доносить Бестужевъ, что всего на инемѣ вашему величеству донести невозможно. Не ногиѣвайся, матушка моя дорогая тетушка, что я вашему величеству и часто труждаю; понеже я другого прибѣжища и по Бозѣ помощи и надежды не имѣю, кромѣ вашего величества, и самая моя крайняя нужда до того меня принуждаетъ.

При семь племянница ваша Анна кланяюсь“.

VII.

Изъ Митавы. 27 марта 1722 г.

„Всемиловитѣйшая государыня тетушка-матушка! Здравствуй, матушка моя, на многія лѣта, кунно еъ государемъ моимъ дядюшкой-

батюшкой и съ государынями моими сестрицами. Вашему императорскому величеству, государыня моя матушка-тетушка, поздравляю высокимъ днемъ рожденія вашего величества и желаю отъ всего моего сердца, матушка моя дорогая тетушка: да умножить Богъ лѣтъ во здравіи и счастья, по желанію вашего величества, и съ дорогимъ государемъ моимъ батюшкой-дядюшкой и съ дорогими государынями моими сестрицами. При семъ я послала, матушка моя тетушка, до вашего величества штофъ, о которомъ прошу милостиво принять и носить на здоровье. Истинно, матушка моя, лучше здѣсь, чтобъ было послать до вашего величества можно, не сыскала.

При семъ вашего императорскаго величества племянница Анна.

VIII.

Государ. Екатерина Алексѣевна — герцогинѣ Аннѣ Ивановнѣ.

12 мая 1722 г.

Государыня царевна и герцогиня Анна Ивановна.

Объявляемъ вамъ, что я съ дражайшимъ вашимъ дядюшкой и съ дѣтьми нашими, слава Богу, въ добромъ здравіи обрѣтаемся. Благодарствуемъ васъ за ваши писанія. Любезнѣйшая ваша матушка хотя предъ нѣсколькими днями гораздо была больна, однакожь нынѣ нѣчто есть получше. Впрочемъ на обстоятельное увѣдомленіе ссылаемся на сего нашего посланнаго.

IX.

Герцогини Анна Ивановна — государ. Екатеринѣ Алексѣевнѣ.

Изъ Митавы. 18 октября 1723 года.

„Всемилоствѣйшая государыня матушка-тетушка! Получила я письмо отъ государыни матушки, въ которомъ изволить ко мнѣ писать, что очень она, государыня моя матушка, недомогаетъ, и ежели я въ чемъ передъ нею, государынею-матушкою, погрѣшила — для вашего величества милости меня изволить прощать, за которую вашего величества милость, матушка государыни тетушка, всенужайше благодарствую. И о болѣзни государыни моей матушки весьма печалюсь и покорно прошу ваше величество: ежели ей, государынѣ матушкѣ моей, облегченія нѣтъ, повелите мнѣ пріѣхать видѣть матушку мою.

При семъ вашего императорскаго величества племянница Анна“.

X.

Изъ Митавы. 2 ноября 1723 года.

Всемиловѣйшая государыня матушка-тетушка! Вашего величества писаніе получила о кончинѣ государыни матушки моей, и что я не видала ея, государыни матушки, кончины, которая печаль весьма меня болѣзненно опечалила, но только моего разуужденія въ надеждѣ на милость государя батюшки-дядюшки и вашего величества государыни матушки-тетушки. И всепокорно прошу вашего величества государыни матушки-тетушки не оставить меня въ прежней вашего величества неотмѣнной милости, въ которой милости остаюся съ надеждою до моей смерти.

Вашего императорскаго величества „племянница Анна“.

XI.

Герцогиня Анна Ивановна — Петру I.

1724 г. 20 октября.

Всемиловѣйшій государь батюшка-дядюшка! Извѣстно вашему величеству, что я въ Митаву съ собою ничего не привезла, а въ Митавѣ ничего-жъ не получила и стояла въ пустомъ мѣщанскомъ дворѣ; того ради что надлежитъ въ хоромы, до двора, поварни, кареты и лошади и прочее, все покупано и дѣлано вновь.

А приходъ мой съ данныхъ миѣ въ 1716 году деревень деньгами и принасами—всего 12,680 талеровъ: изъ того числа въ расходѣ въ годъ по самой крайней нуждѣ къ столу, поварнѣ, конюшнѣ, на жалованье и на либререю служителямъ, и на содержаніе драгунской роты—всего 12.254 талера, а въ остаткѣ только 426 талеровъ.

И такимъ остаткомъ какъ себя платюмъ, бѣлюмъ, кружевами и по возможности алмазами и серебромъ, лошадьми, такъ и прочимъ въ новомъ и пустомъ дворѣ ¹⁾, не только по моей чести, но и противъ прежнихъ курляндскихъ вдовствующихъ герцогинь—весьма содержать себя не могу. Также и партикулярныя шляхетскія жены ювели и прочіе уборы имѣють неубогіе, изъ чего миѣ въ здѣшнихъ краяхъ не безподозрительно есть.

И хотя я по милости вашего величества пожалованными миѣ въ прошломъ 1721 году деньгами и управила нѣкоторые самыя нужныя

¹⁾ Въ другомъ экземплярѣ: дому.

домовые и на себя уборы; однако еще имѣю на себѣ долгу за крестъ и складень бриліантовый, за серебро и за уборъ ¹⁾ каморъ и за нынѣшнее черное платье 10,000 талеровъ, которыхъ мнѣ ни по которому образу заплатить невозможно. И впредь для всегдашнихъ нужныхъ потребъ принуждена въ долгъ больше входить, а не имѣя чѣмъ платить, и кредиту нигдѣ не буду имѣть.

А нынѣ есть въ Курляндіи выкупныя амиты, за которыя изъ казны вашего величества заплачено 87,370 талеровъ, которыя по контрактамъ отданы отъ 1722 года іюля мѣсяца въ аренду за 14,612 талеровъ въ годъ и имѣютъ окушиться въ шесть лѣтъ.

Я всепокорнѣйше прошу ваше величество сотворить со мною милость: на оплату вышесказанныхъ долговъ и на исправленіе домашнихъ нуждъ пожаловать вышесказанныя выкупныя амиты мнѣ въ диспозицію на десять лѣтъ, въ которые годы и въ казну вашего величества заплачу всѣ выданныя за нихъ деньги погодно; а мнѣ будетъ на вышесказанныя мои нужды оставаться 5,875 талеровъ на годъ.

„Вашего императорскаго величества племянница Анна“.

ХП.

Царевны Екатерина Ивановна, Анна Ивановна и Прасковья Ивановна царю Петру Алексѣевичу.

(Безъ означенія года, мѣсяца и числа).

„Батюшка нашъ государь, дядюшка царь Петръ Алексѣевичъ! Здравствуй, радость наша и батюшка и дунатушка нашъ, на множество лѣтъ; и желаемъ тебѣ, государь дядюшка, великаго отъ Бога блага и трудамъ твоимъ совершенія добраго. По семь, батюшка и дядюшка, и свѣтъ и радость наша, здравствуй. Племянница твои Катерина, Анна, Прасковья, припадая къ твоимъ дорогимъ ножкамъ, и цѣлуемъ твои перетики намѣреніемъ сердечнымъ, и премного чедомъ бьемъ“.

Примѣч. На оборотѣ адресъ: Государю дядюшкѣ царю Петру Алексѣевичу.

¹⁾ Въ другомъ экземплярѣ обон.

Царевна Прасковья Ивановна.

Царевна Прасковья — государыниъ Екатериныъ Алексеевиъ.

(Безъ означенія года ¹⁾. Декабря 3.

Свѣтъ мой, сестрица Катерина Алексеевна! Здравствуй, матушка моя сестрица. на множество лѣтъ. и съ государемъ моимъ батюшкою, и обцимъ нашимъ дядюшкою. съ царемъ Петромъ Алексеевичемъ! Пожалуй, радость моя сестрица. поцѣлуй за меня батюшку дядюшку; а буде не изволишь, пожалуй хоть въ руку поцѣлуй.

Пожалуй, свѣтъ мой, прикажи ко мнѣ отнестъ: все-ли въ добромъ здоровіи дядюшка пріѣхалъ и вы въ армію? У насъ только и радости, что дядюшка, и мы желаемъ по всякъ часъ слышать про его здоровье. Пожалуй не покручнись, что я къ вамъ долго грамотокъ не писала; а я. радость моя, отъ васъ ждала прежде.

Матушка наша въ добромъ здоровьи, и сестрицы и я живы до воли Божіей.

При семь писавая Парасковья кланяется стократно.

Пожалуй, прикажи про свое здоровье писать ко мнѣ.

Примѣч. На оборотѣ адресъ: Государыниъ моеи сестрицѣ Катеринѣ Алексеевиѣ.

¹⁾ По всему вѣроятію писано до 1711 года, когда Петръ объявилъ Екатерину Алексеевну своею супругою и парницею: на это указываетъ тонъ письма и названіе Екатерины сестрицею, а не тетюшкою.

ПОТОМСТВО ЦАРЯ АЛЕКСЕЯ МИХАЙЛОВИЧА.

(Первый чинаре котьян).

Царь **Алексей Михайлович** † 1676 г.
 Отъ Маріи Милославской. •
 Отъ Натальи Нарышкиной.
 † 1694 г.

Царь **Юаннь У** ∞ **ПРАСКОВЬЯ** Огородина Салтыкова
 р. 1666 † 1696 г. р. 1664 † 1723 г.

Императоръ **Петръ I** ∞ 1) **Евдокия Иоанновна** † 1731 г.
 2) **Екатерина I** † 1727 г.

Екатерина ∞ **Карлъ-Геомольдъ** ∆ **Анна** ∞ **Герколтъ Кур-Р. 29** отъ герцога Мекленбургскій † 1747 г. р. 1698, дитд. Фридрихъ † 1740 г. рихъ † 1711 г. р. 1694 повъ † 1730 г.

Екатерина I ∞ **Петръ I** ∞ **Парротта** ∆ **Анна** ∞ **Фридольтъ** ∆ **Емсавета**
 † 1718 г. † 1728 г. † 1728 г. † 1761 г.

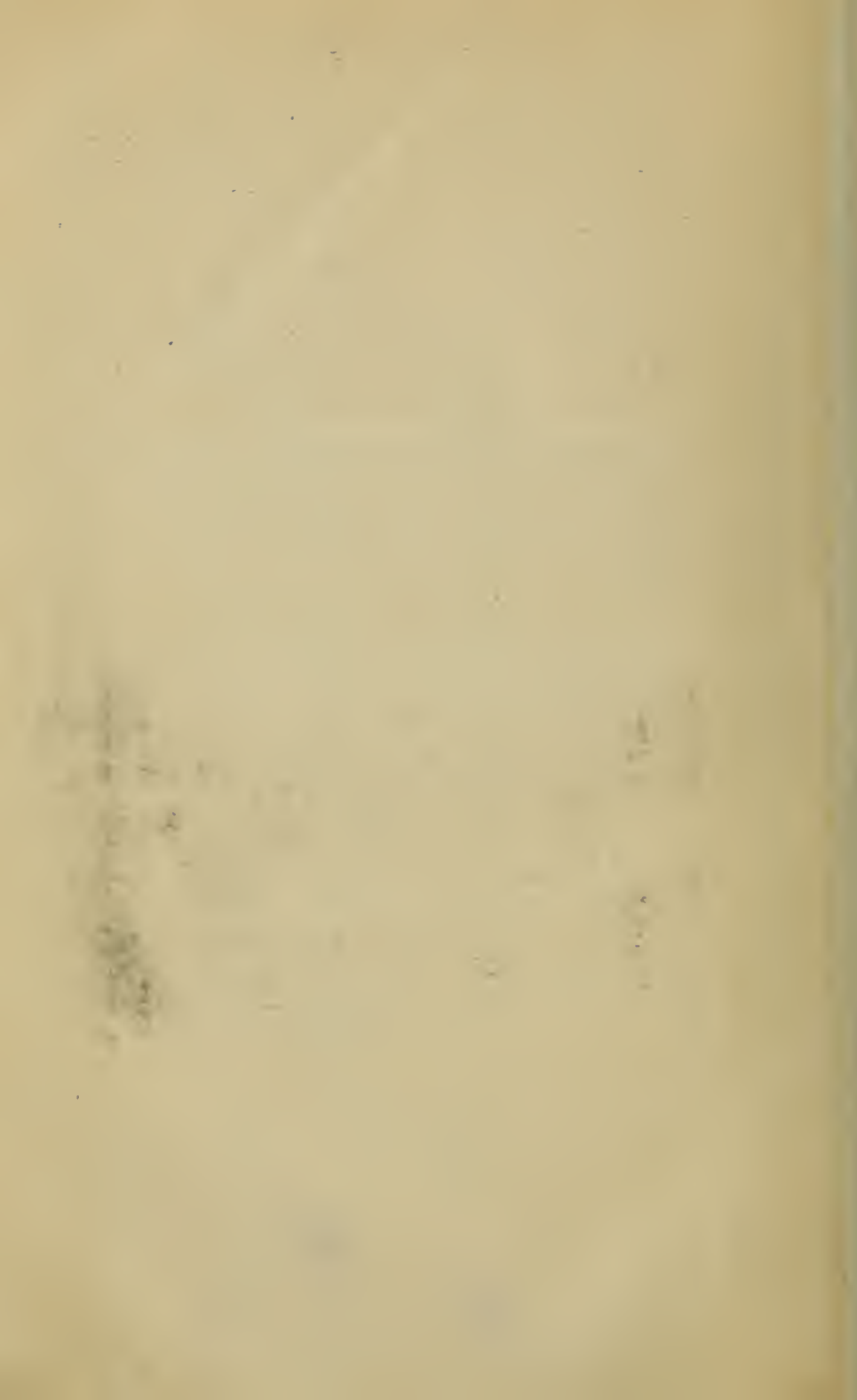
Анна Леопольдовна ∞ **Антонъ-Удрикъ**
 р. 1718 † 1746 г. герц. Брауншвейгъ.
 Швайнфельдъ. † 1776 г.

Петръ II † 1730 г. **Петръ III** ∞ **Екатерина II**
 † 1762 г. † 1796 г.

Юаннь IV Антоновичъ ∆ **Екатерина** принцесса ∆ **Агнеска** принцесса ∆ **Емсавета** принцесса ∆ **Петръ** принцъ
 р. 1740 † 1764 г. р. 1787 г. † 1789 г. † 1798 г.

Скончались и погребены въ Горсендъ въ Даніи.

Павель I † 1801 г.

МК-2,82443

15

AKA-...
7-50
1002 9/15/62

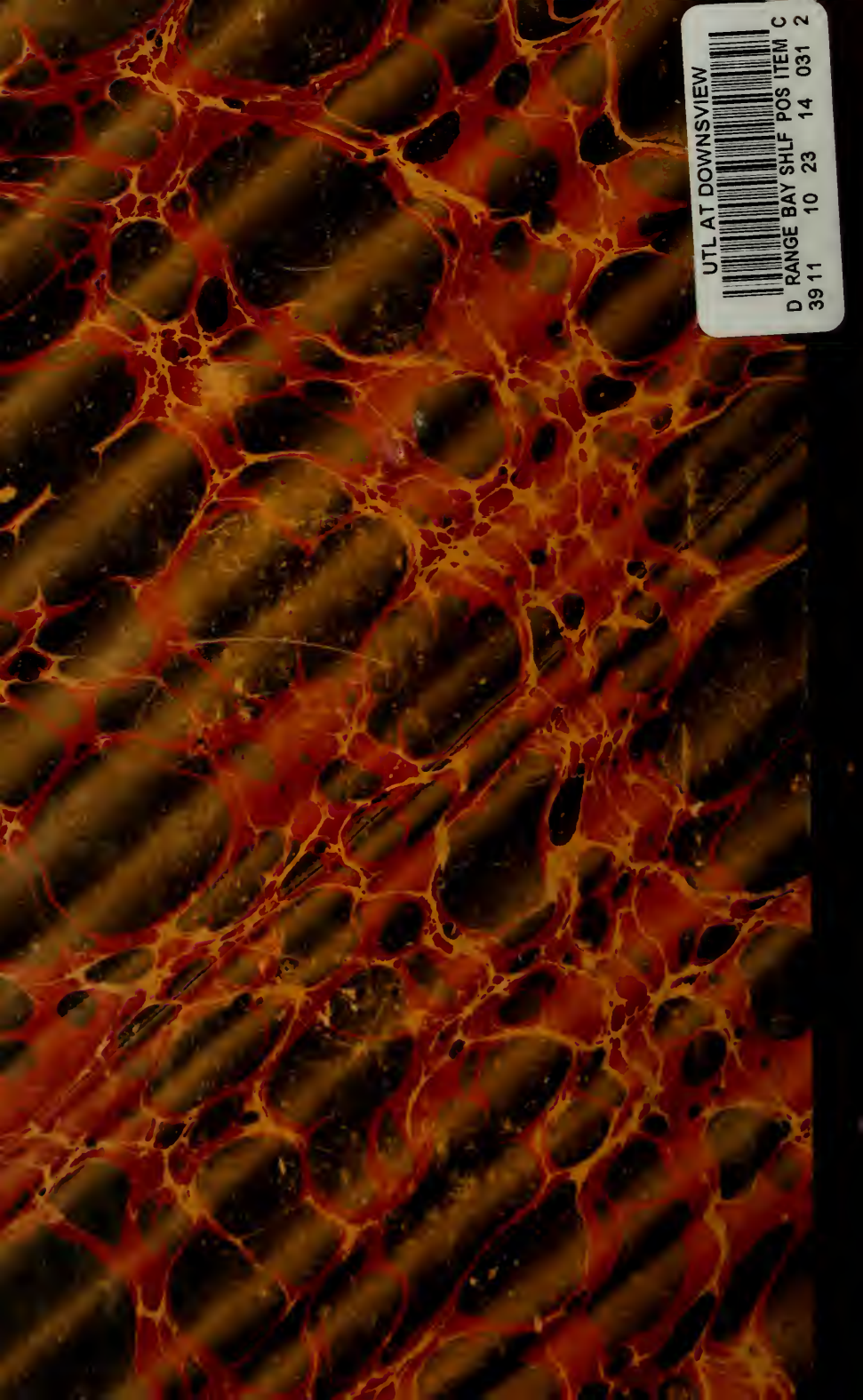
Л
AK 32

МК
130
P7344
1883

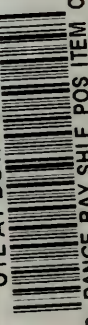
Senevskii, Mikhail Ivanovich
TSaritsa Praskov'ia

PLEASE DO NOT REMOVE
CARDS OR SLIPS FROM THIS POCKET

UNIVERSITY OF TORONTO LIBRARY

UTL AT DOWNSVIEW

D RANGE BAY SHLF POS ITEM C
39 11 10 23 14 031 2